PLAY

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МАКСИМ ШАТТАМ

ПРАЙМ-ТАЙМ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Роман из цикла «Парижский отдел расследований»

Роскошная работа. Беспощадный триллер, от которого не оторваться.
Le Parisien

18+

Прайм-тайм
Максим Шаттам

Аннотация
Максим Шаттам. Прайм-тайм
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Миллионы зрителей в восемь вечера включают телевизор, но сегодня на крупнейшем французском телеканале они увидят не просто новости. Сегодня им предстоит прямой эфир, который они никогда не забудут.

В телестудии, на глазах у публики, неизвестный в маске берет в заложники телеведущего Поля Даки-Феррана и запрещает отключать трансляцию под угрозой убийства этого любимца всей Франции. Вести переговоры он согласен только с сотрудницей телеканала Шарлен, разочарованной в профессии и в жизни. При поддержке подготовленного переговорщика Шарлен начинает игру, в которой от каждого слова зависит слишком многое, а между тем парижский отдел расследований, спецназ, политики и сотрудники телеканала пытаются освободить заложников и выяснить, что за лицо скрывается под маской. Однако у некоторых из тех, кто в эту страшную ночь оказался на телестудии, есть и тайные цели…

Максим Шаттам – французская звезда трил-

лера, увлеченный исследователь зла и ужаса, обладатель престижных премий, автор романов, расходящихся многомиллионными тиражами во Франции и ставших бестселлерами еще в двух десятках стран. В романе «Прайм-тайм» он бескомпромиссно вскрывает все страшное и нелепое, что таится в душе у каждого из нас, – наше стремление к сопричастности ужасу на безопасном расстоянии, нашу готовность верить красиво поданной лжи. Средства массовой информации манипулируют публикой. Публика жаждет зрелищ. Руки в крови у всех.

Впервые на русском!

Максим Шаттам
Прайм-тайм

Maxime Chattam
PRIME TIME
Copyright © Éditions Albin Michel — Paris 2024
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Марианны Таймановой
Оформление обложки Егора Саламашенко

© М. Е. Тайманова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

Я пишу под музыку: она отгораживает меня от всего, кроме слов. Если во время чтения вы тоже хотите погрузиться в мир звуков, могу посоветовать вам, в частности, альбомы, которые соответствуют настроению этого романа:

саундтрек Филиппа Ромби к фильму «Видения» (2023);

саундтрек Филиппа Ромби к фильму «Черный ящик» (2020);

саундтрек Давида Рейеса к первому сезону сериала «Багровые реки» (2018);

саундтрек Эрика Невё к телефильму «Полет аистов» (2013).

Моей жене – она делает мой мир лучше
Он это говорит с таким зловещим видом…
«Да» – на устах и «нет» – в глазах!
Виктор Гюго «Рюи Блаз» [1]

[1] Сноски: 1

Перевод Т. Щепкиной-Куперник. — *Здесь и далее примечания переводчика, кроме отмеченных особо.*

Пролог

Сегодня море было мутно-серым, изрезанным гребешками пены; оно вздымалось, как полотнище на ветру. Всегда одинаковое и всегда разное. *Совсем как информация,* думал Поль, сидя на банкетке в эркере своего нормандского дома. А уж в вопросах информации Поль знал толк.

Он сам был информацией. Ее глашатаем. Воплощением новостей, их лицом, их голосом. Каждый вечер ровно в 20:00, сразу же после привычной заставки Первого канала Франции, не дожидаясь приглашения, он заходил в дома по всей стране — в гостиные, к обеденным столам, на планшеты, а иногда пристраивался рядом с кроватью. Неизменная улыбка в уголках губ, виртуозно отработанное выражение лица: успокаивающее, но не безмятежное, уверенное, но не снисходительное — все решал лишний миллиметр, ракурс, который он отшлифовывал часами перед выходом в эфир, оттачивал в режиссерской, пока не доводил до совершенства. Взгляд тоже имел значение — неотрывный, глубокий, сосредоточенный, но не напряженный: нужно

завораживать, а не тревожить. Теперь, с приходом опыта, он надевал эту маску мгновенно, едва заслышав отсчет в наушниках, — он делал это так же автоматически, как завязывал галстук.

У него забурчало в животе — напоминание о том, что пора позаботиться о желудке. Он ничего не ел со вчерашнего вечера, а уже час дня. Анисса и Миа отправились обедать в город, на набережную, но Полю было лень. Лень хоть как-то одеваться, слышать перешептывания у себя за спиной, позировать для чьих-то селфи, попадать на снимки, сделанные украдкой в ресторане, чувствовать себя обязанным находить слова для каждого, кто его останавливал и признавался в любви. Приветливость посторонних со временем начинала тяготить, потому что в ответ требовалось быть не менее приветливым с каждым встречным-поперечным, улица за улицей, и не важно, что хочет или что чувствует он сам, — он превращался в автомат по реализации законных ожиданий публики. Такого признания он жаждал, когда был честолюбивым юнцом, не слишком осознавая, что на самом деле оно влечет за собой. Отказаться он не мог, но жене и дочери часто бывало мучительно неловко находиться рядом с ним на людях. Им приходилось ждать в

сторонке, вежливо улыбаться, отказываться фотографироваться, оберегая свою частную жизнь, когда постоянно приходится оставаться на виду у всех и ни минуту — втроем, наедине. Поэтому лучше было вообще не вылезать из дома в этот полдень. У Мии начались занятия в университете, и в сентябре она покинула родительский кров, зато сегодня мать и дочь могли спокойно провести время вдвоем.

Снова заурчало в животе.

Холодильник пустой, но это не страшно. Даже полезно для поддержания хорошей формы. К тому же телевизионный экран заметно полнит, и, если Поль хочет выглядеть стройным, он должен следить за тем, что ест, а «ни крошки во рту» — только на пользу имиджу.

Огромный вал обрушился на скалы под домом, взлетев белой пеной в угрюмое ноябрьское небо. Гигантская, яростная волна рассыпалась в воздухе, точно сверхновая звезда, окропив брызгами даже «тропу таможенников», проходившую под эркером. Несколько капелек долетели до самого окна.

Поль наблюдал за тем, как они скользят вниз по стеклу прямо у него перед глазами, по воле притяжения. Иногда ему приходило в голову, что

точно так же устроена его жизнь: она подчинена какой-то неведомой силе — ведь командует не он, а какая-то энергия извне — нет-нет, не божественная, Поль не был верующим, а, скорее, коллективная, словно масса живых существ могла, сама того не ведая, направлять ход мироздания и руководить не только им самим, но и остальными. Как известное медийное лицо, он подчинялся диктату большинства. Полный идиотизм. Нелепо воображать себя жертвой, особенно человеку, добившемуся такого успеха. Никто его не принуждал, — напротив, он провел годы в борьбе, вкалывая до полного изнеможения, чтобы добраться туда, где был сейчас: удача ему сопутствовала, а порой он сам мог притягивать к себе эту удачу. Он заплатил за это двумя разводами и язвой желудка. И все же чем больше проходило времени, тем острее он ощущал, будто теряет часть самого себя, свою истинную свободу воли, возможность быть тем, кем хочется и когда хочется. Неужели это и есть цена славы? Жить под постоянным контролем — имиджа, слов, облика, послания, которое транслируешь. Даже символически. Все продумывать, заранее все предвидеть и никогда не иметь возможности плыть по течению, быть легким, беспечным,

обыкновенным…

Поль понимал, что не имеет права так говорить. По крайней мере, не в том положении, где умудрялся держаться уже больше десяти лет. Успех, популярность, деньги — эта святая троица мнимого счастья — запрещали ему выпячивать свои душевные терзания в мире, где страдали все. Преуспевающим людям не подобает жаловаться. Поэтому он преодолевал сомнения и усталость, пытаясь запрятать их как можно глубже.

В темном экране айпада на журнальном столике отражалось небо. Экран притягивал его. Просмотреть прессу, полистать новости. Как ведущий вечерней программы, он никогда надолго не отключался от информации. Помедлив, Поль встал и направился в кухню. Выпив стакан воды, он взглянул на раскинувшийся внизу сад — потрясающие гортензии, которые посадила Анисса, образовывали цветные островки, похожие на большие мягкие подушки, куда хотелось упасть и лежать, не двигаясь. Когда они уедут в Париж, садовник будет их поливать.

Затем он взглянул на улицу за садом. Никого. Поль заметил припаркованную напротив ворот, чуть поодаль, черную машину и разглядел два силуэта на переднем сиденье. Какая наглость

— окопаться так близко от его дома! Теперь они даже не дают себе труда прятаться! Пятидесятилетний журналист не хотел портить себе день — стоит ли превращаться в параноика из-за каких-то папарацци? — поэтому предпочел проигнорировать их и вернулся в гостиную.

Он коснулся экрана телефона. За полчаса прилетело несколько сообщений, но ни одного от Аниссы. Отлично, значит, они хорошо проводят время. Стоит ли предупредить их о том, что перед домом торчат папарацци? Он решил, что не стоит, ведь охотятся только за ним, просто нужно держаться от них подальше.

Поль увидел свой второй телефон, рабочий, протянул было руку, но передумал и не стал его включать. Нет. Там уже наверняка куча сообщений. Сегодня воскресенье, вечером он будет читать и делать выписки, готовиться к эфиру в понедельник вечером, а пока можно позволить себе передышку.

Он сел к роялю, поднял крышку и опустил руки на клавиатуру. Спина прямая, правильная постановка рук. Первые звуки наполнили дом — мелодия, аккомпанемент… Не идеально по ритму, и звук не очень, зато без фальшивых нот. Поль был прилежным ребенком. Рояль — вот о

чем он мечтал в детстве. Журналистскую карьеру он выбрал только в лицее, а до этого жил одной музыкой. Он даже подумывал стать пианистом, сделать это своей профессией, но ему всегда не хватало таланта и упорства. Хуже того, когда учился в Лилле и позднее, когда начал работать, на несколько лет забросил инструмент. Только уже под тридцать он осмелился снова прикоснуться к клавишам.

Это случилось поздней ночью, на свадьбе его сестры. Празднество подходило к концу, близился рассвет, Поль в мятой рубашке, заляпанной винными пятнами, искал оставленный где-то пиджак и неожиданно в большом пустом зале наткнулся на рояль. Черный лакированный «Бёзендорфер». Великолепный. Он смотрел на него с щемящим чувством. В то время он уже довольно успешно работал в газете, потом перешел на радио, и его достаточно быстро подпустили к микрофону. Поль пристрастился к адреналину прямого эфира, к командной работе над новостями, потом сделал первые шаги на телевидении, перед камерой, время от времени замещая ведущих вечерних выпусков. Его начинали узнавать, и Полю это безумно нравилось. Людская благожелательность еще не превратила его в нарцисса,

вытравив все человеческое.

«Бёзендорфер» возвышался в пустом зале, готовый открыться любому, кто осмелится его приласкать. А у Поля на глазах выступили слезы. Он вспоминал о сотнях, если не тысячах часов, проведенных за инструментом, прежде чем он забросил его по легкомыслию молодости, ради удовольствий и славы. Что стало с тем мальчиком, каким он был когда-то? С юным оболтусом, который ни в чем себе не отказывал? В это мгновенье, все еще под воздействием алкоголя, валясь с ног от усталости, Поль попросил прощения у паренька из прошлого. Гордился бы этот мальчишка тем, кем стал нынешний Поль?

Поль задумался. Да, гордился бы. На самом деле не все у него пошло прахом, просто изменились планы. И в этом новом своем амплуа он вполне преуспел.

Рояль подмигивал ему, но Полю было ужасно стыдно, и он не осмеливался подойти. И все-таки в конце концов сел за рояль. Это был старинный инструмент; пальцы коснулись клавиш слоновой кости, Поль взял аккорд — просто чтобы вспомнить звучание, чтобы снова на мгновенье стать ребенком. Мозг уже не помнил, но тело помнило, и в темноте огромного зала зазвучало начало

«Лунного света» Дебюсси. Не идеально, но это была музыка. И Поль заплакал. Он плакал оттого, что все еще способен играть, оттого, что бросил то, что приводило его в восторг в детстве, и в это утро дал себе слово никогда больше не забывать.

С тех пор он купил сначала один рояль, потом и второй — для дома в предместье Парижа и здесь, в Нормандии, — и играл, когда выдавалась минута, не так часто, как хотелось бы, но это была его связь с детством, и поскольку он все еще мог воспроизводить прекрасные мелодии, то верил, что остался хорошим человеком, даже когда сомневался в себе, даже когда чувствовал себя чересчур деловым, слишком самовлюбленным, излишне снисходительным к себе, — у него был инструмент, чтобы успокоиться, почувствовать, что в его душе сохранилась частица детской незамутненности, что-то доброе и светлое, а значит, жизнь прожита не зря.

Теперь, обратив лицо к морю, которое открывалось в эркере, Поль играл меланхоличную джазовую композицию. Почти на целый час ему удалось забыться, уйти от реальности и остаться наедине с музыкой под взглядом акварелей

Франсуа Равара[2], украшавших стены гостиной. И цветные фигурки на них вдруг словно превратились в слух, повернулись к музыканту, будто Поль, что бы он ни делал, сам того не сознавая, был создан для того, чтобы притягивать внимание, чтобы его слушали.

В середине дня Анисса и Миа вернулись после прогулки по пляжу. Они пребывали в приподнятом настроении и полном согласии, успокоенные тем, что могут оставаться близкими и теперь, когда Миа живет одна, вдали от родителей, и их больше не связывает общность повседневности.

Они втроем собрались за чаем — минуты простой радости и беззаботности, похожие на счастье, — затем пошли наверх собрать сумки, закрыли ставни в доме, и внедорожник скользнул в ночь, к Парижу.

Поль, который сидел за рулем, совершенно не обратил внимания на то, что с первой минуты за ними следует какая-то машина. Но даже если бы заметил, подумал бы о папарацци. Поль возвращался в столицу, к новостям. Ему предстояло подготовиться к вечернему выпуску — при-

[2] Сноски: 2

Франсуа Равар (р. 1981) — французский иллюстратор, акварелист и автор комиксов.

вычное дело. Он знал: завтрашний день будет долгим.

Намного дольше, чем он мог себе представить.

1

Все – яд, он везде!

Все – яд, это доза!

Шарлен напевала свою любимую песню группы *Mass Hysteria*[3], крутя педали велосипеда, отключив в наушниках шумоподавление, чтобы слышать шум проезжающих машин. Она была девушкой решительной, но не самоубийцей. Пока не слишком холодно, можно добираться на работу на двухколесном транспорте, и она пользовалась этим до наступления зимы. Если зима вообще наступит… Поди знай с этим глобальным потеплением…

Она оставила велосипед возле булочной на углу улицы, где работала, купила свой утренний круассан, тройной кофе, который продавщица налила ей прямо в термокружку, и помахала

---

[3] Сноски: 3

Эти строки — отголосок знаменитой фразы Парацельса (Филипп Ауреол фон Гогенгейм, 1493–1541), швейцарского врача, алхимика, философа и астролога, одного из основоположников современной медицины и токсикологии: «Все есть яд, и все ядовито; одна лишь доза делает яд незаметным», переложенной в тексте песни французской индастриал-метал-группы *Mass Hysteria* (с 1993) «Tout est poison» с их альбома «Matière Noire» (2015).

служащим.

— До завтра, Шарли́, — ответила девушка за стойкой.

Шарлен была человеком привычек. Одни и те же ежедневные ритуалы. Минута в минуту, ну или почти.

07:54. У нее еще оставалось шесть минут, чтобы пройти триста метров, миновать охрану, подняться на лифте и оказаться на своем этаже ровно в восемь утра. Отлично. Башня «Медиаплекса», крупнейшего мультимедийного холдинга Европы, накрывала своей тенью весь квартал — продолговатая громада футуристического дизайна, которую недоброжелатели сравнивали с поднятым средним пальцем, воздвигнутым здесь как оскорбление разуму. Поскольку «Медиаплекс», и в частности его флагманский канал «МД1», была нацелена на самую широкую аудиторию (а чтобы охватить массы, как говорили в кулуарах компании, нужно работать масштабно, не зацикливаясь на деталях и отдельных сегментах), это создало ей репутацию группы-мастодонта и канала, подающего всю информацию упрощенно и достаточно примитивно, даже манипулирующего зрителями. Главным критерием формирования программной сетки был размер

аудитории, а отнюдь не стремление поднять свою публику на более высокий художественный уровень. Амели де Кастельнак, гендиректор со скандальной репутацией, любила повторять, что успех «Медиаплекса» определяет вовсе не она, а сами французы, ведь именно они голосуют пультом, решая, какие программы выживут, а какие закроются. Например, канал «Арте» производил именно то, чего, по мнению критиков, не хватало «МД1», и Амели де Кастельнак, обычно с хищной и горделивой улыбкой, затыкала рот оппонентам, приводя цифры рейтингов. И в заключение всегда произносила одно и то же: «Кто мы такие, чтобы претендовать на право воспитывать людей? Мы здесь только для того, чтобы их развлекать, а уж они сами решают, смотреть нас или нет. Стоит ли упрекать директора цирка за то, что он показывает номера, которые забавляют публику? Воспитывать должны семья и государство, а не частные СМИ». Всё. Разговор окончен.

С тех пор многие называли «МД1» не иначе как «Цирк».

Но Шарлен очень повезло, когда она получила возможность вкалывать в «Цирке». В свои неполные тридцать два она уже занимала одну из ключевых позиций в восьмичасовых вечерних

новостях. Выпускающий редактор. Тот, кто координирует работу технических и редакционных команд, следит за таймингом, вместе с директором канала устанавливает продолжительность эфира и нашептывает в ухо ведущему по ходу всего выпуска…

В тот момент, когда Шарлен проходила мимо огромного экрана, установленного у подножия башни, на котором круглосуточно крутили программы «МД1», там крупным планом появился Поль Даки-Ферран. Широкая улыбка, твердый взгляд. Смесь уверенности, лишенной высокомерия, и доброжелательности, которая принесла ему успех. Поль был любимым новостным телеведущим, причем лидировал с большим отрывом. Единственный, кто мог объединить поколения. Пожилые любили его за классический стиль, молодые — за умение использовать электронные СМИ, чтобы расширить информационное поле и сделать информацию еще доступнее; мужчины — потому что он был привлекателен, но не чересчур, женщины — потому что обаятелен, но в меру. Он нравился всем или почти всем. Практически невозможное в мире телевидения. Разумеется, немногочисленные недоброжелатели утверждали, что он слишком однообразный,

слишком пресный.

Шарлен машинально помахала ему рукой, проходя под экраном, и свернула к будке охранников, где ей пришлось остановиться и вытащить из-под свитера свой бейдж. На этом посту работали, сменяя друг друга, человек пять или шесть, и Шарлен путала их имена — она укоряла себя, считала это неуважением к ним, но ничего не могла поделать, это было сильнее ее. В это утро понедельника дежурил высокий тип с усами — он мог бы играть полицейского в американском сериале. *Густав? Октав? Черт…*

— Доброе утро, — произнес охранник, не меняя неприветливого выражения лица. — Вы по какому вопросу?

— Я здесь работаю. Каждый день, уже два года.

Усач оторвал взгляд от декольте Шарлен и сосредоточился на ее лице.

— Ах да, девочка с велосипедом и круассаном, — сказал он, указывая на пакетик в корзинке на руле. — А для меня не захватили?

— Извините, шеф, опять забыла.

Шарлен собиралась приложить пропуск к считывателю, но усач накрыл его широкой ладонью:

— Сначала я должен взглянуть на вашу фото-

графию.

— Да ладно вам… Вы же меня знаете целую вечность! — проворчала Шарлен, протягивая ему пропуск.

— Безопасность, мадемуазель. Мы с этим не шутим. Отлично, это действительно вы. Теперь велосипед.

Шарлен вздохнула и отстранилась, чтобы он мог отсканировать QR-код, наклеенный на раму ее велосипеда. Ни одно транспортное средство не могло въехать в гараж под башней без предварительной регистрации, что адски затягивало время; занудная процедура даже отбивала у многих сотрудников охоту приезжать на своем транспорте.

Пискнул электронный сигнал, и, прежде чем дать добро, усач глянул на экран в своей будке и удостоверился, что это действительно велосипед, привязанный к профилю Шарлен Кермадек. Он отвел руку, Шарлен смогла приложить пропуск, и дверь подземного гаража открылась.

СМИ превратились в главную мишень террористов всех мастей — исламистов, крайне правых или крайне левых, а канал «МД1», если учесть профиль первой медийной группы Европы, крупный капитал, вероятно, был наиболее уязвим.

Поэтому войти в здание можно было, лишь миновав множество уровней контроля безопасности, достойных Банка Франции. Шарлен все это понимала, но ей казалось, что, когда речь идет об отношениях между конкретными людьми, которые знают друг друга, это уже перебор.

А я не в состоянии запомнить его имя… Вот тебе и высокие принципы!

Три минуты спустя она уже поднималась в одном из лифтов в «Цирк», на «Арену звезд»[4]. Так между собой они называли офисы редакции. Шарлен была одна в кабине и воспользовалась этим, чтобы взглянуть на себя в зеркало. Она почти не накрасилась, только подвела глаза, чтобы подчеркнуть их цвет. Хотя они были зелеными, Шарлен казалось, что они слишком тусклые, недостаточно выразительные. Ей повезло — по всему лицу у нее были рассыпаны веснушки, которые придавали коже красивый, естественный золотистый оттенок, хотя в школе из-за них ее нещадно дразнили. Но вот рыжая шевелюра была совершенно непослушной. Из-за велосипедного

[4] Сноски: 4

Помимо очевидной отсылки к цирковой тематике это также аллюзия на знаменитую французскую телепередачу под таким же названием («La piste aux étoiles», 1956–1978) — цирковое шоу, где на манеже выступали звезды эстрады.

шлема волосы вообще стояли дыбом. Она сняла резинку с запястья левой руки, пытаясь как-то собрать их в хвост. Двери лифта открылись на этаже «Арены звезд». Она вошла в длинное помещение прямо напротив лифта — из панорамных окон открывался вид на Сену и Париж — и набрала код на деревянном шкафчике рядом с письменным столом. Швырнула туда вещи, включила компьютер, одновременно доставая из пакетика круассан, и потянулась к термокружке с кофе. Ровно восемь утра. Отлично. Как и каждое утро.

За ее спиной, в глубине зала, уже сидел Родрик, главный редактор выпуска новостей, уткнувшись в экран своего телефона. Остальные должны были вот-вот подтянуться.

Начинался марафон продолжительностью чуть больше тринадцати часов. Столько требовалось для подготовки достойного выпуска новостей. Каждый вечер их смотрит более шести миллионов зрителей, поэтому они не имели права на ошибку.

День был расписан по минутам, но, по сути, никогда не заканчивался. Стартовали они даже накануне, дома, обычно перед сном — члены редакционной команды читали на планшетах завтрашние выпуски газет. Они появлялись в

Интернете между 22:00 и полуночью — это была первая порция новостей, заполонявшая сознание даже во сне.

Утром перед приходом на работу они снова подключались к новостной ленте, чтобы понять основные тенденции дня, и появлялись в редакции, уже погрузившись в новостной поток. Их ремесло не знало передышек и пауз. Работа на износ с вечера воскресенья до вечера четверга. И поскольку все жили только этим, никто полностью не отключался даже в выходные.

Шарлен запустила компьютер и открыла файл, который ночная смена оставила в ее почтовом ящике. Эта служба просматривала все, что происходило в мире за ночь, пока Франция спит, и составляла обзор для редакции. Обычно там не было ничего нового, Шарлен уже слышала все это по радио, едва проснувшись. Она быстро сделала несколько пометок в блокноте. Ее внимание привлекло дерзкое ограбление в Тулузе — грабители проникли в помещение через канализацию. Съемочная группа канала на месте должна была снять материал. Как только специалисты по инфографике узнают подробности, они подготовят 3D-иллюстрации. Поэтому нужно как можно скорее раздобыть все детали, чтобы

осталось время поработать над реконструкцией ограбления. Драматическое падение биржевого курса в Токио. Фиг с ним.

Это слишком далеко и не заинтересует французов. Разве что найти способ показать последствия для Европы.

Шарлен покачала головой и вычеркнула этот сюжет.

У нее оставалось полтора часа, чтобы вникнуть в материал, который завершит день. Выбор за главным редактором, но они работали небольшой командой, и каждый высказывал свое мнение, так что лучше было продумать все заранее, до утренней летучки.

Шарлен посмотрела на часы. Летучка будет в 09:30. Именно там определят содержание вечернего выпуска новостей. Обсудят темы, порядок их подачи, отведенное под них время, свободные съемочные группы, внутренние ресурсы, необходимые для создания каждого репортажа…

Шарлен наблюдала, как появляются сотрудники редакции, соблюдая один и тот же ритуал: открыть личный шкафчик, включить компьютер, прочесть сводки ночной смены. Офис с открытой планировкой пришел в движение, но пока все еще было относительно тихо. Скоро

гул телефонных разговоров изменит атмосферу: тихий рабочий кокон превратится в жужжащий улей.

Шарлен любила это оживление. Оно было ей необходимо. Последние два года на канале «МД1» — это была вся ее жизнь. Прежде она занимала похожую должность на менее заметном новостном канале, а до этого, сразу после окончания журфака, работала выездным корреспондентом. Десять лет интенсивной практики, без спадов, без остановок. «У тебя нет никакой личной жизни», — говорили ей подруги, когда хотели ее поддеть. Это было неправдой.

Хотя и не совсем ложью, но таков ее выбор.

Шарлен была фанатом своего дела. Журналистика была у нее в крови, с самого детства ей нравилась эта профессия — быть связующим звеном между тем, что творится в мире, и окружающими. Иметь возможность докапываться до сути, вести расследования в поисках максимально объективной истины, суметь все обобщить и донести до широкой публики.

Работать на выпуске в 20:00 означало получать двойную дозу адреналина. Первую получаешь днем, когда готовишь контент, добываешь сюжеты, не имея права на ошибку. Гонка до последней

минуты. А потом внезапно надвигается вторая волна. Волна прямого эфира. Все должно быть подогнано без сучка без задоринки. И Шарлен отвечала за эту механику. После рабочего дня она была выжата как лимон, но все равно испытывала эмоциональный подъем.

А потом все начиналось с начала.

— Это не жизнь! — заявила ей мать на прошлых выходных. Два месяца она не возвращалась к этой теме, и Шарлен уже начинала беспокоиться. — Ты проводишь все время на работе! — твердила мать по телефону.

— А что тут плохого, если мне это нравится, мам?

— При таком ритме жизни ты никого никогда не встретишь!

— Откуда ты знаешь, что я одна?

— У тебя есть парень?

Шарлен хотела было соврать, чтобы от нее отстали. Но мать не проведешь.

— Нет, пока нет.

— Вот видишь!

— Слушай, мне и так комфортно.

В трубке повисла тишина, прежде чем мать ответила мягким и одновременно обеспокоенным тоном — Шарлен знала его наизусть и боялась.

— Шарли… Я не хочу, чтобы ты убивала себя работой. Если это твой способ убежать от жизни…

— Мам, хватит, все нормально.

— Ты понимаешь, что я беспокоюсь после того, что случилось…

Это была давняя история, и Шарлен обиделась на мать за то, что снова о ней напомнила. Тяжелый удар. Выгорание, депрессия, экзистенциальный кризис — не важно, как это называть, дело житейское, с кем не случается.

— Ты будешь припоминать мне это каждый раз? — раздраженно спросила Шарлен.

Новое молчание.

— Шаша… — Когда мать ее так называла, это не предвещало ничего хорошего — значит, последуют откровения, упреки или драматические заявления. — Шаша, просто хочу напомнить, ты чуть не умерла.

И все пошло по новой.

— Шаша, ты пыталась покончить с собой.

2

А что, если просто все забыть? Или допустить, что человек способен на безрассудство? А если вообще простить? Она кипела от возмущения. Высказала матери все, что думает, и в ярости швырнула трубку.

Но очень скоро гнев уступил место грусти. Да, она облажалась. Однажды вечером рухнула в пропасть своих личных бед. И что с того? Это уже далеко позади!

Шарлен справилась со всем за два года, абсолютно со всем.

Все началось давно — с профессиональных разочарований, с окончательной утраты подростковой наивности и идеализма. В ее душе прорвалась первая плотина и словно затопила важную часть ее сознания. Она поняла, что журналистика совсем не то, что она рисовала себе в мечтах: между реальностью и поисками истины любой ценой (так она себе представляла) и воздействием на общество — ее собственным и профессии в целом — лежала целая бездна. Бесспорно, СМИ способствуют формированию об-

щественного мнения — но в этом-то и вся беда!

Политизация и игра влияний, управлявшие этим грандиозным балаганом, не были результатом заговора, как можно предположить, — в действительности все оказалось намного коварнее, чем она воображала. СМИ принадлежали холдингам с миллиардными оборотами, чьи экономические, стратегические, а иногда и идеологические интересы подавляли любое стремление к справедливости и установки личной этики. Нет, Шарлен ничего не изменит в этом мире. Она будет лишь частью огромного механизма, на который невозможно воздействовать. В этом она никогда не обманывалась, еще студенткой готовилась к этому, но, конечно, не к такой непреодолимой инертности. И все-таки она надеялась стать каплей, которая точит этот камень; главное — начать, а там… видно будет.

Только вот это *никого* не интересовало.

Во всяком случае, точно не «массы» — большое число граждан, которые своими действиями и выбором могли бы что-то сдвинуть с мертвой точки. А если остается лишь горстка бунтарей и недовольных, где тогда проходит граница между сопротивлением системе и тиранией? И хотя Шарлен была уверена в обоснованности своих

взглядов, имела ли она право навязывать их большинству? Я мыслю, следовательно я права? Декартовская формула на сталинский манер ради блага этих убогих кретинов, которые сами ни на что не способны, а значит, и в счет не шли? Где же тогда демократия, свобода воли? Выходит, генеральный директор «Медиаплекса» права, когда утверждает, что ее империя лишь отвечает на запросы народа. Именно народ голосует пультом, зависая на одном канале или проскакивая другой. Переключение каналов — это политический акт. Выражение наших потребностей, желаний, которые мы предъявляем. Несправедливо критиковать передачу за убогость дебатов или легковесность содержания, если у нее есть своя аудитория. Разве не сам народ проголосовал за то, чтобы таких передач было больше? Пока существует альтернативная программа, каждый волен смотреть то, что хочет, а рейтинги говорили сами за себя.

На своем уровне, в информационной сфере, Шарлен лицом к лицу сталкивалась с реальностью. Первые годы журналистской работы она преуспевала, создавая контент, отслеживая факты, находя нечто особенное — удачный ракурс, хорошего собеседника для интервью, правиль-

ный тон. Но то, что нравилось зрителям, было отвратительным. Бульварным. Именно этого требовала от нее редакция — всегда еще мрачнее, еще жестче.

Шарлен на это пожаловалась, и тогдашний главный редактор вызвал ее к себе в кабинет.

— Если тебе не нравится отвечать на запросы публики, меняй работу, Шарли, — холодно сказал он, глядя поверх своих очочков в металлической оправе. — И если попытаешься устроиться на другой канал, ничего не изменится — везде будет одно и то же. Знаешь почему? Потому что мы только реагируем на спрос.

— Это чушь, это редакционная политика, которую мы себе установили и могли бы изменить!

— Ах вот оно что? А почему, как тебе кажется, все новостные каналы занимают одну и ту же нишу? И кормят своих телезрителей одним и тем же типом новостей? Было бы так здорово выделиться среди конкурентов! И как это мы раньше не подумали об этом до тебя? — Он не спеша снял очки и, пристально глядя на нее, продолжил: — Это именно то, чего они от нас требуют. При помощи своих пультов люди приказывают нам накачать их дозой какой-то гнусности. А иначе знаешь, что они сделают? Они воспользуются своей властью,

той, что у них в руках, и *переключатся* на другой канал, который дает им то, чего они жаждут.

— Ты циник…

— А ты наивная дурочка. Ну ладно. Назови мне хоть один новостной канал, который показывает хорошие новости, предлагает набор позитивных тем, поднимающих настроение, хоть один канал, где превалирует приятная, радостная информация? Хоть один — во всей стране. Ладно, так и быть, один канал во всей Европе! Вперед! Тебе известен такой чудо-канал? Нет? Потому что его нет в природе. И знаешь почему? Потому что это никого не интересует.

— Надо хотя бы сперва попробовать…

— Ты что, с луны свалилась, детка? Это уже все перепробовано, во всех видах, и держись крепко — у меня новость, от которой ты охренеешь: это вообще никак не работает. Никто не смотрит. Ни один человек. Люди переключаются на каналы, которые без передышки крутят трагедии и драмы. А знаешь почему? Потому что люди боятся. Эта чертова цивилизация живет в страхе. В страхе все потерять. Они боятся, что все вот-вот рухнет или просто у них самих дела пойдут хуже. А еще потому, что людям плохо. Так они подпитывают свой страх и внушают себе, что, если кому-то еще

хуже, чем им, возможно, их собственные дела идут не так уж хреново. Наша работа — отвечать на запросы, которые люди нам посылают своими пультами. И затыкать дыры, пока все не рухнуло ко всем чертям.

Он снова надел очки и добавил, на сей раз снова повернувшись к экрану:

— И не думай, что я так говорю, чтобы успокоить свою совесть. Я часть системы, простой исполнитель и стараюсь работать как можно лучше. Обвинять нас в том, что мы торгуем чернухой, формируем общество, склонное к депрессии, можно, только если забыть, кто здесь командует, а ведь это как раз те, кто решает, смотреть нас или нет. Это они всем правят. Они приказывают. Переключить канал или остаться у экрана — вот где настоящая власть. И у французов она есть.

Шарлен долго не могла прийти в себя после его слов.

Неделю спустя главред снова ее вызвал:

— Отстраняю тебя от репортажей. Ты больше не в деле.

Шарлен даже не хватило сил возразить.

— Ты блестяще работаешь, Шарли, — добавил он. — Быстро соображаешь, находишь решения, на тебя можно положиться. Но репортажи с ме-

ста происшествий — не твое. Заместителем я тебя тоже не возьму, у тебя нет понимания, что именно нужно выпускать в эфир. А вот выпускающий редактор — как тебе? С ростом аудитории и количества программ мне нужно расширить штат. Ты будешь даже не столько заниматься редактурой, сколько руководить командами. Работа в темпе прямого эфира как будто просто создана для тебя.

Такой важный пост в редакции новостного канала в ее возрасте — это назначение полностью поглотило ее на какое-то время, бешеный ритм не позволял задавать лишние вопросы. Она не забыла слова главного редактора, но находила для себя мелкие ежедневные компромиссы, делая вид, что по-прежнему во все это верит. Она повторяла себе, что, хотя им не удается сделать мир лучше, показать его богатства, по крайней мере то, что они делают, они делают хорошо, стараются информировать как можно полнее, быстрее и доходчивее, даже если иногда слишком зацикливаются на негативе.

Так она протянула год, потом внезапно умер отец, с которым они были очень близки. Инфаркт. Шок. Шарлен держалась, ушла с головой в работу, а через полгода обнаружила, что ее парень ей

изменяет. «Тебя никогда нет дома, Шарли! Ты поздно приходишь, дома тоже вкалываешь, рано уезжаешь, мы вообще не трахаемся, так чему ты удивляешься?» Эта фраза никогда не выветрится у нее из головы.

Это была последняя капля в том океане, в котором она тонула, боясь себе в этом признаться.

Алкоголь. Много. Слишком много. Лекарства. Много. Слишком много.

Ее нашла консьержка, когда позвонили с работы, встревоженные отсутствием сотрудницы, которая никогда не опаздывала, не пропустила ни единого дня, даже если болела. Она была на волосок от смерти. И самое ужасное во всем этом — лежа на больничной койке, она не радовалась, что выжила. Тогда Шарлен отложила все дела, чтобы разобраться в себе. Кто она на самом деле? Чего хочет добиться в этом нестабильном обществе? Что чувствует? Две недели в доме отдыха, как деликатно называли это заведение, затем еще две в Альпах, в прекрасной долине. Чтобы восстановить силы. Чтобы найти ответы.

Правда заключалась в том, что у Шарлен их не было. Живешь не по списку очевидных истин. Шарлен принадлежала к тем людям, для которых они были не очевидны. Только сомнения.

Бесспорно, она была отличным профессионалом, и нескончаемая работа приносила ей облегчение. Там она была на своем месте. Пока что.

Она вернулась в кресло выпускающего редактора и стала делать то, что умела лучше всего: исполнять свои обязанности. Там она что-то собой представляла. Она быстро завоевала репутацию, и пять месяцев спустя, всего в тридцать лет, «Медиаплекс» взял ее на работу, причем сразу в элитное подразделение: выпуск новостей в 20:00 на «МД1».

А между тем она просто попыталась свести счеты с жизнью.

Уже два долгих года она занимала высокую должность в сверкающей башне, была частью «Цирка», — два с половиной года с момента ее неудавшейся попытки самоубийства. Она не переносила, когда мать заводила разговор о том периоде жизни. Потому что, по сути, это напоминало о ее жизненном фиаско.

Шарлен не знала, кто она такая, чего хочет, и, чтобы не задавать себе лишних вопросов, глушила себя работой.

И все же голос разума иногда нашептывал по вечерам, стоило опустить голову на подушку:

настанет день, когда ты больше не сможешь выкручиваться.

Шарлен схватила рюкзак и достала хромированную таблетницу отца. В ней лежали ее таблетки ксанакса[5]. *Не сейчас*. Она успеет принять их до выпуска в 20:00, а сейчас разве что одну — просто приглушить тревогу, легко начать день.

Не слишком много думать о себе.

Завибрировал телефон. Лорен, вторая помощница главного редактора. Шарлен вздохнула, сглотнула слюну, прочитала ее сообщение и повернулась к Родрику:

— Лорен лежит пластом, подхватила ковид.

— Черт побери! Чую, денек будет веселым.

Он уже поворачивался к своему первому заму, Дану (настоящее имя Даниэль, старомодное имя, как он сам говорил, и, возможно, поэтому покрыл себя татуировками от шеи до кончиков пальцев — такое в редакции встречаешь крайне редко): нужно было распределить дополнительную нагрузку, но в этот момент с другого конца зала раздался знакомый голос:

— Надеюсь, что нет!

---

[5] Сноски: 5

Ксанакс — транквилизатор, применяется при тревожных расстройствах и панических атаках.

Вошел Поль Даки-Ферран в своем обычном дневном прикиде — льняные брюки и жилет. Он излучал такую харизму, что даже менялось освещение вокруг него: он словно притягивал к себе самые яркие лучи. Вот что значит быть убежденным, иногда не без зависти думала Шарлен.

Сообщение Лорен и появление звезды канала возымели положительный эффект — вывели ее из мрачных раздумий. В служебной почте скопилась куча писем. Ей было чем заняться, поэтому она сунула таблетницу в карман джинсов. Шарлен уже давно дала себе слово, что выбросит все лекарства, но никак не могла решиться. Может, наконец настал подходящий момент?

Поль хлопнул в ладоши, обращаясь ко всей «Арене звезд»:

— Пусть этот понедельник будет не хуже обычных, согласны? Тогда за работу!

И он дружески подмигнул Шарлен, прежде чем проследовать в свой кабинет.

3

Он весил семьдесят килограммов при росте метр восемьдесят пять, ни грамма лишнего веса, чемпион, созданный для высоких результатов, способный выдержать гораздо больше, чем многие обычные люди. Он не только внешне напоминал атлета — он обладал соответствующей психикой и невиданной стойкостью. И подготовкой, чтобы в любых обстоятельствах справляться с поставленными задачами. Только черная рубашка поло с эмблемой ГВНЖ[6] выдавала военную подготовку.

Однако в этой белой комнате, похожей на учебный класс, со столами и стульями, повернутыми к доске, именно покрасневшие глаза этого человека в черном поло привлекали внимание. Он сдерживал эмоции, не позволяя им выйти наружу.

— Произнеси это слово, Тонио, — раздался голос из глубины комнаты. — Давай.

---

[6] Сноски: 6

ГВНЖ (GIGN) — группа вмешательства национальной жандармерии, спецназ — элитное подразделение, специализирующееся на управлении кризисными ситуациями и выполнении опасных миссий. — *Примеч. автора.*

Мужчина, который стоял, готовый расплакаться, прикусил губу, прежде чем выдавил из себя:

— Самоубийство.

— Ну вот.

В глубине зала встал мужчина постарше, лет сорока, такой же сухощавый и закаленный тренировками, очень худой, так что буквально выпирали кости, с узкими, но крепкими плечами и идеально прямой осанкой. Подполковник Фризбур проводил разбор полетов «на холодную голову» в качестве командира группы.

ГВНЖ, или спецназ, состояла в основном из трех подразделений, самым известным из которых было подразделение, занимавшееся противодействием террору, обезвреживанием вооруженных преступников, освобождением заложников, предотвращением массовых убийств, розыском преступников — всеми видами крайне опасных операций.

После каждой такой операции следовал немедленный разбор: по горячим следам обсуждали, что чувствовали, что прошло удачно, а что плохо, и фиксировали максимум информации для совещания, которое проходило через три-пять дней, когда напряжение спадало. Это и был разбор «на холодную голову» — момент откровенности,

когда, отрешившись от личных амбиций, они должны были все разложить по полочкам, исправить, улучшить, пересмотреть операцию в целом. На таких совещаниях можно было в открытую высказать все, пусть даже самое неприятное. Цена, которую платили за то, чтобы оставаться на высоте.

На этот раз тема была не стратегической, а эмоциональной.

Подполковник Фризбур встал и подошел к доске, чтобы оказаться возле Тонио, глаза которого все еще были красными от слез.

— Ты действовал правильно, — сказал он ему. — Ни единой ошибки. Ты не мог действовать иначе, чтобы предотвратить то, что случилось. Парень хотел покончить с собой. Но у него не хватило мужества сделать это самому, поэтому он заставил тебя.

Тонио кивнул, но стиснул зубы.

— Я должен был обезвредить его, но не убивать, — с трудом выдавил он.

— Это работа переговорщиков, а не твоя, Тони, — сказал кто-то из группы, сидевшей перед ним.

В комнате было двадцать человек. Но Янис Амар принял это на свой счет.

Янис был опытным переговорщиком. И действительно, именно ему доводилось справляться с подобными кризисными ситуациями, когда предоставлялась такая возможность. Он хотел сразу же возразить, но в силу профессиональной привычки сдержался, чтобы оценить ситуацию. Обычно парни не так легко ломаются даже во время жестких разборов. Тонио делал то, на что осмеливались очень немногие оперативники: он ослаблял контроль, давал выход эмоциям. Большинство наглухо закрывались в своей скорлупе и переходили от одной операции к другой с хладнокровием, не уступавшим собранности и эффективности. Это не означало, что они не испытывали никаких эмоций, просто они научились держать их во внутренней зоне, недоступной для внешнего мира, — во всяком случае, не засвечивали их перед напарниками.

Им полезно увидеть, что один из них, и, главное, молодой боец, для которого это был первый смертельный выстрел, не смог сдержаться, подумал Янис. *Это напомнит им, что они люди, а не машины.*

Подполковник Фризбур властно взглянул на переговорщика, словно приказывая ему молчать, и ответил вместо него:

— Чтобы переговоры состоялись, нужно еще иметь возможность что-то произнести. А здесь вооруженный преступник открыл огонь, как только вы заняли позиции. Тонио, ты сделал то, что требовалось, чтобы не подвергать опасности ни себя, ни свою штурмовую группу. Янис, можешь объяснить им, как это называется?

– *Suicide by cop*, — ответил аджюдан Амар. — Это выражение пришло из Соединенных Штатов, где такая практика широко распространена. Люди, в девяноста пяти процентах случаев мужчины, не решаются убить себя сами, поэтому провоцируют полицию, чтобы добиться того, чего хотят. И когда они решительно на это настроены, они не оставляют никакой возможности для переговоров. Они не колеблясь стреляют в представителей правопорядка, случайные жертвы их вообще не волнуют, если это гарантирует, что их застрелят в ответ.

Янис знал, что повторяет то, что все уже слышали во время подготовки, но никогда не мешает напомнить, что существуют ситуации, когда вовремя выстрелить — это единственный выход, иначе пулю получишь либо ты сам, либо невинная жертва, которая ни о чем таком не просила.

Янис бросил взгляд на товарищей. На этом

разборе присутствовала вся СЗ, третья бригада. Они находились на второй степени готовности, то есть были относительно свободны, никаких операций на сегодня не планировалось.

Спецназ функционировал по кодам, по аббревиатурам. Так было проще и быстрее.

Вторая степень готовности предназначалась для секции, которая находилась во втором эшелоне. Если где-то на территории возникала проблема, чрезвычайная ситуация, требующая вмешательства, бригада второй степени готовности должна была выехать менее чем через два часа, но она была резервной. При второй степени готовности бойцы в основном занимались заранее спланированными операциями — задержаниями, перехватом *go-fast*…[7]

В первой эшелоне находилась бригада первой степени готовности, которая была полностью экипирована, — она постоянно располагалась в Сатори, квартале Версаля, рядом с машинами, набитыми снаряжением. Бригада первой степени готовности должна была покинуть базу максимум через тридцать минут, если их поднимали по

---

[7] Сноски: 7

Термин для обозначения быстроходных катеров или автомобилей, используемых для транспортировки наркотиков *(англ.)*.

тревоге. Люди в форме *green foliage*[8] неброского зеленого цвета: бронежилет модульной конструкции, тяжелый шлем с баллистическим забралом, гранаты нескольких типов, взрывозащищенные рации и все снаряжение, необходимое для операций.

Четыре бригады таким образом сменяли друг друга, обеспечивая круглосуточное дежурство, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году.

Янис состоял в третьей бригаде. В спецназе он оказался одним из самых молодых — попал туда в двадцать четыре года, сразу после отбора. Настоящий ад на земле. Несколько недель нечеловеческих нагрузок, чтобы сломить тело и разум, чтобы не осталось ничего, кроме самой сути человека, его глубинной природы. Но и там инструкторы продолжали испытывать кандидатов, доводя до последнего предела, чтобы увидеть, что на самом деле представляет собой каждый.

К этому были готовы все жандармы, которые подавали заявление. Мотивированы, как никто другой. Обычно это была детская мечта — попасть

---

[8] Сноски: 8

«Зеленая листва» *(англ.)*; расцветка называется так, потому что была разработана как универсальный оттенок зеленого, подходящий для разных типов местности с растительностью.

в элиту элит. Годы физической и психологической закалки для формирования необходимых навыков: они приходили на отбор с решимостью воинов. Одна неделя для первичного отсева. И тех, кого отобрали, ожидали три самых страшных месяца в их жизни — базовая подготовка. Инструкторам уже не приходилось отсеивать претендентов: те уходили сами по мере того, как не выдерживало их тело или психика. Оставались только самые несгибаемые, в лучшем случае пять процентов кандидатов. Они подписывали контракт на долгую годичную стажировку.

Янис прошел через все это. И ничего не забыл. Но главное не испытания и даже не боль: он научился там солидарности. Без нее невозможно ничего добиться. После стажировки оставалась уверенность только в одном: ты мог рассчитывать на каждого из тех, кто прошел с тобой через эту голгофу. И большинство из них еще сегодня служили здесь, рядом с ним, в одной из бригад. Теперь они были единым целым.

Сперва нужно было пройти интеграцию, а потом начиналась жизнь спецназовца. И ты становился другим. Всегда готовым. Готовым ко всему. Обученным реагировать на любую ситуацию. Спецназ — единственное элитное

подразделение, которое теряло больше людей на тренировках, чем в реальных операциях. Но ради результатов, которые соответствовали его репутации. Их девиз «Во имя жизни!» — это не просто красивые слова: как жизни других, так и своей собственной, которую отдавали на служение спецназу.

Янис имел семь лет выслуги, он уже не был новичком. Он пережил практически все, что случается в их ремесле, от самого страшного до самого трогательного. У него не было никаких дипломов по психологии, но его буквально завораживала работа национальной ячейки переговоров спецназа. Настолько, что ему захотелось подать заявление и перейти туда. И все складывалось удачно, поскольку каждый переговорщик обязан был пройти через оперативное подразделение, чтобы приобрести необходимую тактическую подготовку и понимать положение бойцов на местности в реальном времени.

Здесь все было не так, как в американских фильмах, где переговорщик появляется один, после копов, и работает независимо, словно они относятся к конкурирующим ведомствам, преследующим разные цели. Наоборот. Каждая бригада имела кризисных переговорщиков, инте-

грированных в группы захвата. Если требовалось силовое вмешательство, переговоры могли возобновиться в любой момент, вестись прямо с передовой — все возможности оставались открыты. Бойцы спецназа могли нейтрализовать противника, но давали ему шанс до последней секунды участвовать в переговорах. Посвящали себя Жизни — пусть даже жизни врага.

Именно эта двойная роль и привлекла Янса-интеллектуала, для которого пройти несколько триатлонов подряд было не сложнее, чем для других — пропустить полдюжины кружек пива.

Конечно, повседневная жизнь в группе была совсем непростой, но самые серьезные испытания выпадали на долю их близких. Когда Янис отправлялся на операцию, он не имел права говорить жене, куда едет. Из соображений безопасности. Чаще всего она вычисляла сама, не выключая канал новостей, и состыковывала эсэмэску, которую он отправлял ей двумя часами раньше (обычно просто: «Уезжаем на операцию, сообщу, когда вернусь, целую, малыш»), с кадрами, которые внезапно начинали мелькать на экране с победоносной бегущей строкой внизу: «Группа быстрого реагирования прибыла на место». Это изматывало. Особенно когда доходило

до применения силы. Перестрелки. Ранения, а то и хуже. В таких случаях семьи обменивались сообщениями в своем чате в «Вотсапе», чаще всего привычным: «У кого-нибудь есть новости?»

Жене Яниса больше подошло бы определение «будущая бывшая жена». Джой сломалась. Она поставила ему ультиматум, прижимая к груди годовалого ребенка. Либо она, либо группа.

Невозможный выбор для молодого аджюдана. Удар под дых. Янис рос гиперактивным подростком. Его дисциплинировал спорт. Спорт и чтение газет. Он вырос в густонаселенном районе в департаменте Валь-д'Уаз, похожем на многие другие — не слишком неблагополучном, но и не самом спокойном. Нужно было отстоять свою территорию, заставить себя уважать, разруливать мелкие разборки… Янис не всегда водился с хорошей компанией. Учился с трудом — сидеть часами на стуле и слушать было не для него, ему было необходимо разряжаться по несколько часов на дню, сжигать тысячи калорий, прежде чем он наконец успокаивался. Поэтому в итоге он всегда выкидывал какую-нибудь глупость или просто прогуливал уроки и болтался там, где не следовало. Он несколько раз едва не загремел за решетку и попал в это элитное подразделение

с суровой дисциплиной только благодаря Жеро и Али.

Социальный работник и дедушка спасли его.

Первый приобщил его к боксу, потом к велосипеду. Чтобы сбрасывать лишнюю энергию. А его дед Али, марокканец, приехавший во Францию в семидесятые годы с намерением предложить эффективную и дешевую рабочую силу, всегда был одержим желанием, чтобы его дети и внуки выросли достойными и воспитанными людьми, разбирающимися в мировой политике. Поэтому он требовал, чтобы Янис каждый день читал газету. Иначе ему не разрешалось навещать деда. А визиты к дедушке были для мальчика настоящим праздником: он обожал смотреть, как тот курит кальян, слушать его рассказы о жизни, о Марокко и всякие другие истории, которые тот постоянно придумывал, потому что был непревзойденным рассказчиком. Но сначала Янис должен был доложить ему о том, что пишут сегодняшние газеты. Старик не умел читать, тем более по-французски, и рассчитывал, что внук будет транслировать ему мировые новости. Янис сопротивлялся, считая это занятие бессмысленным, — зачем тратить время на чтение, когда есть телевизор, где все новости расскажут за пять минут… Но Али объ-

яснил ему, что это *не обсуждается*. Пришлось уступить. Дед повторял, что газета — это врата к самостоятельному мышлению и что нелегкий процесс чтения закрепляет информацию в мозгу гораздо лучше, чем рассеянное слушание. Он хотел, чтобы Янис познавал мир, получил образование — все то, чего сам он не смог добиться в юности.

Таков был их договор. Вспоминая об этом, Янис вновь слышал бульканье воды, ощущал запах табака и прикосновение потертых подушек; вдвоем они часами сидели на диване и беседовали, и он говорил себе, что ему невероятно повезло. Так вышло, что Жеро и Али подготовили его к тому, для чего он был создан, — к полному владению телом и разумом. Никогда и ни за что не сдаваться.

Янис очень рано захотел стать военным; в то время он подумывал о морских коммандос. И снова именно Али, его дедушка, чье мнение так много для него значило, посоветовал внуку идти не в армию, а в жандармерию.

— Если ты хочешь быть военным, лучше помогать гражданам своей страны, чем убивать граждан другой.

Для Яниса это был тяжелый выбор — он каждый день тренировался, чтобы быть на пике формы.

Какая особая карьера ждала его в жандармерии? Он слышал о местных подразделениях жандармерии, куда набирали людей прежде всего по их физическим способностям, однако смирился. Он не хотел предать память дедушки. Первые годы были довольно унылыми. Он, конечно, участвовал в операциях, но этого ему было недостаточно. Хотелось больше действий. Намного больше. Он чувствовал, как медленно погружается в беспросветную меланхолию. В 2015 году он, как и вся Франция, стал свидетелем ужасных терактов. Когда он увидел работу местного подразделения спецназа жандармерии в типографии в Дам-мартен-ан-Гоэль[9], его осенило. Он хотел быть среди них.

Янис выкладывался по полной. Выжимал из себя все соки. Но достиг своей мечты. Оказался в элите, там, где он мог влиять на ход вещей.

С тех пор он снова начал улыбаться, почувствовал радость жизни. Более того, национальная группа переговорщиков и его предыдущая под-

---

[9] Сноски: 9

Даммартен-ан-Гоэль — небольшой город в департаменте Сена-и-Марна к северо-востоку от Парижа. Речь идет о терактах в январе 2015 года: 7 января произошел теракт в редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо», а 9 января террористы захватили типографию в Даммартен-ан-Гоэль; спецназ штурмовал типографию и ликвидировал террористов.

готовка давали ему ощущение, что он соединяет физическую работу с интеллектуальной. Дедушка гордился бы, если бы дожил, если бы не эта проклятая болезнь — рак легких.

Поэтому ультиматум Джой звучал как смертный приговор. Выбор между женой и дочкой — и своей мечтой.

Какой из него будет муж и отец, окажись он озлобленным на самом дне пропасти? Какое бы их ожидало будущее, если бы, глядя на жену, он не мог сдержать обиду? Спецназ был его второй семьей. Каждого из бойцов он знал лучше, чем самого себя. Вместе они прошли огонь и воду, все преодолели. Только товарищи понимали, что творится в душе Яниса, о чем нельзя никому рассказать, что нельзя разделить с посторонними. Только товарищи знали, какие они пережили вместе мучения, чтобы попасть в спецназ и удержаться в бригаде. Янис никогда не смог бы объяснить Джой, что он чувствует в тот страшный момент, когда врывается в дом, где засел псих, готовый умереть сам и утащить всех за собой, — в тот момент, когда понятно, что он может не выйти оттуда живым. Не мог объяснить ей, как приходится настраиваться психологически, когда пятнадцать часов кряду лежишь непо-

движно в болоте на холоде и сырости, среди змей, наблюдая за подозрительным объектом, когда приходится мочиться под себя, а тело с каждым часом превращается в сплошную боль. Или как ей объяснить, что значит взять человека на мушку, держать его жизнь на прицеле, почувствовать, как у того замирает сердце в ожидании выстрела, нажать на спусковой крючок и увидеть, как разлетается на куски голова… делать выбор и жить с этим выбором и его последствиями до конца своих дней. Это не укладывается в привычные нормы, а такое существование нужно вести изо дня в день, по-другому невозможно. Джой никогда не сможет понять.

А они, в группе, смогут.

Но ты даже не попытался ей объяснить…

Он сжал кулаки. Эта битва уже проиграна. Они начали собирать вещи, она уже нашла новую квартиру. Все кончено, и он знал, что Джой так сильно злится на него за то, что им с дочерью он предпочел свое призвание, и тут уже ничего не изменишь. Она сердилась на него за то, что он не сумел или не захотел вкладывать в их брак столько же душевных сил, сколько отдавал спецназу. Немногие женщины могли бы смириться с таким отношением, и он ее понимал.

Он стиснул кулаки, пропахшие порохом после утренней стрельбы в подземном тире. Вот она, его жизнь. Запах пороха, непрестанные тренировки, постоянные мелкие травмы, напряг от необходимости быть постоянно готовым ко всему. И воспоминания о проведенных операциях, порой безумных. Он откинулся на стуле и достал телефон из кармана спортивных брюк. Никаких сообщений. Янис не знал, чем заняться. Он уже хотел написать Джой, извиниться, сказать, что он кретин, что любит ее, когда дверь с грохотом распахнулась и вошел Ш2 с суровым выражением лица. Шеф 2 — полковник, который руководил базой под началом генерала.

— Вторая бригада в первой готовности только что отправилась в Бовэ — там в тюрьме псих убил надзирателя, — объявил Шеф без предисловий. — Готовьтесь, вы переходите на первую готовность.

Все понимали, что это означает. Конец инструктажа, и они помчатся переодеваться в форму спецназа. Теперь, если где-то во Франции возникнет любая кризисная ситуация и понадобится вмешательство спецназа, они должны уже сидеть по машинам — только успеть выслушать задание и рвануть туда.

Янис убрал телефон. Сообщение для Джой подождет.

4

«Арена звезд» гудела, как улей. Она положила на язык таблетку «Долипрана 1000»[10] и запила глотком теплого кофе. Три часа. Съемочные группы заканчивали просмотр сюжетов, отобранных в течение дня, подгоняли тайминг, проверяли юридические моменты — что разрешено сказать или показать. До дневной планерки оставалось всего тридцать минут, чтобы подтвердить, уточнить или отменить план, составленный утром. Нужно ускориться. И Шарлен опять ела салат прямо из контейнера, примостив его на краешке стола и уткнувшись носом в компьютер. Как обычно.

Бакари, ассистент ведущего выпуска новостей (не путать с личным ассистентом ведущего — та ведает его связями с общественностью и перепиской), прошел мимо Шарлен и постучал в дверь Поля, чтобы напомнить, что уже пора. Так он делал по десять-двадцать раз на дню, когда Поль-журналист брал верх над Полем-ведущим,

---

[10] Сноски: 10

«Долипран» — французский препарат, содержащий парацетамол (1000 мг).

отнимая у того драгоценное время подготовки к эфиру.

— Летучка через тридцать минут!

— Сейчас добью хронику и буду готов, — отозвалась звезда из-за матово-стеклянной двери.

Хроника — это конец выпуска новостей. Сообщения, которые поступают в течение дня и заслуживают освещения, но неприоритетны. Сюжеты, которые вырежут в случае непредвиденных обстоятельств. Поль любил заниматься этим сам, потому что умел заставить их звучать по-особому.

Шарлен помассировала виски. Проклятая мигрень. Она неотрывно смотрела на любимую кружку, которая следовала за ней повсюду, — подарок покойного отца, когда ее приняли на работу в редакцию. Кружка была белая, с изображением золотой семерки и надписью «Моей дочке — журналистке номер один». Это выглядело до смешного нелепо и на редкость безвкусно. Шарлен сказала тогда отцу, что «Золотых семерок», которыми когда-то награждали телевизионщиков, уже давно не существует, но он так старался, заказывал специальную гравировку, и она оставила кружку как свидетельство отцовской любви. Господи, сколько воды утекло с тех пор!

Перед глазами мелькали расплывчатые фигуры.

Шарлен откатилась от стола и окинула взглядом редакцию с ее обычной, вообще говоря, немного безумной суетой. Она вглядывалась в лица коллег, которых и так уже знала наизусть или почти наизусть. У большинства были семьи — муж или жена, дети… Значит, это совместимо с работой. Если встретишь подходящего и понимающего человека. *Ага, если…* — подумала Шарлен, вспомнив о своих неудачных романах.

Она злилась на мать. Звонок взбудоражил сильнее, чем она думала. Внезапно она почувствовала головокружение, приступ тревоги. Действительно ли ей хочется прожить этот день? И следующие, те, что последуют за ним? Создана ли она для…

СТОП!

Она сделала долгий выдох, прикрыв веки, чтобы прийти в себя.

Вокруг трудились коллеги — уткнулись носом в свои листы или экраны, не замечая ее. «Спускаюсь в переговорную», — говорила одна. «Я связался с Тимом по поводу сюжета о Тулузе, он хочет знать, можно ли сэкономить десять секунд», — произносил другой голос, а где-то

дальше паниковали: «У нас нет фотографии мэра для врезки!»

Да, сейчас не время… Соберись!

Шарлен открыла глаза.

Перед ней, опершись о стол, стоял главный редактор новостей, Родрик. Его поредевшие кудри вились над головой, как вечный дым, который, должно быть, клубился внутри от неустанного кипения мозга. В неизменном жилете поверх рубашки — в этот понедельник на нем был жилет в сине-зеленую шотландскую клетку (жилетов у него было с полдюжины, и он постоянно их менял), с цепочкой карманных часов, прикрепленной к пуговице. Он усердно культивировал этот карикатурный образ.

— Ты в порядке?

Удивившись, она кивнула.

— Надеюсь, ты не подхватила ковид от Лорен?

— Нет, не волнуйся, просто не выспалась.

Успокоившись, он заговорил тише, показывая, что тема становится более личной:

— Ты слушаешь метал, да?

— Э-э… да, среди прочего.

— Отлично. Потому что на шестнадцатилетие старшего хочу подарить ему два билета на концерт, но я в этой музыке психопатов ни бум-бум.

Шарлен кивнула:

— Я займусь.

— Ты просто звезда, Шарли, — сказал он, уже уходя, и показал ей большой палец.

Это вся моя личная жизнь, про себя вздохнула она. *Покупать билеты для чужих детей.*

Эй, сейчас заплачешь, стоп, красная зона! У тебя есть дела поважнее.

Надо бы взять паузу, куда-то поехать. Все хуже, чем она думала: мать сумела всколыхнуть ее тревоги.

Было бы лицемерием сваливать все на нее, и я это прекрасно знаю.

Она дошла до такого состояния не из-за матери. Это результат накопившихся разочарований, череды психических срывов. Она пыталась уцепиться за обломки. Разумно или нет — не имело никакого значения, только бы выжить, продержаться. Найти причину продолжать. Существовать. Не важно, какой ценой, с какими шорами на глазах.

В динамиках «Арены звезд» прозвучал голос Дана, первого заместителя главного редактора:

— Дневная планерка через пять минут.

Это был сигнал. Шарлен взяла ноутбук и кружку и встала. С этого момента все помчится вперед,

прямо к вечернему выпуску. У Шарлен была пауза — подумать, пожалеть себя, а теперь все, времени больше нет.

И слава богу. Какая только ерунда не лезет в голову, стоит расслабиться.

После дневной планерки, на которой окончательно сформировали содержание вечернего выпуска, Шарлен осталась в просторном круглом зале с главным редактором, его заместителем Даном и небольшой командой, чтобы доработать детали; затем они помчались отвечать на вопросы журналистов и пересмотреть некоторые репортажи, чтобы подстроиться.

18:30. Поль Даки-Ферран после неоднократных напоминаний Бакари вышел из своего кабинета, направляясь в костюмерную и на грим.

Пора идти в студию.

В святая святых. Все так же с ноутбуком под мышкой и кружкой в руке Шарлен спустилась пешком по лестнице на второй этаж. Так было заведено. После 17:00 никто из тех, кто обеспечивал эфир, не пользовался лифтом. Если застрянешь — катастрофа.

Производственная зона представляла собой огромный прямоугольник в центре башни «Медиаплекса». Строго регламентированное

пространство. Входы выглядели необычно, словно подчеркивали, что ты проникаешь в особое, уникальное место — стены из белого дерева, расчерченные полосами светодиодов, от которых исходили лучи света, словно линии схода в будущее, — разве не в этом суть информации? Входные тамбуры напоминали шлюзы космической станции с ослепительной неоновой подсветкой по периметру, что создавало некоторые неудобства — она подчеркивала малейшие дефекты кожи. Лучше здесь не фотографироваться.

Шарлен поздоровалась с охранником в костюме. Он стоял возле главного входа, следя за теми, кто входит и выходит. Шарлен поднесла пропуск к цифровому прямоугольнику, затем приложила большой палец к экрану для биометрической проверки. Индикатор стал зеленым, и дверь разблокировалась.

На мостике царило оживление. Мостиком называлось центральное пространство со стенами, обитыми кожей такого же безупречно белого цвета, как и все остальное. Оно напоминало футуристическое видение рая. Отсюда можно было попасть во все рабочие помещения производственной зоны. Коридор с залами монтажа и микширования, кабинеты главных монта-

жеров, зал набора текста, а напротив — залы просмотра, режиссерская и, конечно, главная студия. Винтовая лестница вела на антресоли, где находился переход с застекленной стеной, из которого просматривалась вся студия новостей, а дальше — гримерные, парикмахерская и салоны для приема важных гостей.

В это обширное пространство допускались только те, кто непосредственно участвовал в создании вечернего выпуска. Днем здесь было пустынно и тихо, но с приближением главного эфира небольшое закаленное войско приходило в движение, перемещаясь во всех направлениях, чтобы гарантировать, что все будет готово вовремя.

Легко узнаваемый издали охранник в черной форме совершал вечерний обход: за девяносто минут до выпуска новостей все входы в производственную зону, кроме главного, блокировались после проверки. Магнитные замки на дверях загорались красным, пройти через них было невозможно. Лучше не опаздывать и не пытаться войти с черного хода, иначе придется обходить всю зону по периметру, что займет минимум пять минут.

Слева у монтажных кабин и кабин микширо-

вания сновали журналисты, дорабатывая свои сюжеты. Справа суетились остальные сотрудники, включали все экраны и проверяли работу серверов, а напротив, в режиссерской, готовились к приближающемуся действу.

Шарлен столкнулась с Полем Даки-Ферраном, который спускался по винтовой лестнице в центре мостика. Он прошел все стадии подготовки КГП (костюм-грим-прическа — именно в таком порядке) и спешил в зал набора текста диктовать свои подводки на телесуфлер. Для него это был последний этап вычитки текста — проговорить его вслух, внести финальную правку.

Шарлен направилась в противоположную сторону, в просмотровый зал. Два ряда кресел в миниатюрном амфитеатре перед гигантским экраном. Родрик, главный редактор, и скрипт-редактор уже были здесь, ждали только ее. Шарлен села на свое обычное место, открыла ноутбук и поставила рядом кружку. У них оставался добрый час, чтобы один за другим пересмотреть все сюжеты выпуска в их окончательной версии и при необходимости запросить доработку. На этом этапе обычно речь шла о языковых правках, уточнении формулировок в комментарии, а иногда о сокращении или добавлении монтажных фраг-

ментов, если имелся запасной материал. Время поджимало, поэтому кадры мелькали быстро. Журналисты приходили представить свой репортаж, выслушивали замечания, отвечали на вопросы Родрика — можно ли внести какие-то исправления и хватит ли отснятого материала — и так же быстро исчезали. Все они надеялись получить заветное ГКЭ — «готово к эфиру», а если нет — В2, В3, В4… по числу переделанных версий. Разворачивалась привычная гонка со временем.

Шарлен видела в своем компьютере, как сюжеты выпуска один за другим становятся зелеными по мере того, как Родрик их утверждает, в то время как третьи или четвертые версии последних материалов загружаются на сервер. Оранжевый цвет означал, что сюжет еще не готов. 19:41. Осталось четыре материала, помеченных оранжевым, то есть находящихся на доработке. Если не случится катастрофы, они успеют. Тем временем Поль Даки-Ферран вышел на съемочную площадку, собираясь быстро прорепетировать, и занял свое место.

Родрик нервничал из-за комментария, который казался ему недостаточно динамичным.

— Это Марго делала? Что на нее нашло? Она что, под транквилизаторами? Скукотища, ника-

кого темпа!

В этот момент вошла запыхавшаяся Марго.

— Это не та версия, — сразу заявила она. — Я только что загрузила на сервер последнюю.

— Если с самого начала не звучит энергичнее, будешь читать из кабины, у меня больше нет времени на пересмотр, — предупредил Родрик.

Кабина была кошмаром для большинства журналистов — если не удавалось получить одобрение до начала новостей, им приходилось комментировать свой репортаж в прямом эфире во время выпуска. Запинаться нельзя, не попадать в картинку нельзя, ошибиться с интонацией нельзя — дубль всего один. У Родрика было напряженное, сосредоточенное лицо. Он кивнул, жестом приказав Шарлен перевести репортаж в зеленый статус. Готово к эфиру. Марго с облегчением вздохнула.

19:53.

— Пять минут до эфира! — крикнул голос с мостика.

Вечерний выпуск новостей на первом канале никогда не начинался ровно в восемь, а всегда на две минуты раньше. Один из способов опередить конкурентов, заставить телезрителей не опаздывать, если они не хотят пропустить начало и

застрять на рекламе. Здесь никаких задержек не бывает, все идет в прямом эфире.

— Шарли? — спросил Родрик. Больше ничего говорить и не требовалось.

Шарлен проверила свой экран. Все было зеленым.

— Готово, — подтвердила она.

— Отлично. Поехали! — громко произнес Родрик — так, чтобы его слышали во всей студии. — Передаем в режиссерскую!

Шарлен закрыла ноутбук, взяла кружку, и они пересекли мостик. Небольшой коридор, ведущий ко входу на съемочную площадку, где находились Поль и камеры, теперь был перекрыт охранником-гигантом; провод наушника змеился у него по шее и уходил под воротник рубашки. Теперь на площадку новостей не мог попасть никто, кроме немногочисленных обладателей специальных пропусков, — дверь тоже была заблокирована. Мини-бункер в большом бункере главного бункера.

Все журналисты из производственной зоны собираются на мостике или в двух просмотровых залах, чтобы следить за выпуском новостей. Несмотря на то что их работа уже завершена, все равно никто не уходит — все остаются на разбор

эфира. Родрик дает обратную связь — что прошло хорошо, а что нужно улучшить в следующий раз.

В режиссерской обстановка царила довольно странная — там мрачно и темно. Свет исходил только от множества мониторов, передающих изображение с каждой камеры, картинку со всех ракурсов и готовые к эфиру сюжеты. Консоли мерцали сотнями кнопок, и все это напоминало полутемный центр управления космическими полетами поздно ночью. Каждый человек за своим пультом точно знал, что нужно делать.

Режиссерская занимала три яруса. На первом режиссер с ассистенткой по монтажу заканчивал настройку, а оператор титров — тот, кто будет выводить подписи по ходу эфира, — перепроверял последние правки.

На втором ярусе Родрик с Даном (единственным помощником в тот вечер без Лорен) и Шарлен следили за ходом выпуска. Последний в этой цепочке — Симон, оператор вещания, — был готов подать сигнал.

И наконец, за ними располагалась вся производственная группа, которая управляла прямыми включениями и при необходимости исправляла технические огрехи.

Всего около дюжины человек, не считая сотруд-

ников в прилегающем помещении, где работали со звуком, цветокоррекцией и светом.

19:55. Все на местах. Никакого стресса в этот вечер, ничто не нарушило работу, никаких неприятных сюрпризов, никаких экстренных новостей в последний момент. Без сложных переключений во время эфира между студией и удаленными корреспондентами, без приглашенных политиков, которых нужно контролировать, — самый обычный выпуск.

Только полнейшая концентрация и тишина, прерываемая негромкими голосами.

Директор информационной службы, главный босс редакции, Ирен Хачатурян, тихо вошла сбоку и скользнула тенью в глубину зала. Ее прозвали Белой Дамой из-за длинных седых волос, но главное — из-за способности появляться совершенно неожиданно и язвительными комментариями наводить на всех ужас. Похоже, ее боялись даже собственные морщины — туго натянутая кожа на худом лице поблескивала под массивной оправой темных очков. Говорила она мало, но ее слова били сильнее, чем хлопок паруса на ветру. Поговаривали, что она очень близка с Амели де Кастельнак, генеральным директором, действительно очень близка, может быть даже чересчур.

Теперь она пришла проследить за последними нотами сложной партитуры.

На стене мониторов Шарлен увидела, как Поль Даки-Ферран выключил свой мобильник и положил его на небольшую консоль под столом, где хранил свои вещи. Оттуда он достал маленькое зеркальце и в последний раз убедился, что волосы лежат безупречно. Как и многие, кто работает перед камерами, Поль знал: запинку в комментарии ему легко простят, а вот изъяны во внешности — едва ли. Таково требование телезрителей — либо ты выглядишь безупречно, либо будь готов к оскорбительным замечаниям. В обществе, крайне озабоченном толерантностью к внешнему облику, все борются с дискриминацией и предрассудками, а вот на телевидении, как ни странно, эти взгляды пока не привились.

Шарлен нажала кнопку на пульте интеркома внутренней связи и открыла свой канал — на профессиональном жаргоне это означало, что она включила личный микрофон для прямой связи с ведущим через его наушник, крошечный динамик в ухе.

— Поль, не забудь, что мы поменяли местами второй и третий сюжеты и репортаж о Тулузе удлинили на десять секунд, так что нужно уско-

рить начало.

Зная, что за ним наблюдают со всех сторон, Поль просто показал большой палец, подтверждая, что все понял, — отвечать не требовалось.

— Минута до эфира! — крикнул кто-то в режиссерской.

Поль встал на стартовую позицию, отмеченную на полу пронумерованным кружком. На площадке таких отметок было около десятка, маленьких и поэтому незаметных для зрителей, но каждая из них указывала место, где журналист должен находиться во время своих перемещений по студии. Стартовая точка была неизменно одной и той же, остальные зависели от потребностей дня — для 3D-проекции, для гостя или специального обозревателя. Закончилась эпоха, когда весь выпуск вели, сидя перед камерой, — теперь нужно чередовать ракурсы, радовать глаз публики и, главное, избегать монотонности: упустишь внимание зрителя — он перескочит на другой канал.

Поль в последний раз поправил безупречно сидевший пиджак, бросил финальный взгляд на карточки (они нужны на случай поломки телесуфлера, но главное — придают уверенность, занимают руки), и внезапно, как только он

внутренне собрался, появилась его фирменная улыбка восьмичасовых новостей. Идеально отработанная, едва заметная, именно такая, какая требовалась, чтобы успокоить и приветствовать зрителя. Улыбка, покорившая французов.

Узнаю моего Поля, произнесла Шарлен про себя.

— Тридцать секунд!

Шарлен, как было заведено, по дороге наполнила кружку водой из кулера, а сейчас сделала глоток — этот ритуал ее успокаивал — и теперь была готова давать указания Полю во время выпуска, в основном технические. В прямом эфире ведущий предоставлен самому себе, Поль оставался практически один на закрытой съемочной площадке. С ним были только прятавшаяся в углу оператор телесуфлера, которая обеспечивала прокрутку текста с нужной скоростью, и ее ассистент, на всякий пожарный случай, — именно он мог принести стакан воды или решить мелкую проблему, пока на экране идет репортаж. Кроме того, на другом конце студии за монитором следила невидимая за декорациями визажистка — удостоверялась, что между подводками ведущему не требуется подправить грим, — администратор площадки вел хрономет-

раж, размещал гостей, переставлял декорации, а оператор управлял автоматизированными камерами, передвигавшимися на рельсах или висевшими на телескопических кронштейнах. Это совсем немного для площади в двести квадратных метров, где снимают новости для миллионов телезрителей. Поль, оказавшись под софитами, перед черными объективами, в окружении светодиодных стен, почти никого из присутствующих не видел. Шесть человек, запертых в студии, были ближе всех к французской телеаудитории.

Шарлен следила, чтобы Поль не чувствовал себя брошенным, — она была связующим звеном между ним и режиссерской. Его проводником, если потребуется. Но Поль оставался Полем, ему, с его опытом и хладнокровием, никто не нужен; время от времени он даже позволял себе импровизировать, отчего Белая Дама скрипела зубами — она обычно требовала от него дать обещание, что подобное не повторится. Но история повторялась. Поль единственный мог ей не подчиниться — его популярность была сильнее власти начальницы.

В режиссерской все взгляды были прикованы к стене экранов. Голоса сменяли друг друга:

— Десять секунд!

— Всем хорошего эфира, — сказал Родрик со второго яруса.

— Пять секунд. Три-две-одна…

— Внимание, пошла заставка!

И понеслось.

Эфир принадлежал им. Более шести миллионов человек подключились сейчас к их картинке, слушали их слова.

Укрывшись в своем бункере, они были неуязвимы.

Они были оком мира.

5

Знакомая заставка уже исчезла, и на главном экране появился Поль Даки-Ферран:

— Добрый вечер, приветствую всех вас! В новостях этого понедельника…

Поль был в ударе: ритм, дикция, взгляд — все на месте. *Идеально*, подумала Шарлен. Ей грех жаловаться. Он вкалывает как проклятый и не нуждается в поправках.

Заголовки закончились, пошел первый сюжет. Во время этой короткой паузы Поль мог вернуться к столу и сесть в свое любимое кресло. *Знали бы люди*, подумала Шарлен. Это было дешевое, страшно неудобное офисное кресло, но Поль ни за что не хотел его менять. Говорил, мол, именно потому, что оно такое жесткое, он вынужден держаться прямо — в этом секрет его осанки.

Шарлен следила за тайм-кодом репортажа и включилась, чтобы сообщить Полю через наушник:

— Сорок пять секунд. Дальше растянутый сюжет, надо начинать поживее.

Поль воспользовался моментом, чтобы отве-

тить ей в микрофон:

— Я не слишком тараторил на заголовках?

— Нет, все тип-топ.

В тот вечер генеральный директор канала отвел им на выпуск сорок четыре минуты. День на день не приходится — от сорока двух до сорока шести минут в зависимости от рекламы и обстоятельств: спортивных или политических событий… Они категорически не имели права выйти за рамки или сократить время, все было рассчитано до секунды, и единственное, что можно было регулировать, — это скорость речи Поля.

— Десять секунд! — объявил администратор студии.

Не дожидаясь команды, Поль вернул голову в нужное положение, едва заметно опустил подбородок, посмотрел в камеру и заговорил, соблюдая безупречный тайминг. Как только появился репортаж и он исчез с экрана, Поль стал вычеркивать маркером подводки по ходу эфира на лежащем перед ним листе.

Режиссер выпуска раздраженно спросил:

— Почему пятая съехала?

Шарлен подняла глаза на монитор камеры номер 5, спрятанной за полупрозрачным зеркалом, — панорамный план с заднего бокового

ракурса. Камера действительно слегка наклонилась. Режиссер нажал на свой интерком, чтобы связаться с оператором в студии:

— Режи, почему пятая сдвинулась?

Шарлен осталась на открытом канале, чтобы слышать их разговор.

— Черт возьми, не знаю.

— Хочешь, я пойду поправлю? — спросил администратор площадки, который тоже слышал все в наушниках.

Режи мог незаметно пробраться, спрятавшись за деревянными панелями, к которым крепились светодиодные экраны, и обойти помещение по периметру вдоль стен.

— Нет времени, возвращаемся в студию через тридцать секунд. Сделаешь во время основного сюжета, через семь минут.

Через семь минут предстоял большой материал, занимавший центральную часть выпуска.

Как только каналы связи отключили, режиссер выругался:

— Если они не закрепят камеру, мы облажаемся, черт подери! Работаем без пятой.

После следующей подводки угол камеры номер 5 снова сдвинулся, на сей раз в другую сторону. Это было не так очевидно, но для наметанного

глаза сомнений не оставалось.

— Там что, кто-то прячется за зеркальным стендом? — разозлился режиссер.

— Разумеется, нет, — отрезала Белая Дама из глубины режиссерской.

Если смотреть из студии, зеркальное полотно казалось непрозрачным; невидимая в кадре камера находилась практически за спиной у ведущего.

Ирен Хачатурян была уверена в своей правоте: помимо мер безопасности, делавших доступ в студию крайне затруднительным, пространство за стендом было крайне узким. *Но все-таки туда можно влезть*, подумала Шарлен.

Поль Даки-Ферран как раз комментировал экономическую ситуацию, когда все увидели, как монитор пятой камеры вновь слегка качнулся. За пределами режиссерской этого никто бы не заметил, но теперь все взгляды были обращены только туда.

— Мне кажется или камера качается в определенном ритме? — задумчиво произнес Дан.

Качается в ритме дыхания. Как будто кто-то стоит там, зажатый в углу, касаясь камеры при каждом вдохе, и слегка двигает ее.

— Кстати, у нас идет эфир! — напомнил Род-

рик.

Затем он повернулся к Ирен, прикрыл микрофон наушников рукой и шепотом сказал:

— Я бы позвал охранника.

— Исключено, — отрезала она. — Не будем отвлекать Поля. Может, туда залез какой-то стажер из редакции? Настолько безмозглый, что решил там спрятаться?

Родрик пожал плечами — вопрос показался ему абсолютно бессмысленным — и вернулся к своему пульту.

Поль закончил подводку и что-то вычеркивал маркером, когда все в режиссерской увидели, как камера 5 резко развернулась и уткнулась в стену. Ее явно толкнули. Затем на других экранах увидели, как приподнимается зеркальное полотно. Студия, отражаясь, скользила по его зеркальной поверхности, словно в замедленной съемке.

Это было невероятно. Через минуту они возвращаются в прямой эфир крупным планом на Поля, а кто-то в это время приподнимает декорацию и появляется за спиной ведущего.

Черный силуэт, зловещая тень на фоне ослепительно-белой студии. И эта тень в мгновение ока оказалась рядом с Полем.

Все в режиссерской замерли, пораженные неве-

роятным зрелищем: человек в балаклаве, поверх хромированная маска — бесстрастное лицо, в котором отражались софиты.

В руке появился пистолет, черная фигура приставила его к виску Поля, а тот напрягся и нахмурился, не сразу сообразив, что происходит. Затем черная фигура показала смартфон в другой руке, транслирующий прямой эфир.

Человек заговорил, и микрофоны Поля подхватили и разнесли по всей режиссерской жуткий голос, искаженный электронным устройством:

— Я знаю, что до возвращения трансляции осталось тридцать секунд. За это время вы должны решить, прервете ли вы выпуск или покажете меня в прямом эфире. Но знайте: если через тридцать секунд я не увижу себя на этом экране, то буду стрелять.

И он вытянул руку, плотнее прижимая дуло к голове Поля.

6

В режиссерской Симон, оператор выпуска, держал одну руку на кнопке, а другую на регуляторе, готовый прервать программу и переключить трансляцию на так называемую центральную аппаратную — сердце «МД1», откуда сигнал поступал в каждый французский дом.

Он смотрел на главреда сквозь тонкие очки в стальной оправе, ожидая приказа.

Но Родрик словно оцепенел.

Стоявшая рядом Шарлен окликнула его:

— Родрик, у нас двадцать секунд. Что делаем?

Главный редактор повернулся к Ирен Хачатурян. Здесь самой главной была она — только она имела право не поддаться на шантаж и взять на себя ответственность за все последствия или же транслировать в прямом эфире захват заложника в самом рейтинговом восьмичасовом выпуске национальных новостей.

— Делаем, как он требует, — отрезала она бесстрастно. — Дан, предупредите полицию по прямой линии.

О существовании этой специальной линии

знали все. «МД1», учитывая статус канала — потенциальной мишени для террористических групп и просто психов, имел привилегированный доступ к службам экстренной помощи, включая полицию.

Черная фигура на экранах — невозможно определить, мужчина это или женщина, — ждала ответа, держа пистолет у виска Поля. Тот побледнел и замер. Казалось, он не может поверить в происходящее. Он хмурился — дружелюбное, серьезное, хотя не напряженное выражение лица исчезло, уступив место настороженности.

Черная фигура положила телефон на стол, освобождая руку.

Шарлен мгновение внимательно рассматривала незваного гостя. Камуфляж, массивные ботинки, черная куртка с длинными рукавами, перчатки из эластичного материала, плотно облегающие пальцы, балаклава и эта серебряная маска, придававшая лицу вид манекена с витрины: в ней отражались все лампы, а их в студии было немало.

Внезапно внимание Шарлен привлекла одна деталь, и ее осенило:

— Это все очень серьезно. На нем бронежилет.

— А что, до этого он шутил? — бросил сидевший

слева от нее Симон, еле сдерживая страх.

— Это значит, что он настроен решительно и не сбежит. Готов защищаться от пуль.

Через микрофоны на пиджаке Поля в режиссерской снова прозвучал синтезированный зловещий голос:

— У вас осталось меньше десяти секунд.

Белая Дама подошла к Родрику и нажала на кнопку интеркома, чтобы ее голос через свисающие с потолка динамики заполнил всю студию:

— Не трогайте его, вы сможете выйти в эфир.

После этих слов черный человек выдернул у Поля наушник и засунул его под свою балаклаву. Было ясно, что он разбирается в студийной технологии.

— Ему известно, что наушник в левом ухе Поля, — заметил вслух Родрик. — Он его даже не искал!

Ирен Хачатурян, прижав мобильник плечом к уху, хлопнула в ладоши, привлекая внимание первого ряда режиссерской. Когда оператор титров обернулся, она обратилась к нему:

— Сделай мне бегущую строку «Данная программа транслируется вопреки нашей воле». Начнем с этого. Крупно, красным. Да, алло? Амели?

Отвечая на звонок генерального директора «Медиаплекса», Ирен тут же отошла от пульта, оставив своих людей наедине с захватчиком.

Сюжет на экране закончился.

Родрик, на которого были устремлены все взгляды, дал знак режиссеру продолжать.

— Возвращаемся в студию, — скомандовал тот дрожащим голосом.

Ошеломленная Шарлен осознала, что все происходит на самом деле. Это не журналистская фантазия, не дурной сон — все реально, здесь и сейчас. И теперь уже слишком поздно уйти и сделать вид, что это ее не касается.

Черный силуэт, приставивший пистолет к виску Поля Даки-Феррана, появился на центральном экране, а следовательно, на экранах всех телевизоров, принимавших «МД1», где бы они ни находились, во Франции и по всему миру.

Поглядев на экран своего мобильного телефона, лежащего на столе, и убедившись, что он в прямом эфире, черный человек с удивительной, почти неуместной деликатностью взял Поля за лацкан пиджака и потянул на себя, приблизив микрофон к своему серебряному лицу. Леденящий голос проник в каждый дом:

— Как вы можете убедиться, это больше не ваш

вечерний выпуск. Отныне ситуация под моим контролем. Если сигнал будет прерван, я убью Поля. Если хотя бы один человек войдет в эту студию, я убью Поля. Если вы попытаетесь заглушить передачу или подстроить мне ловушку, я убью Поля.

Мертвая тишина воцарилась во всей производственной зоне — полсотни человек в полном потрясении застыли перед мониторами обратной связи и ждали, не веря своим глазам. У них в голове не укладывалось, что это происходит прямо здесь, в нескольких метрах от них, в самом сердце бункера, в прямом эфире.

Голос продолжил:

— Если вы думаете, что я пошутил, я убью Поля. Переключите на эту камеру, вон туда.

Он переместился вправо, к камере 3, одной из больших камер на рельсах.

Послушно выполняя требование, режиссер перевел изображение на экран через третью камеру.

Когда черный человек увидел, что над объективом загорелся красный индикатор, показывающий, что именно эта камера ведет прямую трансляцию, он направил оружие в ее сторону — а значит, в сторону всех, кто смотрел телеви-

зор, — и нажал на спусковой крючок.

Все произошло мгновенно. Камера даже не успела запечатлеть смертоносную вспышку — изображение погасло, а в микрофонах прозвучал выстрел, прогремев по всей производственной зоне. Раздались крики ужаса. И снова воцарилась тишина.

Всей Франции только что выстрелили прямо в лицо.

Режиссер, увидев черный экран, переключился обратно на первую камеру — основную, установленную напротив стола, и террорист тоже вернулся к ней и снова поднес оружие к виску Поля, который вздрогнул от прикосновения раскаленного ствола.

— Я не шучу, — произнес голос, на этот раз очень тихо.

Звукорежиссер крикнул из соседней комнаты:

— Этот придурок вырубил основной микрофон Поля!

Оставался еще один, но, чтобы его было слышно, нужно приблизить его к лицу, и этот запасной был прикреплен на пиджаке Поля справа, в то время как незваный гость стоял слева от него.

Шарлен выдохнула; у нее дрожали руки, но она не сдавалась. Она включила свою кнопку

интеркома, увидела, как черная фигура надела наушник. Он ее услышит.

— Вы своим выстрелом вывели из строя один из микрофонов. — Голос звучал твердо, несмотря на стресс и внезапно пересохшее горло. — Если вы хотите, чтобы вас слышали, нужно говорить в другой — он прикреплен на правом лацкане пиджака ведущего.

Черный человек склонил серебряную голову набок, словно заинтригованная сова.

Затем он отстегнул микрофон с лацкана, потянул за провод, чтобы Поль передал ему блок, к которому тот был подключен, — обычно его закрепляют на поясе ведущего, — и поднес к своим бесстрастным губам:

— Кто вы?

Шарлен оказалась в центре внимания. Вся режиссерская следила за ее реакцией. Справа Родрик смотрел на нее в упор, но явно не собирался хоть как-то прийти на помощь.

— Я… выпускающий редактор.

— Кто. Вы. Такая? — повторил голос, выделяя каждое слово.

— Я… Меня зовут Шарли.

Повисла пауза. Незваный гость, казалось, размышлял.

— Хорошо, Шарли. Вы будете моим Сверчком. Джимини Крикет[11]. Вы же знаете Сверчка Джимини?

Шарлен с трудом сглотнула, прежде чем смогла ответить:

— Насекомое из «Пиноккио».

— Это внутренний голос Пиноккио. Сверчок, как следует из его имени. Вы хотите быть моим внутренним голосом, Шарли?

Шарлен ждала поддержки коллег, но, хотя все смотрели на нее, никто не отреагировал.

— Если вы никому не причините вреда… Я… я согласна.

— Это будет зависеть от моего внутреннего голоса, — ответила черная фигура жестко, хотя и с некоторой игривостью, которую заметили все. — Но пока зрители, которые нас смотрят, не должны быть в курсе того, что мы говорим, поскольку они вас не слышат, так что оставайтесь в моей голове — вмешаетесь, только когда я попрошу. — Черная фигура угрожающе ткнула

---

[11] Сноски: 11

В книге итальянского писателя Карло Коллоди «Приключения Пиноккио» этот персонаж называется просто «il Grillo Parlante» (Говорящий Сверчок). Имя сверчка Джимини Крикет было придумано для мультипликационного фильма Уолта Диснея «Пиноккио» («Pinocchio», 1940). «Jiminy cricket(s)!» — это эвфемизм, восклицание, заменяющее «Jesus Christ!» («Господи!»), поэтому во французском тексте фраза «как следует из его имени» понятна только тем, кто знаком с диснеевской версией.

пальцем в сторону камеры, затем сделала более плавный жест. — Дамы и господа, мы проведем какое-то время вместе. Так что устраивайтесь поудобнее. — Затем он указал на что-то за кадром и обратился к администратору студии: — Принеси мне стул. Отсюда не выходи. Я знаю, у вас там стоят стулья для гостей.

И тут Поль отреагировал так, что это выбило Шарлен из колеи.

Теоретически она могла бы это предвидеть, зная хватку этой медийной акулы. Вполне логично, что его мозг не мог вечно оставаться в шоке, что журналистская натура рано или поздно возьмет верх. Но чтобы так быстро? Это было неожиданно.

Поль попытался повернуть голову к своему похитителю, но тот дулом пистолета остановил его. Поль поморщился от боли. Затем сделал глубокий вдох и спросил:

— Чего вы хотите? Каковы ваши требования?

Черная фигура, казалось, удивилась. Человек посмотрел на Поля, затем ответил своим гортанным синтетическим голосом:

— Прежде чем выйти на сцену, великие артисты выжидают, пока в начале первого отделения зал не заполнится до отказа. И я уверен, что, во-

преки всем ожиданиям, наш зал будет ломиться от публики. Когда нас наберется достаточно, я сообщу вам, чего хочу.

7

База спецназа находилась в глубине тихой улочки, вдали от жилых кварталов. Только противотаранные барьеры давали понять, что за этими стенами скрывается объект высокой стратегической важности.

В центре базы размещался гараж. Огромный ангар с широко распахнутыми воротами, где стояли машины опергруппы, составлявшие колонну. Здесь было несколько типов транспорта, от внедорожников до минивэнов, включая роскошные автомобили, конфискованные у наркоторговцев, и бойцы сами брали из этого парка то, что было нужно по ситуации.

Вся группа Яниса собралась здесь в ожидании выезда на тренировку. Быть в первой готовности не означало просто ждать, когда запищат пейджеры, а лишь находиться вместе, чтобы в случае необходимости ответить на экстренный вызов.

Янис чистил оружие — привычное занятие оперативника. У него было восемь единиц оружия, которые он брал с собой на задания; впрочем, у некоторых коллег их было немного больше.

Подготовка включала обращение с автоматическими пистолетами, штурмовыми винтовками и стрельбу из снайперской винтовки, хотя в распоряжении бригады был внушительный арсенал. Поэтому каждый сам подбирал из него оружие в зависимости от поставленной задачи и того, что считал необходимым, а по ходу операции они могли переоснаститься, поскольку все это всегда возили с собой в заднем отсеке машины. Любой боец полностью отвечал за себя, мог выполнять любую роль и самостоятельно принимать решения. Они постоянно менялись местами в штурмовой колонне: кто-то шел с тяжелым бронещитом, кто-то становился замыкающим, другие осуществляли захват или огневое прикрытие: они должны были изучить все позиции, понимать функции каждого, чтобы сформировать сплоченную команду.

Определенной специализации придерживались только те, кто работал со взрывчаткой, снайперы дальнего действия или кинологи, не считая группы спецсредств — технического подразделения спецназа и экспертов — они отвечали за технологическую часть: дроны, роботы, тепловизоры, камеры на штангах…

И еще были кризисные переговорщики. Совсем

другая специализация.

Янис, как и многие его коллеги, имел свои предпочтения в вооружении. Среди его любимчиков был универсальный «Брен-806» — штурмовая винтовка, для непосвященных — оружие из голливудских боевиков. Компактная и легкая, она была способна выпустить тридцать патронов калибра 7,62 х 39 мм с достаточной убойной силой, чтобы обезвредить свихнувшегося амбала в бронежилете. Для молодого человека это был идеальный компромисс между мобильностью и мощью. И точность до трехсот метров.

Тот же калибр, что у знаменитого АК-47, «автомата бандитов и террористов». Пятнадцать лет назад выбор «брен» для спецподразделения вызвал бы изумление у специалистов, привыкших к более «разумным» стандартам: калибрам 9 мм или 5,56 — их легче перевозить в больших количествах, проще контролировать при стрельбе очередями, и, главное, они отвечали принципу охраны правопорядка: только ранить, не обязательно убивать на месте.

Не говоря уже о том, что если девятимиллиметровая пуля не попадала в цель, то обычно застревала в стене, а не пробивала ее насквозь, поражая случайных людей. Но теракты 2010-х

годов показали, что этих традиционных калибров уже недостаточно для городского боя против решительно настроенных, порой обкуренных экстремистов в бронежилетах. Нужно что-то другое, способное немедленно их остановить. «Брен-806» был создан именно для этого. Мастерство стрелков спецназа с лихвой компенсировало его недостатки.

Янис ценил этого монстра: если верно рассчитать, можно размозжить плечо преступнику, держащему на прицеле заложника, а в крайнем случае — мгновенно ликвидировать террориста. Когда не удавалось разрешить ситуацию переговорами, «брен» открывал другой путь, и порой одного его рева хватало, чтобы снова вернуть противника к переговорам: страх делал их сговорчивее.

Марко, высокий голубоглазый блондин, лучший друг Яниса, возвращался из тира. Тир был открыт круглосуточно, с неограниченным доступом к боеприпасам — здесь стреляли так же часто, как другие устраивают перекуры в течение дня. Он тоже был в камуфляже, с пистолетом, засунутым сзади за пояс, и в футболке парашютиста спецназа. Дежуря в первой готовности, они частично сохраняли боевую экипировку, но тя-

желое снаряжение надевали только при выезде и в последний момент — комплект, в зависимости от конфигурации, добавлял от двадцати до тридцати килограммов.

Марко сел рядом с другом:

— Ну что, дозвонился жене?

Янис в раздражении цокнул языком:

— Нет.

— А я-то думал, на тебя нашел порыв нежности. Что ты захотел с ней поговорить.

Янис пожал плечами:

— Вот именно, но я успел поразмыслить и передумать.

Марко хлопнул его по спине:

— Слушай, старик, не упусти шанс. Если сомневаешься, хотя бы напиши ей. На кону твоя дочь…

— Думаешь, я сам не знаю? Думаешь, мне нравится такая жизнь, когда я вижу ее только в выходные, свободные от дежурств?

Марко, который был в курсе проблем приятеля, продолжил за него, что было нетрудно:

— Но если ты окажешься в какой-нибудь бригаде в глуши и будешь там киснуть…

— Вот именно.

Янис тяжело вздохнул. Он не мог найти выхода из этого тупика. Не мог окончательно поста-

вить крест на своем браке, на Джой и Анни, но слишком хорошо понимал, что не выдержит повседневной рутины брака. Может быть, лет через десять, но не сейчас.

Янис добавил уныло:

— Говенный переговорщик, который не способен достичь компромисса даже с собственной женой…

Марко дружески похлопал его по плечу:

— Не неси чушь.

Марко был прав: друг начинал совсем по-детски жалеть себя. Янис вскинул подбородок и сказал:

— Мне нужно размяться, потренируемся?

Марко тут же вскочил и указал на вход в ангар:

— Кажется, твое желание вот-вот исполнится.

К ним бежал капитан Остен, командир подразделения.

В тот же момент запищали пейджеры.

Стемнело. Минивэны спецназа с включенными проблесковыми маячками мчались по национальной трассе 118 сквозь довольно плотный поток машин, выжимая максимальную скорость. Помимо всего прочего, бойцы проходили курс экстремального вождения и тренировались на автодроме для освоения скоростной езды.

Остен провел быстрый брифинг, и вереница автомобилей рванула с места — в основном «мерседесы-вито» и «фольксвагены-транспортеры», за которыми следовали два более резвых «ауди», на всякий случай. Колонна из пятнадцати машин мчалась, соблюдая минимальную дистанцию, чтобы какой-нибудь придурок не вклинился между ними, хотя на такой скорости это было почти исключено.

Канал «МД1» находился в районе Булонь-Бийанкур. Меньше двадцати минут от Сатори, если удастся сохранить темп.

Марко, сидевший рядом с Янисом во второй машине, недоумевал:

— А с чего нас дернули, если это в Булони? Там зона полиции, должна действовать БПР или ПСВР![12] — крикнул он, перекрывая шум мотора.

— Национальная система реагирования, — ответил Жислен, командир их группы, сидевший впереди рядом с водителем. — После терак-

[12] Сноски: 12

БПР — бригада поиска и реагирования (BRI, Brigade de recherche et d'intervention); бригада действует только в Париже и ближайших пригородах и специализируется на борьбе с организованной преступностью и терроризмом, насчитывает около 60–80 оперативников. *ПСВР* — «Поиск, содействие, вмешательство, разубеждение» (RAID, «Recherche, Assistance, Intervention, Dissuasion»); это элитное антитеррористическое подразделение действует по всей Франции, кроме Парижа, насчитывает около 300 человек.

тов в «Батаклане»[13] приоритет у ближайшего подразделения. Хватит разборок типа «это моя территория, не лезь».

Жислен был самым старшим из них — тридцать семь лет, ежик седых волос и характерный протяжный вогезский выговор с растянутыми гласными.

— Это понятно! — ответил Марко. — Но ведь они так же близко, как и мы, нет?

— Сегодня выдался не лучший денек. Со вчерашнего дня везде неспокойно, все перегружены, антитеррор тоже, у них сегодня вечером все в разгоне. Так что выпало нам.

Тусклый оранжевый свет дорожных фонарей падал на них через тонированные стекла.

— Совсем задолбали, — выдохнул недовольный Марко.

— Что, работа уже разонравилась?

— Нет, пока нравится. Но это значит, что мы сейчас останемся на подхвате, а командовать будет полиция. И придется им подчиняться. Не люблю такое.

---

[13] Сноски: 13

Теракты в «Батаклане» — серия скоординированных террористических атак в Париже 13 ноября 2015 года: тогда в концертном зале «Батаклан» погибли 90 человек, а всего в тот день в результате атак в разных районах Парижа погибли 130 человек, более 400 были ранены.

— Да ладно, какая разница, кто кого, главное — работа.

Марко для вида что-то пробурчал.

Янис, знавший друга как облупленного, толкнул его ногой, подтрунивая над его ворчанием. Пока еще можно расслабиться перед выходом на сцену.

С каждой минутой, с каждым оставленным позади километром напряжение все возрастало. Никогда не знаешь, как долго продлится операция, как далеко им придется зайти и вернутся ли они в полном составе, целыми и невредимыми.

Пока они мчались к цели, начальство в одной из машин собирало всю доступную информацию. Нужно узнать побольше, чтобы занять оптимальную позицию по прибытии.

Подразделение спецназа состояло из двадцати человек. Двое командиров на самой вершине: офицер, обеспечивавший координацию между начальством, внешним миром и своими группами, и его заместитель, обычно самый опытный во всем подразделении, отвечавший за тактику. Ниже — два командира тактических групп, которые унаследовали от профсоюзных лидеров только способность объединять бойцов для выполнения приказов. Каждый из них руководил

двумя звеньями по четыре человека — три бойца и командир звена.

Янис и Марко подчинялись Жислену. За рулем сидел Клем, третий член команды — здоровяк с выпирающими бицепсами и грудными мышцами, готовыми порвать любую обтягивающую футболку. Вчетвером они составляли второе звено. И было еще три аналогичных. Первое и второе подчинялись командиру, которого прозвали Черно́ из-за оттопыренных ушей, сломанного раз десять и навсегда искривленного носа и щек, изрытых следами давних подростковых прыщей[14]. Именно Черно будет распределять их по позициям по прибытии.

Внезапно зазвонил мобильный Яниса. *Наконец-то*. Звонили из национальной группы переговорщиков в Сатори. В ячейке переговорщиков всегда дежурил один координатор-ветеран для поддержки работавших на выезде. В тот вечер это был Эли, один из старейших в группе, опытный переговорщик. С его поддержкой Янис чувствовал себя увереннее.

— У нас пока почти ничего, — предупредил

[14] Сноски: 14

Прозвище «Черно» (сокращение от Чернобыль) — намек на то, что герой из-за совокупности своих физических недостатков выглядит как мутант, ставший жертвой радиации.

Эли. — Я на связи с начальником службы безопасности канала, но парень разрывается по всем фронтам одновременно. Тебе придется собирать информацию прямо на месте. Не вступай в контакт с противником, пока у нас не будет хотя бы минимальной информации.

Обычная процедура. Эли выполняет функции офицера разведки, добывает возможные данные о террористе, а Янис действует на месте. Эли работает из штаба, собирает все, что может, о преступнике, об удерживаемых им лицах, при необходимости он свяжет Яниса с семьями и, поскольку будет свободен от неизбежных на месте событий эмоций, обеспечит общее видение ситуации и даст ей трезвую оценку. Янис прекрасно знал эту схему.

— Известно, кто заложники? — спросил молодой аджюдан.

— Устанавливаем личности. Как только получу детали, опрошу близких, обязательно посмотрю психологические данные на каждого, чтобы оценить возможные реакции и устойчивость к стрессу, и подготовлю тебе информацию.

— Он все еще в прямом эфире?

— Да, я его вижу.

— Поведение?

— Спокойный. Ждет, — ответил Эли.

— Говорит что-нибудь?

— Нет. Оглядывается по сторонам и временами смотрит прямо в камеру.

— Насилие?

— Почти нет, только угрожает ведущему оружием.

— Требования?

— Никаких.

— Но он же явно чего-то хочет! Чтобы попасть туда, ему пришлось очень сильно постараться…

— Я тоже так думаю. И поэтому боюсь, что мы застрянем тут надолго. Надеюсь, у тебя ничего не запланировано на ближайшие часы…

Янис был благодарен коллеге и начальнику за то, что не произнес вслух «ближайшие *дни*», которые в действительности подразумевал. Самые жесткие захватчики заложников, которые долго вынашивали и готовили свой план, способны вести переговоры бесконечно.

— Он сразу же запретил использовать глушилку, чтобы видеть трансляцию на телефоне, — предупредил Эли. — Ты смотришь прямой эфир?

— Нет, еще нет.

— Мы в Центре следим за ним по телевизору, к твоему прибытию я сделаю сводку его действий.

Значит, ты не видел ни одного кадра?

— Я даже не знаю, как он выглядит.

— Вот именно… У меня хорошая новость: он в маске, и голос изменен.

Янис удивился, и эта новость действительно его успокоила. Человек, который так старательно скрывает свою личность, явно собирается сбежать, а не взорвать всех вместе с собой, иначе не стал бы беспокоиться о том, что его могут опознать. С другой стороны, это исключало такой мотив, как желание прославиться.

— Плохая новость… — продолжил Эли. — Возможно, тебе придется вести переговоры в прямом эфире.

От этой мысли Янис мгновенно похолодел. Чистое безумие. Переговоры — это медленная и тонкая игра, эмпатия и расчет, но без симпатии, и иногда приходится прибегать к приемам, которые могут шокировать непосвященных или быть неправильно истолкованы. Янис вовсе не собирался манипулировать захватчиком или обманывать его, но переговоры преследуют несколько целей, которые могли быть непонятны широкой публике. Например, если переговорщик видит, что они зашли в тупик, но есть шанс на успешный штурм, он обязательно продолжит

переговоры, чтобы выиграть время, или подвести противника к выгодной для штурма позиции, или заставить его взять что-то в руки, чтобы тот на секунду выпустил оружие, — все эти варианты падкие до сенсаций журналисты будут потом комментировать, даже если под огонь критики попадет жандармерия.

— Это невозможно, — сказал Янис. — Нельзя вести переговоры в прямом эфире. Люди будут реагировать, этот тип может читать их комментарии в Сети, и все полетит к чертям собачьим.

— Это будет первая задача. Нам не нужно требовать доказательств, что заложник жив, — он и так перед камерой. Зато тебе придется добиваться, чтобы разговор шел между нами и им, но без присутствия зрителей.

Янис стиснул зубы. Чтобы что-то получить, придется что-то дать взамен. Оставалось понять, чего добивается этот тип.

— Будет трудно. Раз он заявился на телевидение, значит хочет, чтобы его услышали, — размышлял он вслух. — Надо установить его личность. Потребуется много часов… Не зная его слабых мест, не имея данных о нем, я быстро ничего не добьюсь.

— Работаем над этим. Сообщу, как только появится что-то новое.

На переднем сиденье Жислен созванивался с Черно. Командир группы повернулся к трем своим бойцам:

— Только что объявили: мы — ведущее звено с правом первоочередных действий, — объявил он. — Приказ министра.

Янис впервые видел, чтобы министр так рисковал репутацией. Поставить спецназ вместо полиции!

Жислен пояснил:

— Видимо, ему понравилось, как мягко мы обошлись с ультралевыми активистами в прошлом месяце, а еще они с префектом Парижа терпеть друг друга не могут, так что он сделает все, чтобы его позлить. Главное управление национальной жандармерии пришлет руководителя операции, а парижский отдел расследований подключится по судебной части.

— Отлично, — торжествовал Марко. — У нас развязаны руки.

— Тем более нельзя облажаться, — заметил Жислен, за плечами которого был немалый опыт. — На нас будет смотреть вся Франция.

— Можешь сказать — весь мир, — поправил Марко. — Черт возьми, захват заложников в прямом эфире. Такого мы еще не видели!

По мере въезда в город движение становилось плотнее. Завыли сирены, расчищая путь.

— Меньше десяти минут! — объявил Клем за рулем.

Янис начал мысленно составлять план действий по прибытии. Телеканал — режимный объект, значит у аналитической ячейки уже есть планы здания и Сатори передал их стратегам. Заместитель и два старших сержанта сейчас наверняка изучают их на планшетах, знакомясь с топографией, подходами, безопасными зонами для размещения командных пунктов…

— Парень хорошо вооружен? — поинтересовался Марко.

— Пистолет в руке, судя по всему.

— И все?

— Больше информации нет.

— Бронежилет? Взрывчатка?

— Не знаю.

Янис понимал, к чему клонит Марко. Какое оружие брать с собой. Если придется открывать огонь в здании, расположенном в густонаселенном районе, которое не удастся быстро полностью эвакуировать до их прибытия, предпочтительнее легкое оружие небольшого калибра. Но если у противника серьезный арсенал и средства за-

щиты, выбора не останется — придется идти со штурмовыми винтовками «Брен-806». Для Яниса это не было проблемой. Он надеялся, что не придется применять оружие, но «брен» придавал ощущение уверенности. С ним он чувствовал себя неуязвимым.

Дурацкая мысль. Кладбища полны парней, тоже считавших себя неуязвимыми.

Его задача — сделать так, чтобы штурмовые винтовки вообще не понадобились. Ну что ж, дело за ним.

— Пять минут! — крикнул Клем, взглянув на навигатор.

Янис почувствовал, что сердце забилось сильнее.

— Надевайте балаклавы, парни, — приказал Жислен. — Скоро тут будут журналисты с камерами.

Учитывая деликатный характер некоторых операций, лица бойцов спецназа должны оставаться невидимыми для публики.

Янис натянул балаклаву. Прорези только для глаз и рта. Затем закрепил поверх средства связи. Тяжелый шлем подождет, пока они окажутся внутри башни.

Они мчались по набережной, и остальные

машины жались к обочине. Прохожие ошарашенно провожали глазами кортеж из пятнадцати машин без опознавательных знаков, но с включенными мигалками — зрелище более впечатляющее, чем президентский кортеж.

Впереди показалась башня «Медиаплекса».

— Одна минута! — рявкнул Клем.

Янис обменялся взглядом с товарищами. В масках, под обратный отсчет времени до начала «шоу», они выглядели как зловещая карикатура на типа, который захватил ведущего. Это смешение жанров Янису не нравилось. И все-таки нужны недюжинная смелость и упорство, чтобы провернуть подобную авантюру.

Полицейские фургоны уже перегородили улицу, спешно выставляя первое оцепление. Колонна спецназовцев проскользнула между ними и с визгом тормозов развернулась, занимая всю эспланаду.

Но Янис думал о другом. Он вдруг вспомнил о сообщении, которое не отправил Джой. О звонке, на который не хватило смелости. Если ему не суждено вернуться домой сегодня вечером, его жена так и не узнает то, что он не осмелился произнести. *Ты не умрешь этой ночью. Никто не умрет.*

Он покачал головой. Сейчас не время для подобных мыслей. В том, что должно произойти, нет места эмоциям. С ними покончено.

Теперь он только боец спецназа.

И должен спасти жизни.

8

Шарлен слышала дыхание коллег.

Тишина была такой тяжелой, что даже приборы, казалось, гудели тише. Никто больше не смел пошевелиться.

Режиссерская с ее приглушенным светом больше не казалась священной обителью — теперь силуэт человека в черном заполонил все экраны, кроме третьего, который ничего не показывал с тех пор, как камеру разнесло выстрелом.

Прошло уже больше десяти минут с начала захвата заложника, но они по-прежнему не знали требований нападавшего.

А тот держал пистолет у виска Поля и ждал.

На одном из мониторов охранных камер, выведенных в режиссерскую, Шарлен увидела Луиджи, администратора съемочной площадки, который стоял у края сцены, держа высокий стул.

Человек в черном подозвал его жестом. Луиджи явно нервничал, но все же подчинился и вошел в кадр основной камеры. Луиджи в своей гавай-

ской рубашке поверх футболки *Sex Pistols*[15], со взъерошенной седеющей шевелюрой и старомодными бачками. Он поставил стул рядом со стулом Поля и осторожно отступил под внимательным взглядом серебряной маски.

Человек в черном плавным, рассчитанным движением снял лямки рюкзака, ни на секунду не переставая держать Поля под прицелом, поставил рюкзак на стул и выложил на стол прямо перед ведущим моток широкого скотча, баночку с таблетками и айпад. Затем с консоли под столом схватил телефон Поля и бросил в свой рюкзак.

Поль внимательно следил за ним, понимая, что черный человек пока не хочет говорить. Поль ждал подходящего момента. Сейчас не время злить того, кто прямо на тебя направляет ствол.

Человек в черном достал зарядный кабель для смартфона и жестом приказал Полю подключить его.

— Здесь нет розетки, — ответил тот, не теряя самообладания.

Поль, подумала Шарлен, *не геройствуй, пожалуйста.*

Ее ладони были совсем мокрыми.

---

[15] Сноски: 15

Sex Pistols (1975–1978) — британская панк-рок-группа, символ панк-движения 1970-х.

Человек в черном опустил оружие. Поль не смог скрыть удивления. Но ствол тут же поднялся, нацелившись куда-то за пределы кадра — Шарлен сразу поняла куда.

Администратор съемочной площадки на мониторе камеры видеонаблюдения немедленно поднял руки.

— Подключи телефон, — приказал синтетический голос.

Поль медлил.

Я знаю, что ты задумал, и это глупо, Поль! Обратная трансляция на экране смартфона была жизненно важна для похитителя, и Поль надеялся, что телефон рано или поздно разрядится. Шарлен подумала о том же.

Она открыла канал служебной связи, чтобы ее голос шел в наушник человека в черном.

— Под столом есть розетка, с левой стороны.

— Черт подери, Шарли, что ты творишь! — возмутился по-прежнему мертвенно-бледный Родрик.

Серебряная маска выпрямилась и уставилась в камеру — туда, где, как он знал, на него смотрит Шарлен. Он медленно кивнул. Затем оружие повернулось к Полю.

— Подключи к розетке под столом. Еще раз

соврешь — и я пристрелю кого-то из твоих ассистентов.

— Если Поль хочет изображать героя, пусть не втягивает Луиджи, — парировала Шарлен с убежденностью, которая удивила ее саму. — Давайте не будем злить чувака с пушкой.

— Кто тебе сказал, что это мужчина? — прогремел строгий голос.

Вернулась Белая Дама, Ирен Хачатурян.

— Никто, — ответил Родрик.

— Э… Вообще-то, это мужчина, — осмелилась вмешаться Шарлен, убедившись, что микрофон интеркома выключен. — Когда он пришел, он сказал: «Если вы думаете, что я пошутил». Не сказал «пошутила».

— Это ничего не значит, — раздраженно отозвался Родрик. — Оговорка или манипуляция. Это вполне может быть женщина. Особенно с такой экипировкой — ничего не видно: ни тела, ни бронежилета, ни лица под маской. Зачем тогда использовать синтезатор голоса?

Шарлен пожала плечами.

Ирен встала рядом с главредом.

— Выведите отсюда всех, кто не нужен для эфира, — распорядилась она. — Полиция уже едет.

Родрик кивнул и жестом отпустил помощницу

режиссера и оператора синтезатора, зная, что при необходимости он сам сможет набрать и вывести текст. Вскоре в первом ряду остался только один режиссер. Затем Родрик повернулся к Дану и Шарлен.

— Уходите, — сказал он.

Шарлен мгновение поколебалась и покачала головой:

— Он говорит со мной, я не могу уйти.

— Скажем ему, что тебе стало плохо.

Шарлен взглянула на стену экранов. Повсюду лицо Поля крупным планом. Он сохранял хладнокровие, потому что знал: его снимают и транслируют на весь мир. Но на самом деле он наверняка был в панике.

— Нет, я не брошу Поля, — решительно заявила она.

— Я тоже, — объявил Дан, у которого на шее красовалась татуировка с надписью «Courage»[16] витиеватым шрифтом — весьма кстати.

— Бунт на корабле, — с иронией констатировал измученный Родрик. — Славный денек. Ну, как угодно.

В самом конце ряда, закрыв лицо руками, си-

---

[16] Сноски: 16
Мужество, отвага *(фр.)*.

дел оператор прямого эфира; стекла его очков в тонкой металлической оправе запотели.

— Симон, прости, ты мне нужен, — сказал Родрик.

Кудрявая копна волос колыхнулась, когда Симон кивнул, показывая, что все понимает, несмотря на страх.

Затем Родрик отослал еще нескольких человек, а из соседнего помещения отпустил техников, оставив только звукорежиссера Губку Боба[17]. Родрик сообразил, что не помнит его настоящего имени. Тот откликался на это прозвище уже много лет — быть может, из-за сверхъестественной способности, как губка, «впитывать» алкоголь.

Теперь их осталось всего семеро, включая Ирен.

Из производственной зоны эвакуировали журналистов, у входа в студию остался лишь охранник с четкой инструкцией: ничего не предпринимать до прибытия полиции.

Белая Дама указала на главный монитор обратной связи:

---

[17] Сноски: 17

Губка Боб — персонаж американского мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны» («SpongeBob SquarePants», с 1999), созданный океанологом и мультипликатором Стивеном Хилленбургом, о приключениях антропоморфной желтой квадратной губки и его друзей, живущих на дне Тихого океана.

— Сколько человек на площадке?

Родрик посчитал вслух:

— Поль, его ассистент Бакари, Луиджи, администратор площадки, суфлер Паола и гримерша Сильви. Итого шестеро.

— Есть способ вывести их оттуда так, чтобы он не заметил?

— Они все у него на виду. Кроме Сильви — она сбоку, за декорациями.

— Со стороны гостевой двери?

— Да. Но с ней нет связи. Возможно, она уже убежала.

При этих словах Шарлен посмотрела на три камеры наблюдения с полным обзором студии. Действительно, столик Сильви был за кадром, скрытый высокими деревянными панелями и светодиодными экранами.

— Разве гостевая дверь не блокируется охраной во время выпуска новостей? — удивилась Ирен.

— Нет, потому что всего у нескольких сотрудников есть пропуска, чтобы ее открыть, — объяснил главред. — У Сильви есть.

Белая Дама раздраженно выдохнула. У нее уже расплывался макияж, и на подрагивающих тонких ноздрях проступали красные прожилки.

На экране человек в черном свободной рукой

порылся в рюкзаке. Затем поднес рюкзак к Полю, показал содержимое и что-то прошептал ему на ухо. Поль никак не отреагировал, но Шарлен заметила, как он нервно сглотнул.

После этого черный человек достал предмет, завернутый в красно-белую бандану, и вложил его в правую руку Поля — что это такое, разглядеть было невозможно. Потом черный человек примотал платок с содержимым к его ладони скотчем. Что бы это ни было, избавиться от этого предмета ведущий не сможет.

— Он вложил ему в руку бомбу? — встревожился Дан.

— Нет, бомба намного больше, — ответил Родрик.

Прежде чем стать главным редактором, Родрик работал журналистом, много путешествовал, даже побывал в зонах военных действий. В оружии он худо-бедно разбирался.

— Больше похоже на гранату, — заметил он.

— Серьезно? — удивился Дан.

Затем черный человек установил свой айпад между собой и Полем и показал ему экран, на котором, очевидно, что-то отображалось.

— Можно подобрать ракурс, чтобы увидеть его планшет? — спросил Дан.

— Нет, — ответил режиссер, который до сих пор не пришел в себя.

Шарлен наблюдала, сохраняя спокойствие. Ее мозг все еще был перенасыщен адреналином, но уже вышел из оцепенения, в котором пребывал в первые минуты. Он привыкал, и адреналин уже действовал, обостряя восприятие.

Ее журналистские рефлексы брали верх.

— Анисса! — вдруг воскликнула она, так что стоявший рядом Дан вздрогнул от неожиданности. — Жена Поля! Нужно ее предупредить!

— Можешь не сомневаться, скорее всего, она в курсе, — сказал Родрик с циничной ухмылкой, которая задела Шарлен.

Ирен достала свой мобильный:

— Беру на себя.

Тем временем человек в черном уселся на стул и выжидал. Жизнь Поля Даки-Феррана зависела от пальца на спусковом крючке.

— Сколько он будет тянуть, прежде чем выложит свои требования? — спросил Дан с тревогой, хотя и не без любопытства.

Ирен покачала головой:

— Она не отвечает.

— Едет сюда? — предположил Родрик.

— Я предупрежу охрану, чтобы ее пропустили

в здание.

Главный редактор подошел к начальнице и спросил шепотом:

— Какова позиция канала? Сколько времени мы позволим этому типу оставаться в эфире?

— Столько, сколько потребуется.

Родрик удивился:

— «МД1» будет потворствовать захвату заложника?

— «МД1» сделает все, чтобы спасти жизнь своего лучшего ведущего.

Шарлен не пропустила ни слова. И расшифровала смысл этого обмена репликами.

«МД1» собирался использовать выпавшую ему возможность, чтобы держать весь мир в напряжении.

Улетный пиар-ход.

«МД1» — средство массовой информации, а уж СМИ умели извлекать выгоду из самых ужасных ситуаций.

Дверь производственной зоны внезапно открылась, и внутрь мгновенно проникли несколько вооруженных человек в балаклавах и военной экипировке. Они бесшумно заняли мостик, разошлись по всем углам.

На их спинах было написано «СПЕЦНАЗ».

Один вошел в режиссерскую и снял балаклаву. Ему не было и сорока, две глубокие вертикальные морщины прорезали его щеки, а взгляд светлых глаз был проницательным и холодным.

— Я капитан Остен, группа вмешательства национальной жандармерии. С этого момента мы берем контроль над помещением.

9

Шарлен знала, чего ожидать, это было логично, однако у нее на лбу выступила испарина. От безликих быстрых силуэтов в балаклавах, казавшихся массивными из-за экипировки и штурмовых винтовок, веяло властной силой.

Капитан Остен быстро расспросил Родрика и Ирен о техническом оборудовании режиссерской, в то время как его заместитель, майор Натэ, красавец-метис, которого было бы радо заполучить любое модельное агентство, распределял своих людей, сверяясь с планом производственной зоны на планшете:

— Команда четыре, поднимайтесь по лестнице на разведку. Согласно плану, там должно быть остекление с видом на студию внизу. Хочу знать, безопасно ли там и можем ли мы разместить снайперов.

Заметив, что на него смотрит Шарлен, майор обратился к ней:

— Стекла наверху, те, что выходят на студию, прозрачные? Противник может нас заметить со своей позиции?

На этот раз именно он сверлил ее взглядом и обращался к ней с обескураживающей властной уверенностью.

Шарлен кивнула, все еще не в силах произнести ни слова. Затем, мысленно перенесясь туда, где находился человек в черном, поняла суть вопроса:

— Если он посмотрит наверх, его ослепят софиты с фермы. Это правда, стекла там не зеркальные, но вряд ли он сможет что-нибудь толком разглядеть.

— Ферма — это что?

— Широкая стальная решетка на высоте метров пяти, к ней крепятся прожекторы. Это и называется фермой.

— По ней можно передвигаться?

Робея, как девочка в детском саду, Шарлен кивнула:

— Да, э-э, да, она… массивная и прочная. Есть лестница в углу рядом с гримерным столиком, оттуда можно на нее забраться. Не очень удобно, встать в полный рост не получится, но на корточках — без проблем. — Поняв, что забыла важную информацию, она поспешно добавила: — И кстати, это решетка, так что через нее видно насквозь. Ферма находится ниже уровня

остекления верхнего этажа, за этим типом можно наблюдать сверху.

— Она перекрывает прямой доступ в студию с верхнего этажа? Можно спрыгнуть через окна или проход заблокирован?

— Все зависит от того, какой проход вам нужен, — пробормотала Шарлен, с трудом свыкаясь с властным тоном военных. — Она заканчивается перед остеклением. Э-э… В общем, она занимает центр потолка и края, там, где нет окон на верхнем этаже, но оставляет пространство в несколько метров, чтобы не закрывать вид из окон.

Майор Натэ включил рацию:

— Команда четыре, выключите свет, когда поднимете на этаж, оставайтесь в темноте, — возможно, противник будет ослеплен со своей позиции, если посмотрит в вашу сторону.

Мозг Шарлен адаптировался к стрессу быстрее, чем ее эмоции, и, поразмыслив, она решила, что план может сработать: если окна будут погружены в темноту, а прожекторы направлены прямо в лицо, человек в черном ничего не разглядит за их пределами — по крайней мере, не увидит, что творится наверху.

Перед Шарлен появился еще один человек в

боевой экипировке, худощавый, но крепкий. Он тоже стянул балаклаву; в отличие от майора, в его взгляде и лице сквозила мягкость.

— Я аджюдан Амар, — представился он. — Переговорщик. Мне сказали, что он вышел на контакт с вами?

Шарлен молча кивнула.

— Можете рассказать?

— Э-э… Да рассказывать особо нечего.

Шарлен постаралась изложить все детали короткого разговора, затем добавила свое наблюдение о слове «пошутил», которое навело ее на мысль, что это мужчина. Проговаривание вслух пошло ей на пользу. Она вновь обретала контроль над своими ощущениями, и, хотя ноги у нее все еще немного дрожали, к ней возвращалась хоть какая-то, пусть и слабенькая, уверенность.

Янис Амар внимательно ее изучал, и Шарлен догадалась, что он оценивает степень ее спокойствия.

— Вас зовут Шарлен, верно? — (Она подтвердила.) — Вы хорошо действовали до сих пор. Особенно когда подсказали ему, где находится розетка. Вы сделали первый шаг, чтобы вызвать доверие. Продолжим в том же духе. Я дам вам несколько рекомендаций — важно, чтобы вы им

следовали.

— Подождите… Вы хотите сказать, что я буду продолжать говорить с ним?

— Пока что так будет лучше. Он вас «знает», вы здешняя, вы уже протянули ему руку помощи.

— Но переговорщик — это вы.

Янис подошел к Шарлен, сел, чтобы смотреть ей в лицо, и наградил улыбкой, которая должна была ее успокоить.

— Я буду здесь, чтобы направлять беседу. Но начнете ее вы.

Шарлен фиксировала все: манеру поведения, слова, напряженный взгляд его темных глаз. Она привыкла анализировать, у нее был логический ум, и она быстро обрабатывала информацию. Она шепотом резюмировала:

— Я ему помогала, я тут свободно ориентируюсь, он сам меня выбрал, а вы — представитель власти. — И она испуганно скривилась.

Янис не сводил с нее проницательных глаз.

— Вы быстро сечете.

— Господи, я не уверена, что на что-то вообще сейчас способна…

— Вы только что доказали, что способны. Доверьтесь процессу, я здесь, с вами. Мы вместе. Все будем делать вдвоем. О’кей?

Вместо ответа Шарлен вздохнула.

— Послушайте, Шарлен, он…

— Шарли. Мы ведь надолго здесь застрянем, правда? — сказала она со страхом в голосе. — Тогда лучше зовите меня Шарли.

— О'кей, а меня зовут Янис. Шарли, первое правило, которому вы должны следовать: что бы он ни требовал, не противоречьте ему, но никогда не говорите сразу «да». Покажите, что вы все понимаете, чтобы у него не пропало желание оставаться с вами на связи, но скажите ему, что сделаете все возможное. Никогда прямых «да» или «нет».

— Чтобы выиграть время, — поняла она.

— И чтобы он понял, что не имеет над нами полной власти. Он не может требовать и получать. Извините за выражение, но мне также нужно включить *предохранитель*. Вы будете первым. Если ситуация потребует, я могу стать вторым. Но он не должен напрямую говорить с тем, кто командует. Это правило, чтобы ему нельзя было ответить да или нет, а только говорить, что мы сделаем все возможное. Иначе мы бы предоставили ему слишком много власти. Если он будет вести переговоры напрямую с тем, кто все решает, и почувствует себя слишком могущественным,

он будет требовать еще больше, это подпитает его эго, подкрепит решимость, а этого мы как раз категорически не хотим.

— Как мне действовать конкретно, что ему говорить?

— Будьте искренни. Не стоит его обманывать. Если он заметит наших людей и разозлится, спокойно ответьте ему, что это нормально: он вооружен, все испуганы, поэтому здесь спецназ. Если у вас начнут дрожать руки, скажите ему об этом. Если вы не знаете, как ответить на какой-то вопрос, то же самое — так и объясните. Я хочу, чтобы он осознал, кто вы такая: человек, который не обучен переносить подобный стресс, что вы делаете все от вас зависящее и что вокруг профессионалы. Возможно, у него не будет желания обрывать контакт с вами, если он думает, что я буду им манипулировать, а вы можете уступить.

— Но он поймет, что от меня ничего не зависит, и захочет напрямую выйти на связь с вами, чтобы как раз быть ближе к власти!

— Нет, я дам вам информацию, которая его удовлетворит. Постепенно. Но до этого мы еще не дошли. У вас все отлично получится, я в этом убежден.

— Хотелось бы разделить вашу уверенность…

Для Шарлен все происходило очень быстро, и, хотя ее сердце билось, как большой барабан группы дэт-метал, она оставалась сосредоточенной.

В режиссерскую вошел Филипп Роже, директор по безопасности «Медиаплекса»: около пятидесяти, лысый и плохо выбрит, на лице отпечаток прожитых лет. Он двигался кошачьей походкой, отдавал приказы хрипловатым голосом. Бывший полицейский из бригады поиска и реагирования — таким подчиняются беспрекословно. За ним следовали два охранника телеканала в бронежилетах: на груди и на спине крупными синими буквами значилось «ПРЕССА». Журналисты регулярно отправлялись в зоны военных действий для освещения событий, и канал обеспечивал их соответствующими средствами защиты, поэтому на случай кризиса всегда держали запас — это входило в протоколы.

Филипп Роже обратился к капитану Остену:

— А почему прибыли вы, а не ПСВР? Они здесь хорошо ориентируются. Что это вообще за бардак?

— Разве это важно? — резко бросила Ирен.

— Это зона полиции, подразделение по борьбе с терроризмом уже бывало здесь, а эти нет!

Никто не позволял себе разговаривать в таком

тоне с начальницей, и она буквально испепелила Роже взглядом. Капитан Остен вмешался:

— Национальная система оперативного реагирования. Мы ближе всех и готовы выступить, а ваши друзья сейчас очень заняты.

Начальник безопасности пробормотал что-то сквозь зубы.

— У вас здесь нет полномочий, — заявил он.

— Филипп, успокойтесь, — приказала Ирен.

— Я успокоюсь, когда буду уверен в безопасности.

Остен, на две головы выше, вырос перед ним:

— Мне нужно будет разблокировать магнитные двери и пропуска для моих людей.

— Об этом не может быть и речи. Лучше я предоставлю в ваше распоряжение своих агентов, они смогут открывать вам двери и провожать, куда вам понадобится.

— Я не подпущу ваш персонал к моим людям. Отбой.

— Если заблудитесь в коридорах, потом не жалуйтесь…

— Филипп! — рассердилась Ирен. — Выполняйте их требования!

Начальник безопасности смерил начальницу уничижительным взглядом, оценивая соотноше-

ние сил в их служебной иерархии. Он собирался было ответить, когда почувствовал на своем плече руку Остена.

— Мы в одной команде, — напомнил капитан с неожиданной мягкостью в голосе, пристально глядя на него своими ясными, вселяющими уверенность глазами.

Филипп Роже присвистнул от досады и кивнул.

Янис переключил внимание Шарлен на их операцию. Шарлен объяснила ему, как работает консоль служебной связи, как открывать и закрывать каналы связи: просто нажать кнопку того, с кем хочешь вступить в контакт.

— Если я говорю в наушник, те, кто смотрит телевизор, меня не слышат? — уточнил Янис.

— Да, именно так: вас слышит только человек с наушником. Зато если говорит захватчик заложников, его голос улавливает микрофон, который он забрал у Поля, и тогда он на громкой связи. В итоге телезрители слышат то, что говорит он, а вас не слышат.

— А если бы мы захотели, чтобы мой голос тоже звучал в эфире?

— Тогда вам нужно надеть такие же наушники, как у меня, или чтобы вас оснастили микрофо-

ном. Боб, наш звукорежиссер, может это сделать.

Янис покачал головой — он просто хотел понять.

— В студии пять человек — у кого есть наушники для связи?

— У Луиджи, администратора съемочной площадки. Вон тот, седой и растрепанный, — показала Шарлен на один из мониторов.

Эти картинки с камер наблюдения можно было легко отличить от изображений с основных камер, поскольку угол был выше и направлен вниз, а четкость заметно хуже.

— Еще наушники есть у Режи, оператора, — он за пультом управления, возле выхода на съемочную площадку. У Бакари тоже есть, он сидит рядом с Режи. И у Паолы, суфлерши, в конце стола. По сути, только у Сильви нет наушников.

— Можно ли отключить любого из них, чтобы они не слышали переговоров, или наоборот — говорить одновременно со всеми, если захочу?

— Да, достаточно открыть общую связь или индивидуальные каналы. Выбираете то, что вам подходит, на интеркоме.

— А Сильви я не вижу. Это гримерша?

— Да. Но ее столик спрятан за декорациями, отсюда ее не разглядеть.

— Но она еще на месте?

— Не знаю.

— Сколько входов в студию?

— Главный — тот, что в коридоре рядом с нами, охраняется сотрудником безопасности. Затем дверь для гостей с левой стороны и задний выход к служебному коридору, который ведет в техническую зону. Да, еще есть дверь в кладовку без окон. Но видна только главная дверь, остальные вокруг съемочной площадки практически скрыты панелями.

— Чтобы открыть эти двери, нужно иметь пропуск?

— Да. Кроме того, за полтора часа до прямого эфира охрана блокирует заднюю дверь, ею больше нельзя пользоваться, разблокировать ее могут только из центра охраны на первом этаже. У них там, кстати, есть доступ к камерам наблюдения. Когда съемочная площадка переходит в режим ограниченного доступа, это значит, что туда могут попасть только те, у кого есть допуск, иначе говоря, очень немногие.

— А до этого?

— Если у вас есть бейдж, дающий доступ на площадку, вы сможете пройти, но это всего несколько человек из техперсонала. Я даже не

знаю, могу ли я сама.

— Значит, если бы Сильви хотела, она могла бы выйти через дверь для гостей, и для этого ей нужно приложить пропуск?

— Точно.

Янис извлек из кармана блокнот и что-то в нем нацарапал.

Двое агентов раздавали бронежилеты, Шарлен получила свой. Он был тяжелым и наверняка неудобным — вряд ли она сможет долго в нем высидеть.

— Наденьте, — приказал Янис.

— Сейчас? Нужно будет носить его всю ночь?

Янис указал на длинную стену перед ними, на которой размещались все экраны:

— Площадка как раз за ней, верно? Вы можете гарантировать, что эта перегородка достаточно прочная и, если вдруг начнется стрельба, пули не пробьют ее и не долетят до вас?

Шарлен сдалась и надела тяжелый жилет. Янис вглядывался в черную фигуру на мониторах.

— Что дальше? — спросила Шарлен. — Ждем, пока он обратится к нам, или мне нужно проявить инициативу?

— Нет, пусть начнет первым. Пока мы понятия не имеем о его намерениях, а он, похоже, не торо-

пится, это нам на руку.

— Почему?

Янис повернулся к ней:

— Потому что мы абсолютно ничего о нем не знаем, а сейчас критически важно установить его личность. Переговоры требуют подготовки, и главное — сведений о противнике, кроме тех, которыми он готов поделиться. Я должен знать его имя, его биографию. Собрать максимум данных о том, кто он такой. Чтобы понять то, чего он не скажет.

— У него маска и перчатки, голос искажен, как вы собираетесь это делать?

— Покопаемся в прошлом, — раздался голос позади нее.

Высокий внушительный чернокожий тип в гражданском появился бесшумно. На руке оранжевая повязка с надписью «жандармерия».

— Сеньон Дабо, парижский отдел расследований. Нужно понять, как он сумел сюда проникнуть.

10

С начала инцидента прошло уже больше получаса. Вполне достаточно, чтобы на Францию, на «МД1» и на Поля Даки-Феррана, стоически терпевшего пистолетное дуло у виска, были устремлены миллионы глаз.

Из башни «Медиаплекса» эвакуировали персонал, последние работники вечерней смены выходили под надзором агентов охраны — единственных, помимо режиссерской команды, гражданских лиц, которым разрешили остаться на местах.

Спецназ под командованием капитана Остена занял позиции на втором этаже, в производственной зоне.

Постепенно сюда будут стекаться все новые и новые люди. Военачальники, политики, медперсонал, семьи заложников, возможно, даже кто-то со стороны захватчика заложников, если его удастся опознать, журналисты…

Чтобы разместить всех, капитан Остен оперативно организовал три зоны с пропускными пунктами под контролем агентов местной

службы безопасности, которых вскоре усилят подоспевшие жандармы.

Внешней зоной была улица, поэтому требовался барьер, чтобы отсечь зевак, тех, у кого нет веских причин приближаться к зданию, и этим защитным кордоном стал вход в башню «Медиаплекса». Пункт контроля устроили в вестибюле: допущенные лица будут скапливаться там, оставаясь при этом на приличном расстоянии от центра событий и, следовательно, вне опасности. Там разместятся префект, мэр, начальник полиции, руководство канала и «Медиаплекса», члены семей и на всякий случай медики.

Затем производственная зона на втором этаже. Зона опасности. Здесь располагались спецназ, координаторы и команда в режиссерской. Оперативный штаб развернули перед входом, чтобы укрыться от возможных выстрелов, пока не выяснится, есть ли у противника взрывчатка и в каком количестве. Офицеры будут разрабатывать здесь стратегию. Время от времени сюда позволят приблизиться самым важным политикам, чье самолюбие не позволит им пребывать вместе со всеми этажом ниже.

И наконец, зона кризиса. Студия и непосредственно прилегающие к ней помещения. Здесь

может перемещаться только спецназ, чья задача — сдержать опасность: «зафиксировать угрозу», как у них говорят, локализовать и устранить ее.

В этой конфигурации настоящую проблему представляла смежная со студией режиссерская. Она необходима для обеспечения прямого эфира, людей нельзя эвакуировать, но зато доступ к ней находится под контролем. Если противник захочет туда проникнуть, ему придется сначала покинуть студию, миновать коридор и войти через дверь. Разумеется, полдюжины бойцов спецназа немедленно его остановят. Штурмовая колонна разместилась в углу коридора под защитой стен и бронещита, автоматы нацелены на дверь. Та же диспозиция с тремя другими прямыми выходами на съемочную площадку. Если преступник потеряет контроль и бросится на них, на него обрушится несколько сотен боевых выстрелов и, при необходимости, боевые гранаты. Даже защищенный бронежилетом и под воздействием стимуляторов, он не сможет пройти больше пяти метров, будет остановлен и обезврежен. Не успеет приблизиться к спецназовцам. А если он выйдет с заложником, конфигурация будет иной — он не сможет двигаться быстро, ведь придется прикрываться заложником и тол-

кать его перед собой. Тогда, если он откажется отступить, возможен прицельный выстрел.

Пока что нужно было убедиться, что захватчик действует в одиночку, и локализовать опасность. Спецназ только прибыл, им нужно контролировать ситуацию, чтобы не действовать вслепую, их задача — чтобы террорист не перемещался, пока не будет взят под контроль весь сектор, а уж потом можно рассмотреть возможность работы на опережение.

Шарлен хотелось снять стресс. Она решила размять ноги на мостике, одном из немногих разрешенных мест, так как его уже проверили. Наливая воду в любимую кружку, она стала свидетелем того, как специалисты группы поддержки занимались организацией оперативного командного пункта прямо перед неоновой дверью, которая отделяла вход в производственную зону. Логист, кладовщик и ответственный за связь устанавливали складные столы, открывали чемоданы с оборудованием связи, компьютерами: бесшумно расставляли, подключали и включали все это с почти пугающими быстротой и точностью. Эти люди *привыкли* к кризисным ситуациям. Шарли заметила медперсонал в боевой экипировке, такой же, как у остальных, толь-

ко на спинах их бронежилетов было написано «МЕДИК», — на случай необходимости они организовывали пункт экстренной помощи. Всего собралось больше двадцати пяти человек, включая специалистов всех возможных профилей, способных действовать самостоятельно и готовых ко всему. Репутация спецназа основывалась не только на результатах, но и на его методах, его гибкости.

Шарлен учащенно задышала, залпом выпила воду, чтобы успокоиться, вернулась к кулеру и снова наполнила кружку. Она поняла, что подразделение спецназа и специалисты поддержки подготовлены ко всему.

В то время как в опасной зоне три команды наблюдали и проводили разведку, Жислен, как руководитель группы, в сопровождении Марко и Клема получил задание обезопасить производственную зону в целом. Они только что проверили монтажные залы и туалеты. Перед каждым обследованным помещением один из них оставлял зеленый химический «светлячок», указывающий, что там нет ничего подозрительного, — простой и эффективный способ разметить помещения и передать четкое сообщение всем командам, что опасности нет.

Они прошли за спинами группы, которая стояла перед гостевой дверью на левом фланге площадки. Здесь у порога светился красный огонек. Опасность. Вход запрещен.

Жислен повел Марко и Клема к винтовой лестнице, и они поднялись по ступеням на производственный этаж, где располагались гримерные и гостевые помещения. Группа 4 уже была наверху.

Они вошли в темноту. Лампы выключены, но прожекторы на площадке создавали на верхнем уровне рассеянный свет, проникавший сквозь стеклянные перегородки. Там размещались трое бойцов спецназа, почти невидимые в полумраке. Внизу, за стеклами, решетка закрывала большую часть видимого пространства, но прямоугольник шесть на два метра был открыт и выходил прямо на студию.

Ведущий и террорист сидели за столом, менее чем в пятнадцати метрах, в пределах прицельной дальности.

Марко наклонился так, чтобы его нельзя было заметить снизу, и придвинулся ближе к трем коллегам. Несмотря на их обмундирование, балаклавы и тяжелые шлемы, бойцы узнавали друг друга по силуэту, а иногда по специфическому

снаряжению. В центре стоял Попо, уникальный стрелок, которого Марко узнал по царапине на шлеме — сувенир от пули, прошедшей по касательной во время жесткого задержания.

— Ты его видишь? — шепнул он.

Попо уперся штурмовой винтовкой в сгиб локтя, прильнув глазом к прицелу.

— Да. Но я перейду на «MR73», — тихо ответил он.

Марко знал, что это означает. Закрытое помещение, малая дистанция, штурмовая винтовка не идеальна. Попо собирался взять свой пистолет «MR73»: восемь дюймов, под патрон «357 Magnum». Оснащенный оптикой и упором револьвер старой школы, который в этих обстоятельствах и в руках такого стрелка поражает цель еще точнее.

— Вы зачистили помещения за собой? — спросил Жислен.

— Нет. Предоставляю эту честь вам.

Жислен указал на дверь, и они приблизились к ней, пригнувшись. Хотя ситуация на первый взгляд казалась ясной, все следовало проверить. Преступник мог также заложить бомбу, заминировать телеканал. Если коварный противник сумел проникнуть на площадку во время прямого

эфира, поди знай, что еще он мог предпринять.

И все же наличие скрытого сообщника казалось все менее вероятным. Такого рода люди стремятся к открытой конфронтации, они редко стараются отвлечь внимание, чтобы ударить в спину, — это может спровоцировать полномасштабный штурм и сорвать главную цель: озвучить требования и получить желаемое.

Но для очистки совести Клем, Марко и Жислен обшарили все закутки и исчезли в следующей комнате.

Внизу, на мостике производственной зоны, капитан Остен заканчивал доклад парижскому отделу расследований.

В отдел расследований входило четверо: здоровяк Сеньон Дабо, руководитель расследования; его помощница Магали, брюнетка с челкой; Франк, самый старший, с ежиком седых волос; а четвертым был айтишник Гильем Чинь, одетый в джинсу с головы до ног.

— Кто руководит операцией? — поинтересовался Сеньон.

— Я, — ответил капитан Остен. — Ставки растут, ситуация скоро должна измениться. Мое подразделение разработало экстренный план захвата и завершает обеспечение безопасности

кризисной зоны.

— У вас есть сведения об объекте?

— Абсолютно ничего.

Магали и Гильем обменялись понимающими взглядами. Гильем воспользовался моментом, чтобы спросить капитана:

— Я видел, что он выложил на стол телефон. Вы можете определить его номер?

— У нашего связиста есть IMSI[18]-перехватчик, он предоставит вам информацию, как только этот тип подключится.

IMSI-перехватчик — это компьютер в связке с антенной, который имитирует обычную базовую станцию и перехватывает все сигналы мобильных телефонов поблизости. Затем остается просеять перехваченные номера IMSI — уникальные идентификаторы сим-карт, привязанные к номерам телефонов, — и через операторов связи установить владельца каждого номера, чтобы вычислить, кому принадлежат сигналы с этого этажа. Сеньон не был компьютерным экспертом в отделе расследований, он предложил другой вариант:

— Парень выглядит хорошо подготовленным.

---

[18] Сноски: 18

IMSI — уникальный 15-значный номер, который идентифицирует любого пользователя мобильной сети во всем мире.

Мы только потеряем время и выйдем на одноразовый телефон. А геолокация в Париже даст нам треугольник со стороной триста метров, мы не сможем определить его домашний адрес.

Одноразовые мобильные телефоны покупались по предоплате, без договора, за наличные, и потому отследить их было невозможно. Гильем поцокал языком в знак несогласия.

— Как только я получу его IMSI, я прослежу всю его историю, — пояснил он. — Отмечу зоны, где он находился, и сравню номера, которые были рядом с ним в то же время. Я сделаю это для нескольких позиций и посмотрю, есть ли номера рядом с ним, которые повторяются. Достаточно, чтобы наш человек имел при себе одноразовый телефон, когда при нем был его личный мобильник, и его настоящий номер будет несколько раз появляться в тех же зонах. Мы установим его личность. Это не быстро, но может сработать.

Сеньон ткнул пальцем в технаря:

— Валяй. Франк, возьми файл с номерами машин, имеющих пропуск на парковку, и сравни с припаркованными сейчас, чтобы нас не ждал неприятный сюрприз.

Усатый кивнул.

— Если выловите подозрительную машину,

предупредите нас, — напомнил Остен. — Только без игры в ковбоев.

— Не беспокойтесь, у меня нет желания подорваться на бомбе, — ответил Франк без улыбки.

— Мы можем получить доступ к камерам наблюдения? — спросил Сеньон.

Остен указал на темный вход в режиссерскую:

— Я представлю вам моего лучшего друга, начальника охраны. Вы полюбите его всей душой.

От волнения Шарлен опорожнила свою кружку. Янис был на телефоне с начальником, неким Эли из отдела переговоров. Субординация у них устроена четко — Шарлен как будто попала в отдел маркетинга и продаж и слушает разговор директора с представителями на местах. С той только разницей, что их товар — жизнь или смерть.

От этого у нее шел мороз по коже.

Однако, когда она наблюдала за этими тремя — Янисом, метисом Натэ или Остеном, высоким, с морщинистыми щеками, — все они излучали удивительное спокойствие, словно это для них самый заурядный вечер. Совсем рядом неизвестный угрожал любимому ведущему Франции заряженным оружием и мог выстрелить в любой момент, но никто не выказывал ни нервозности,

ни страха. Для них экстрим был обычным делом, а оружие, гранаты и тяжелое снаряжение заменяли офисные принадлежности.

Уму непостижимо.

Высокий чернокожий Сеньон вернулся в режиссерскую вместе с девушкой с челкой, и они тихо переговаривались с Филиппом Роже под внимательным взглядом Ирен Хачатурян, которая следила за вспыльчивым начальником службы безопасности.

Было почти девять вечера. В обычный день вся команда новостей уже должна была бы очухиваться после прямого эфира, сбрасывая адреналин, ожидая разбора полетов от Родрика. Конец тринадцатичасового рабочего дня.

На центральном экране по-прежнему застыла в ожидании прямая, бесстрастная черная фигура. Серебряная маска медленно поворачивалась слева направо, словно внимательно наблюдая за всеми. Время от времени человек перекладывал в другую руку оружие, приставленное к виску Поля.

— Он амбидекстр[19] или у него просто рука устает? — спросила Шарлен.

---

[19] Сноски: 19

Амбидекстр — человек, который одинаково хорошо владеет обеими руками.

Она также заметила, что он все чаще посматривает на наручные часы, похожие на спортивные.

Это не ускользнуло и от внимания Яниса. Шарлен услышала, как он говорит в телефон:

— Он чего-то ждет. Да. Да, согласен.

Янис отнял трубку от уха и обратился к Натэ:

— Мы зачистили все помещения?

Заместитель командира кивнул.

— Что-то он часто посматривает на часы, — настаивал Янис. — Мне это не нравится.

На что он намекает? На то, что сработает бомба?

Родрик грыз ногти, расхаживая по ступенькам между тремя уровнями режиссерской. Наконец он окликнул капитана Остена:

— Если здесь появится жена Поля, вы же не оставите ее маяться снаружи, правда?

— Не беспокойтесь, о ней позаботятся.

— Хорошо.

Родрик нервничал и не мог усидеть на месте:

— А если этот псих наведет на мысль других чокнутых? Вы подумали об охране всех телеканалов Парижа?

— Наши службы готовы к такому сценарию, дополнительные силы развернуты по всей территории, усилено наблюдение за важными

объектами. Это происходит автоматически, не волнуйтесь.

— Но если все флики страны мобилизованы на охрану СМИ и государственных зданий, это значит, что тогда их убудет в других местах? Это может быть отвлекающим маневром! — Поразмыслив, Родрик и сам понял, что перегнул палку. — Простите. Это от страха, умолкаю, — сказал он, засунув большие пальцы в кармашки своего клетчатого жилета.

Черный человек продолжал регулярно поглядывать на свой мобильник и на айпад. Оба экрана что-то показывали, но разглядеть было невозможно.

— А нельзя повернуть камеры так, чтобы мы увидели, на что он смотрит? — раздраженно спросил Сеньон.

— Нет, это слепая зона, — ответили ему.

Внезапно черная фигура наклонилась в сторону, к боковой камере, словно подчеркивая, что обращается не к телезрителям, а к тем, кто находится в режиссерской:

— Флики выполнили домашнее задание? Вы нашли?

Гортанный искаженный голос застал всех врасплох.

Бесстрастное лицо смотрело прямо на них. В зеркальной поверхности маски отражались софиты и глаз камеры. Никакого волнения, никаких эмоций, за которые можно было бы зацепиться, никаких проявлений человеческих чувств.

Отражение того, кто мы есть, подумала Шарлен. *Он не хочет, чтобы мы видели его, он хочет, чтобы мы увидели себя.*

Дело было не в нем. Речь шла об обществе.

Затем голос добавил:

— Ну что, теперь вы воспринимаете нас всерьез?

11

Профессионализм немедленно взял верх над растерянностью. В режиссерской капитан Остен обращался к своим командам по рации:

— Будьте готовы, объект активизировался.

А Сеньон размышлял вслух:

— Выполнили домашнее задание? О чем он говорит? Об установлении его личности?

— Может, надо искать взрывное устройство, которое он где-то заложил? — встревожилась Магали.

Янис подкатил на кресле обратно к Шарлен.

— Скоро ваш выход, — сообщил он ей.

— Мы разве не будем ждать, пока не выяснится, кто он такой?

— Слишком много вопросов. Я хочу знать, не ставит ли он нам скрытый ультиматум.

Он положил на пульт между собой и Шарли свой блокнот и написал: «Нас?»

— Я тоже заметила, — поделилась Шарлен. — Вы думаете, это фигура речи или их действительно несколько?

— Вот это мы и попытаемся установить.

Он написал ей первый вопрос в блокноте.

Шарлен глубоко вздохнула. Ее ладони стали влажными, сердце учащенно билось. Она выдохнула, затем включила свой микрофон:

— Я… Я все еще здесь. Могу я задать вам вопрос?

Янис дважды подчеркнул свой вопрос, настаивая, чтобы Шарлен придерживалась плана.

Черный человек выпрямился, явно удивленный, и склонил голову набок.

— Сверчок Джимини, — сказал он. — Не сейчас.

Шарлен не сдавалась:

— Что именно флики должны были найти?

— Уходи из моей головы, Джимини, твой час еще не настал.

Янис откинулся в кресле — знак, что не стоит настаивать. Всему свое время.

Однако Шарлен не желала сдаваться и снова включила микрофон:

— Вы знаете мое имя, не могли бы вы назвать свое?

Янис резко выпрямился и теперь пристально смотрел на нее. Без осуждения, но сверлил ее взглядом, подняв руку, давая понять, что не надо больше форсировать разговор.

Против всех ожиданий, голос ответил:

— Кратос. Зовите меня Кратос.

Затем он бросил микрофон на стол, давая понять, что диалог окончен. Вместо этого он поднял свободную руку и опять взглянул на часы.

В режиссерской на лице Яниса появилось выражение «рискованно, но хорошо сыграно», что приободрило Шарлен.

Рядом, уперев руки в боки, стоял Сеньон:

— Маг, выдай мне все, что есть по Кратосу. Проверь СУС[20], — может, у нас есть кто-то с такой кличкой.

Шарлен поколебалась, затем сказала здоровяку-жандарму:

— В греческой мифологии Кратос — это бог мощи, силы. Ну, насколько я помню.

Дан, который до сих пор держался в тени, дополнил, уже уткнувшись в «Википедию» на смартфоне:

— И власти! Сын Титана и… э… Стикс, которая олицетворяет реку в царстве мертвых. Кратос — один из главных исполнителей воли Зевса. Ничего себе… А, еще это герой видеоигр, воин, что-то вроде полубога войны.

---

[20] Сноски: 20

Система учета судимостей. — *Примеч. автора.*

Экран слабо подсвечивал его татуировки. В этот момент Дан больше походил на рок-звезду, чем на журналиста. Глядя на него, на Родрика, похожего на хоббита-денди, и на вооруженных людей — всю эту разношерстную компанию, — Шарлен с трудом осознавала, что это реальность, что она в центре драмы. Никогда «Цирк» не соответствовал своему названию так точно.

— Черт, у меня нет сигнала! — заорала Магали, тряся телефоном, словно это могло восстановить связь.

— У меня тоже, — подтвердил Сеньон.

Родрик достал старые часы из кармашка клетчатого жилета:

— Вы в самом центре телеканала, начиненного оборудованием. Это как клетка Фарадея[21] — большинство операторов не проходят или плохо ловятся. Нужно быть абонентом сети *MédCom*, чтобы принимать сигнал, или действовать по старинке.

Поскольку «Медиаплекс» был к тому же и телекоммуникационной группой, они установили собственную местную базовую станцию, чтобы обеспечить связь пользователям *MédCom*. При

[21] Сноски: 21

Клетка Фарадея — экранированное пространство, блокирующее радиосигналы.

этом пользователям других операторов нужно было выходить из производственной зоны, чтобы восстановить нормальную связь, — не было смысла помогать конкурентам. Шарлен объяснила это двум следователям, и Сеньон указал на стену экранов:

— А если парень ловит прямой эфир на телефоне или планшете, значит он абонент *МédCom*?

— Да. Или их дочернего бюджетного оператора.

— Сколько сетевых операторов во Франции? — спросил Сеньон.

– *Orange*, *SFR*, *Bouygues*, *Free* и *МédCom*. Итого пять, — подытожил Дан, технический гений.

— То есть у нашего клиента шанс угадать был один из пяти?

Сеньон скептически поморщился. Он обменялся понимающим взглядом с Магали.

Включился Родрик, который, как хороший главред, сохранял способность к обобщению:

— Он сказал «нас». И он хочет, чтобы вы что-то нашли, это очевидно.

Сеньон указал на пульты режиссерской:

— Вы можете показать мне повтор его появления в студии, с первого момента?

Марван Жибран, режиссер новостей, корена-

стый вспотевший парень, который не открывал рта с момента прибытия жандармов, указал пальцем на экран слева.

На нем появился и застыл улыбающийся и радушный Поль Даки-Ферран; Марван перемотал запись и нашел нужный кадр. Зеркальная панель на заднем плане открывается, появляется Кратос, шесть быстрых решительных шагов, оружие выскакивает из кармана и приставляется к виску. Конец.

Меньше пяти секунд.

— Есть другие ракурсы? — спросил Сеньон. — И перемотайте и покажите мне момент, когда он дает Полю бандану, — я хочу знать, что под ней.

Режиссер выполнил просьбу, но повторы не дали дополнительной информации. Было видно только, что Кратос в черных камуфляжных брюках, такой же куртке под бронежилетом и с рюкзаком. Его маска фиксировалась поверх балаклавы широким эластичным ремнем — он не рисковал.

С банданой они тоже далеко не продвинулись, кроме того, что она явно скрывала предмет размером с небольшую чашку или яблоко — Поль держал его в ладони, его руку примотали скотчем под столом.

— Граната без чеки? — спросил Сеньон, вопросительно глядя на капитана Остена. — Мы так думаем. Он заставляет его держать скобу прижатой. Если он отпустит…

Бум! — подумали все одновременно.

Сеньон напрягся. Становилось все интереснее и интереснее.

— Он мог бы обойтись одной балаклавой, — раздался робкий голосок слева. Это был Симон, оператор вещания, который испуганно жмурился за своими очками. — Я имею в виду, что маска совершенно необязательна для анонимности, балаклавы было бы достаточно.

Симон был прав. Значит, маска имеет символическое значение.

— Чтобы напугать? — предположила Магали.

— Он отражает то, что перед ним, сообщая нам, что проблема не в нем, а в нас, — сказала Шарлен, привыкшая высказывать свое мнение в режиссерской.

Сеньон, как прагматик, предпочитал оставаться в рамках конкретики:

— А можно отмотать назад с камер наблюдения и посмотреть, что было до новостей? Он же должен был как-то войти в студию, он ведь не человек-невидимка!

Филипп Роже показал ноутбук, который держал под мышкой:

— У меня есть доступ ко всей нашей сети. Посмотрю, как вывести на режиссерскую.

Пока начальник службы безопасности «Медиаплекса» стучал по клавиатуре, Шарлен попросила у Яниса разрешения пойти наполнить кружку из кулера на площадке.

— Вы не в тюрьме, Шарли, — мягко ответил тот. — Пока вы остаетесь в зоне, вы под защитой.

Шарлен направилась к кулеру. Ей полегчало, когда она оставила полутемную режиссерскую, — уж слишком напряженная там царила атмосфера. Однако, едва выйдя на яркий свет площадки, она наткнулась на тактическую группу спецназа со штурмовыми винтовками, занявшую позицию за защитным щитом, и стресс тут же вернулся. Они наблюдали за коридором, ведущим к студии. *Само собой*.

Она проскользнула за их спинами, чувствуя себя неуютно.

Шлюз, ведущий в производственную зону, был широко открыт — впервые за все время работы на «МД1» она видела такое. Прямо на выходе, в большом помещении с лифтами, бойцы в форме спецназа — зеленый камуфляж, черные

рубашки поло — заканчивали устанавливать оперативный командный пункт со всем его высокотехнологичным оборудованием.

Во что она ввязалась? Шарлен предпочла не углубляться в эти размышления: слишком поздно. Она наполнила кружку водой и вернулась в режиссерскую.

— Вы не хотите меня… не знаю, типа… быстро обучить, что именно говорить или как говорить? — спросила она Яниса.

Он покачал головой:

— Переговоры — это на восемьдесят процентов интуиция. Технику, стратегию оставьте мне. Вы пока что попадали в точку каждый раз, вы чувствуете ситуацию. Так и продолжайте.

Шарлен скептически подняла брови. Слабовато для защиты жизни Поля. Янис, который не упускал ни одной ее реакции, уточнил:

— Ваша профессия — коммуникации, так? Будьте проще, искреннее, слушайте свою интуицию, она у вас хорошая, это плод многолетнего человеческого опыта — чувствовать других, понимать, как с ними говорить, выражать то, о чем вы думаете. Это ваша работа с тех пор, как вы закончили учебу, так что сегодня вечером делаем то же самое.

Легче сказать, чем сделать.

Шарлен вдруг насторожили слова Яниса.

— У вас что, и на меня есть досье?

Янис одарил ее своим дружелюбным и успокаивающим взглядом:

— Моя задача — знать, с кем я имею дело.

Она отшатнулась, почувствовав себя перед ним совершенно голой. Так вот что это было — перешептывание с начальством по телефону. Это он составлял профайл Шарлен Кермадек — все, что они нарыли в Интернете, в административных файлах, в соцсетях.

— Мне это не нравится, — призналась она откровенно.

— Понимаю. Это неприятно. Вот что мы сделаем, чтобы быть на равных. Я — Янис Амар, через неделю мне стукнет тридцать два. Я всегда мечтал заниматься тем, чем занимаюсь. Только военная карьера, никаких дипломов, в школе учился через пень-колоду. Обожаю движение. Участвую в триатлонах, чтобы выпустить пар. У меня есть дочь, и я сейчас развожусь с женой. Что скажете?

Шарлен скривилась для вида. Но в глубине души она оценила его откровенность. Он протянул ей руку:

— Мир?

Рыжеволосая сморщила нос, но вложила пальцы в его сильную ладонь.

Сеньон, Марван, Родрик и Дан изучали записи с камер наблюдения, которые Филипп Роже загрузил на свой компьютер.

Симон за их спинами сжался, стараясь, несмотря на вздыбленное афро, занимать как можно меньше места. Шарлен и Янис обсуждали переговоры. В стороне капитан Остен и его заместитель Натэ подводили итоги по расстановке людей, организации различных контрольных зон и командных пунктов. Боб, звукорежиссер, оставался на своем месте, в стороне, — он слушал через наушники. А Ирен снова зарылась в телефон, как и Магали, которая открыла какой-то сайт.

Внезапно Кратос снова посмотрел на часы и взял со стола микрофон.

— Есть движение! — прокомментировал майор Натэ для режиссерской.

Все замерли.

Взглянув на часы вверху, Шарлен отметила, что с начала событий прошел почти час.

Кратос достал из рюкзака лист и положил на стол перед Полем. Затем заговорил в микрофон:

— Пора начинать. Дамы и господа, надеюсь,

вас собралось много и вы слышите нас. Вашему любимому ведущему есть что вам сказать. Не так ли, Поль?

Голос, пугающий своей бесчеловечностью, звучал почти насмешливо.

Поль взял лист одной рукой, держа другую, перевязанную банданой, под столом, бросил на него взгляд, кивнул и поднял глаза на основную камеру прямо перед собой.

Он смотрел на мир.

Потом его губы зашевелились — он начал читать письмо.

12

Поль Даки-Ферран читал текст легко и профессионально, словно отрепетировал заранее. Его взгляд перемещался с бумаги на камеру в нужном ритме, чтобы донести смысл до каждого зрителя; он делал паузы именно там, где они должны быть, чтобы в памяти запечатлелись ключевые фразы, и продолжал читать без запинок:

— Дамы и господа, наш мир болен. Таков извечный цикл истории человечества — цивилизации возникают, достигают расцвета, а затем гибнут. Приходится констатировать, что наша цивилизация в Европе и Западном мире тоже рушится. Она отжила свое. Наша экономическая модель, основанная на постоянном росте, достигает апогея, и дальше возможен только спад. Эта безумная погоня за ростом любой ценой привела нас к прискорбной экологической ситуации, а наша зависимость от этого роста приведет к краху наших государств и омрачит будущее грядущих поколений. В этом состоянии неопределенности наши народы ищут прибежища в страхах, подогреваемых политиками-оппортунистами: страхе

перед чужаками, страхе перемен, страхе перед открытостью…

В режиссерской Сеньон поморщился.

— Это политический захват заложников, — понял он.

— Чего, по-вашему, он потребует? — спросил Филипп Роже.

Сеньон только пожал плечами.

На экране Поль Даки-Ферран продолжал:

— Скоро наши правительства, погрязшие в долгах, не смогут больше финансировать государственную машину. Люди будут постоянно выходить протестовать на улицы — их будут толкать гнев, нужда, страх. По той же логике наши перепуганные лидеры за неимением других решений будут подавлять эти восстания силой. Конец близок, и он придет не извне, а как следствие наших страданий, нашего бунта, и прозвучит похоронным звоном системе. Тысячелетиями людьми правили страх войны, страх голода — люди боялись, что не сумеют прокормить семью, опасались эпидемий… Они не имели выбора, мирились со своей участью, своим классом, своим господином… Мы же выбирали сами и пользовались этим — мы жили в роскоши, которой даже не осознавали… Мы

привыкли к излишней праздности, к иждивенчеству, к модели жизни, где нет справедливости, но все возможно, а ценности девальвированы. Мы жаловались на индивидуализм, не осознавая, что наш четко отлаженный быт работает так гладко лишь благодаря взаимозависимости всех наших коллективных усилий. Скоро протесты сломают эту модель, подточат этот невидимый цемент, и мы постепенно скатимся в хаос, предвещающий многовековые перемены. Мы были хозяевами планеты, а теперь мы будем служить другим народам, которые придут нам на смену, — так вращается колесо истории.

— К чему он клонит? — удивился Дан.

Шарлен следила за каждым словом, каждой интонацией Поля. Ее внимание было скорее приковано к нему, чем к содержанию текста. Он выглядел совершенно спокойным, и она ни секунды не сомневалась, что его слова напрямую и мгновенно найдут отклик у миллионов людей, сидящих перед экранами телевизоров.

Кратос встал у него за спиной, и его черный силуэт резко контрастировал с залитой светом студией.

— Поколения отдалились друг от друга, их разделяют различия во взглядах, в мотивации, —

продолжал Поль. — Они видят мир совсем не так, как их предшественники. Но то, что произойдет сегодня вечером, без сомнения, вновь сплотит их — от молодых до самых старых. Все вы сидите сейчас передо мной — у телефонов, планшетов, экранов, — привлеченные возможностью стать свидетелями насилия, соблазном увидеть невиданное, обещанием невероятного зрелища. Всех вас объединяет одно болезненное желание: узнать, что случится в прямом эфире.

Поль сделал паузу, которую можно было бы назвать театральной, если бы продолжение не было столь чудовищным для него самого:

— А произойдет то, что я, Поль Даки-Ферран, я… — Поль споткнулся, облизал губы, перевел дух и произнес, не дожидаясь, чтобы Кратос велел ему продолжить: — Я, Поль Даки-Ферран, умру у вас на глазах. Потому что мы слепы. Потому что мы превратились в капризных, вечно недовольных существ, которые не желают понять, как им повезло, что они живут в почти свободном, почти справедливом, почти нормальном обществе, и от этого погибают. Я… Я умру, потому что…

Капитан Остен и его заместитель Натэ переглянулись. Остен нажал кнопку рации, чтобы предупредить свои команды:

— Всем приготовиться к операции. Команда один, вы входите. Команды два и три, контроль зон и готовность к подкреплению. Команда четыре, по приказу открываете огонь по цели.

Один за другим командиры доложили о готовности.

Спецназ не мог позволить Кратосу убить заложника. Они еще не успели занять нужные позиции, но, если необходимо наступать, они будут наступать.

Затем Остен обратился к Родрику и Симону:

— Вы отключаете трансляцию по моему сигналу.

— Но тогда он убьет Поля! — возразил Симон.

— Он в любом случае именно это и собирается сделать.

Шарлен прикрикнула ни них:

— Лучше послушайте, что говорит Поль!

Тот продолжал, контролируя дыхание с почти чрезмерным в подобных обстоятельствах профессионализмом. Кратос за его спиной напоминал тень смерти.

— …Я умру, потому что мы стремимся противостоять друг другу вместо того, чтобы объединиться и спасти то, что еще можно спасти. Я умру, потому что мы больше не хотим созидать сообща,

а желаем лишь сражаться, и я стану символом безумного капитализма, символом тех, кто не разучился мыслить и, следовательно, уверен в своей правоте, тех, кто больше не желает слушать и слышать друг друга. Я умру, чтобы доказать вам, что вы правы в своем безразличии. Почему сегодня вечером нас собралось так много перед экранами, перед этим нацеленным на меня оружием? Разве оно угрожает вам напрямую? Нет. Жертва — это я. Вы сидите и смотрите на меня, чтобы увидеть, как я умру. Давайте зададимся вопросом, что это говорит о нас? О каждом из вас. Выключите ли вы экран после этих слов? Нет. Вы будете ждать, просто чтобы увидеть. В нашем мире в жертву приносят невидимых, но сегодня нож гильотины упадет при свете софитов — чтобы мы больше не могли прятаться за своими отговорками и отводить глаза. Сегодня вечером всем нам придется взглянуть в лицо правде. Нам необходимо осознать силу, которой обладаете вы, граждане-*потребители*.

Поль сделал паузу, чтобы справиться с эмоциями.

— Очень витиевато написано, — прокомментировал Дан в режиссерской. — Он неплохо подготовил свою речь…

Поль закончил:

— Я не умру, только если мы сообща сможем доказать тому, кто держит оружие у моего виска, что он ошибается. Что мы не эгоисты с промытыми мозгами. Что мы еще способны спасти чью-то жизнь, потому что верим в нее, в нас, в наше сообщество.

Поль остановился, читая следующие слова, будто сам с трудом в них верил. Он поднял глаза и произнес:

— Заставьте наше государство поставить жизнь превыше всего, и я буду жить. Сделайте так, чтобы наше правительство и мегакорпорация, на которую я работаю, вместе со своими страховщиками-капиталистами дали этому человеку — олицетворению нашей алчности и неумеренности — то, что он требует, и тогда я буду жить. У вас есть время до рассвета.

В режиссерской все не отрывали взгляда от губ Поля, ожидая конкретного финального требования.

— Дайте ему пятьдесят миллионов евро, и я буду жить.

После этих слов Кратос резко дернул провод микрофона, вырвав его из рук Поля, и с такой силой вдавил дуло пистолета в его висок, что

Поль согнулся, морщась от боли и страха.
Зеркальная маска повернулась к камере.
Бросая ей вызов.

13

Родрик, сидевший в первом ряду рядом с режиссером, не мог скрыть удивления:

— И все ради этого? Ради выкупа? К этому сводится его речь? Все ради бабла?

— Я же говорю, слишком витиевато, — заметил Дан. — Напоминает заезженную пластинку, которую он будет прокручивать снова и снова, пока не поедет крыша. Радикализованный ультралевый активист?

— Как раз и нет, тот бы не требовал бабла для себя!

— Может, это для финансирования какого-то большого дела…

Ирен на пороге режиссерской снова приложила к уху телефон. Шарлен знала, что Белая Дама на связи с Амели де Кастельнак, генеральным директором «Медиаплекса», и усмехнулась, поскольку это очень походило на ее собственное положение. Ирен на своем уровне служила таким же предохранителем, как и сама Шарлен, посредником, чтобы снять ответственность с начальства, выиграть время, чтобы те, кто реально

принимает решения, могли оставаться в тени.

У Сеньона лицо было недовольное. Вернулась Магали и вопросительно посмотрела на него.

— И больше никаких подробностей? — удивился он. — Условия платежа? Он наверняка продумал и это, и план своего спасения, иначе так бы не прятался!

— Наберитесь терпения, — парировал Янис. — Очевидно, что этот Кратос все подготовил. Он выжидал час, прежде чем заговорить, как прирожденный шоумен. Знает, что эффекты надо производить постепенно. Он должен продержаться всю ночь и постарается не отпускать людей от экранов. Он к этому вернется и сообщит все детали, когда сочтет нужным.

— Из него вышел бы хороший программный директор, — мрачно съязвил Дан.

Янис наклонился к Шарлен и добавил шепотом, только для нее:

— И главное, это мешает нам подготовиться к его требованиям. Он умен. Не удивлюсь, если он будет обращаться к нам через вас. Пусть это не будет для вас сюрпризом.

Шарлен задумалась и ответила:

— Он держит Поля, чтобы тот был его рупором для телезрителей, а сам общается напрямую

только с нами. О'кей, все понятно.

— Ему будет трудно вести эту двойную игру, и когда он начнет уставать, то может разозлиться, а если допустит ошибку, возможно, придется его успокаивать.

— Я не уверена, что смогу, а если он тронет заложников, я…

— Он не тронет их без веской причины. — Янис встал и повернулся к Сеньону и Филиппу Роже. — Вы проверили в вашей системе, кто пользовался пропуском?

Шарлен поняла ход его мысли. Он хотел знать, не покинула ли Сильви незаметно студию в начале захвата заложников. Для этого она должна была использовать свой пропуск, и тогда это зарегистрировано в файле безопасности «Медиаплекса». Команды спецназа ее не нашли, но не исключено, что она сбежала через заднюю дверь еще до их появления. *Но она, если бы выбралась на улицу, ответила бы по телефону.*

— Сильви Таар, последний раз использовала пропуск, когда вошла в студию в 19:51. Она все еще внутри.

— Жаль. Значит, пятеро, — проворчал Янис.

— Шестеро с Полем, — поправила Шарлен, которая вдруг поняла, о чем думает переговорщик.

Еще пять заложников. Пять потенциальных жертв.

Янис мрачным кивком подтвердил, что она права:

— Он не будет стрелять в Поля, это его рупор, способ давления на нас и особенно на общественное мнение.

— Но остальные — расходный материал, потому что вне кадра. Это то, что он подразумевал в своей речи, — в жертву приносят невидимых. Боже мой. Сильви должна оставаться в укрытии, — может, он не знает, что она в студии, спряталась за стеной или залезла под гримерный столик.

— Мы сделаем все, чтобы до этого не дошло. Лейтенант, нашли что-то для идентификации личности?

Сеньон покачал головой:

— На камерах наблюдения пусто.

Магали обратилась к Филиппу Роже:

— А камеры наблюдения вокруг студии, в производственной зоне, — мы можем их просмотреть?

Начальник службы безопасности безнадежно развел руками. Это была больная тема.

— Добро пожаловать в индустрию развлечений! У нас делается все ради священного «благополучия сотрудников»! Никакого контроля! Комфорт

и уважение к личности. Нет, у нас нет камер наблюдения в рабочих помещениях или зонах отдыха. Профсоюз запретил. Только в студии, потому что это стратегически важная зона, и на входах в здание.

Сеньон выругался.

— Вы можете предоставить нам все имеющиеся записи? Я пошлю их коллеге на просмотр. Никогда не знаешь… Нужно выяснить, откуда он пришел, как сюда попал.

— Честно говоря, одному, без сообщника, который здесь работает, это нереально, — хрипло отрезал Филипп Роже. — Сначала нужно войти в башню, а для этого требуется персональный пропуск и подтверждение охранника. Затем, чтобы попасть в производственную зону, — пропуск и биометрия, и, наконец, доступ в студию разрешен только горстке людей.

— Он не мог подделать пропуск? — спросил Сеньон.

— Не думаю, разве что проникнув в диспетчерскую службы безопасности, которая охраняется примерно так же, как студия новостей, если не строже, и узнать коды доступа к внутренней сети. Я лично нанимаю всех охранников, знаю их как облупленных, а они в курсе, что я питбуль.

Я уверен, что они не могли совершить глупость, поддавшись на подкуп. К тому же система безопасности обязательно фиксирует пропуск того, кто им пользовался. Мои ребята не идиоты, им известно, что все их действия контролируются. Нет, это кто-то пришлый, не из моей команды.

— Все равно представьте нам историю каждого, чтобы мы проверили, — распорядился Сеньон. — Этот тип так или иначе должен был предъявить пропуск.

Филипп Роже проворчал что-то себе в бороду, затем застучал по клавиатуре и вывел данные на один из экранов режиссерской. Список идентификаторов, имен и номеров сотрудников, с указанием времени и кодов дверей.

— Вот список тех, кто сегодня заходил в студию. Последняя цифра — это номер двери: один для главной, два — для гостевой стороны и три — для зоны хранения сзади. Все, кого вы здесь видите, авторизованы, я не замечаю никаких аномалий, никаких новичков.

— А можно открыть дверь под принуждением?

— С пушкой под подбородком? До начала новостей никто не жаловался на нападение, и нигде не валяются трупы. И опять же, я возвращаюсь к первому пункту: как бы он вошел в башню?

Охранники его бы заметили. Мы фактически позволяем нашим сотрудникам жить своей жизнью внутри башни, но перед этим как следует их проверяем.

— Я не верю в призраков, — проворчал Сеньон. — Мне нужен след, лицо, отпечаток, ДНК, что угодно, но я хочу знать, кто этот тип!

Магали, усевшись сзади с ноутбуком, огласила плохие новости:

— Никого по имени Кратос в наших файлах нет.

Марван Жибран, режиссер новостей, следил за дискуссиями со своего центрального места в первом ряду. Он все время приоткрывал рот, словно хотел что-то сказать, но не решался вмешаться в разговор. Все чувства Шарлен были настолько обострены адреналином, что она это заметила:

— Марван? Что-то не так?

Тот вытер лоб платком, все еще колеблясь, но под взглядами всех, кто ждал его ответа, выдавил:

— Мне одному кажется странным поведение Поля?

— В каком смысле? — спросил Сеньон, подойдя ближе.

Марван указал на камеры, снимавшие Поля

со всех ракурсов. Ведущий сидел на своем стуле прямо и невозмутимо.

— Ну… Он… Не знаю, как это сказать, — он как будто всем этим *руководит,* понимаете. Он читал текст, словно уже его знал, вы не заметили?

— Это его работа, — возразил Дан. — Поль мастер, это общеизвестно.

— Хорошо, но он явно очень старался. Ты знаешь его, как и я, Дан. Поль может упереться, как осел, если не хочет что-то выполнять.

— Но вообще-то, речь идет о его жизни!

— Да, но… не знаю… Мне показалось, что он слишком… *вовлечен*. Его тон, взгляды в камеру. То, что я говорю, странно, я сам понимаю, и все же… это мое ощущение. И потом… а этот предмет, который он держит под банданой? Может, это ерунда, но что-то он не очень волнуется.

— На что ты намекаешь? — спросила Шарлен. — Что Поль… *сообщник*?

Марван застыл, услышав это слово, затем поднял руку:

— Нет, конечно нет. Забудьте, что я сказал, просто я на пределе.

Сеньон нагнулся к Магали и прошептал:

— Пробей мне этого Поля Даки-Феррана. Движения по счетам и тому подобное.

— В такое время посылать запрос в его банк?

Сеньон указал на экран с прямым эфиром:

— Мы любезно предложим им сотрудничать, иначе, думаю, это сделает министр.

— Ты всерьез полагаешь, что он может быть сообщником?

— Я не отметаю ни одну возможность. Ты слышала босса охраны: Кратосу должен был помогать кто-то изнутри. В конце концов, Поль даже не пытался защищаться, когда тот появился, он оставался совершенно невозмутимым.

— Это слишком притянуто за уши, не находишь? Ему есть что терять, и вообще, зачем такой звезде ввязываться в подобную авантюру?

— Ты представляешь, сколько людей сейчас на него смотрят? До 20:17 сегодняшнего дня он был известной фигурой в телемире. Минуту спустя он навсегда вошел в учебники истории. Никогда не знаешь, как далеко люди готовы зайти ради славы. Так что проведи небольшую проверку, собери на него данные, чтобы меня успокоить.

Магали хотела было ответить, но вдруг осеклась.

Шарлен встала и указала на монитор с информацией из компьютера Филиппа Роже — данные перемещения сотрудников по студии новостей:

— Кажется, я поняла, как он смог войти.

14

Шарлен подошла к стене экранов и указала на одно имя в списке тех, кто заходил в студию новостей в течение дня.

— Вот, — сказала она.

Имя: Лорен Делакуа.

— У нее же ковид? — вспомнил Родрик.

— Именно. Я получила от нее сообщение утром. И при этом смотрите, ее пропуск использовался для входа в студию в 15:47.

Филипп Роже склонился над компьютером:

— И она оттуда не выходила. Так что либо она все еще в студии, либо…

— А как он прошел биометрию? — удивился Дан.

— И охранников! — добавил Марван. — Они все привыкли к постоянным проверкам.

Филипп Роже стучал по клавиатуре, просматривая историю использования пропуска Лорен.

— Она приехала на подземную парковку утром, в 05:12. — Он поднял голову с недовольным видом и добавил: — Ранним утром, конечно.

— Какая разница? — вмешался Сеньон.

Филипп Роже поморщился:

— Ночью у нас обычно очень мало проходов, разумеется, никаких посетителей… Поэтому, чтобы сократить бюджет, руководство не требует от нас держать охранников на всех дверях, только в центре безопасности и для обходов.

— Так как же попадают на вашу парковку ночью?

— Наши протоколы несложные: днем пропуск плюс проверка охранником, но с 22:00 до 6:00 утра на парковке никто постоянно не дежурит. Поэтому только пропуск и биометрия.

— Какая биометрия? — уточнил Сеньон. Он помрачнел, явно предполагая худшее.

— Проверка отпечатка пальца.

Внезапно Сеньон подошел вплотную.

— Машина этой Лорен еще на парковке? — спросил он.

— Судя по ее пропуску, да, она не выезжала.

Сеньон рванул к выходу.

— Скиньте мне модель и номер! — потребовал он уже издалека.

Шарлен вернулась на место, немного ошеломленная. От мысли о причастности Лорен ей стало дурно. Она начала было представлять самое страшное и тут же себя одернула. Ей ничего не

известно. Может, это просто совпадение.

Совпадение? Серьезно?

Нет, наверняка Лорен втянули, и, зная помощницу Родрика, Шарлен понимала, что та не могла действовать по своей воле. Ее заставили.

Если с ней что-то случилось, я… Что? Что я сделаю? Ворвусь в студию и выстрелю в него?

Шарлен почувствовала себя инфантильной дурой. Удручающе наивной.

— Я же говорил, у вас хорошо развита интуиция. — Янис протянул ей дымящийся бумажный стаканчик.

— Лорен — моя коллега.

Янис настоял, чтобы Шарлен взяла кофе, и она подчинилась.

— Этим занимается лейтенант Дабо. Если она здесь, ее найдут, будьте уверены. И ребята поедут к ней домой.

— Надеюсь, с ней все в порядке.

Янис ловко сменил тему:

— Что вы думаете о его речи?

Шарлен поняла маневр, но решила, что Янис прав. В конце концов, возможно, ей придется общаться с Кратосом в ближайшие часы, стоит подготовиться.

— Согласна с Даном, она слишком витиева-

тая. И… в то же время какая-то бессвязная. Если коротко, он пророчит конец нашего общества, обвиняет нас в том, что мы избалованные дети, которые не ценят то, что имеют, и своим вечным недовольством способствуют его разрушению. И как доказательство того, что он не прав, просит нас заплатить, чтобы он не убивал Поля.

— Хитроумно.

— Вы находите? По-моему, это какая-то популистская каша!

— Да, по сути я с вами согласен, но вам не кажется, что из миллионов людей, которые его слушали, всегда найдется изрядное количество тех, кому понравилась первая часть?

— Возможно.

— И тех, кто запомнит только конец: заставить государство платить, чтобы спасти жизнь, заставить платить крупный капитал в лице «Медиаплекса». Тот, кто олицетворяет телеканал, в итоге становится его жертвой. Многие люди на этом и остановятся.

— Не все же идиоты, знаете ли.

Янис издал веселый смешок:

— Согласен. Но из подобной тирады каждая категория склонна выхватывать то, что ей ближе. В этом сила его речи. Бессвязная по содержанию, а

по форме — заготовка для самообслуживания.

— Вы им восхищаетесь?

— Он манипулятор. И главное, это дает нам кое-какие интересные сведения об авторе.

Шарлен допила кофе, пока слушала.

— То, что он не идиот? — рискнула предположить она. — Но, учитывая то, что он уже сумел провернуть, мы и так это подозревали. Что он умеет писать? Какой психологический портрет можно составить?

— Он обвиняет всех, кроме себя. Он остается в стороне, заставляет зрителей чувствовать себя виноватыми, а сам снимает с себя ответственность за то, что делает, даже за необходимость убить Поля, если придется.

— Нарцисс-извращенец? Это может объяснить выбор имени — Кратос, могущественный, сильный. И объяснило бы «нас» — их не несколько, он просто страдает манией величия.

— В любом случае он так зациклен на себе, что находит оправдание любым своим поступкам и готов переложить вину на других. Если текст написал он сам, а не кто-то другой, у него, скорее всего, завышенная самооценка. Старайтесь не противоречить ему, не раздражать. Чтобы чего-то добиться, нужно подчеркивать его значимость.

Не игнорируйте его. Если он захочет говорить, нужно немедленно откликнуться, показать, что вы слушаете. Но не забывайте основное правило: никаких «да» или «нет», говорите ему, что сделаете все возможное.

— Хорошо. Я постараюсь. Ради… ради заложников.

От одной мысли об этом, об ужасной ответственности, которая ляжет на нее в тот момент, когда придется заговорить, у нее заколотилось сердце.

— Еще один совет: не фокусируйтесь на Поле. Относитесь к нему как к несущественному элементу, в крайнем случае делайте вид, будто он вам безразличен.

— Но… он же его заложник! Наш коллега!

— Тем более. Если Кратос увидит, что Поль в центре внимания, это не только может задеть его эго, но главное, придаст ему сил, и он начнет требовать, командовать. Чем больше значения вы придаете Полю, тем больше подкрепляете власть захватчика. Ни в коем случае не делайте Поля предметом торга. Если он его упомянет, отмахнитесь, сосредоточьтесь на Кратосе, на его намерениях, на нем самом. С некоторой долей везения он в конце концов это оценит и загово-

рит о себе.

— Но если он нарцисс, он ведь захочет общаться с кем-то более важным, равным себе?

— Возможно. Или продолжит общаться через вас, если почувствует, что может вами управлять. Мы постараемся представить вас в нужном свете.

— Каким образом?

Янис смотрел на нее. Невозможно было понять, что творится у него в голове в этот момент. Он лишь многозначительно усмехнулся.

— Доверьтесь мне, — только и ответил он.

Двумя этажами ниже массивный Клем направлялся к парковке «Медиаплекса», а за ним следовали Марко и Жислен, который был на связи с майором Натэ в режиссерской. Сеньон и Магали с пистолетами в руках замыкали строй, в бронежилетах, надетых поверх курток. Стволы штурмовых винтовок «Брен» с включенной подсветкой обшаривали каждый угол по мере продвижения к парковочному месту 1-Д11.

Парковка была на две трети пуста, что облегчало продвижение и уменьшало количество слепых зон.

Внезапно Клем остановился, поднял левый кулак к плечу, и вся колонна последовала его

примеру.

— Транспортное средство в поле зрения. Признаков присутствия нет, — доложил он.

Жислен передал по рации:

— Группа на позиции, высылайте кинолога.

Сеньон нетерпеливо ждал позади. Если Лорен Делакуа еще жива и заперта в машине, каждая минута может иметь значение, особенно если она ранена. Сеньон расследовал дела, когда жертвы, связанные в багажнике автомобиля, погибали от удушья, — увы, классика жанра.

Но в основном все опасались взрывного устройства, которое может сработать от малейшей неосторожности.

Виктор и Самба прибыли быстро. Первый — в штурмовой экипировке с еще опущенной балаклавой, а Самба — пятилетняя бельгийская овчарка малинуа, энергичный пес, шагающий в ногу с хозяином. В специальных чехлах на четырех лапах, чтобы когти не стучали по бетону, животное передвигалось совершенно бесшумно.

Жислен указал на «рено-каптур», припаркованный в сорока метрах:

— Цель там.

Виктор достал из рюкзака защитный шлем странного вида и надел его на голову собаки.

Шлем состоял из широких плексигласовых куполов по бокам, не ограничивающих видимость, крошечной камеры спереди и еще одной сзади для панорамного обзора хозяину, который уже включил свой планшет.

Внутри шлема был вмонтирован микрофон, чтобы собака слышала команды.

— Самба, вперед, — скомандовал Виктор.

По этой команде пес бесшумно рванул к машине. На планшете Виктор получал изображение того, что видит собака, а в наушнике слышал звуки, улавливаемые шлемом.

— Самба, медленно.

Собака замедлилась, приближаясь к припаркованному «форду», стоявшему прямо рядом с целью. Он закрывал переднюю часть «рено».

— Самба, медленно, влево.

Собака медленно приблизилась к заднему бамперу «форда».

— Самба, проверь слева.

Словно робот, овчарка наклонила голову влево под поворотники, открывая зону, невидимую для штурмовой колонны.

— Хорошо. Самба, вперед.

Собака продолжила движение. Чехлы на лапах делали ее абсолютно неслышимой, особенно для

устройств с акустическим срабатыванием. Хотя такое встречалось крайне редко, они решили не рисковать.

Стоявший сзади Сеньон был потрясен точностью работы собаки. Магали наклонилась к нему и прошептала:

— Скоро мы вообще не понадобимся.

— Думаешь, он и протоколы печатать умеет?

Несмотря на ужас происходящего, брюнетка неожиданно улыбнулась.

Пес приближался к «рено».

— Самба, ищи!

Это была финальная команда. Собака пошла вокруг машины, принюхиваясь: своим безошибочным чутьем она искала взрывчатку.

Пес несколько раз обошел машину, не останавливаясь, затем повернулся к хозяину.

— Молодец, Самба. Ко мне.

Едва собака вернулась, хозяин похвалил ее и наградил лакомством.

— С моей стороны чисто, — сказал он Жислену.

Тот кивком приказал своим бойцам выдвинуться к машине и взять ее на прицел. Быстрый осмотр салона фонарем — никого.

У них было несколько способов вскрытия автомобилей: от деликатных до разрушительных, и

это входило в задачу Марко. Каждый боец спецназа после четырнадцати месяцев подготовки должен был специализироваться на чем-то конкретном: снайпер, подрывник, переговорщик… В их колонне Марко был специалистом по взлому, который должен прокладывать путь при возникновении препятствий. Горячий или холодный взлом (с взрывчаткой или без), через дверь, окно, стену или даже потолок при необходимости — Марко изготавливал собственные заряды и мог адаптировать их к обстоятельствам, использовав необходимое оборудование из дежурного грузовика, припаркованного со всеми машинами подразделения.

Жислен собирался приказать ему действовать, когда Сеньон заметил несложенные зеркала:

— Машина не заперта.

Может, его все-таки не так скоро заменят.

Жислен подошел к багажнику и рывком открыл его, одновременно отступив.

Четыре ствола нацелились на поднимающуюся крышку.

Пусто.

— Черт! — выругался про себя Сеньон.

— Лейтенант, — окликнул его Клем с правой стороны машины.

Он посветил на пол возле пассажирского сиденья.

Сеньон осторожно приоткрыл дверцу машины и в ярком свете сразу увидел что-то на коврике.

Женский палец.

Большой палец. Отрезанный целиком.

15

«Белые кролики» — так их прозвали за белоснежные комбинезоны, — то есть криминалисты жандармерии, окружили машину Лорен Делакуа. Они собирались обследовать все до последнего винтика в поисках отпечатков пальцев и ДНК в надежде идентифицировать Кратоса.

Сеньон и Магали вернулись в режиссерскую, чтобы восстановить весь маршрут Кратоса, использовавшего пропуск Лорен.

К 21:45, через полтора часа после начала захвата заложников, картина прояснилась.

Кратос прибыл на парковку рано утром, в 05:12, в машине Лорен. Он приложил пропуск девушки к считывателю, затем прижал ее отрезанный палец к биометрическому сканеру. Очевидно, он был хорошо информирован или как минимум провел разведку и знал, что ночью ему не придется столкнуться с охраной. Башня «Медиаплекса» была защищена, но все же это не атомная станция; террористической атаки на персонал в течение дня опасались, но возможность ночного проникновения всерьез не рассматривалась.

Затем Филипп Роже под пристальным взглядом Сеньона просмотрел историю движения лифтов — они были подключены к внутренней системе здания, так что доступ имелся. По трем основным лифтам в центре башни ничего подозрительного не нашлось, но, покопавшись, он проверил движение заднего грузового лифта, используемого в основном для транспортировки оборудования. Бинго! Грузовой лифт работал в 05:20, между уровнем 1 (парковка) и уровнем 1 (производственный этаж). Он обслуживал заднюю часть здания — между погрузочными доками во дворе, рампой на первый этаж и складской зоной. Там тоже есть пост охраны, но дежурный заступает на смену только с шести утра, когда начинаются поставки. Оттуда достаточно пройти по длинному коридору, чтобы попасть в заднюю часть студии, через которую перемещали оборудование и декорации.

И здесь тоже нужно было знать дорогу, изучить планы или иметь точное описание маршрута, чтобы не заблудиться.

Пропуск Лорен использовался еще раз в 15:47. До этого Кратос мог прятаться среди многочисленных ящиков, деревянных панелей и картонных коробок в складской зоне. Филипп Роже собирал-

ся изучить товарные накладные, но, насколько ему было известно, понедельник — спокойный день, вполне можно было затаиться в углу и выжидать, не привлекая внимания.

Получалось, что Кратос проник в студию в середине дня. Вероятно, в тихий момент, когда там никого не было и еще не включили свет. Ему не составило труда спрятаться за зеркальным полотном — подобием стенда, за которым установлена дистанционно управляемая камера, — и ждать.

— Вы не проверяете камеры перед съемкой? — спросил Сеньон.

Вопрос адресовался режиссеру, поэтому ответил Марван Жибран:

— Не систематически, во всяком случае не вручную, если они поворачиваются и отвечают на команды, когда мы их включаем отсюда и с пульта в студии. Во время съемки лучше ничего не трогать. А поскольку мы управляем всем дистанционно, зачем заморачиваться?

— Иначе говоря, он знал, что, если там спрятаться, его вряд ли обнаружат. Кто мог его проинформировать?

Марван обвел рукой режиссерскую:

— Любой из тех, кто здесь вкалывает, имеет опыт работы или просто наблюдателен. Вместе с

журналистами — человек пятьдесят.

— Лорен обычно здесь, с нами, она полностью в курсе и, вероятно, могла ответить на его вопросы, — заметила Шарлен: ей не хотелось, чтобы подозрения пали на кого-то еще. — Кстати, есть новости от группы, которая поехала к ней домой?

— Работают, — заверил ее Сеньон озабоченным тоном, выдававшим тревогу. — Значит, Кратос больше четырех часов просидел в этом тесном закутке. А до этого больше десяти часов где-то прятался. Он явно мотивирован.

Родрик указал на бесстрастную фигуру на экранах:

— Вы сомневались?

— Он должен был сначала провести рекогносцировку, иначе быть не может. Либо он сам, либо его сообщник. Роже, вы можете составить список всех, кто имел доступ к производственной зоне за последние полгода? Подрядчики, временные пропуска… Я приставлю к вам кого-то из наших…

— Я пятнадцать лет отработал в борьбе с преступностью и знаю, что искать. Оставьте своих людей там, где они нужнее.

Сеньон не стал возражать и попросил Франка (который вернулся с парковки, убедившись в

отсутствии «незаконных» машин на стоянке) отправить «белых кроликов» осмотреть складскую зону за студией. Немедленно вмешался капитан Остен:

— Туда нельзя без сопровождения. От кризисной зоны ее отделяют только одна дверь и один коридор.

— Ваши ребята оставят ДНК повсюду, — заметил Франк.

— Не моя проблема. Я их защищаю.

Со своего кресла во втором ряду Шарлен следила за происходящим. В других обстоятельствах она бы наслаждалась привилегией оказаться в эпицентре такой драмы. В свое время ей доводилось освещать работу ПСВР, присутствовать при операциях по освобождению заложников, но она никогда не бывала в штабе, где принимались решения. Однако сейчас она не испытывала никакого волнения. Только что-то сжималось в груди. Она знала почему.

Рука Яниса коснулась ее руки; словно опять прочитав ее мысли, он закончил разговор по телефону и сказал:

— Лорен жива, они только что вошли к ней.

Шарлен запнулась:

— Что? Как это? Он ее не убил?

— Нет, она была связана в ванной.

Поразительно. Шарлен выдохнула с огромным облегчением. Подбежали Дан, теперь выполнявший обязанности Лорен, и Родрик, который был ее близким другом.

— Она нас слышит? — спросил Дан, не сообразив, что переговорщик уже отсоединился.

— С ней все в порядке? — нервничал главред.

Янис поднял руку, успокаивая их:

— Ее держали в заложниках, отрезали палец, она в шоке, но жива.

Раздался всеобщий вздох облегчения. После найденного в машине отрезанного пальца все ожидали худшего. Травмирована, но жива — сейчас только это и имело значение.

Пока Дан и Родрик задавались вопросом, что можно сделать для коллеги, Янис придвинулся к Шарлен:

— Наконец-то обнадеживающие новости.

— Да, — робко согласилась она. — Хотя… Лорен придется это пережить, восстановиться…

— Я говорю о том, что это означает, Шарли. Он не убивает. По крайней мере, без причины. Он не колеблясь отрезал ей палец и мог бы запросто оставить ее умирать, но нет. Он не убийца.

Шарлен указала на экраны с Полем и Крато-

сом:

— Думаете, он блефует?

— Нет, нужна невероятная решимость, чтобы зайти так далеко, но хотя бы он не убивает без необходимости — это вселяет надежду. Он понимает ценность жизни.

— Можно надеяться, что, даже придя в ярость, на пределе, он никого не застрелит?

— Для него это не будет рефлекторным действием или способом успокоиться. Кратос будет угрожать, но можно предположить, что он не станет автоматически приводить угрозу в исполнение.

— И это подсказка для переговоров?

— Можно считать, это дает нам именно то, что сейчас требуется: время. Вести переговоры в условиях цейтнота нелегко.

— Да, но он дал нам время до утра и отказывается говорить…

— Наша первая цель — заставить его отодвинуть ультиматум. Он один, и чем дольше продлится эта ситуация, тем больше он устанет, тем больше совершит ошибок, тем хуже будет соображать, потеряет решимость, уступит позиции… А если исходить из того, что он уважает жизнь, это дает нам преимущество.

Шарлен осознала, что это означает.

— То есть мы застряли здесь надолго, — сказала она.

Янис успокаивающе положил руку ей на плечо:

— Да, и для нас это хорошо.

— Но не для заложников…

— Я же говорю: не придавайте им значения.

— Но… Это мои коллеги, живые люди! Как вы хотите?..

— Помните мой совет: не ставьте их в центр переговоров. Если Кратос почувствует, что они для нас так важны, вы дадите ему власть, усилите его. И чтобы добиться результата, вы должны именно так думать, даже когда не общаетесь с Кратосом. Постарайтесь хорошенько усвоить это убеждение, пусть оно станет естественным.

Шарлен покачала головой, показывая, как это трудно.

— Вы тоже устанете, — продолжал Янис. — Вы тоже рискуете совершить ошибки из-за переутомления, так что лучше настроиться прямо сейчас.

— Попробую, — сказала она, несколько пав духом.

За спиной Шарлен возник капитан Остен:

— Начальство поднимается на командный

пункт, требуют полный отчет.

Янис кивнул и жестом попросил Шарлен встать и следовать за ним.

— Я? Но я… Вашему руководству не понравится, что я буду на брифинге.

— Я приглашаю не журналистку, я приглашаю женщину.

— Зачем?

Шарлен чувствовала, что тут кроется какой-то скрытый маневр, но не могла представить, с какой целью спецназовец берет ее на оперативное совещание.

— Если я хочу, чтобы мы стали командой, я должен установить с вами связь. Иначе будете вы сами по себе, и я рядом для переговоров, и не будет синергии, динамики между нами. Этот Кратос не дурак, придется быть точными, цепкими, иначе он использует наши слабости. Мы должны быть по-настоящему единым целым. Поэтому я протягиваю вам руку не только на словах, но и на деле.

— А что скажет ваше начальство?

Янис одарил ее широкой улыбкой, которую она сочла искренней:

— Привилегия опергруппы — решать самим. Нас для этого и отбирают, так что пусть идут к

черту.

16

Янис серьезно рисковал, приводя без разрешения гражданское лицо, вдобавок журналистку, на совещание, но он знал, что во время операции начальство его всегда поддержит. Отчитываться придется потом.

Оперативный командный пункт развернули перед входом в производственную зону. Складные столы расставлены буквой П, компьютеры, принтеры, оборудование связи и все необходимое для спецназа. Обычно они располагались под прикрытием своих машин, но в данном случае предпочтительнее было оставаться в башне, ближе к месту действия.

Гильем, жандарм из парижского отдела расследований, работал с инженером ГВНЖ над IMSI-перехватчиком и собирался заниматься этим всю ночь. Сеньон тоже присутствовал, представляя следствие. Капитан Остен озвучивал оперативную составляющую. Янис отвечал за переговоры.

Их ждал подполковник Люка Фризбур, чьи рельефные мышцы проступали под черной тол-

стовкой спецназа. Он был командиром спецназа, координировал подразделение капитана Остена и при необходимости другие подразделения, а также служил связующим звеном между оперативниками и высшим руководством.

Янис не удивился, когда увидел позади него начальника оперативного штаба, полковника Дюпра, третьего по старшинству в спецназе — человека с суровым лицом, но способного на компромиссные решения. Десять лет штурмовых операций научили его взвешивать каждое слово — цену приказов он знал на собственном опыте. Его присутствие поможет при общении с политиками — Дюпра не побоится пойти на конфронтацию.

Янис знал, что в это время Первый — генерал, возглавляющий спецназ, — находится в кризисном центре в Сатори, осуществляет руководство этой операцией и готов взять на себя любую другую, поддерживая при необходимости связь с высшим руководством страны.

Янис постарался незаметно объяснить Шарлен, кто есть кто.

— Я уже запуталась, — призналась она.

Худощавый мужчина в мятом костюме, с желтоватого цвета кожей, обильной растительностью

на лице и очень живыми проницательными глазами под стеклами очков поздоровался, представившись Шарлен:

— Я прокурор, но не обращайте на меня внимания, я только наблюдаю.

Он добавил, что здесь собрались лучшие из лучших и им точно не нужно, чтобы он путался под ногами во время расследования по горячим следам. Шарлен кивнула.

Четверо мужчин в костюмах вышли из лифта, за ними по лестнице спустились трое, включая женщину в красном, к которой подошел Филипп Роже, и наконец второй лифт выпустил трех жандармов в офицерской форме, а затем еще четверых в костюмах, среди которых Янис узнал министра внутренних дел — доказательство, если таковое требовалось, что ситуация серьезная, государственного масштаба.

Вот и все. Собралось человек двадцать с лишним.

Пока все обменивались рукопожатиями, Янис успел шепнуть Шарлен перед началом предстоящей перепалки:

— Держитесь в стороне, говорить буду я.

Он увидел, как она наклонила голову и длинные рыжие пряди упали ей на лицо, словно

широкий занавес, скрывающий часть сцены. И из-за этого занавеса донесся шепот:

— Женщина в красном костюме — это Амели де Кастельнак, генеральный директор «Медиаплекса», со своими советниками.

Янис усвоил информацию и встал перед Шарлен, частично закрывая ее от собравшихся.

Дюпра хлопнул в ладоши, привлекая общее внимание и призывая к тишине. Он указал на одного из жандармов:

— Региональный командующий генерал Брюно будет руководить операцией. Отныне он здесь главный. Генерал, вам слово…

Представленный таким образом пятидесятилетний мужчина в очках (свежие порезы на его подбородке говорили о том, что он очень спешил, собираясь на встречу) поздоровался с подчиненным.

— Начну с напоминания вам, полковник, и вашим людям, что я здесь, чтобы облегчить вашу работу и координировать действия подразделений. Я мобилизовал парижский отдел расследований и привел авиацию в режим готовности на случай экстренной ситуации, а НИИ криминалистики прислал лучших экспертов — их автобус и мобильная лаборатория должны

прибыть с минуты на минуту. Оперативное вмешательство, расследование и криминалистика — все направления жандармерии задействованы для разрешения кризиса, и резервы тоже в нашем распоряжении. — Он повернулся к четверке в костюмах и добавил: — Господин префект, господин мэр, по просьбе господина министра, здесь присутствующего, мы были мобилизованы в рамках национальной системы оперативного реагирования.

Префект, который только этого и ждал, шагнул вперед, бросаясь в бой:

— Да, господин министр, именно так, но простите, ПСВР, а еще раньше — БПР были созданы специально, чтобы действовать в этой обстановке, они проводили рекогносцировку, и было бы разумнее, если бы они…

Министр, хоть и намного ниже ростом, резко оборвал префекта, обращаясь к начальнику оперштаба спецназа:

— Полковник, возникли ли у ваших людей какие-то сложности или особые требования в связи с незнакомым объектом?

— Нет, господин министр, мы на позициях.

— Значит, решено.

Префект покраснел от ярости, но, столкнув-

шись с категоричным отказом министра, не стал продолжать. Всем было хорошо известно, что их противостояние выходит за рамки национальной системы и имеет политический характер. Префект контролировал бригаду поиска и реагирования и, косвенно, ПСВР, антитеррористическое спецподразделение, а министр не хотел, чтобы тот получал информацию раньше его — эти двое жестко конкурировали. В парижских салонах поговаривали, что префект ведет подрывную деятельность против министра, а министр поклялся убрать префекта при первой же его оплошности.

Министр запросил отчет о ситуации, и начальник оперштаба передал слово капитану Остену как наиболее компетентному.

— Мы локализовали захватчика в студии, все подходы под нашим контролем. Оперативники готовы вмешаться в любой момент, наши снайперы заняли позиции на втором уровне, на галерее с обзором цели. Насколько нам известно, у него шесть заложников, один под непосредственной угрозой. Возможно наличие взрывного устройства типа гранаты, визуального подтверждения нет.

— Значит, у вас есть снайперы, которые могут его устранить, а вы чего-то ждете? — удивился

мэр.

Остен, привычный к такой реакции, не ответил.

— Карл, мы не в Америке, — вмешался министр. — Напоминаю, мы страна, где жизнь человека еще что-то значит. Невозможно всерьез рассматривать возможность убийства в прямом эфире на глазах у всего мира, пока мы не исчерпаем все другие варианты. В стране, где чтут права человека, такое недопустимо!

— Отлично, тогда давайте позволим ему застрелить Поля Даки-Феррана — пусть в прямом эфире вместо власти закона восторжествует хаос, и мы с тобой уже сейчас можем предсказать, какая партия придет в Елисейский дворец после следующих выборов!

Министр, проигнорировав эту реплику, спросил Остена:

— Он требует пятьдесят миллионов евро, так?

— Да, господин министр.

— Еще один идиот, который не понял, что мы никогда не уступаем насилию?

Янис, почувствовав, как Шарлен напряглась за его спиной, схватил ее за руку, призывая молчать. Министру было плевать на психологический профиль Кратоса; впрочем, это не имело значе-

ния — у каждого своя роль, и в задачи министра не входит вести переговоры. К счастью, он это прекрасно понимал. Советники уже не раз повторяли ему: чем больше посредников между террористом и ими, тем больше времени удастся выиграть, тем сильнее удастся его измотать и тем выше шансы найти решение, устраивающее государство.

Оставалось надеяться, что министр внял этим доводам и не попытается геройствовать на камеру. *Если умен, то не попытается — поймет, что это может обернуться против него же*, мысленно твердил Янис, убеждая сам себя. По логике вещей, министр или даже президент появятся в самом конце, если исход будет благоприятным, чтобы пожинать лавры. Пока исход не ясен, они не будут слишком явно афишировать свое участие.

— Это означает, что заплатить не вариант? — раздался женский голос, явно привыкший командовать.

Все повернулись к Амели де Кастельнак — женщине в красном костюме. Короткие, зачесанные назад волосы подчеркивали резкие черты ее строгого лица. Ледяной взгляд голубых глаз, безупречный макияж и уверенность в себе гип-

нотизировали.

— Государство точно не будет платить, — подтвердил министр. — А вы готовы?

Амели внимательно рассматривала всех присутствующих, словно сканер, считывая нужную информацию.

— А что, мы должны позволить, чтобы нашего ведущего убили в прямом эфире на нашем канале, когда у нас есть средства спасти ему жизнь?

— Амели, — сказал министр, подойдя к ней ближе, — подумайте о сигнале, который вы посылаете всем психам. О прецеденте, который создадите.

Осознав, что он действительно намного ниже ее ростом, министр остановился в нескольких шагах, чтобы не пришлось задирать голову.

— Я думаю о сигнале, который мы пошлем всей стране, если останемся безучастными. В тот момент, когда Франция как никогда разобщена, обострены межклассовые противоречия, когда крупные корпорации стали мишенью народного гнева, бездействие только усилит это противостояние, и послание этого… Кратоса обретет еще больший вес.

— А канал, если заплатит, станет героем в глазах зрителей. Реклама вселенского масштаба.

Восстановление имиджа за такие деньги — это почти даром.

Янис закрыл глаза. Это произнесла Шарлен позади него, и все услышали ее слова.

— Вы кто такая? — бросил мэр.

Янис вмешался:

— Шарлен Кермадек, она со мной, участвует в переговорах.

— Вы из спецназа? — удивился префект.

Амели де Кастельнак прорезала группу мужчин, чтобы встать лицом к лицу с Шарлен, и рявкнула:

— Нет. Она работает на нас.

От каждого ее слова веяло такой феноменальной властностью, что ощутил даже Янис, хотя слова были адресованы не ему. *На нас*. У нас на службе. *В нашем подчинении*. Послание было кристально ясным. Шарлен рискует не только своей должностью в компании, но, если учесть влияние Амели де Кастельнак, и всей своей дальнейшей карьерой в медиаиндустрии.

— А, так теперь мы пускаем журналистов? — раздался где-то на заднем плане возмущенный голос советника.

Шарлен явно пожалела о своих словах — Янис это почувствовал — и теперь молчала под тяже-

стью взглядов. Он пришел ей на помощь:

— Это она поддерживает связь с Кратосом, он говорит только с ней.

— Чем дальше в лес… — разозлился префект. — Если бы здесь присутствовала ПСВР или БПР, этого бы не…

— Заткнись! — грубо бросил министр, а затем пробуравил Шарлен взглядом. — Мадам, я хотел бы услышать вашу позицию относительно выкупа, учитывая, что прямые переговоры с ним ведете вы.

— Э… Я…

Янис снова пришел на помощь:

— Выкуп станет нашей отправной точкой для установления диало…

— Это она говорит с ним напрямую, так? Значит, ее я и хочу слышать, — потребовал министр.

— Я… У меня нет мнения на этот счет.

— Правда? А тридцать секунд назад, кажется, было.

Шарлен сглотнула и собрала всю свою храбрость. Она подняла голову, чтобы встретиться взглядом с министром:

— Я просто сказала, что пятьдесят миллионов — не такая уж большая цена для восстановления имиджа столь могущественной корпорации,

вызывающей всеобщую ненависть.

— То есть вы готовы удовлетворить его требования?

— Я этого не говорила.

— Чего вы хотите?

— Я… Чтобы все остались живы.

Министр оценивающе смотрел на нее. Затем одобрительно кивнул и повернулся к остальным:

— Девушка с характером, мне это нравится. Каков дальнейший план?

Генерал Брюно дал знак начальнику оперштаба спецназа.

— Переговоры, господин министр, — сказал Дюпра.

— Вы действительно верите, что таким образом сумеете заставить его сдаться?

— Если как следует измотать, все возможно. И, кроме того, за это время мы сможем узнать о нем больше. Пока переговорщики пытаются воззвать к разуму, мы наблюдаем, слушаем, изучаем его. Узнаём, какое именно у него оружие, контролирует ли он все подходы, насторожен ли, устает ли… И даже если переговоры не приведут к результату, мы будем лучше подготовлены к вмешательству.

— Макиавеллиевский подход, я в восторге!

— Прагматичный, господин министр.

Янис заметил, каким взглядом Амели де Кастельнак смотрит на Шарлен, и подумал, что не хотел бы оказаться на ее месте. *И зачем она только открыла рот!*

В глубине души он прекрасно знал зачем. По тем же причинам, которые подтолкнули ее стать журналисткой: говорить правду, быть неспособной промолчать, когда чувствуешь, что можешь быть полезной обществу.

— А снайпер готов выстрелить? — спросил мэр.

— В самом крайнем случае, если жизнь заложников под прямой угрозой и у нас нет других вариантов. Господин мэр, буду откровенен: мы здесь не для того, чтобы его убить. Это было бы для нас провалом. Мы сделаем все возможное, чтобы захватить его живым.

— Да, конечно, это соответствует тому, что я говорил вначале, — подхватил министр. — Для нас главное — жизнь человека. Однако, если все пойдет не по плану, я не хочу, чтобы это транслировалось в прямом эфире. Вы должны отключить сигнал перед тем, как войти в студию, понятно?

Начальник оперштаба и командир спецназа

переглянулись. Подполковник Люка Фризбур, командир спецназа, взял слово:

— Успех операции основан на внезапности и подавляющей силе. Прерывание прямого эфира, поскольку он следит за трансляцией, откроет ему наши намерения и сведет на нет весь эффект. У него тогда будет от трех до десяти секунд, чтобы опередить нас. Даю вам возможность представить, что он может сделать за это время, имея при себе автоматическое оружие или гранату.

Министр похлопал его по плечу. Это был разительный контраст — гора мышц и тщедушный человечек в костюме, который, однако, представлял власть.

— Потому вы и элита — найдите решение, — безапелляционно заявил он.

Коротышка зашагал было к лифтам, но остановился и повернулся к генералу Брюно:

— Вы ведете переговоры с этим типом, чтобы дать вашим людям время подготовиться к действию, но в конечном счете я хочу, чтобы восторжествовали государственные интересы! Он дал нам время до рассвета? Я требую, чтобы все закончилось раньше. Понятно?

— Да, господин министр.

— Да здравствует закон! — рявкнул недомерок,

входя в лифт.

Филипп Роже, начальник службы безопасности группы «Медиаплекс», тем временем слушал, что нашептывает ему на ухо Амели де Кастельнак.

Янису это не нравилось. Пауки в банке зашевелились. И главное, он понял по взгляду министра — тот успокоился.

Потому что нашел предохранители, которыми воспользуется, если операция закончится плохо. Теперь он мог рисковать как угодно.

Янис и особенно Шарлен станут его козлами отпущения.

17

В полном соответствии с репутацией политиков министр внутренних дел не желал учитывать обстоятельства или слушать советы — он хотел диктовать свои условия. Результат должен быть представлен до рассвета. Расписание обязано определять именно государство, а не террорист и не спецназ.

— Это меняет нашу стратегию, — признал Янис, возвращаясь в режиссерскую с Шарлен и Сеньоном. — Мы больше не можем выжидать и изматывать Кратоса.

— В любом случае рано или поздно нам пришлось бы с ним заговорить, так? — заметил Сеньон.

— Мы рассчитывали подождать, чтобы он вышел на связь, когда решит сам, чтобы он чувствовал, что контролирует ситуацию, а мы бы действовали аккуратно и опять же максимально выиграли бы время. В конце концов, рассвет — понятие растяжимое, можно было бы и потянуть. Иначе придется его поторопить, а этого я предпочел бы избежать.

Шарлен прервала Яниса, потянув за рукав.

— Простите, — сказала она. — Я… Я не хотела вылезать. Не знаю, что на меня нашло.

Янис посмотрел на нее тепло и ободряюще, без тени недовольства:

— Вы сделали, что могли, и отвечали так, как чувствовали. Я это уважаю.

Шарлен думала, что спецназовец разозлится, и растерялась еще больше, прежде чем поняла: несмотря ни на что, он делает ставку на командный дух. Янис хотел создать команду, добиться слаженности, и ни перегибы, ни промахи не заставят его отступиться от нее.

Это была особая техника, Шарлен это прекрасно понимала, но в сложившихся обстоятельствах оценила его решение.

— Спасибо, — выдавила она.

— Вы не робкого десятка, — добавил Сеньон. — Я бы обделался от страха перед всеми этими шишками. Как минимум четверо из них тут же могли бы нас пристрелить, если бы это помогло их карьере.

— Трудно отличить смелость от глупости, — призналась Шарлен.

Янис окликнул майора Натэ, который во время совещания оставался в режиссерской, чтобы

контролировать ситуацию.

— Ничего нового, — ответил стоящий у экранов красавчик. — Все на местах и ждут.

— Ждать придется долго, — вздохнул Дан.

Родрик остановил Шарлен, когда та проходила мимо:

— Что-то слышно от Аниссы?

— Нет, это вообще не обсуждали. Может, она уже внизу в холле, я не спрашивала.

— Наши жандармы этим занимаются, — успокоил его Сеньон. — Правда, не знаю, где она сейчас — дома, в Булони, или еще в Нормандии, а может, прямо в башне, но в режиссерскую ее не пустят, пока муж в таком положении.

Кратос отвел пистолет от виска Поля Даки-Феррана — теперь его рука лежала на коленях, ствол направлен на ведущего. Угроза оставалась прямой. Поль, несмотря ни на что, держался стойко, и коллег это восхищало.

— Однако попрошу вас, — добавил Сеньон. — Если будете с ней общаться, не разглашайте информацию, которая не должна выйти за пределы этих стен. Это важно.

Родрик после короткого колебания кивнул.

Шарлен поймала цепкий взгляд Ирен, сидевшей в конце ряда. Начальница редакции

испытующе сверлила ее глазами. Мобильный лежал на колене, экран еще светился. Шарлен готова была поставить месячную зарплату на то, что Белая Дама только что получила сообщение от Амели де Кастельнак. Что они там замышляют вдвоем? Белая Дама и Железная Леди. Грозный дуэт. Беспощадный.

Шарлен чувствовала неладное, но не успела подумать — Янис подкатил свое кресло к креслу главного редактора и положил блокнот между ними на пульт.

— Шарли, пора. Я подготовил несколько тем для начала диалога — зацепки, чтобы проверить, клюнет ли он.

Шарлен просмотрела записи. Все было ясно и логично.

— Переговоры — это обмен: слова, требования, обещания, действия. Для начала нужно запустить эту динамику через множество микротранзакций. Завоевать доверие можно по-разному — например, польстить его эго, ответить на вопрос… и взамен подвести его к ответным действиям.

Шарлен видела, как вся режиссерская следит за ней. Напряжение нарастало. На часах мерцали красные цифры 22:15. Два часа с начала захвата.

— Готовы?

Нет. Она не была готова и никогда не будет.

Янис понимающе улыбнулся:

— Дурацкий вопрос, простите. Страх — это нормально, это тело посылает сигнал, который вы используете, чтобы выверить каждое слово и движение. Сами увидите. Страх гораздо острее в момент ожидания, так что лучше начать сразу и избавиться от него — когда действуешь, о нем забываешь.

Он протянул ей наушники и положил палец на кнопку связи с наушником.

— И последнее: не бойтесь пауз, они говорят о многом, они полезны.

Спросив разрешения взглядом и не дожидаясь ответа, он нажал кнопку — загорелся белый индикатор. Шарлен была на связи с Кратосом, державшим Поля на прицеле на глазах у миллионов свидетелей.

Девушка медленно выдохнула, сдерживая бешеный стук сердца — ей казалось, что он слышен в микрофон, — и неожиданно начала:

— Кратос, это я, Шар… Сверчок Джимини.

Если он такой самовлюбленный, неплохо начать с демонстрации послушания. То, что она приняла данное им прозвище, — реверанс в его сторону.

На всех мониторах Кратос настороженно выпрямился. Повисла пауза, которую Шарлен решила выдержать. Затем он взял микрофон на проводе со стола, и гортанный голос ответил:

— Вы нашли?

Выпускающий редактор, обычно такая уверенная в себе за этим пультом, поскольку владела темой, теперь вспотела от страха. Внезапно она в полной мере осознала, что влечет за собой ее положение: истолковывать, делать выбор, последствия которого могут спасти или погубить людей.

Поль тоже выпрямился в кресле. Он знал, что похититель на связи с режиссерской через наушник, но не мог знать, что это она, Шарлен, а не эксперт спецназа. Так было лучше и для него, и для его веры в спасение.

— Вы прекрасно знаете, что такое не делается мгновенно. Пятьдесят миллионов евро не собрать по щелчку пальцев.

— Джимини… Я разочарован. Если ты не справляешься с заданием, тебе нечего делать в моей голове.

Он потянулся к балаклаве, собираясь вынуть наушник.

— Вы же не сказали, как хотите получить

деньги!

— Потому что сейчас речь не об этом! Еще рано, — жестко ответил Кратос.

— Мы с вами в одинаковом положении, — поспешила добавить Шарлен, чтобы его остановить. — Между двумя огнями. И выберемся, только если будем говорить откровенно.

— Прежде всего меня должны воспринимать всерьез.

— Поверьте, так оно и есть! Вы в прямом эфире, у виска Поля пистолет — внимательнее слушать вас просто невозможно. Но завладеть вниманием недостаточно, нужно еще правильно им распорядиться.

Молчание.

Шарлен чувствовала, как сердце бьется где-то в горле. Она похолодела от мысли, что сейчас он бросит микрофон и в приступе безумия убьет Поля.

— Вы нашли?

— Палец Лорен? Да.

Янис советовал быть откровенной, поэтому она добавила:

— Это жестоко.

Фигура на экране не шелохнулась.

— Это все, что вы можете сказать?

— Лорен жива.

— Ваши флики — халтурщики. Я разочарован. Воспринимаю как оскорбление. Вы ошибаетесь. Возвращайтесь, когда обнаружите.

— Что именно обнаружим?

Кратос не ответил и положил микрофон на стол.

Вся режиссерская вздохнула как единый организм — нервно, раздраженно и лихорадочно.

Шарлен снова заговорила:

— Я хотела поблагодарить вас за то, что не убили ее.

После очередной паузы Кратос снова взял микрофон:

— Ее смерть была не нужна. Но не думайте, что я буду колебаться.

Он направил оружие за кадр, в сторону технических столов у входа в студию, где находились Режи, Луиджи, Бакари и Паола.

— Гвоздем программы станет смерть в прямом эфире любимца французов, нашего дорогого Поля. Но пока что, если вы не воспринимаете меня всерьез, я займусь невидимками — теми, кто умирает вдалеке от камер, на кого обычно всем плевать, то есть всеми теми, кого можно принести в жертву на алтарь наших эгоистичных

потребностей.

Янис подался вперед, анализируя информацию. Кратос наконец заговорил, немного раскрылся, обнажая частицу своей истинной сущности, скрытой под маской.

Он сделал паузу, размышляя, потом заявил:

— Думаю, вы не воспринимаете меня всерьез. Все слишком затягивается. Флики слишком медленно соображают. Это предупреждение. — Он повернул руку, чтобы взглянуть на часы. — Если до 23:00 не будет конкретных новостей, я пристрелю девушку в очках напротив меня.

Это могла быть только Паола, суфлер.

Шарлен похолодела. Паола была воплощением скромности и доброты, Шарлен знала ее с первого дня работы на «МД1» — жизнерадостная мать семейства, двое детей-старшеклассников, всегда в платье, и в жару, и в холод. Шарлен не могла этого допустить. И все же никаких аргументов в голову не приходило. Никаких рычагов воздействия. Потому что от нарцисса-извращенца нельзя ничего требовать — *тут нужны только обходные маневры.* Или нужно играть по его правилам, чтобы получить что-то взамен.

Но Шарлен чувствовала себя беспомощной, у нее не было ни козырей, ни инструментов для

манипулирования.

Переговоры — искусство микротранзакций, сказал Янис. Я даю ему — он дает мне.

Только сейчас он нам ничего не предлагает, он диктует.

Я могу сделать вид, что принимаю его условия, и для этого выдвинуть свои.

Шарлен снова включила связь с наушником:

— Если флики найдут то, что вы хотите, до 23:00, вы отпустите Паолу. Услуга за услугу.

Зеркальная маска Кратоса повернулась, чтобы посмотреть в боковую камеру, но тело оставалось неподвижным, как у совы.

Он смотрел на режиссерскую. Он смотрел на Шарлен.

— У вас есть сорок минут, чтобы ее спасти.

Шарли сглотнула; сердце билось прямо в горле.

Только что одной фразой она поставила на карту жизнь Паолы.

18

Если десять минут назад Сеньон хвалил ее за смелость, то теперь Шарлен переложила всю ответственность на его плечи.

Жандармы были обязаны немедленно найти то, что хотел Кратос, или им придется расписаться в провале и стать свидетелями убийства женщины в прямом эфире.

Шарлен наклонилась и спрятала лицо в ладони:

— Господи, мне так жаль…

Янис положил руку ей на голову, напоминая о своем присутствии и поддерживая физический контакт между ними — он делал это при каждой возможности, ненавязчиво, просто чтобы девушка чувствовала, что он рядом, в том числе и *физически*.

— Спокойно. Это хорошее начало.

— Серьезно? Я заупрямилась, и теперь он хочет убить Паолу!

— Вы не контролируете его решения.

— Первое, о чем вы меня просили, — не показывать важность жизни заложников, а я прошу

ее отпустить.

— Если он это сделает, вы спасете ей жизнь.

Шарлен подняла голову:

— А если убьет?

— Вы сделали все возможное, чтобы ее спасти.

Шарлен покачала головой — она не могла принять такой сценарий.

Майор Натэ, отвечавший за операцию в отсутствие своего старшего офицера Остена, который совещался с начальством, выслушал сообщение в наушнике и ответил:

— Принято.

Сеньон чутьем профессионала догадался:

— Вы не позволите ему убить ее, верно?

— Наши группы на позициях, — подтвердил Натэ.

— Если он приблизится к заложнику, создавая прямую угрозу жизни, мы вмешаемся.

— Но вы же не знаете, что́ у Поля в руке. А вдруг взрывчатка? — встревожился Дан. — Отключив эфир перед штурмом, вы тем самым предупредите захватчика. Начнется бойня!

Но ему никто не возразил: все понимали, что силы правопорядка никоим образом не могут позволить хладнокровно застрелить женщину, к тому же в прямом эфире. Они будут вынуждены

действовать, даже если число жертв может увеличиться. В некоторых ситуациях нет хорошего выхода — разум диктует действия, последствия которых придется расхлебывать позже.

Сеньон повысил голос — он злился:

— Что он хочет, чтобы мы обнаружили? Что мы упускаем?

Его коллеги Магали и Франк тоже пребывали в недоумении.

— Его личность? — предположила Магали. — Хотя он не дал нам для этого никакой зацепки.

— Он говорит, что хочет, чтобы его воспринимали всерьез, — напомнил Янис, поднимаясь с места. — Речь о чем-то таком, что он сделал в прошлом и считает важным в данной ситуации.

Сеньон указал на компьютер начальника службы безопасности:

— По пропуску видно, что он с парковки поднялся в складскую зону и только потом спрятался. Мы уже обыскали каждый закуток, там ничего нет!

— Вы проверили навигатор машины Лорен Делакуа?

— Криминалисты этим занимаются, но, если бы появились значимые результаты, нас бы уже известили.

— А как у Гильема дела с мобильными телефонами? — спросил Франк.

— Он перекрестно обрабатывает столько данных, что на это уйдут часы, — ответила Магали. — Этот тип явно имел в виду что-то другое.

Родрик вмешался в разговор военных:

— А не поступало сведений о других случаях захвата заложников на национальных телеканалах?

Никто не ответил, как будто это было и без того очевидно. Сеньон нервно мерил шагами комнату.

— Он не хочет, чтобы его опознали, он принял слишком много мер предосторожности, так что эту гипотезу можно исключить, — сказал он. — Что могло бы заставить нас воспринимать его еще серьезнее?

— Жертва, — предположила Магали.

— Но он не убил Лорен Делакуа. Нет, он хочет, чтобы мы оценили не его способность убивать, а способность довести свой план до конца или его политическую легитимность.

— Не зная, кто он такой, это довольно сложно.

— На этот раз дело не в нем самом, не в его личности. В его способности все предвидеть? Предугадать наши действия?

Янис обратился к майору Натэ:

— Двери в студию проверили? Он их не заминировал?

— Кинолог с собакой отработали — взрывчатка не обнаружена. Вводим оптоволоконный зонд снизу для визуального осмотра, но тактика противника указывает на то, что минирование дверей маловероятно.

Янис кивнул. Натэ был прав: Кратос спрятался сразу после обеда и не двигался до начала новостей, чтобы его не заметили. За это время двери открывали несколько раз, а сам он не отходил от стола с начала захвата, так что без сообщника внутри здания осуществить это невозможно.

— Он хочет, чтобы мы догадались, что он спрятал под банданой Поля? — рискнул предположить Дан, грызя от напряжения кончик ручки.

Шарлен пыталась осознать последствия своих действий. Именно потому, что она снова заговорила с Кратосом, он выдвинул ультиматум. К счастью, разговоры вокруг помогли ей отвлечься и не чувствовать себя виноватой. Ее осенила идея, и она вмешалась:

— Нет, это обязательно то, что можно проверить, а вовсе не предположение. Что-то конкрет-

ное. Дан, можешь вбить его требования в *ChatGPT* или *Google Books*? Посмотреть, не скопировал ли он часть своей речи откуда-то? Может, есть отсылки, которые мы упускаем…

Татуированный открыл ноутбук и тут же принялся за работу.

Часы показывали 22:27. Осталось чуть больше получаса до исполнения угрозы.

— А его гаджеты на столе? — робко спросил сидящий в стороне Симон, о котором почти забыли. — Зачем ему два экрана?

— Чтобы быть уверенным, что он все еще в эфире. Это его страховка, — предположил Сеньон.

Натэ подтвердил:

— Два разных провайдера, телефон и планшет исключают риск сбоя или глушения сигналов. Если глючит один, он может подумать, что это случайность, но если одновременно вырубятся оба, он поймет, что это наших рук дело и что сразу же начнется штурм. По крайней мере, я бы сделал точно так же.

— Дан прав, — встревожился Родрик. — Если вы отключите эфир, он это заметит и начнется бойня.

Натэ получал приказы и не ответил.

— Хотелось бы проверить, одинаковая ли у него

картинка на обоих, — настаивал Янис.

— У нас нет камеры, снимающей под этим углом, — повторил Дан, не отрываясь от текста, который набирал на компьютере.

Янис обменялся коротким взглядом с Натэ, и тот кивнул. Они были на одной волне.

— А Сильви? — спросила Шарлен, внезапно вспомнив о гримерше. — Вы ее не нашли?

Сеньон ответил довольно резко, словно это было не слишком важно:

— Отслеживание ее телефона подтверждает, что она в здании. Поскольку она не отвечает и ее пропуск по-прежнему в студии, вероятно, она все еще с ними, но, скорее всего, с самого начала прячется за декорациями. Кратос может и не знать о ее присутствии.

Янис посмотрел на Шарлен:

— Вы понимаете, что это значит для вас?

— Что я вообще не должна ее упоминать. Делать вид, будто ее не существует.

Переговорщик показал ей большой палец.

Родрик расстегнул жилет, чтобы легче было дышать.

— Его требование финансовое, а речь политическая, — сказал он. — Это делает его политическим террористом или уголовником? Тут есть проти-

воречие, мне трудно его понять.

Шарлен заметила, как при этих словах Янис скрестил руки. И тихо окликнула его:

— Что-то не так?

Он сразу понял, что она уловила его физическое напряжение, и, решив не отрицать, ответил только для нее:

— Ваш главред подметил то, что беспокоит меня с самого начала. В своих методах Кратос профессионал. Он знает, как добиться того, чего хочет, — это явно не любитель.

— Но его речь звучит по-любительски, — догадалась Шарлен.

— Да. Она не такая четкая, структурированная и страстная, как если бы у него была политическая мотивация и ее произносил убежденный активист, готовый взяться за оружие, хотя чувствуется, что текст написан заранее, то есть продуман. Если бы он требовал денег для поддержки какого-то дела, он бы это упомянул, чтобы оправдать свои действия перед публикой.

— А здесь деньги как будто бы для него самого.

— Вот на этом-то он нас и ловит. Мы еще не знаем, как он хочет получить оплату, но да, похоже на то.

— Что же тогда? Как вы думаете?

— Не уверен. Просто надеюсь, что он не пытается нас обмануть. Что деньги действительно его цель и нами не будут манипулировать в последний момент.

В первом ряду встал Марван Жибран с наушником в ухе, следивший за прямым эфиром канала.

— Э… Вам стоит это послушать! — сказал он, включая звук на всю режиссерскую.

Изображение оставалось таким же — они снимали с красной плашкой «Эта программа транслируется против нашей воли», — но на заднем плане звучали голоса комментаторов. Два журналиста канала в сопровождении экспертов анализировали происходящее, говорили о личности Поля Даки-Феррана, с которым были знакомы, и прогнозировали дальнейшее развитие событий, включая присутствие спецназа на месте.

Шарлен бросила испепеляющий взгляд на Ирен в углу:

— Это вы? Серьезно? Вы комментируете захват в заложники нашего ведущего?

— А вы бы предпочли, чтобы мы позволили этому Кратосу нести свой бред в эфире без фильтра? — ответила директор информационной службы.

— А если он заметит? Если услышит и разозлит-

ся? Если решит напасть на Паолу или на Бакари?

— Это не прозвучало в его требованиях. Он хочет, чтобы его видели и слышали, но пока, если вы не заметили, сам он не говорит! Это ваши коллеги, они профессионалы. Они замолчат, как только Кратос захочет высказаться.

Шарлен встала и в полном возмущении указала на мониторы наблюдения, показывающие Паолу, Бакари, Луиджи и Режи:

— Они тоже мои коллеги, и вы подвергаете их опасности!

— Полегче, Шарлен. Напоминаю, что вы все еще работаете в этой редакции.

При этих словах выпускающий редактор сорвала свой пропуск и яростно швырнула его в сторону Белой Дамы, которая прожгла ее взглядом через толстые очки.

Тем временем Сеньон ответил на звонок и попросил подтвердить то, что только что услышал:

— Вы уверены? — Он повернулся к Родрику. — Сколько времени отсюда до дома Поля Даки-Феррана?

— В это время и с вашей мигалкой — меньше десяти минут.

Сеньон ответил в трубку:

— Хорошо. Еду. Ничего не трогайте.

Майор Натэ подошел к нему:

— Проблемы?

— Кажется, мы нашли то, что хотел Кратос.

Следователь побледнел. Он схватил куртку и жестом позвал Магали.

Дан озвучил то, что все предчувствовали:

— Мне одному кажется, что это плохие новости?..

19

Спецназ жандармерии располагал скоростными машинами, и Клем вел «Ауди RS6», конфискованную в прошлом году у наркоторговцев и переданную подразделению. Автомобиль был оборудован скрытыми проблесковыми маячками, установленными за решеткой радиатора, и мчался по улицам Булонь-Бийанкур, расчищая путь синими вспышками.

На пассажирском кресле Сеньон инструктировал Магали, сидевшую сзади между Марко и Жисленом:

— Анисса Даки-Ферран, жена Поля, не отвечает на звонки с тех пор, как мы пытаемся с ней связаться. Никто не знает, где она находилась, когда начался захват заложников. Патруль заезжал к ней домой сюда, в Булонь, около девяти вечера, но никого не было.

— Они заходили в дом?

— Нет, никаких признаков присутствия, а тем временем поступила информация, что у семьи есть также дом в Нормандии, где они часто бывают. Пока его локализовали и послали людей

из местного отделения, было уже 22:00, но, судя по всему, дом закрыт — соседи подтвердили, что Даки-Ферраны уехали вчера.

— Она смотрит программу своего мужа каждый вечер?

— Сперва нам сказали, что нет, вообще не смотрит. Но, учитывая медийный резонанс, можно предположить, что ей кто-нибудь сообщил, где бы она ни была.

— И она не объявилась? — удивился Марко.

— Насколько нам известно, нет, — ответил Сеньон.

— Поэтому первый патруль снова отправился к их дому в Булони. И там они заметили, что внутри горит свет. Они вошли во двор и сразу связались с нами.

— Почему? — спросила Магали.

Сеньон протянул ей свой телефон с только что полученной фотографией.

— Черт возьми, — выдохнула следователь. — Это не розыгрыш?

— Вот это мы и проверим.

«Ауди» резко тормозила на поворотах и так же яростно разгонялась, иногда заглушая ревом полицейскую двухтональную сирену, которую Клем включал перед каждым перекрестком, пре-

дупреждая о приближении.

Они повернули в последний раз и уперлись в полицейский фургон, перегородивший дорогу. Увидев на солнцезащитном козырьке надпись «Жандармерия», полицейский поспешил отогнать машину, чтобы их пропустить.

Вся улица была оцеплена, три десятка полицейских суетились перед белой стеной богатого особняка, освещенного фонарями и мигалками. Соседи толпились на тротуаре или сгрудились у окон, а силы правопорядка старались разогнать их по домам.

Сеньон отметил, что на часах приборной панели 22:47. Времени в обрез.

«Ауди» резко затормозила, и пассажиры выскочили наружу. Их тут же встретил человек в штатском, с перебитым, как у боксера, носом.

— Вы ничего не трогали? — спросил Сеньон, устремляясь к белой стене.

— Ни волоска. Ребята отошли, как только поняли. Мы хотели вызвать бригаду антитеррора, но нам сказали, что это в вашей компетенции.

Жислен, Марко и Клем шли впереди — полная боевая экипировка, тяжелые шлемы и штурмовые винтовки производили такое впечатление, что все расступались. Следом шагали Сеньон и

Магали с пистолетами на изготовку.

Кованые железные ворота были распахнуты настежь, открывая небольшой двор, посыпанный гравием, достаточно просторный для парковки как минимум двух седанов. На первый взгляд казалось, что одноэтажный особняк в стиле Мансар[22] погружен во тьму, но при ближайшем рассмотрении из бокового окна возле крыльца пробивался слабый свет. Видимо, что-то происходило за домом, в саду, и лишь уличный фасад оставался в полумраке.

Жислен вошел во двор под прикрытием двух напарников, следовавших за ним по пятам. Времени не было: до истечения ультиматума требовалось срочно все проверить. До того, как Кратос убьет Паолу.

Сеньон был в крайнем напряжении. Если они ошиблись, если это не имеет отношения к делу, значит он только что подписал приговор суфлерше.

Не сейчас, одернул он себя.

---

[22] Сноски: 22

Стиль Мансар — классический французский архитектурный стиль XVII века, названный по имени архитектора Франсуа Мансара. Характерная особенность — мансардная крыша с изломом, где верхняя часть пологая, а нижняя — крутая, что позволяет максимально использовать чердачное пространство. От его имени происходит и слово «мансарда» — жилое помещение под такой крышей. Типичен для французских особняков и городских домов.

Сеньон был опытным жандармом, участвовал во множестве расследований, пережил немало стрессовых ситуаций и боевых операций. Он умел держать удар. И все же, сам не зная почему, в этот момент он подумал о Натане и Лео, своих близнецах, и о жене Летиции. Нежный отец, муж-раздолбай, собиратель комиксов, самый обычный парень, оказавшийся в необычной ситуации… Он говорил себе, что не знает, во что ввязывается, насколько вся эта херня может оказаться идеально организованной ловушкой, чтобы заманить их сюда, в спешке, когда у них нет возможности убедиться, что им ничего не грозит.

А если там бомба? Если цель Кратоса — взорвать фликов? А потом хвастаться перед миллионами зрителей в прямом эфире… Если Летиция, Лео и Натан узнают о смерти мужа и отца из бесстрастных новостей, так и не обняв его в последний раз?

Не сейчас! — повторил про себя здоровяк. Его «глок» словно прирос к ладони, указательный палец — под спусковой скобой, готовый в долю секунды переместиться на спусковой крючок.

Марко и Клем заняли позиции по обе стороны лестницы из пяти ступеней, ведущей к входной

двери в особняк, Жислен чуть поодаль контролировал фасад, особенно этаж над ними.

Настала очередь Сеньона действовать. Магали шла за ним следом. Он поставил ногу на первую ступеньку и сразу увидел листок, приклеенный скотчем к двери. Буквы были напечатаны крупно, легко читались.

Если вы войдете,

Если попытаетесь угрожать нам,

Если не уйдете немедленно,

Вы знаете, что произойдет, и это будет ваша вина.

Сеньон также заметил электрический провод, тянувшийся из-под двери вверх, тоже приклеенный скотчем, — зарядка какого-то устройства, спрятанного под листом бумаги. Он вдруг испугался, что все взлетит на воздух прямо сейчас, что его разнесет на куски взрывом огня и смертоносных осколков бомбы, но затем увидел светящийся прямоугольник, просвечивающий сквозь бумагу. Его форма и движущиеся тени не оставляли сомнений относительно назначения устройства.

Нет, не бомба. Скорее продолжение послания.

Лоб Сеньона покрылся испариной.

Он осторожно поднялся на крыльцо и кончи-

ками пальцев приподнял нижний край листа, открывая монитор видеоняни, приклеенный к двери.

Устройство было подключено к камере где-то в доме, но служило отнюдь не для наблюдения за ребенком. Оно показывало женщину и молоденькую девушку, сидящих на стульях с кляпами во рту, со связанными за спиной руками. Их полные слез глаза в ужасе метались между камерой и кем-то невидимым.

Внезапно они посмотрели прямо в объектив, и Сеньону показалось, что их мольба обращена именно к нему.

Анисса и Миа Даки-Ферран.

Монитор тихо потрескивал, слабый микрофон с трудом доносил их стоны. Однако Сеньон очень отчетливо услышал, как голос, так же искаженный синтезатором, как и у Кратоса, произнес:

— Подайте знак, дамы, — наконец-то флики прибыли. Теперь мы можем начинать.

20

Часы в режиссерской в приглушенном полумраке светились красным.

22:59.

На экране Кратос взглянул на часы, затем повернул голову к пульту звукорежиссера за кадром. Теперь его оружие было направлено не на Поля, а на техников.

На мониторах камер наблюдения Шарлен увидела, как съежилась Паола. Бакари обнял ее.

Поднялся Луиджи, старый хиппи, и заговорил.

— Что он делает? — подскочил Родрик.

— Что он говорит? Можете дать звук? — потребовал майор Натэ.

— Нет, он не включал микрофон на наушнике.

Луиджи обращался к Кратосу и что-то ему выговаривал. Упрекал в жестокости? Предлагал поменяться местами с Паолой?

Натэ обратился к Симону:

— Приготовьтесь отключить трансляцию по моей команде! — Затем заговорил по рации: — Всем группам приготовиться, один из заложников активизировался. Первая группа, при входе он

окажется в вашем секторе, возможно на линии огня между вами и целью.

Шарлен чувствовала нарастающую панику. Ситуация выходила из-под контроля.

Франк, усатый следователь со стрижкой ежик, крикнул, чтобы его услышали все, прижимая телефон к уху:

— Второй захват! Жену и дочь Даки-Феррана удерживают у них дома!

Янис указал на пульт связи Шарлен.

— Говорите с ним! — приказал он гораздо резче, чем раньше.

— Вы думаете, это оно?

— Не важно, это может снизить напряжение.

Кратос встал и вытянул руку, направив пистолет на Луиджи.

Шарлен нажала кнопку связи и включила в разговор наушник Луиджи, чтобы тот тоже ее слышал. Она откашлялась и сказала:

— Кратос. Это я, Джимини. Не делайте этого.

Свободной рукой черный человек нащупал на столе провод микрофона и поднес к маске:

— Одиннадцать часов, а мой Сверчок, голос совести, не справился с заданием. Ну что ж, придется пожинать плоды.

Оружие угрожало администратору съемочной

площадки, который дрожал, несмотря на только что проявленную самоубийственную храбрость.

Натэ держал палец на рации, готовый отдать приказ о штурме, несмотря на риск кровопролития. Все закрутилось слишком стремительно.

— Жена и дочь Поля взяты в заложники, — сказала Шарлен, закрыв глаза. — Это то, что должны были найти полицейские.

Ствол в руке Кратоса дрогнул. Затем он резко указал пистолетом на стул, приказывая Луиджи сесть, что администратор площадки и сделал, не сводя с него глаз.

— Заложник вернулся на место, линия поражения свободна, — прокомментировал Натэ своим группам по рации.

Затем Кратос повернулся лицом к камере:

— Теперь вы знаете. Если вы войдете в эту студию, если попытаетесь что-то предпринять против меня, они умрут. Если сделаете то же самое там, умрет Поль. Мы с Демосом прикрываем друг друга.

— Демос! — повторил Родрик. — Это имя его сообщника в доме у Поля.

— Сволочи, — проворчал Дан.

Франк показал жестом, что не понимает.

— Демос и Кратос! — объяснил Дан. — Народ

и власть. Греческая этимология слова «демократия»!

Натэ сдерживал своих людей по рации:

— Ждите. Никто не двигается.

В режиссерской зазвучал синтезированный голос Кратоса:

— Мы можем начать обсуждение. Вы знаете наше требование — пятьдесят миллионов евро. У вас есть время собрать деньги. Подготовьте сумму на счету, мы скоро скажем, что с ней делать. После того как вы получите инструкции, у вас будет час на выполнение. Если вы их не выполните, мы начнем убивать заложников, одного за другим, пока вы не подчинитесь. Мы не требуем выложить пятьдесят миллионов наличными, пусть деньги ждут в банке. Вы там храните целые состояния, достаточно выделить лишь незначительную часть и держать готовой к переводу. Следовательно, у вас не будет оправданий. Переговоров не будет, мы не дадим вам время для проволочек. Деньги или смерть.

— Он нас поимел, — проворчал Родрик.

Кратос добавил:

— В полночь я обращусь к тем, кто нас смотрит. У меня будет послание для вас. Для всего мира. А пока готовьте деньги и не делайте глупостей,

иначе пролитая кровь будет на вашей совести.

Услышав последние слова, Шарлен поняла, что они касаются именно ее.

И Кратос бросил микрофон на стол.

21

Две машины и полицейский фургон перегородили дорогу перед открытыми воротами дома Даки-Ферранов.

Вокруг на улице около тридцати фликов и десяток пожарных сновали во все стороны, выполняя приказы и сдерживая любопытных соседей. Другие сотрудники в форме записывали номера всех припаркованных машин и собирались проделать то же самое в радиусе двух кварталов, а затем проверить, принадлежат ли они местным жителям. Идея была в том, чтобы выявить любой подозрительный транспорт.

Магали, даже не успев завершить разговор по телефону, доложила Сеньону:

— Он не убил суфлершу, но и не отпустил.

Сеньон, руки на бедрах, стоял, повернувшись к белой стене, окружавшей виллу.

— Не нравится мне твое выражение лица, — призналась Магали. — На самом деле мы понятия не имеем, что там происходит внутри.

— Связанные мать и дочь и как минимум один похититель.

— А если это ловушка? Если он устроил эту инсценировку, чтобы нас одурачить?

— С какой целью?

— Разделить нас, оказать давление, заставив поверить, что у него заложники повсюду, или даже чтобы морочить нам голову, если на самом деле он действует в одиночку.

— Как, по-твоему, он смог бы такое провернуть? Ты же видел изображение на видеоняне!

Сеньон задумался. Он не раз сталкивался с изворотливыми преступниками, уже встречал подобных умников, которые тщательно готовили свой план, стараясь заманить полицейских в ловушку, направить туда, куда хотели, чтобы расчистить себе путь в другом месте. Большинство преступников — мелкие шестерки с ай-кью, едва дотягивающим до среднего, но попадались и редкие блестящие личности, чей интеллект соперничал только с их порочностью.

— Ладно, — сказал он, — представь, что он похитил заложниц раньше, заснял их и теперь крутит на мониторе записанное видео, а сам потом запер их где-то или того хуже — уже от них избавился. Он давит на нас, чтобы мы уступили его требованиям, хотя на самом деле действует в одиночку.

— Нам известно, что он прибыл в башню «Медиаплекса» в пять утра. Поль Даки-Ферран был еще дома в это время — он бы знал, если бы жена и дочь исчезли.

Сеньон выругался. Очко в пользу напарницы.

— И все же мы понятия не имеем, что творится в доме. Мне это не нравится. И он вполне может находиться в другом месте с заложницами, а нам внушает, что они заперты здесь, чтобы мы теряли время, если он наблюдает удаленно. Представь, а вдруг он передает видео на монитор в доме, а сам прячется с заложницами в пятидесяти километрах отсюда? И если мы начнем штурм здесь, это провал.

Сеньон повернулся к «ауди» спецназа, возле которой ждали трое бойцов.

— У вас есть способ просканировать дом?

— Чтобы узнать, сколько человек внутри? — спросил Жислен. — Да.

На этот раз выругалась Магали.

— В послании он приказывал отступить, — напомнила она. — Если нужно обойти дом, вводя оптоволоконную камеру в каждую комнату, каждый раз сверля стены, это будет слишком долго и рискованно, нас засекут.

Жислен успокоил ее:

— Мы можем узнать, сколько людей внутри, где они находятся и следить за их передвижениями, но при этом не вставлять камеры и не приближаться к стенам?

Сеньон колебался:

— Как только я приподнял бумагу, скрывающую монитор, тип внутри узнал, что мы здесь. Он сказал это женщинам, он следит за входом.

Полицейский, капитан Эрик Дерон из уголовного розыска полиции Парижа, похожий на Черно, начальника тактической группы, — перебитый нос, расплющенные губы и уши-пельмени, — слушал разговор, стоя рядом и одновременно отправляя сообщения.

— В левом углу есть камера видеонаблюдения — я получил подтверждение от охранной компании, — сказал он. — Парень внутри, скорее всего, наблюдает за монитором, поэтому увидел, как вы вошли во двор.

— Охранная компания может отключить эту камеру?

— Я уже спрашивал — говорят, да, у них есть удаленный доступ, но тогда террорист внутри потеряет изображение и поймет, что мы делаем.

Сеньон спросил:

— А служба сигнализации упоминала другие

камеры?

— Это единственная. Зато все двери и окна под периметральной сигнализацией, и они сказали, что она сейчас активирована: если открыть любое из них, сразу завоет сирена.

— Он сможет отключить ее в момент вмешательства при необходимости. А датчики движения не включены?

— Нет, но мы могли бы их активировать, хотя бы чтобы подтвердить присутствие людей.

— Рискуя его разозлить, и вообще, это может быть собака, а мы все равно не узнаем, сколько их там внутри.

Магали не скрывала своих опасений:

— В тот момент, когда мы войдем во двор со спецназом, даже если отключим камеру всего на пять секунд, он запаникует. Это рискованно!

— Но нам не нужно входить во двор, — уточнил Жислен. — У нас есть секретное оборудование для сканирования помещений внутри дома на расстоянии. — Он поднял взгляд на здания вокруг и указал на небольшой двухэтажный дом слева от особняка Даки-Ферранов. — Достаточно выйти на этот балкон, и мы окажемся менее чем в двадцати метрах по прямой. Это приемлемая дистанция.

— Мы будем на виду, — заметила Магали. — Если их несколько или он смотрит в окно в нашу сторону, он поймет, что мы что-то затеваем.

Сеньон вздохнул. Скоро улица будет кишеть старшими офицерами, политиками, которые возьмут руководство в свои руки. Если он хотел рискнуть, прислушаться к собственной интуиции, то это надо делать либо сейчас, либо никогда. Он обратился к Жислену:

— Это новейшее оборудование у вас здесь, с собой?

— Нет, на базе, но Сатори совсем рядом. — Он достал телефон и, как только ему ответили, спросил: — Мик, сколько нужно времени, чтобы привезти нам «Xaver» в Булонь? — Потом повернулся к Сеньону и передал: — Десять минут.

Магали следила за коллегой. Она знала, что он спешит, рискует и что начальство может поставить им это в вину. Если его решение приведет к драматическим последствиям, их карьеры могут на этом и закончиться.

Сеньон подал знак Жислену доставить оборудование.

— Нас водят за нос весь вечер, и я хочу перехватить инициативу, — объявил он. — А для этого нам нужна информация.

22

Кратос только что схватил большой рулон скотча, который заранее выложил на стол ведущего, и бросил его в сторону пульта звукооператора, что-то показывая заложникам.

— Неужели вы никак не можете включить звук? — пожаловался Филипп Роже, входя в режиссерскую.

Шарлен не понравилось, что начальник службы безопасности «Медиаплекса» так долго отсутствовал. Наверняка беседовал с Амели де Кастельнак. Какие инструкции дала ему генеральный директор?

— Первый микрофон Поля сгорел от выстрела! — крикнул Боб из боковой комнаты, где стояли его пульты. — А второй лежит где-то в углу, так что, даже выкрутив на максимум, я ничего не уловлю.

Филипп Роже раздраженно обратился к майору Натэ:

— Вы не можете вывести звук в помещение?

— Генерал Люксей только что приказал нам по требованию министра прекратить текущие

действия.

Люксей был командующим, большим боссом спецназа. Его уважали за то, что он начал рядовым бойцом в штурмовых группах и прошел все ступени карьерной лестницы.

— Я думал, министр хочет как можно быстрее покончить с этой ситуацией?

— Они сейчас обсуждают стратегию с Амели де Кастельнак. Платить выкуп или нет. Учитывая развитие кризиса, правительство размышляет, позволить ли частному сектору разбираться самому или проявить власть, но боятся запачкать руки кровью.

— То есть мы больше ничего не делаем?

— Ничего такого, что могло бы подтолкнуть противников расправиться с заложниками. Только переговоры. Пока что. Политики переобуваются на ходу.

На мониторах наблюдения четверо техников на площадке достали мобильные телефоны и примотали их к столу перед собой несколькими слоями скотча, выводя их из строя. Теперь Луиджи обматывал скотчем запястья своих товарищей. Кратос, похоже, с ним говорил, размахивая оружием, словно побуждая затягивать потуже. Все догадывались, что он наверняка

сопровождает указания угрозами. Когда Луиджи закончил, Бакари кое-как обмотал его запястья, и все четверо оказались связаны.

— Среди связанных нет гримерши, Сильви Таар, — отметил Франк. — Это подтверждает, что Кратос не знает о ее присутствии в студии.

— Ее локализовали? — спросил Дан. — Снайперы спецназа на галерее ее заметили?

— Нет. Она, вероятно, спряталась за декорациями, которые не видны сверху, — там ее стол, насколько я понял, и это зона, которую Кратос не может просматривать. Если он захочет туда пойти, придется выйти из поля камер и упустить заложников из виду. Пока она там прячется, она в безопасности.

— Она не отвечает на телефон?

— Нет, — подтвердил Франк, — и никто не может подтвердить, что там, где она находится, есть связь. Мы быстро проверили ее биографию и прошлое — вроде бы ничего подозрительного, так что она просто умирает от страха в своем углу. Пока не двигается, всем лучше.

Шарлен возмутилась:

— Постойте, вы намекаете, что Сильви может быть сообщницей Кратоса?

— Это наша работа: ничего не упускать.

— Сильви — это…

Ее тут же прервали:

— Смотрите, что он делает! — рявкнул Марван, указывая на Кратоса.

Кратос только что схватил то, что все принимали за провод, прикрепленный к его одежде и едва заметный под черным бронежилетом, и сунул его под маску, к губам. Через несколько секунд вынул и убрал. Несколько капель жидкости при этом упали на стол.

— У него гидратор, — разъяснил Янис. — Это емкость на спине с водой, которую можно пить через длинную резиновую трубку. Вместимость до двух литров, он ничего не оставил на волю случая и подготовился к осаде. Об этом рычаге можно забыть.

— Как это? — спросила Шарлен.

— Обеспечение водой и едой часто становится важным козырем при захвате заложников, особенно длительном. И это удобный способ ввести снотворное.

Натэ встал за спиной режиссера:

— У вас только оператор в студии может управлять камерами?

— Режи? Нет, я могу взять управление отсюда. Смотря что вам нужно.

Натэ указал на край стола в центре экрана:

— Увеличить здесь возможно?

Марван застучал по клавишам и перевел на себя управление верхней камерой напротив стола.

— Это запасная камера. Я не могу изменить угол, но могу сделать зум по прямой так, чтобы этот гад не заметил.

Стол увеличивался на одном из экранов стены режиссерской. Натэ ткнул пальцем в пятна жидкости, которая вытекла из гидратора, и, когда изображение увеличилось, их цвет стал очевиден: красноватый.

— Он пьет не воду, — заметил Натэ.

— Энергетик? — предположил Янис.

— Похоже. Это соответствует его тщательному отношению к деталям.

Шарлен наклонилась к переговорщику:

— Он заправляется «Ред буллом»?

— И, если хотите знать мое мнение, контейнер с таблетками, который он положил на стол вначале, полон кофеиновых таблеток или вообще каптагона.

Шарлен знала, что каптагон, часто ошибочно называемый наркотиком джихадистов, известен под научным названием фенетиллин: это смесь амфетамина и теофиллина, способная повысить

физическую производительность и усилить концентрацию. Долго считали, что террористы-джихадисты, чтобы стать еще агрессивнее при атаках, накачивались каптагоном, поскольку он массово циркулировал в Сирии, Ливане и регионах, контролируемых ИГИЛ[23].

— Чтобы не заснуть, — поняла Шарлен. — Это что-то говорит о нем или просто общее наблюдение?

— Все может оказаться полезным в тот или иной момент. Пока мы фиксируем максимум параметров. Я не могу сказать, что нам пригодится.

Янис наблюдал за Полем на экранах:

— Он очень спокоен.

— Это Поль, профессионал эфира, он умеет обуздывать нервы. И сохранять свой имидж.

— До такой степени?

— Да, я его знаю. Он способен выдержать большие нагрузки. И потом, это его студия, его стихия.

Янис поморщился, но Шарлен не успела спросить, в чем дело, потому что в режиссерскую быстрым шагом вернулся капитан Остен. Вид у

[23] Сноски: 23

Организация *ИГИЛ* («Исламское государство Ирака и Леванта», также «Исламское государство») признана в России террористической, и ее деятельность запрещена.

него был недовольный, вертикальные борозды на щеках стали еще глубже, но взгляд оставался таким же проницательным и острым.

— Министр решил: никакой оплаты. Он не разрешает «Медиаплексу» играть по правилам преступников и просит нас разблокировать ситуацию «любыми средствами».

— Генерал объяснил ему риски? — спросил Натэ.

— Люксей покинул Сатори, он сейчас во дворце Матиньон на кризисном совещании, докладывает им о двойном захвате заложников, что служит преступникам взаимной гарантией, и о сверхриске, который представляет для нас прямой эфир. — Остен спустился к Марвану Жибрану. — Это первое ограничение, с которым нужно разобраться. Есть способ создать задержку трансляции?

— Вы же можете немедленно заглушить сигнал его телефона, причем своими средствами?

— Мы опасаемся, что планшет служит ему страховкой. Если он увидит, что оба устройства вырубились одновременно, то поймет, что это не просто сбой, а скоординированное действие. Нет, я думал скорее блокировать одно-два изображения каждую минуту, чтобы постепенно набрать

задержку в десять-двенадцать секунд так, чтобы он не заметил.

Родрик вмешался в разговор:

— Он же видит, что сейчас задержка всего секунда между его реальными движениями и изображением на его экранах. Такую большую задержку он обязательно заметит.

— Я изучаю все варианты, — ответил капитан.

Марван сделал знак Симону, сидевшему выше:

— Как думаешь? Это выполнимо?

— Надо согласовать с центральной аппаратной, но технически должны справиться. Я им позвоню.

— Очень хорошо, — одобрил Остен, — но ничего не запускайте без моего согласия, сначала я должен знать, возможно ли это.

Шарлен сказала Янису:

— Я хочу с ним поговорить.

Не отвергая эту возможность, тот спросил:

— Что вы задумали?

— Мы ответили на его вызов, нашли то, что он требовал, а он нет…

— Паола?

Шарлен кивнула. Янис нахмурился, молниеносно обдумывая предложение.

— Я за, — решил он. — Нам нужно создать ста-

бильный контакт, а пока все идет очень неровно, и инициатива у него.

— Как мне к этому подойти? Сказать, что он не сдержал слово? Сыграть на сочувствии к Паоле, ее детям, которые сидят перед телевизором?

— Нет, помните: мы не придаем значения заложникам. Чтобы добиться от него хоть какой-то уступки, придется действовать поэтапно. Запускать психологические механизмы, которые работают в нашу пользу. Манипулировать им и следить за признаками, подтверждающими, что это действует. Вы должны сначала найти способ инициировать взаимодействие с ним. Заставить его двигаться по вашей команде.

— Отдать ему приказ?

— Нет, найти предлог, чтобы он подчинился вам, сам того не осознавая. Это коварно, но вы бросаете зерно в его сознание. Мы хотим создать связь между вами. Это займет время, но каждый раз, когда вам удастся заставить его что-то сделать, вы получите скрытое очко в свою пользу, потому что он вам подчинится и для него не будет негативных последствий. Его подсознание зафиксирует, что он может удовлетворить ваше требование без риска для себя. Опять же, это мелочи, но со временем это может нам помочь.

— А он не сделает ровно противоположное тому, что я попрошу, просто из недоверия?

— Да, это называется принцип реактивного сопротивления: делать наоборот для самообороны, включать защитный механизм. Вот где нужно быть умным. Если я скажу: Шарли, только не думайте о французском флаге. Что вы сделали?

— Я… подумала о флаге.

— Потому что наш мозг не создан для визуализации отрицания, поэтому он останавливается на упомянутом элементе, независимо от приказа. Так устроено. Будьте позитивны и переворачивайте вопросы. Не говорите ему: «Кратос, вы не сдержали слово», потому что он рискует запомнить только неуважение к тому, что он говорит. Нельзя настраивать его против себя.

— Тогда я лучше скажу: «Вы бы хотели, чтобы мы доверяли друг другу?», так? Я остаюсь позитивной. Упоминаю только понятия, которые могут нас сблизить.

— Запомните принцип: мозг не визуализирует отрицание, зато для защиты инстинктивно, пока нет доверия, он сопротивляется любым требованиям. Вот почему людям так легко говорить «нет». Посмотрите на детей, они часто сначала отказываются, когда им предлагают что-то новое.

Поэтому формулируйте вопросы так, чтобы ответ «нет» работал в нашу пользу.

— Например: «Вы были бы против того, чтобы мы были откровенны друг с другом?»

— Вы быстро схватываете. И последнее: вопреки распространенному предрассудку, в переговорах вербальная коммуникация имеет очень ограниченное влияние на собеседника, менее двадцати процентов. Самое важное — невербальная коммуникация: ваши жесты, то, как вы на него смотрите, поза, телодвижения, которые направлены к собеседнику, привлекают ли они его или, наоборот, отталкивают. Все это вариации, на которых можно играть.

— Учитывая, что он будет слышать только мой голос, у меня мало шансов.

— Невербалика — это половина работы убеждения. Остается добрая треть переговоров, которая проходит через третий канал: паравербальную коммуникацию. Ваши интонации, изменение ритма речи… И вот этим вы сможете воспользоваться. Не стесняйтесь, когда захотите подчеркнуть какие-то определенные элементы, меняйте тон, это важно.

Шарлен выдохнула и поцокала языком, чтобы отогнать нарастающий стресс.

— Допустим, мне удастся создать эту динамику между нами, — и что тогда?

— Вот тогда нужно будет перейти к вопросу освобождения Паолы. Но будьте терпеливы, не торопите события. Первое: добейтесь, чтобы он физически подчинился требованию, так мы проникнем в его сознание.

Шарлен оглядела экраны, Кратоса и студию новостей, которую и так знала наизусть.

— Кажется, у меня есть идея.

23

Внедорожник подразделения технического обеспечения спецназа припарковался посреди улицы, и из машины вылез человек в камуфляже. Навстречу вышли Жислен, Марко и Клем, поздоровались, и все бросились открывать задние двери, чтобы извлечь что-то вроде квадратного толстого кейса, похожего на небольшой металлический щит.

Капитан Дерон махал рукой от входа в соседний с особняком Даки-Ферранов дом: он договорился с владельцами.

Сеньон сопровождал их под заинтригованными взглядами всех полицейских и пожарных, оцепивших периметр.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Сеньон указал на тяжелый кейс:

— Это что?

— Стеновизор «Xaver-1000» — ответил Жислен. — Портативная система три-дэ-визуализации сквозь стены. Прямо из Израиля.

— Он снимает сквозь бетон?

— Скорее создает изображение живой материи,

моделирует ее трехмерно, а искусственный интеллект интерпретирует данные и с максимальной точностью воссоздает детали — например, части тела.

— И это работает?

— Да, проходит через цемент, армированный бетон, штукатурку, кирпич или гипсокартон. Дальность до нескольких десятков метров.

— Прямо научная фантастика.

— Надо адаптироваться к противнику. Добро пожаловать в спецназ три-ноль.

Дерон указал на открытую дверь квартиры, и они ворвались внутрь, через захламленную гостиную, вторгаясь в личное пространство съежившейся в углу ошеломленной пары. Клем и Марко впереди, со штурмовыми винтовками наготове, пригнулись, выходя на балкон, переключившись в скрытный режим.

Клем высунул голову, оценивая особняк внизу.

— Чисто, — сказал он.

Жислен поставил кейс на паркет и потянул за стенки, раскладывая его. Четыре трапециевидные панели, как большие уши, обрамляли центральный блок с цифровым экраном. В развернутом виде устройство было примерно метр на метр. Большой квадратный радар.

– *Showtime*[24], — предупредил Жислен, включая прибор, и взялся за боковые ручки.

Он приблизился к балкону и наклонил большие «уши» по направлению к особняку внизу.

На экране появились линии, кривые и цифры. Командиру было трудно держать стеновизор ровно и стабильно — прибор, должно быть, весит килограммов пятнадцать-двадцать, прикинул Сеньон.

— Марко, достань штатив, — велел Жислен.

Сидя на корточках на балконе, они привинтили «Xaver» к опоре.

Тем временем Сеньон рискнул взглянуть на крышу внизу.

Ничего. Никаких признаков жизни. Черепица, труба, вытяжки и вентиляция котла, никаких мансардных окон. Им был виден только южный фасад, все окна погружены во тьму.

С запада небольшой сад с японским прудом и террасой из тика тоже казался безлюдным. Сеньон предположил, что там должна быть стеклянная дверь, но, если так, либо комната пуста, либо закрыты ставни. Нигде ни луча света.

Где они? В подвале?

---

[24] Сноски: 24
Шоу начинается *(англ.)*.

Стеновизор был готов, установлен на штативе, и Жислен тщательно управлял им, методично сканируя особняк с востока на запад. Данные, мелькавшие на экране, были совершенно невразумительны для Сеньона, но и Жислен явно не обращал на них внимания.

Затем на краю экрана появилось движущееся желто-красное пятно, и Жислен стал медленнее водить рукой. Сформировалась цветная масса, затем еще одна.

— Они там, — сказал он, — в центре дома. Далеко от окон.

— Прибор определяет только людей?

— Нет, любых живых существ, но ИИ уточняет, и я могу подтвердить, что внизу люди, а не кошки.

— Мать, дочь и их захватчик?

— Я не вижу лиц, только силуэты. Смотрите.

Три желто-красные массы колыхались в пространстве, ограниченном линиями стен. Результат больше напоминал метеокарту с формированием теплых воздушных масс и градацией температуры по цветам. Только эти антициклоны начинали принимать человеческие очертания.

— Два человека статичны, — интерпретировал

Жислен. — Видимо, сидят, формы компактные. Третий стоит, он движется по комнате.

— Это захватчик?

— Похоже на то, да. Подождите!

В противоположном углу появилась еще одна похожая цветная масса, которая увеличилась и тоже начала двигаться.

— Черт подери, — выругался Жислен. — Там четвертый человек.

Они увидели, как форма остановилась рядом с той, которую считали похитителем, затем спокойно удалилась.

Сеньон понял, что это означает.

— Есть Кратос, Демос, — сказал он, — и третий сообщник, которого они от нас скрыли.

24

Шарлен чувствовала себя полностью опустошенной. Она сосредоточилась. Ждала, пока Кратос сядет, потом нажала кнопку связи, чтобы он мог ее слышать:

— Вы — голос народа.

Кратос не шевельнулся.

— Вы вдвоем представляете нас всех, я права?

Она хотела действовать мягко, не атаковать свою цель слишком поспешно. Шарлен работала репортером, научилась задавать вопросы, чувствовать собеседников, адаптироваться, импровизировать, чтобы получать искомое. Но никогда еще на кону не стояла человеческая жизнь.

Поскольку Кратос не реагировал, она продолжила нейтральным тоном и медленно:

— Демос и Кратос. Народ и власть. Вы и ваш союзник там, в Булони, — единое целое. И вы — голос обоих.

Черная фигура наконец наклонилась, чтобы взять микрофон со стола:

— Знаешь, откуда происходит слово «демос»? В

Древней Греции наименьшей единицей деления народа был дем. Нужно было собрать группу из десяти домов, чтобы образовать дем. С этого момента они становились силой, голосом, имеющим право высказываться, участвовать в политической жизни страны. Десять домов. В стране с двумя-тремя миллионами жителей в ту эпоху. Колыбель истинной демократии. Вдесятером они слушали друг друга, говорили, находили консенсус и доносили его до верхов…

Янис изучал говорившего со всех ракурсов. Он дал Шарлен знак, что все идет отлично.

— Сегодня нас почти семьдесят миллионов только во Франции и почти полмиллиарда в Евросоюзе. И мы не можем сделать так, чтобы нас услышали? Чем нас больше, тем меньше значат наши голоса. Масса в конечном счете размывает нашу власть и свободы.

— Это вы так думаете?

Кратос выдержал долгую паузу.

— Не важно — люди чувствуют именно так. А между тем все контролируется народом. От политики до экономики — наши поступки всё определяют. Но нам удобнее думать иначе. Удобнее снять с себя ответственность. А ведь дем по-прежнему остается основой. Десять жилищ,

десять моделей поведения, десять воль, повторенные почти до бесконечности, и это число определяет облик нашей жизни.

— Это суть того, что вы хотите сказать позже, в полночь?

— Сами услышите.

Он не шел туда, куда Шарлен хотела его вести. Она выбрала другой подход:

— Почему именно в полночь?

— Символический час перемен. Смены дня, жизни. Еще не слишком поздно, чтобы удержать внимание сограждан и надеяться на внимание западных стран, где будет конец дня — идеально для их вечерних новостей, — а восточные народы проснутся вместе с нами.

Он пошел на контакт. Шарлен настаивала:

— Так дело не только в деньгах? Вы также хотите, чтобы ваш голос услышали?

— Не мой, а народа. Я — совесть народа.

Шарлен вспомнила совет Яниса и, хотя умирала от желания сразу же продолжить разговор, выдержала паузу, чтобы следующие слова прозвучали естественно:

— Понимаю. Вы считаете меня помехой?

Первый настоящий вопрос.

— Нет, Джимини. Ты — моя добрая совесть,

разве не так?

Первое позитивное «нет». *Отлично*. Шарлен заработала очко.

— Надеюсь. В любом случае, как я уже говорила, я как вы: зажата между двумя силами. Вы и флики. Так что мы в одной лодке.

Новая пауза — не говорить прямо, что она ему не враг, иначе он запомнит только это слово. Янис очень четко высказался на этот счет. Она предпочла внушить ему то, что он должен осознать сам: она на его стороне.

Затем продолжила:

— Вам что-нибудь нужно? Попить или поесть?

— Нет. И им тоже. Они могут продержаться ночь безо всего.

— Простите? Я не расслышала, связь прервалась.

Кратос напрягся на экране, затем лаконично повторил:

— Нет. Ничего не нужно.

— Вы уверены? Я могу попросить включить кондиционер, если вам жарко, или…

— Нет.

— …или поставить другой канал на один из мониторов…

— Я сказал нет.

Отрицание повторялось, как мантра в его сознании. Именно этого Шарлен и добивалась — человек, который без конца твердит одно и то же, когда нужно изменить ответ, чтобы быть последовательным, уже не может в силу привычки.

— Просто скажите, и я сделаю все возможное, чтобы…

— Джимини, я сказал *нет*.

— Простите. Звук был не идеальный, и я не была уверена, что правильно расслышала.

Шарлен решила, что настал подходящий момент для перевернутого вопроса:

— Скажите, вы не возражаете, если я помогу сделать ваше выступление в полночь максимально впечатляющим?

Молчание. Затем:

— Нет. Почему?

— Вы же не хотите, чтобы вашу речь не было слышно?

Новое колебание. Он гадал, к чему она клонит.

— Разумеется, нет.

— Тогда мне нужна ваша помощь. Микрофон, который вы держите, очень чувствительный и совсем не предназначен для такого использования. Из-за трения теряется каждое второе слово. Он должен быть закреплен на вас, на правильной

высоте…

— Сюда никто не войдет.

— Конечно, я знаю. Именно поэтому только вы можете решить эту проблему.

Шарлен подождала, чтобы слова могли войти в его сознание. Все сводить к нему, к его власти.

Не дождавшись реакции, она почувствовала, что может продолжить:

— В столе есть два стационарных микрофона, гораздо более подходящих для ваших целей. Это запасные микрофоны, мы называем их «Schoeps», по их марке. Если вы решите достать их из гнезда, они заработают и обеспечат необходимое качество звука, чтобы телезрители могли вас отчетливо слышать. Решать вам.

Кратос взвешивал за и против.

— Объясни, как это сделать, — приказал он.

— Перед вами, в столе, сразу после трех встроенных экранов, есть прямоугольная крышка. Просто нажмите на нее, они внутри. Затем направьте их на себя.

Кратос свободной от оружия рукой выполнил указание и выдвинул два микрофона на гибких штативах, направив их на себя.

В соседней с режиссерской комнате Боб победно поднял большой палец, показывая, что у него

есть звук.

Янис с восхищением повернулся к Шарлен.

Она не только дала им доступ ко всему, что будет говориться за столом, но и проникла в сознание Кратоса, завоевала его доверие настолько, что заставила физически выполнить просьбу.

Шарлен отключила микрофон, чтобы обратиться к переговорщику:

— Первый этап пройден. Теперь я хочу, чтобы он отдал нам Паолу.

До сих пор все шло хорошо.

25

Марко и Клем лежали на балконе квартиры второго этажа, наблюдая за особняком внизу, держа перед собой штурмовые винтовки.

Жислен контролировал сигналы и изображение на стеновизоре.

— Ну что? — спросил Сеньон.

— Все та же картина, — доложил Жислен. — Два силуэта сидят неподвижно, и кто-то находится с ними в комнате. Есть четвертый сигнал, который перемещается, в основном между задней и передней частью дома.

— Патрулирует.

Магали в другом конце гостиной разговаривала по телефону с полковником, начальником уголовного розыска Парижа, докладывая о ситуации. Наверху паниковали, требовали регулярных отчетов, даже когда ничего не происходило.

Балконная дверь была открыта, впуская в квартиру ноябрьский холод. Хозяева дрожали, прижавшись друг к другу на диване, — никто пока не подумал, что их стоило бы эвакуировать.

Сеньон наклонился к ним:

— Соберите вещи и идите к соседям.

Женщина недовольно ответила:

— Но это наш дом.

Сеньон указал на особняк под прицелом:

— Если начнется перестрелка, вы непременно хотите оставаться здесь, под пулями?

Супруги побледнели и вскочили.

Вернувшись к Жислену, Сеньон спросил:

— Можете определить, живы ли те двое сидящих?

— Если аппарат их фиксирует, значит есть существенная биологическая активность, так что да, живы.

— Ну, это уже кое-что.

— Ждем подкрепление, но, если наш командир одобрит, я могу организовать спуск с балкона на тросе двух бойцов — они залезут на крышу и попытаются ввести оптоволоконную камеру. Тогда мы получим четкую картину ситуации, профили, экипировку и вооружение противников.

— Сквозь черепицу?

— Через вентиляционные отверстия, а если не получится — через дыру, которую пробьют в стене с крыши.

— И при этом будете отслеживать вашим прибором перемещения похитителей для без-

опасности. Неглупо. Операция бесшумная?

— Вы ничего не услышите. Со звуком все в порядке.

— В чем тогда проблема?

Жислен указал на улицу:

— Они. Достаточно, чтобы сосед, прохожий, да кто угодно, снял операцию из окна и выложил в прямом эфире в соцсети… Тогда телеканалы не преминут подхватить эти кадры.

— И если у похитителей включен телевизор, они всё узнают. Понял. Пока отложим, слишком рискованно. Слушайте, я не могу принять решение, предпочитаю дождаться начальства.

Жислен одобрительно, без осуждения, кивнул.

Сеньон испытывал некоторый стыд оттого, что не берет на себя ответственность, но в то же время его должность такого и не предполагала. Работа лейтенанта отдела расследований заключалась в розыске и аресте преступников, а не в разруливании кризисной ситуации с захватом заложников. За этот вечер он уже принял достаточно решений.

Он отошел вглубь гостиной и позвонил жене на мобильный. Она ничего не знала о том, чем конкретно он занимается, — так было заведено: он уходил утром в отдел и мог провести день в офисе

за бумажной работой, перечитывая протоколы, разговаривая по телефону, или же срочно выехать на место преступления, иногда сталкиваясь с самым страшным, но Летиция никогда ничего не знала. Пока он сам не решал поделиться.

— Это я, — сказал он, как только она ответила.

— Ну да, знаю. Думаешь, у меня много парней записано в телефоне как «Мой любимый»?

— Малыши спят?

— В 23:30? Как ты думаешь? — В ее голосе вдруг зазвучала тревога. — Ты в порядке? Что-то случилось?

— Нет-нет, просто хотел тебя поцеловать.

Только сейчас он понял, что не знает, зачем набрал ее номер. Просто испытывал потребность услышать ее голос.

Я раскис. Это хреново.

— Ты с места преступления? — спросила Летиция. — Переживаешь? Хочешь поговорить?

— Нет, не волнуйся.

— Сеньон.

Она произнесла его имя таким тоном, что спорить было бесполезно. Она знала мужа, как никто, и читала его, как родитель читает маленького ребенка.

— Уверяю, сейчас уже лучше, просто хотел

услышать твой голос.

— Ладно. Допустим. Но знаешь, что я тебя допрошу, когда вернешься. Ты выложишь мне все быстрее, чем подозреваемый под пыткой, понял?

— Мы не пытаем подозреваемых.

— А зря, — пошутила она.

Сеньон улыбнулся. Ему полегчало.

— А я не могу лечь спать. Включила телевизор и все гаджеты, слежу за захватом заложников с Полем Даки-Ферраном. Ты в курсе?

Сеньон не решился ничего сказать, боясь, что жена поймет, что он связан с этим расследованием, и не отстанет.

— Я смотрю прямой эфир в гостиной, включила канал BFM[25] на планшете и листаю соцсети, читаю новости. Дикая история. Парень начнет говорить через полчаса. Думаю, вся страна будет смотреть — я переписывалась с Мод и Айшей, они смотрят, Рено тоже. Говорю тебе, все прилипли к экранам! Это будет что-то грандиозное.

— Хорошо, дорогая. Тогда я пошел.

— Ты поздно вернешься?

— Да, не жди меня.

— Может, я еще не буду спать из-за этой безум-

---

[25] Сноски: 25

BFM — круглосуточный новостной телеканал.

ной истории — одним глазом буду смотреть прямой эфир «МД1», другим — комментарии BFM, я точно не усну! Кстати, ты не знаешь, где зарядка от планшета? У меня скоро батарея сядет.

Сеньон нахмурился. Его разум зацепился за какую-то деталь, но сознание с трудом распутывало нити этой подсознательной логики.

— Дорогой, ты здесь?

— Что ты сказала?

— Ты не знаешь, куда мы сунули зарядку от планшета?

— Нет, не это…

— Что я еще не буду спать, когда ты вернешься?

Мозг работал с молниеносной скоростью. Его жена смотрела два разных экрана. Два источника информации. Два. Это не было сногсшибательным откровением, но интересным поворотом для расследования.

Летиция продолжала:

— Если ты собираешься сказать что-то мерзкое насчет того, когда вернешься, знай, что сейчас не время, у меня…

— Спасибо, дорогая!

Он изобразил поцелуй и резко повесил трубку, чтобы позвонить Франку в режиссерскую «МД1».

Автоответчик. Нет связи. Черт! Он попробовал мобильный Гильема, и тот ответил почти сразу:

— Не надо давить, я предупреждал, что мне нужно время. Слушай, мы получили данные через IMSI-перехватчик. По-моему, я выделил правильный номер смартфона, и это то, чего мы боялись, — одноразовый телефон, ни к кому не привязан. Коллеги из розыска запросили историю, которую я обрабатываю, прогоняем все через компьютер в поисках совпадений. Буду держать в курсе.

Сеньон вклинился, воспользовавшись паузой:

— Скажи остальным в режиссерской, что Кратос смотрит эфир не на двух экранах!

— Что? О чем ты?

— Когда он вошел в студию, он показал телефон с прямым эфиром!

— Да, и что с того?

— Как он узнает, что полиция не штурмует его сообщников в Булони?

— Он… связан с ними?

— Как?

— Не знаю, другой телефон…

— Нет, другого телефона мы не видели, но он может связываться с ними через планшет, который положил на стол! Смартфон — для эфира, а

планшет — для связи с подельниками! Они должны быть на открытой линии, которую достаточно перехватить.

— О'кей, Шерлок. И что тогда?

— Если придется штурмовать, нам нужно заглушить только одно устройство, и он может подумать, что это просто сбой, у него нет запасного.

— На площадке есть мониторы с эфиром. Минимум два телевизора, как мне сказали.

— Синхронизируем все с одинаковой задержкой.

— Тебе виднее.

Вмешалась Магали, стоящая за спиной Сеньона:

— Боюсь, все не так просто.

Сеньон резко обернулся.

Магали протянула ему свой телефон: видео современной большой кухни. Анисса и Миа Даки-Ферран сидят на стульях с кляпами во рту, а в глубине медленно движется какая-то тень.

— Этот ублюдок тоже ведет трансляцию. На

«Фейсбук лайв»[26].

Сеньон закрыл глаза. От проблеска надежды — к полному отчаянию.

Насколько тщательно они спланировали свою операцию?

Внезапно его охватила тревога. Чего ждать от речи Кратоса в полночь?

Что за послание он готовит для всего человечества?

[26] Сноски: 26

В тексте упоминаются социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм». Действующее законодательство РФ обязывает нас указывать, что «деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации». — *Примеч. ред.*

26

Шарлен проникла в сознание Кратоса. Едва просунула кончик пальца в приоткрытую заднюю дверь — так, что он и не заметил. Ей удалось направлять его ответы, чтобы подготовить его, сделать восприимчивым к ее просьбам. По ее указанию он выдвинул микрофоны, физически взаимодействовал с окружением. Вроде бы мелочь, деталь, и все же маленькая обнадеживающая победа на будущее.

Конечно, он действовал в собственных интересах, но в этом и заключалось искусство переговоров: внушить ему, что это полезно для его целей.

Теперь, когда она приоткрыла эту дверь, она намеревалась воспользоваться моментом для достижения настоящей цели.

— Думаю, вы правильно сделали, что выставили стационарные микрофоны. Мы будем вас слышать гораздо лучше.

Он не ответил, и Шарлен испугалась, что потеряет его, что он прервет разговор. Она настаивала:

— Вам больше не нужно держать проводной микрофон, можете его положить. Между нами, это освободит вам руку, учитывая, что другая… занята.

— Тебя на самом деле зовут Шарли?

Услышав свое имя, она напряглась в кресле, почувствовала, как сильнее забилось сердце. Шарлен ценила дистанцию, которую давал псевдоним. Внезапно он вторгся в ее личное пространство. Приблизился к ней.

Вокруг вся режиссерская, затаив дыхание, следила за ее словами, словно утяжеляя и без того колоссальную ношу, давившую на ее плечи.

— Да. Но Джимини меня вполне устраивает.

— Нет. Это забавно, но неуважительно.

Она обменялась тревожным взглядом с Янисом, который оставался невозмутимым.

— Спасибо, Шарли.

Янис торопливо написал в блокноте: «Браво».

— Я вам не враг, знаете ли.

Черт! Она оступилась, произнесла типичную фразу из запрещенного лексикона. Мозг Кратоса запомнит только слово «враг» и утверждение, которое он не может проверить, но инстинктивно он не должен ей доверять.

Она попыталась тут же исправиться:

— Я хочу, чтобы все это хорошо закончилось, вот и все. Для моих коллег, для меня и… для вас.

Шарлен сделала короткую паузу, неуверенная, что это можно выразить вслух, и вспомнила совет Яниса: оставаться максимально честной.

— Это… это моя рабочая среда, вы в нее вторглись. Мы сейчас переживаем вторжение насилия в привычную жизнь. Сегодняшняя ночь навсегда оставит отпечаток на всех нас.

Кратос не реагировал. Его серебряная маска смотрела в камеру.

— При этом я ни на секунду не думаю, что вы делаете это ради того, чтобы нас травмировать. Наверное, это стало вашим последним средством. Никто не идет на такой риск, не будучи загнанным в угол. Никто не хочет причинять боль другим, если его не заставляют. Я ничего не знаю о вашей жизни, каково бы ни было ваше настоящее имя, но знаю, что вы, должно быть, страдали, раз дошли до такой крайности.

Никакой реакции. *Это хороший знак*, подумала Шарлен. Она воспользовалась еще одной рекомендацией Яниса и сменила тон — меньше мягкости, больше уверенности. Она хотела, чтобы ее слова проникли в глубину души Кратоса.

— Сегодня вечером вы дважды упомянули

невидимок общества, тех, кто приносится в жертву за кадром, словно они не в счет. Думаю, что вы принадлежите к этой категории. Вы или ваши близкие. Наверное, вы стали жертвой этого мира, который перемалывает свой народ в жерновах системы. Наверное, вы были страдающей стороной, прежде чем стали…

— Палачом?

Шарлен вздрогнула, но тут же взяла себя в руки:

— Я бы не стала использовать этот термин. Но в остальном — разве я ошибаюсь?

Он не ответил. Не стал откровенничать.

Очко в его пользу.

Шарлен продолжила наступление:

— Кратос, вы недавно угрожали отнять чью-то жизнь. Люди здесь выполнили то, чего вы хотели. Взамен вы…

— Я ничего не обещал.

— Знаю. Это я вас просила. Но вы не отказали.

Молчание. Шарлен чувствовала напряжение в воздухе, словно он стал горячее, гуще, тяжелее давил на кожу и с трудом проникал в легкие.

— Я протянула вам руку. Ничто вас не обязывает, это правда, однако у вас есть возможность ответить тем же.

— Это флики суфлируют тебе, что говорить?

Она его теряла. Она стиснула зубы, переждав волну напряжения, затем ответила:

— Нет, я та, с кем вы заговорили первой, а они позволили мне продолжать, чтобы вас не злить. Но если я им стану ни к чему, они меня заменят и вы будете иметь дело с ними напрямую, если это то, чего вы хотите.

Она играла по-крупному, предложив ему этот вариант. Если он сочтет общение с ней менее важным, менее ценным, чем прямые переговоры с жандармами, то ухватится за эту возможность.

— Ты мне нравишься, Шарли. Ты искренняя. Флики такими не бывают.

Рыжеволосая девушка с облегчением закрыла глаза.

— Спасибо. Мы с вами в одной лодке, — повторила она, чтобы вбить эту мысль в его сознание.

Молчание. На этот раз напряженное. Все решалось сейчас.

Шарлен сделала глоток из кружки, надеясь, что это принесет удачу.

— Вы мне нужны, — сказала она. — Чтобы доказать им, что я полезна. Я предложила вам помощь с едой или кондиционером, с микрофонами, чтобы освободить вашу руку, я делаю все возможное,

чтобы мы продвигались вперед, оба.

— Я знаю, чего ты хочешь.

Серебряная маска смотрела на нее со всех экранов режиссерской.

— Если вы освободите Паолу, вы не только укрепите мои позиции, но и пошлете мощный сигнал всем, кто нас сейчас смотрит, прямо перед речью, с которой вы хотите к ним обратиться.

— А ты, Шарли, *действительно* этого хочешь?

Ей не понравился его тон, словно в нем был скрыт неприятный подтекст. Словно он расставлял ловушку.

Шарлен за несколько секунд перебрала все возможные варианты и, не обнаружив подвоха, ответила:

— Да.

Молчание. Тревога раздувалась, как воздушный шар, заполняющий все пространство, грозя раздавить всех присутствующих о стены.

— Тогда я сделаю это для тебя.

Шарлен почувствовала, как воздух разом вышел из легких.

— Спасибо.

— Но я отпущу ее только при одном условии.

Шарлен снова напряглась.

— Если ты, и только ты, придешь за ней.

Янис схватил руку Шарлен, категорически и бескомпромиссно показывая: «Нет».

Шарлен облизнула губы. Во рту пересохло.

Она взялась за микрофон наушника и сказала:

— Согласна. Иду.

27

Едва она поднялась, как у нее на пути вырос Янис:

— Никогда не меняют одного заложника на другого. Никогда.

— Это не обмен. Я заберу Паолу и вернусь.

— А если он закроет дверь и оставит вас в дополнение к остальным?

— Он этого не сделает.

— Откуда вам это известно? Шарли, то, что вы с ним поговорили, что сумели до него достучаться, еще не значит, что вы его знаете. Правда в том, что для нас его профиль — полная тайна. Честный он или манипулятор, мы даже не знаем его истинной мотивации! А если дело не в деньгах? Если все это лишь предлог для чего-то другого? Если это замаскированные политические террористы, готовые в нужный момент нанести куда более сильный удар?

— Нет, его речь слишком бессвязна для активиста. Дело в деньгах.

— А если вы ошибаетесь?

— Тогда зачем выдвигать меня вперед, сове-

товать мне, подбадривать, если в решающий момент вы не слушаете то, что чувствую я? Выходит, наши с вами отношения были пустой болтовней с самого начала? Я просто инструмент, чтобы выиграть время, отточить вашу стратегию, чтобы вы могли начать штурм без спешки? Так?

— Нет, Шарли, наш девиз «Во имя жизни!» включает жизнь Кратоса, если понадобится. Я говорю искренне.

— Вы хвалили мою интуицию, ей я и следую.

Янис покачал головой:

— Знаете, почему в переговорной группе мы всегда работаем в паре? Чтобы один был в стороне, всегда оставался хладнокровным и мог похлопать по плечу того, кто слишком увяз в отношениях, чтобы предупредить другого, когда тот заходит слишком далеко, теряет связь с реальностью. Нам нужна эмпатия, а не симпатия.

— Однако вы пришли один.

— Потому что пара — это мы, Шарли. Вы и я. Говорю вам: ни один боец спецназа не пошел бы на такой обмен. Прецеденты часто заканчиваются плохо.

Шарлен понимала его, но у нее был уникальный шанс получить осязаемый результат, когда Паола на прицеле.

— Это не обмен, — повторила она.

— Есть риск.

— Янис, вы говорите, что мы должны быть единым целым. Так вот сейчас я вас прошу: доверьтесь мне.

Он изучал ее своими черными проницательными глазами.

— Именно сейчас наша пара либо станет крепче, либо распадется, — подчеркнула она.

Янис прикусил губу и подавил раздраженный вздох. Затем медленно кивнул:

— Обещаете следовать нашим инструкциям?

Лицо Шарлен озарилось выражением победным и благодарным.

Штурмовая колонна первой группы заняла позицию у входа в короткий коридор. В конце дверь вела в студию. К Кратосу.

Проходить мимо военных в экипировке, с направленными на цель штурмовыми винтовками, с гранатами на бронежилетах, массивным щитом во главе колонны — от этого по коже бежали мурашки, вызывая дрожь.

Инструкция была ясной: она должна идти слева, оставляя правую сторону для спецназа. Их сектор обстрела справа. Справа — смерть.

Если все пройдет хорошо, она должна вернуть-

ся тем же путем, ни в коем случае не отпускать Паолу, вести ее по воображаемой линии, которая была их линией жизни.

Янис шел прямо за ней; он надел тяжелый шлем и держал наготове свой «Брен». Шарлен было странно видеть его вооруженным — он больше не был теплым защитником, желающим ей добра. Он облачился в броню, униформу, которая изменила даже мягкость его черт, заострив их. Теперь он был элитным бойцом, решительным, неумолимым. Он выглядел предельно сосредоточенным и отстраненным. Янис собирался сопровождать Шарли до середины пути, четыре метра, а в случае опасности станет ее спасательным кругом.

Он был непреклонен насчет бронежилета, который Шарлен сперва отказывалась надевать. Или наденет его, или останется.

Шарлен боялась, что это спутает эмоции Кратоса, что, увидя ее в такой экипировке, он сочтет, что она не доверяет ему, что она из лагеря полицейских.

— Вы и вправду на нашей стороне, — напомнил ей Янис. — И он должен это знать. Знать, что он там один. Даже протягивая ему руку, вы все равно с нами, а он сам по себе, так что ему

лучше ухватиться за эту руку. Пусть поймет: чтобы выбраться из этой ситуации, ему придется пересмотреть первоначальные намерения.

Шарлен не была в этом убеждена. К счастью, жилет был не тяжелым, как у бойцов, а с более тонкой пластиной, и его можно было надеть под одежду. И тут случился этот дурацкий момент, когда Шарлен сняла свитер, чтобы напялить жилет, и оказалась перед Янисом в лифчике. Она не думала, действовала машинально. Глаза спецназовца выдали его, и тут она поняла. Такое электрическое напряжение в подобной обстановке было неуместным, почти безумным. На грани стыда. И все же в глубине души это успокаивало. Привносило что-то человеческое в эту отлаженную военную машину. Эмоции, пусть и мимолетные.

Теперь Шарлен медленно шла по коридору, оружие было направлено ей в спину или рядом, и она готовилась войти в логово зверя.

Я ненормально спокойна. Не так напряжена, как во время переговоров.

Она догадалась, что Янис остановился. Он не мог идти дальше, чтобы не попасть в поле зрения Кратоса, когда откроется дверь. Теперь рядом с ней никого не было — никаких телохранителей,

никакой защиты. Только она одна.

Все будет хорошо, повторяла Шарлен. Она знала, что делает.

А если тебе страшно, подумай, что чувствует Паола.

Все, пришла. Магнитный считыватель пропусков стоял наготове. Она приложила карточку: Янис вернул ей пропуск, который она швырнула Ирен. Шарлен уже забыла про этот эпизод.

Считыватель загорелся зеленым, и магнитный замок открылся.

На сей раз сердце забилось сильнее. Она поняла, что отошла от левой стены, и поспешила прижаться к ней, прежде чем толкнуть дверь.

Многочисленные прожекторы заливали студию ослепительным светом, создавая какое-то потустороннее сияние, как в раю.

Но никогда еще рай не был так похож на ад.

Перед ней был кусок деревянной декорации, поддерживающей светодиодные экраны, обрамлявшие сцену. Справа от нее чуть дальше находился стол.

Она увидела его сразу.

Бог смерти в этих стенах.

Он казался высоким в черной одежде, контрастирующей с общей тональностью студии. Его

маска блестела, как звезда.

Шарлен охватило неприятное ощущение. Она оказалась по-настоящему близко к нему, менее чем в десяти метрах, и от этого ей было некомфортно. *Его наряд стирает все человеческие черты*, поняла она, *словно под этим костюмом нет ни костей, ни плоти, ни чувств, ни души*. Шарлен возненавидела это ощущение, но не смогла от него избавиться.

Она столкнулась с чем-то опасным. Смертельным. Со всепоглощающей решимостью, не оставлявшей места для сострадания.

Он пристально смотрел на нее сверху вниз, отведя руку вправо.

Шарлен сделала шаг в сторону, чтобы увидеть больше, и в поле зрения появился Поль, сидящий на стуле, пистолет у виска. Он тоже внимательно смотрел на нее. Грим немного потек, но Поль оставался собой — Полем Даки-Ферраном, харизматичным и полным уверенности, которая в этот момент казалась необъяснимой.

Повернув голову, Шарлен увидела справа пульт звукорежиссера, где сидели Луиджи, Режи, Бакари и Паола.

Шарлен вопросительно посмотрела на Кратоса. И черная фигура кивнула.

Шарли протянула руку к Паоле.

— Только ты, Паола. Мне жаль, ребята. Обещаю, я вернусь.

Суфлерша пожала руки Бакари и собиралась встать, но тут слева от Шарлен внезапно появилась тень.

Все произошло слишком быстро, и среагировать она не успела.

Из-за декораций вырвался сгусток ярости и ужаса, толкнул Шарлен, и она упала.

Гримерша Сильви Таар бросилась к выходу.

28

Все перевернулось. Потолок оказался сбоку, пол — напротив, и у Шарлен закружилась голова не оттого, что она упала, а оттого, что поняла, что произошло.

Она лежала на полу, полностью утратив контроль над ситуацией.

А испуганная Сильви Таар, не замеченная Кратосом, больше трех часов просидела, скрючившись, в своем укрытии, сотни раз проигрывая в воображении тот момент, когда он ее обнаружит и, обезумев от ярости, заставит заплатить за неповиновение пулей в лоб.

Сильви всегда отказывалась пользоваться наушником, связанным с режиссерской: она знала свое дело, принадлежала к старой гвардии, и незачем было вызывать ее, как какого-то лакея, когда требовались ее услуги. В ее каморке был монитор, она знала, когда нужно припудрить Поля, подправить грим гостю, у нее перед глазами лежал сценарий, и было ясно, когда можно выйти в студию, а когда следует оставаться незаметной.

Поэтому она не могла следить за разговорами

между Шарлен и Кратосом. Она была не в курсе переговоров об освобождении Паолы и поняла только одно: дверь открылась, а за ней военные в коридоре — обещание свободы, облегчения. Выбраться из этого ада любой ценой.

И она бросилась в дверной проем: ей было все равно, кто вошел и о чем говорили. Просто прыгнуть, воспользоваться шансом. Чтобы жить.

Шарлен не могла ее упрекнуть.

Но все равно она была настолько ошеломлена, что это вытеснило остальные чувства. Она все контролировала; в этой большой, почти любительской импровизации все разворачивалось по плану, как и было задумано, и тут Сильви одним махом разрушила с трудом обретенное равновесие.

В этой перевернутой декорации Шарлен увидела Паолу, протягивающую ей руку. Вместо того чтобы тоже сломя голову броситься к выходу, суфлерша пришла ей на помощь.

Шарлен тоже протянула руку к ней.

Краем глаза она уловила движение, сообразила, что Кратос отреагировал, но не знала, как именно. Все смешалось, в ушах еще звучал отчаянный крик Сильви, и еще не прошел шок от падения.

Она сосредоточилась — нужно схватить при-

ближающуюся руку Паолы.

Внезапно на лодыжках Шарлен сомкнулись тиски, и в следующую секунду ее потащили назад.

Рука Паолы и ее испуганный взгляд вдруг остались далеко позади.

Шарлен вытащили в коридор.

В студии раздался выстрел, и дверь тут же захлопнулась.

Шарлен была в смятении, все заволокло туманом. Она узнала Яниса, который за ноги вытащил ее из студии. Сильви повисла на шее одного из штурмовиков, рыдая от облегчения.

Но Паола осталась внутри со всеми остальными.

Чтобы на себе испытать гнев Кратоса.

И только тут Шарлен поняла, что выстрел раздался изнутри, что стрелял Кратос.

От следующего вопроса в жилах застыла кровь.

В кого он стрелял?

29

Сеньон снова был на связи с Гильемом. Лейтенант не верил своим ушам:

— «Фейсбук» разрешил прямую трансляцию захвата заложников?

— Политика «Фейсбука» в этом вопросе довольно туманная. Они модерируют вручную, не автоматически, поэтому не могут контролировать все, что загружается. Они надеются, что сами пользователи сообщат о шокирующем или незаконном контенте, — объяснил Гильем.

— И это, по-твоему, нормально?

— На этот аккаунт был подписан только один пользователь, поэтому потребовалось время, чтобы мы его обнаружили.

— Дай угадаю: подписчик — это наш друг, который сейчас в прямом эфире на «МД1»?

– *Kratos666*. Как изящно!

— И что теперь говорит «Фейсбук»?

— Полковник с ними на связи, предупреждает, чтобы они не наделали глупостей. Главное, сейчас уже нельзя отключать трансляцию: преступники могут в отместку убить заложников.

Раз уже идет онлайн, оставляем до особого распоряжения. Думали хотя бы ограничить доступ, но это сложно.

Сеньон вздохнул.

— Что за дерьмо… — проворчал он.

В мобильнике Гильема глухо прозвучал далекий выстрел.

— Что происходит? — встревожился Сеньон.

— Не знаю. Перезвоню. — И Гильем отключился.

Сеньон прошел через гостиную на балкон и окликнул Жислена:

— Там была детонация…

— Слышал, — сказал командир группы, указывая на наушник. — Жду информацию.

Сеньон постоял с ними несколько минут, попытался отправить сообщение Франку, чтобы узнать, что происходит, но вспомнил, что в башне «Медиаплекса» нет сигнала.

Магали из гостиной подала ему знак подойти.

— Начальник просит вернуться в «Медиаплекс», — объяснила она.

— Улицу оставляем полиции, прибывает бригада антитеррора, — видимо, решение приняли наверху. Это политика.

— Там был выстрел.

— Знаю, я была на связи с полковником из нашего розыска, он отключился, пока все.

Они одновременно угрюмо нахмурились.

— Спецназ тоже уходит? — спросил Сеньон, указывая на трех человек на балконе.

— Да. Разводим дела порознь.

— Они же связаны.

— Генерал Брюно остается руководителем операции, полиция становится вспомогательной силой, но рулить и принимать решения будет министр. Президент не оставил ему выбора, придется подключать полицейских.

— Чтобы его не могли упрекнуть в том, что он позволил внутренним склокам между министром и префектом помешать разрешению ситуации, если все пойдет не так, — понял Сеньон.

— Видимо, президент держит руку на пульсе, но позволяет правительству стоять у руля. Чувствует, что дело может кончиться плохо, и держится в стороне.

Сеньону осточертела эта политическая возня. Слишком часто она отражалась на его работе. Его до сих пор мучило одно расследование, которое он вел почти год, — ликвидация гигантской сети сутенеров из стран Восточной Европы. Чем

больше он тянул за ниточку, тем больше обнаруживал мерзостей и тем больше всплывало имен. Он отдал этому делу десять месяцев жизни, но полковник попросил его остановиться и передать материалы судье как есть. Сеньон возмутился — еще множество причастных предстояло идентифицировать, — но никакие аргументы не помогли. Приказ шел с самого верха. Операция и так была достаточно громкой, попадет на первые полосы, позволит провести множество арестов, порадует министра, так что можно освободить целую команду следователей и переключить их на другие задачи для улучшения статистики.

— Десятки подонков выйдут сухими из воды! — кричал Сеньон в ярости.

— Но столько же сядут. Вы не спасете мир, лейтенант, — сухо ответил полковник. — Ваша миссия — сделать его лучше, и вы уже внесли свою лепту. Я не могу держать вас на этом расследовании дольше, так что подчиняйтесь.

У Сеньона не было выбора. Приказ есть приказ. В глубине души даже сам полковник был возмущен, но он тоже подчинялся приказам вышестоящего начальства.

Магали прервала размышления Сеньона.

— Что думаешь? — спросила она, указав подбо-

родком на особняк.

Он скривился:

— Хреново. Два захвата заложников, взаимное прикрытие плюс прямая трансляция… Если придется брать студию штурмом, потери неизбежны.

— Похоже, они все просчитали заранее. Думаешь, у них есть план отхода и побега?

— Уверен, что есть. Но пока мы плетемся на шаг позади, у нас ни черта нет.

— Я все время думаю: почему здесь их двое, а в «МД1» только один? Двум подготовленным и вооруженным мужикам взять в заложницы двух женщин — пара пустяков. А там весь технический персонал студии, куча народу, столько параметров нужно контролировать — довольно напряжно. Понимаешь? Как-то нелогично. Им следовало поступить ровно наоборот.

— Одному человеку проще проникнуть в башню? — предположил Сеньон.

— У них был идеально продуманный план. Если бы хотели, могли бы приехать утром на парковку вдвоем и спрятаться в нише за полотном.

Сеньон почувствовал нарастающую тревогу:

— Ты хочешь сказать, что Кратос в студии не один?

— Не знаю. Из того, что мы видели, — похоже, что да, за зеркальным полотном с ним никого не было, но это и странно. Когда готовишь такое дело, распределяешь силы туда, где они нужнее. А чтобы справиться с матерью и дочерью, двоих не требовалось.

— Зато в студии… Да, ты права.

Сеньон прокручивал одну за другой все гипотезы, сверяя их с опытом, с тем, что казалось логичным и наиболее вероятным.

— Отход они организуют отсюда, — вдруг объявил он. — Кратосу будет трудно покинуть студию со всеми заложниками. Следуя здравому смыслу, он оставит одного Поля, если не убьет его к тому времени. Но здесь их двое, они смогут… — Он в раздражении покачал головой. — Нет, получается какая-то глупость. Не знаю. Но ты права, причина должна быть.

Фасады домов на улице вдруг озарились синими вспышками под рев мощных моторов.

Прибыла бригада антитеррора.

— Вперед! — скомандовал Сеньон. — Возвращаемся в башню. — Он окликнул Жислена: — Есть новости насчет выстрела?

Командир группы мрачно покачал головой и сложил антенны стеновизора. Они покидали

сцену. Дело передано полиции, у которой свои методы, своя техника, свой план атаки.

Сеньону было горько. Он ненавидел, когда политики все портили, хотя в его работе такое случалось постоянно.

Он снова подумал о речи Кратоса, и она ему не понравилась.

30

Человек из спецназа с глазами разного цвета закончил ощупывать Шарлен.

— Большая гематома на боку, но переломов нет.

Он тоже был в камуфляже, бронежилете, выглядел как любой другой боец подразделения, только на спине под черными буквами «СПЕЦНАЗ» было написано «МЕДИК».

— Кто ранен? — спросила Шарлен.

— Никто из наших, иначе я бы знал.

— А *внутри*?

Он не ответил.

Шарлен эвакуировали прямо в оперативный штаб перед входом в производственную зону. Сидя на складном стуле, она подчинилась врачу и дала себя осмотреть. Янис и еще один человек, которые привели ее сюда, тут же убежали.

С тех пор она не слышала ни криков, ни выстрелов и надеялась, что это хороший знак.

Но Кратос стрелял. Все было уничтожено одним отчаянным жестом, все переговоры об освобождении Паолы коту под хвост.

Сильви сидела напротив с бутылкой воды в руке и влажной тряпкой, которую прикладывала ко лбу.

— Как ты? — спросила Шарлен.

Гримерша не знала, что ответить. Слезы, облегчение… И стыд тоже. Она бежала, как животное, — так в панике, ни о чем не думая, добыча бросается куда попало, следуя лишь инстинкту выживания.

Шарлен встала — заболели правое бедро и правая рука — и подошла утешить Сильви.

— Ты выбралась. Ты жива. Это главное.

Та кивнула. У нее из носа текли сопли. Шарлен вытерла их и обняла Сильви, но тут у входа в производственную зону появилась тень.

Майор Натэ ждал ее.

— Вас требуют в режиссерскую, — объявил он.

Войдя в конурку, Шарлен спросила у Яниса, который все еще сжимал в руках штурмовую винтовку:

— В кого? В кого он стрелял?

— В стену.

— Никто не пострадал?

— Нет. Он выстрелил рядом с Паолой, чтобы ее остановить, пока мы закрывали дверь, вот и все.

Шарлен посмотрела на экраны.

Кратос стоял за спиной Поля, переминаясь с ноги на ногу, явно настороже: его маска поворачивалась справа налево.

— Он наблюдает, — прокомментировала она. — Опасается, что мы вернемся.

За пультом звукорежиссера сидела, съежившись, Паола, рядом Бакари, Режи и Луиджи — все они тоже как-то сжались. Только что в них стреляли, пуля прошла в каких-то десятках сантиметров от Паолы, и близость смерти повергла их всех в состояние шока.

Красные часы режиссерской показывали 23:43.

— Он больше не будет мне доверять, — злилась Шарлен.

— Пока что он нервничает. Я боялся, что это спровоцирует вспышку насилия, но он сохранил достаточно хладнокровия и не наделал глупостей.

— И ваши снайперы на галерее тоже, — поняла Шарлен.

— Все решила одна секунда. Сам того не зная, Кратос спас себе жизнь — если бы он выстрелил второй раз, мы бы его уложили.

— Но его сообщник в Булони в отместку убил бы семью Поля.

Дан подошел к ней, наклонился и очень тихо

произнес:

— Шарли… Я должен тебе кое-что сказать.

— Не нравится мне это. Давай выкладывай.

— Ну… Мы только что узнали, что твой разговор с Кратосом… Его транслировали в эфир.

— Что? Но я переключила пульт только на режиссерскую и на его наушник!

— Боб сделал то, что ему приказали, — сказал татуированный зам главного редактора, мотнув головой в сторону Ирен.

Шарлен перелезла на третий ряд и ринулась прямо к своей начальнице:

— Это Амели велела вам пустить меня в эфир?

Ирен писала сообщения и даже не удосужилась поднять взгляд от мобильника.

— Это был прекрасный телевизионный момент, Шарли, поздравляю, вы вошли в историю.

У Шарлен потемнело в глазах от ярости. Она смахнула телефон директора информационной службы тыльной стороной ладони, и он отлетел.

— Это чудовищно. И все ради чего? Ради рейтингов?

Белая Дама подняла глаза и посмотрела на нее через толстые очки в массивной оправе:

— Вы что, с луны свалились? Вот уж не подозревала, что мой редактор вечерних новостей

настолько наивна.

— Вы скоро и рекламную паузу устроите?

Напряжение между ними было настолько осязаемым, что от него могла бы вспыхнуть лужа бензина.

— Логотипа канала, транслируемого по всему миру, нам достаточно, — холодно ответила Ирен Хачатурян.

Шарлен чуть не стошнило прямо на начальницу. Она олицетворяла беспринципность профессии, которая когда-то была мечтой, а теперь превратила наивную девчонку в циничную, усталую женщину.

— Мне стыдно. За то, что работаю здесь. Рядом с вами. Я сама себе противна.

— Ваш бывший главред был прав, Шарли: вы не созданы для этой среды. Найдите себе какую-нибудь некоммерческую структуру или фонд и пишите для них письма, это вам больше подойдет.

Шарли в ярости рванулась к ней, но Янис удержал ее за плечо.

— Шарли, вы мне нужны… — сказал он, чтобы разрядить напряжение.

Рыжие пряди упали на ее раскрасневшееся от гнева лицо, создав завесу, помогая сосредото-

читься на его словах.

Шарлен отступила, с вызовом глядя на Белую Даму — *посмей только добавить что-нибудь*, — затем повернулась к ней спиной.

— Ненавижу эту суку! — не в силах сдержаться, громко прокомментировала она.

— Понимаю вас, — сказал переговорщик, провожая ее на место на другом конце нижнего ряда. — Послушайте, у меня несколько новостей. Во-первых, лейтенант Дабо утверждает, что планшет на столе показывает видео с «Фейсбук лайв», заложников из Булони. И думаю, он прав. Поэтому Поль Даки-Ферран ведет себя так послушно — я не доверял ему, а он просто в ужасе за семью. У него нет другого выхода — он может только смиренно ждать. У него перед глазами жена и дочь, связанные и напуганные, под дулом пистолета. И еще: мы полагаем, там двое захватчиков. То есть всего их трое.

— Ладно. Все хуже и хуже. Есть другие плохие новости?

— Мой босс, генерал Люксей, командующий спецназом, пытается убедить премьер-министра и министра внутренних дел, что в такой конфигурации вмешательство будет очень рискованным. Он хочет дать нам время для переговоров или

хотя бы выиграть как можно больше времени и собрать информацию, чтобы подготовиться на случай, если придется применить силу.

— Потому что сейчас, когда они прикрывают друг друга…

— Мы рискуем понести потери. Да, это вполне вероятно. Мы обучены синхронной стрельбе, но это касается целей, сосредоточенных в одном месте и при условии, что все они на линии огня. А не в Булони.

— Значит, мы не должны злить Кратоса, Демоса и этого третьего. Понятно. Мы были на волосок от ката…

Янис покачал головой, показывая, что это не все.

— Оба министра боятся того, что Кратос может сказать в полночь.

— В смысле?

— Цитирую нашего министра: «А если безумец крикнет „Аллах акбар“ перед тем, как застрелить Поля?»…

— Но он же совсем не исламский террорист!

— Да, но это политики. У них бедное воображение, зато отличная память. Короче, если речь им не понравится, если покажется слишком агрессивной или угрожающей, они могут дать приказ

отключить эфир.

— Что автоматически означает штурм.

— Именно.

Шарлен видела Кратоса на мониторах: теперь он заметно нервничал.

— А в его состоянии можно ожидать чего угодно, — добавила она.

23:51.

Слишком поздно, чтобы надеяться восстановить контакт. Он даже слушать их не станет.

— С переговорами покончено, — продолжила она.

— Мы никогда не закрываем ни одну опцию. Если придется вмешаться, мы либо его устраним, либо обезвредим. Но есть третий вариант: в суматохе он может забаррикадироваться. В этом случае, возможно, откроется новое окно для переговоров.

— Зачем вы делитесь со мной этой информацией? Я теперь вне игры. После такого фиаско он никогда больше мне не поверит.

— Я только что сказал: мы никогда не закрываем ни одну опцию. И даже если переговоры возьму на себя я, мне понадобится напарник.

А он силен, подумала Шарлен. *Поддерживает зарождающуюся связь, чтобы она не разорвалась,*

чтобы выжать из меня все лучшее. Но что из его доброжелательного отношения искренне, а что расчетливая игра?

В тот момент, когда он смотрел на ее грудь, — вот тогда он был искренен.

Самое время, ничего не скажешь…

Она сосредоточилась на экранах, на происходящем в студии. Испуганные заложники-техники. Невозмутимый Поль, который пытается сохранить профессиональную выдержку — он знает, что весь мир смотрит на него как на героя, — и одновременно испытывает ужас: он видит на айпаде жену и дочь в руках преступников.

И наконец, всемогущий Кратос. Как правильно выбрано имя…

Однако Шарлен прежде не видела его в таком нервном состоянии. Он осматривал каждый уголок студии, поворачивал голову, прислушиваясь, и не желал садиться.

Побег Сильви всех выбил из колеи, застал врасплох. Даже его.

Он так и не понял, что произошло!

У Кратоса был отлаженный план, он предвидел все, что должно было случиться за ночь, час за часом. Но гримерша, выбежавшая из укрытия, о котором он не знал, — этого в сценарии не было.

Он должен был взять себя в руки, обрести спокойствие.

Внезапно у Шарлен возникла догадка. Она схватила наушники.

— Что вы делаете? — встревожился Янис. — Нет, не нужно!

Слишком поздно: она нажала кнопку пульта, связанного с наушником Кратоса.

— Мне жаль, — сказала она. — Никто не предвидел того, что случилось.

Он не ответил, а, наоборот, еще сильнее сжал рукоятку пистолета, вдавливая его в висок Поля, который поморщился от боли.

— Мы все запаниковали, — продолжала Шарлен. — Я первая. Сильви — гримерша студии. Она спряталась под своим столом, и, когда дверь открылась, сделала то, что считала необходимым для спасения жизни, — бросилась в безопасное место.

Он по-прежнему не реагировал.

— Так не должно было случиться. Прошу прощения. И… могу вас заверить, что вам ничего не угрожает. Никто не придет. Не давите так сильно на Поля. Флики отошли. Они не войдут.

Молчание казалось вечным. Наконец синтезированный голос ответил:

— Клянешься, Шарли? Жизнью Паолы?

Он перенаправил оружие на суфлершу, которая сжалась, словно хотела слиться со стеной.

— Да. Клянусь. Не причиняйте ей вреда.

— Не могу ее выпустить. Слишком поздно. Либо одна, либо другая. Скажи девушке рядом с тобой, что она украла место Паолы. Ей расхлебывать последствия…

— Нет, я ей этого не скажу. Это жестоко.

— Жизнь вообще штука жестокая.

Шарлен чувствовала, что восстанавливается связь, которую они начали плести до инцидента. И решила разыграть свой козырь:

— Скоро полночь. Я просто хотела предупредить, что вы можете сосредоточиться на том, что собираетесь сказать. Полагаю, вам нужно немного покоя. Это важный момент.

Серебряное лицо повернулось к камере.

— Это ваш последний шанс перед непоправимым. Если вы не воспримете нас всерьез, прольется кровь. По вашей вине. Я ясно выражаюсь?

— Да.

— Если вы отключите трансляцию или задержите ее, я стреляю.

Он перестал угрожать Паоле и снова приста-

вил оружие к виску Поля, который не выказал никаких эмоций — у него только слегка дернулся кадык.

— Если вы снова откроете дверь, я стреляю. Если прервете трансляцию Демоса, я стреляю.

— Понятно.

— У нас есть послание для народа.

Свободной рукой он достал из рюкзака распечатанный лист. Шарлен облегченно вздохнула. Похоже, она снова в игре.

Кратос разложил лист на столе и произнес доверительным тоном:

— Ты права, Шарли. Это важный момент. Пришло время сказать правду.

31

Полночь.

Новый день в сердце ночи.

Вся Франция знала, что Кратос собирается говорить. В прямом эфире. Восемнадцать часов по Нью-Йорку, идеальное время для вечерних новостей. Шесть часов утра в Шанхае и семь в Токио, как раз перед началом рабочего дня.

Захватчик заложников в теленовостях с обещанным заявлением, пистолет у виска национальной звезды — ну как упустить такую удачу? Предоставить ему мировую трибуну, а для телеканала получить захватывающую интригу без всяких затрат, гарантию заоблачных рейтингов и грандиозной прибыли от рекламы.

Черная фигура с зеркальным лицом сидела рядом с Полем Даки-Ферраном, у которого от страха все-таки начала проступать испарина. Черный человек держал в одной руке пистолет, а в другой лист бумаги, глядя прямо в главную камеру.

Он смотрел в глаза народу, а народ должен был видеть свое отражение в его зеркальном лице.

Как только на табло часов на площадке пока-

зались одни нули, зазвучал его искусственный голос. Новое начало. Никаких цифр, только пустота, единственный момент ежедневного отсчета вне времени. Свободная зона.

— Мы, граждане наших наций, лжем сами себе. Мы научились жить в таком комфорте, что привыкли требовать, вместо того чтобы созидать. Мы не слушаем, потому что считаем, что и так все знаем. Мы не действуем — мы надеемся.

Он сделал первую паузу, как и всякий раз, когда хотел, чтобы его слова достигли аудитории. Он держался идеально прямо.

— Мы потребители, мы хотим. Нами движут желания и зависть. Мы предпочитаем общаться виртуально, скоро мы будем проводить больше времени в Интернете и соцсетях, чем в собственной жизни, стараясь совершать что-то реальное. И что же мы извлекли из этой новой жизни? Из обычаев и привычек этого зарождающегося двадцать первого века?

Обиду.

Горечь.

Гнев.

Кратос варьировал темп и паузы, подчеркивал то, что считал важным. Его маска обращалась то к странице, которую он читал, то к камере.

— Попробуйте возразить мне, что народ не возмущается этой системой, тем, что мы считаем несправедливостью, асимметрией власти… Большая пятерка — «Гугл», «Амазон», «Фейсбук», «Эппл», «Майкрософт» кристаллизуют наши тревоги, а скоро появятся новые. И та же история с нашими правительствами. Они бездействуют, когда нужно защищать наше будущее перед лицом экологической угрозы. Все решают деньги. Попробуйте возразить мне, что вы не чувствуете, как нами завладевают эти страхи, что не они определяют глубинные процессы нашего общества и формируют наши реакции. — Кратос положил свой лист и указал на камеру обличающим жестом. — Вы ответственны за каждый из этих эксцессов. За эти сбои. Все вы. Я. Мы. Сообща. Пора прекратить это коллективное лицемерие и взглянуть на себя в зеркало. Задать себе честные вопросы. Сказать себе правду.

Поль отшатнулся, словно его напугала мощь этого синтезированного голоса. У него, привычного к публичности, на лбу выступила испарина, чего с ним никогда не случалось в эфире.

— Мы перекладываем вину на других. Слишком давно и долго, — продолжал Кратос. — Мы твердим одну и ту же мантру: «Ничего больше

не работает!» Но никогда сами не несем за это ответственности. Знаете почему? Потому что мы не хотим принимать реальность — мы хотим получить то, что не готовы делать сами, поэтому обвиняем других. Так проще. Я не говорю о горстке истинных активистов, которые *полностью* изменили свой образ жизни, — я говорю о нас, о *массе*, о тех, у кого есть власть… Мы жалуемся на могущество большой пятерки, но кто вознес их туда? Разве хоть одна из этих компаний что-то украла или навязывала нам свои услуги насильно? Их сверхмощь — результат наших желаний, наших покупок, нашего каждодневного выбора. Мы сами решили использовать их, отдавать им наше время, наш труд, наши деньги. Сильные мира сего сильны потому, что мы сообща позволили им получить этот статус. Мы пользуемся их услугами, это наш выбор… Мы — потребпроизводители.

Кратос оживленно жестикулировал, пожимал плечами, его маска все быстрее перемещалась от текста к камере, а иногда к Полю.

— Если бы мы все дружно отреагировали и все как один отказались от такого поведения, ни одна из ныне сверхмощных компаний не смогла бы достичь такого уровня власти. Но это было

удобно. Это было легко. Это было занимательно. Если так делают все, значит можно и мне? И к тому же мне этого *хотелось*... Теперь нужно это признать. *Мы* несем ответственность. Было бы по-детски наивно обвинять компанию в том, что она создает то, ради чего была основана, и при этом не отдавать себе отчета, что они преуспевают только потому, что мы ими пользуемся.

В режиссерской царила почти благоговейная тишина. Все слушали, и Шарлен гадала, происходит ли сейчас то же самое во всех домах страны.

Кратос продолжал свою обличительную речь властным тоном, направляя зеркало маски на всех вместе и на каждого в отдельности:

— А политика? Та самая пресловутая политика, которая так нас раздражает и раскалывает общество. Разве у нас нет права голосовать? Большинство из нас все еще живет при настоящей демократии, где наши голоса имеют значение, где наши голоса решают, кто будет нами править. Мы жалуемся на любое решение правительства, потому что хотим новизны, но ненавидим перемены. Потому что мы упрекаем политиков в отсутствии легитимности, хотя их избрала именно наша хваленая демократия. Следует ли менять правила, чтобы удовлетворить наше

вечное недовольство? Какой ценой? Ценой демократии? Ценой наших свобод?.. Мы требуем, чтобы они спасли нас от наших поступков, от нас самих, но отказываемся это признать. Потому что хотим, чтобы они дали нам то, чего у них больше нет. Мы осуждаем рост экстремизма, не признавая, что это — результат наших голосов, то есть выбора масс. А массы — это *мы сами*. В наших силах повлиять на эти массы, начав с себя, сказав себе правду, а затем попытаться убедить окружающих. Масса — это подвижная сила, которая питается только энергией каждого из нас… Она — зеркало наших действий.

Поль казался ошеломленным, он приоткрыл рот, словно не мог поверить в этот цирк, — неужели все это насилие против него и его семьи оправдывается лишь этими банальными словами?

Кратос медленно, почти торжественно поднялся:

— Так давайте же прекратим лицемерить, когда говорим, что виновен кто-то другой. Зададимся вопросом о нашем потребительском выборе, о жертвах, которые мы готовы принести ради других, о наших личных интересах, которые мы предпочитаем защищать любой ценой, и пере-

станем закрывать глаза, постоянно перекладывая вину на других, подальше от себя… Мы все несем свою долю ответственности.

Вот оно, подумала Шарлен в некоторой растерянности. Она видела вокруг недоуменные взгляды. Всех мучил один и тот же вопрос: зачем это выступление? Кратос требовал денег, тогда с какой целью он завел эту явно заранее подготовленную политическую тираду? После его речи не оставалось сомнений, что он не только написал свое воззвание, но и без конца репетировал, пока не выучил почти наизусть. Он не декламировал, а провозглашал убедительно и уверенно.

Или грозно.

В режиссерской гремел искаженный голос:

— Все вместе мы мечтаем о лучшем мире. Но это лишь мечта, потому что мы отказываемся за нее платить. Мы превратились в избалованных, безответственных детей, которые обвиняют других, потому что не хотим принимать реальность, ведь для любого из нас это означало бы действовать в соответствии с идеалами, которые мы проповедуем. Мы не хотим жертвовать собственным комфортом, своими привычками. Мы требуем более экологичного мира для себя и своих детей, но кто из нас полностью изменил свое поведение,

свое потребление, чтобы поддержать это стремление к переменам? Авиаперевозки неуклонно растут, использование пластика никогда еще не было таким высоким, мы высасываем энергию для наших планшетов, наших телефонов, в которые предпочитаем смотреть вместо того, чтобы смотреть друг на друга, мы тратим энергию для работы Интернета, не заботясь о глобальном потеплении! Мы прячемся за намерениями, проектами! Мы указываем пальцем на крупных промышленников, в первую очередь из большой пятерки, но продолжаем расширять их компании своими покупками, пользуемся их услугами, материальными или виртуальными! Мы ругаем телепрограммы, которые считаем отупляющими, но смотрим их в таком количестве, что делаем их легитимными и прибыльными, в то время как культурные инициативы не добиваются успеха! Мы отвергаем все усилия, которых требуют наши правительства, и кричим о манипуляциях, хотя сами избрали этих правителей!

Зачем он это делает? — не могла успокоиться Шарлен.

— Он часто повторяется, — подумал вслух Дан. — Это не так структурировано, как сатира политического активиста, — это пахнет бунтом

обычного гражданина, вам не кажется?

Но ему никто не ответил. Режиссерская буквально гудела от нервного напряжения, а Кратос перед камерой все больше распалялся:

— Есть наши слова. И есть наши дела. И между ними — бездонная пропасть, которая нас разрушает. Мы сами создали этот разрыв, чтобы защитить свою незапятнанную совесть, чтобы не смотреть правде в глаза… Но этот разрыв увеличился. Он грозит поглотить нас, разрушить наше общество.

Капитан Остен не отрывал глаз от экранов режиссерской и одновременно говорил, прижав к уху телефон, с генералом во дворце Матиньон, который следил за выступлением Кратоса. Ситуация становилась критической. Приказ прервать прямой эфир мог поступить в любой момент и повлечь за собой цепь ужасных последствий. У спецназа тогда не будет другого выбора — чтобы сохранить максимум жизней, следовало открыть огонь по Кратосу, а тем временем антитеррористическое подразделение начнет штурм виллы Даки-Феррана в Булони и попытается спасти двух женщин до того, как отреагируют захватчики. Слишком много «если» в слишком сжатые сроки.

Жертвы неизбежны.

От этой мысли у Шарлен участилось сердцебиение и подступила тошнота. Чувство вины угнетало ее. Чтобы его преодолеть, она должна была хотя бы попытаться поговорить с Кратосом, прямо в его наушник, приказать ему замолчать, пока еще это возможно.

Но она этого не сделала. Да и вряд ли Янис ей бы позволил.

Кратос перешел к последней части своего выступления:

— У нас есть выбор, он у нас всегда был, с начала этой новой эры. Выбор все сказать друг другу и, главное, действовать. Положить конец этой лицемерной и на самом деле разрушительной мечте и взглянуть на себя в зеркало. Чтобы действовать. Чтобы отказаться. Принять другой мир, менее легкий, не такой карикатурный и поверхностный. Но мир, который будет больше соответствовать нашим надеждам, нашим устремлениям. Но способны ли мы на это? Ты, телезритель, к кому обращены эти слова, — говорят ли они что-то тебе? *Изменишь* ли ты не только свои намерения, но и свое поведение? Или, снова забившись в свой кокон привычек и комфорта, будешь подыскивать предлог, находить себе оправдание и перекладывать вину на других,

прежде чем в следующий раз возмущаться, что другие вместо тебя делают что-то не то?

Маска отражала свет и смотревший на нее черный глаз камеры. Человек ждал, словно на площадке могли вдруг раздаться миллионы ответов.

— А может быть, вы, как и я, потеряли всякую надежду? Я — Кратос, я — власть. Демос — это народ. Мы расколоты. Разделены. Завтра это общество сделает свой выбор, и разрыв между нами либо увеличится, либо, возможно, уменьшится. Демос будет ждать. Но Кратос будет действовать. Я воплощаю действие. Я — сила. Я — гнев. И я больше не верю в Демос. Я хочу заставить платить, поскольку только это имеет значение. Вот почему я хочу получить пятьдесят миллионов евро, будь они от империи «Медиаплекса», что для них капля в море, или от государства. Кратосу все равно, лишь бы деньги были выплачены. Я, Кратос, решил больше не верить в народ, и я провозглашаю право на восстание!

О нет. Шарлен сжалась за своим пультом. *Только не это*.

Она заметила, что капитан Остен наклонил голову. Слушает, что ему говорит генерал?

Кратос направил указательный палец на каме-

ру, на зрителей. Внезапно он сменил тон и начал яростно и громко выкрикивать:

— Вы, где бы вы ни были! Если вы больше не верите в это общество, в его лицемерие, если вы убеждены, что от бесконечного ожидания перемен мы ничего хорошего не добьемся, потому что закоснели в своих шаблонах, погрязли в комфорте… Тогда выходите! Выходите и разрушайте все! Жгите! Выражайте свою ярость! Свой отказ от прогнившей цивилизации! Станьте как я, провозглашайте свою власть, берите! Действуйте ради себя! Забирайте силой то, что желаете! Ломайте наши дряхлые институты! Нашу порочную систему управления! Меняйте все! Чтобы из пепла вашего отчаяния возродился новый, лучший мир!

Он уже не говорил — он кричал.

Остен дал знак Натэ, что поступил приказ. Французское государство прерывает прямой эфир.

Все кончено.

Скоро останутся только порох и кровь.

Кратос продолжал орать, не подозревая о том, что происходит за его спиной:

— Если вы действительно верите, что СМИ коррумпированы, что политики играют с вами,

тогда выходите и громите их офисы! Восстаньте!

Шарлен заметила, что Ирен стоит рядом с Симоном, оператором вещания, и в тот самый момент, когда Остен подтвердил своему заместителю, что они начинают атаку, поняла, что именно затевается.

— Канал не собирается прерывать трансляцию! — выкрикнула Шарлен. — Они покажут в прямом эфире, как вы его убиваете!

Майор Натэ передавал команду на открытие огня подразделениям спецназа. Остен жестом его остановил:

— Почему вы так думаете?

Шарлен указала на Ирен:

— Потому что она осталась в режиссерской.

Остен бросился к пульту вещания, прямо к Симону и Ирен Хачатурян, которая откинулась на спинку кресла.

— В любом случае последнее слово за финальным монтажом, — предупредила Шарлен.

— Велите им прервать прямой эфир! — закричал капитан, обращаясь к Ирен.

— А иначе вы меня застрелите?

— Это приказ правительства!

— Я не подчиняюсь ему напрямую, мы канал частный, а не государственный, пусть сами пре-

рывают нашу трансляцию.

Ирен знала, что отключение эфира нельзя осуществить без предварительной подготовки и второпях, поэтому канал «МД1» мог вещать еще часами, прежде чем правительство силой добьется своего. Власть демократии уважает свободу слова.

Кратос вещал в напряженной тишине режиссерской:

— Все, кого возмущает равнодушие масс, их эгоизм, защита их привилегий, — давайте покончим с этой несправедливостью! Поменяем историю! Поменяем ход судьбы! Спасем человечество! Спасем нашу планету!

Затем внезапно его голос исказился, стал глуше — Поль Даки-Ферран столкнул микрофоны со стола и выкрикнул:

— СТОП!!!

32

Их голоса были далекими, почти неслышными, поэтому Боб, звукорежиссер, поставил микрофоны на максимум.

— Они вас застрелят! — крикнул телеведущий своему тюремщику. — Вы что, не понимаете? Вы хотя бы осознаете, какую силу имеют слова, произнесенные в прямом эфире?

Медийное животное взяло верх за долю секунды. Несмотря на страх, Поль Даки-Ферран вернул себе свет прожекторов. С безупречной логикой, присущей ему в звездные часы, он указал на снимавшую их камеру и объяснил:

— Вон тот черный глаз — это усилитель. Он подхватывает каждую вашу фразу и запускает ее не просто на экран, нет, а в личное пространство тех, кто нас смотрит. Минуя все защитные барьеры, он попадает в их кухни, в гостиные или спальни, к ним домой — ближе некуда. Он безо всякого их согласия становится как бы членом семьи. И это имеет самый прямой эффект. В этом сила телевидения, понимаете? Проникать прямо в головы людей. Без фильтров, не считая тех,

которые там уже стоят по их собственной или чужой воле. — Поль заговорил медленнее, чтобы Кратос мог уловить каждое слово: — Государство вам этого не позволит. Они прервут эфир.

— Если они это сделают, они вынесут вам смертный приговор!

Поль взволнованно кивнул:

— Чтобы вам помешать или, во всяком случае, попытаться помешать, они вас застрелят. И… — Он ткнул пальцем в айпад. — Моя жена и дочь… их тоже не пощадят. Поэтому умоляю вас, остановитесь. Все и так поняли, что вы хотите сказать. Не упорствуйте.

Кратос стоял напротив, выше, внушительнее, словно готовый поглотить Поля. Затем он повернулся к главной камере и произнес:

— Я закончил. Если я не получу до рассвета пятидесяти миллионов евро, будут жертвы. Ответственность за это ляжет на «Медиаплекс» и французское государство. Но для них деньги дороже, чем жизни людей. Весь мир узнает, кто они на самом деле. Инструкции по оплате будут даны в течение двух часов. Что касается остального… Вы меня слышали. Взгляните на себя в зеркало.

В режиссерской Остен повесил трубку.

— Министр пока разрешает трансляцию, но

он это вам припомнит, — сказал он, обращаясь к Ирен.

У них просто нет выбора, мстительно подумала Шарлен.

Капитан настаивал, обращаясь к Ирен:

— Мадам, учитывая произошедшее, я бы хотел, чтобы вы покинули помещение.

— Я представитель канала, мое присутствие необходимо, — резко ответила она, глядя на него вызывающе и высокомерно.

— Я потребую вашей замены.

— Меня сюда направила лично Амели де Кастельнак, я подчиняюсь только ей, и, пока вы не выставите меня силой, я не сдвинусь с места. На замену она пришлет меня же — можете потратить ее драгоценное время, чтобы она это подтвердила, но говорить она будет только с вашим начальством, так что докладывайте своему генералу, если хотите.

Остен сохранял полное спокойствие, хотя его взгляд красноречиво говорил, что он о ней думает. Однако сейчас было не время для внутренних разборок, поэтому он уступил и отвернулся.

Янис откинулся в кресле рядом с Шарлен.

— Уф, пока пронесло, — вздохнул он.

Впервые она почувствовала, что он волнуется.

До сих пор он производил впечатление человека, погруженного в свою стихию, которого ничем не удивить, словно все происходит по уже известному ему сценарию.

— Полегчало? — спросила она.

— Нет. Только когда… все закончится.

— Вы все еще верите, что может быть… *благоприятный* исход?

— Без жертв? Да. Иначе для чего мы с вами здесь?

Шарлен развела руками, как бы охватывая всю режиссерскую:

— Честно говоря, после эпизода с Паолой и появления Сильви, а теперь его призыва к хаосу у меня ощущение, что мы всё потеряли или начинаем с нуля.

Янис выпрямился — он снова явно что-то анализировал:

— Прямо перед полуночью вы снова привлекли его внимание своим вмешательством. Думаю, он согласится поговорить с вами.

— Я ему больше не нужна. Он сказал все, что хотел, теперь будет ждать два часа, чтобы объяснить, как ему перевести деньги, и чао.

— Он к вам вернется.

— Откуда у вас такая убежденность?

— Теперь ваша очередь мне довериться.

— Почему у меня ощущение, что вы что-то скрываете?

Янис ей подмигнул:

— У меня есть несколько козырей в рукаве, иначе как мне произвести на вас впечатление?

Шарлен растерялась. Он что… *флиртует*? Сейчас? В такой ситуации? Нет, это она себе вообразила.

Вот что происходит, когда слишком долго пребываешь в одиночестве, — становишься неспособной правильно трактовать знаки, принимаешь желаемое за действительное.

Шарлен вдруг осознала, к чему ведут эти мысли. Он ей нравится. Немного. Или даже… Но это *абсолютно неуместно*!

Жизни людей в опасности, а она кокетничает? Шарлен захотелось врезать себе как следует.

— Что вы запомнили из его речи? — Янис решил ее проэкзаменовать.

Шарлен что-то забормотала, хотела отхлебнуть из кружки, потом заметила, что она пустая, и увидела, что левая нога сильно дергается. Тогда она успокоилась.

— Он… Что требование денег — это политический ход?

— Сформулируйте, — уточнил переговорщик.

Шарлен помассировала виски. Нужно проанализировать информацию, выбросить из головы все лишнее. Она выдохнула.

Пустота. Слова Кратоса.

Неровно — первое слово, которое пришло ей в голову.

— Все это как-то приблизительно, — ответила она. — Я не критикую его выступление в целом, там есть интересные моменты, я даже иногда узнавала собственные мысли. Но…

Янис ловил каждое ее слово с каким-то заговорщическим видом, будто заранее знал, куда она клонит, и просто хотел убедиться, что она движется в правильном направлении.

Шарлен продолжила:

— Мне показалось, что его попытка связать свои действия с глобальным обвинением общества не слишком убедительна.

— И мне так кажется. Как-то путано, бессвязно. Это трудно назвать плодом долго вызревавших размышлений, изложенных на бумаге радикальными антисистемщиками. Скорее простое повторение чужих идей. «Возмущайтесь, задавайте себе честные вопросы или, если, как и я, вы больше не верите, выходите все разрушать!»

Серьезно? Он объясняет, что хочет получить пятьдесят миллионов, потому что разочарован?

— Зачем он тогда это делает?

Янис вглядывался в силуэт Кратоса на экранах:

— Потому что он умен. Посмотрите вокруг, Шарли.

Она послушалась и увидела, как Родрик и Дан на бешеной скорости строчат сообщения в телефонах, Натэ совещается со своими людьми, а Остен ходит кругами, беседуя по телефону с начальством.

— Вы представляете, какое воздействие могут иметь такие заявления с телеэкрана? — объяснил Янис. — Поль прав: каждая фраза проникает прямо в головы зрителей, без фильтров. *Показано по телевизору*. Одобрено телевидением. И раз это по телевизору, значит это *правда*.

— Публика не настолько внушаема, не стоит преувеличивать.

— К счастью, да. Но у скольких зрителей в этой массе, о которой он говорил, его слова могли найти отклик, скольких задеть за живое? Кто способен поддаться на его призыв? А что, если в уже и без того бурлящих пригородах, среди «желтых жилетов», сепаратистов, сторонников «черных

блоков»[27], отчаявшихся или неадекватных людей хотя бы горстка воспримет его призывы буквально? Когда видишь, как промывают мозги и какой вред могут причинить простые видеоролики на «Ютьюбе»…

— Этой ночью страну может захлестнуть волна насилия, начнутся крупные беспорядки.

— По всей территории срочно мобилизуют полицейских. Внимание силовиков сместится с Кратоса на ситуацию в стране, а он может получить поддержку радикалов.

— Вы думаете, это и было целью его выступления? Поджечь Францию и вызвать кровопролитие?

— Боюсь, что да. Видимо, он полагает, что это поможет ему сбежать. Но имейте в виду, что при захвате заложников самое сложное, практически невыполнимое — это улизнуть с выкупом.

— Получить деньги, вы имеете в виду?

— Суметь покинуть место преступления и ото-

---

[27] Сноски: 27

«Желтые жилеты» — спонтанное массовое протестное движение во Франции, зародившееся в 2018 году, получило название по желтым светоотражающим жилетам, которые надевали участники; требования протестующих охватывали широкий спектр социально-экономических вопросов. *«Черные блоки»* — тактика массового протеста, применяющаяся с 1970-х: протестующие одеваются в черное и максимально скрывают лица (черные очки, черные шарфы и т. д.), чтобы затруднить опознание личности.

рваться от полиции. Вы же понимаете, что ни полиция, ни жандармерия не позволят таким преступникам раствориться в воздухе. Будет погоня, возможно, перестрелка. И мы знаем, что он не самоубийца, — он намерен выбраться отсюда и воспользоваться добычей.

Янис изобразил жестом, что надевает маску.

— Да, перчатки, лицо скрыто, и голос искажен, — подхватила Шарлен. — Он планирует добиться успеха.

— Усложнить нам погоню, сбежать, когда страна охвачена беспорядками, — это неглупо. Ну и получение выкупа — тоже дело непростое. Даже если деньги выплатят, в игру вступят киберследователи: всегда можно отследить переводы со счета на счет, если это виртуальные деньги.

— Значит, если они устроят хаос по всей Франции, это может помочь им сбежать, но не поможет с выкупом.

— У него есть план на этот счет. Он выдвинул ультиматум для сбора требуемой суммы, но куда и как ее перевести, он скажет только в самый последний момент, чтобы у нас почти не осталось времени на реагирование. Вот тут нужно будет максимально затягивать переговоры и любыми способами выигрывать время.

Шарлен включила свой ноутбук и перешла к сводкам агентства «Франс-пресс». Пока ничего не указывало на беспорядки, но было еще слишком рано.

Янис развернул кресло к Шарлен.

— Давайте пока оставим последствия коллегам и вернемся к Кратосу, — сказал он. — Вывод номер один: башковитый тип, который использует возможности телевидения, чтобы завоевать симпатии и вызвать в стране беспорядки, потому что это может ему помочь. Вывод номер два: он упомянул своего сообщника, Демоса, но ни разу не назвал третьего члена банды. Когда он к вам вернется, я бы хотел, чтобы вы затронули эту тему. Он не знает, что нам известно, что их трое. Я хочу понять, скрывает ли он это намеренно, потому что в таком случае у этого третьего может быть особая функция. Я не хочу, чтобы нас застали врасплох, когда этот третий тип начнет действовать.

— Как мне его об этом расспрашивать, не выдав, что мы знаем о его существовании?

— Я вас подготовлю.

— Хорошо…

Шарлен была сбита с толку его уверенностью. Она спросила:

— Янис, почему вы так убеждены, что он ко мне вернется?

Он слегка улыбнулся ей:

— Скажу при одном условии.

— Каком?

— Что теперь мы перейдем на «ты».

33

Больница Бишá на окраине Парижа снаружи напоминала старое казино в Лас-Вегасе. Массивный стеклянный блок с десятками палат выходил на центральную бетонную площадку напротив Порт-Сент-Уэн.

Вечером окрестности выглядели довольно мрачно: нужно иметь крепкие нервы, чтобы пересечь этот участок, освещенный желтоватыми фонарями, миновать лагерь бомжей и случайных наркоманов под мостом кольцевой дороги и войти в громадное здание, возвышающееся над всей округой.

Сеньон и Магали показали жандармские удостоверения, и на стойке приемного покоя им объяснили, куда идти. Они миновали первый подземный этаж, но у дверей в послеоперационный блок путь им преградила медсестра:

— Кто вам сказал, что сюда разрешено входить?

— Сама пациентка.

— В полночь? Нет, ее только что перевезли из операционной, я не могу вас…

Магали, приняв самый грозный вид, сунула сестре под нос военное удостоверение:

— У этой пациентки может быть жизненно важная информация, и она добровольно согласилась с нами поговорить. Речь идет о потенциальном спасении жизней. Теперь все ясно?

Медсестра отступила, и Сеньон шепнул напарнице:

— Маг, она просто выполняет свою работу.

— Не надо меня сегодня доставать, — отрезала та раздраженно и поправила челку, тряхнув копной волос.

Лорен Делакуа лежала в дальнем углу палаты, отгороженная ширмой на колесиках. Ее короткие волосы разметались по белой подушке, глаза покраснели, кисть полностью скрыта огромной повязкой. Молодой женщине не было и тридцати.

Следователи представились, поинтересовались, как она себя чувствует, внимательно послушали и постарались утешить. Магали проявила профессиональную деликатность, успокаивала и выказывала сострадание — разительный контраст с тем, как она только что отшила медсестру.

Решив, что можно переходить к деловой ча-

сти, ради которой они пришли, Сеньон спросил Лорен:

— Вы помните, как все началось?

Она сглотнула и кивнула:

— Вчера вечером около восьми я была дома, готовила ужин, и тут позвонили в домофон. Это был курьер из «Амазона» с посылкой. — Она облизнула губы. — Я никогда ничего у них не заказываю, поэтому сказала, что это ошибка, но он настаивал, назвал мое полное имя и сказал, что, возможно, это подарок и он обязан его доставить, хотя бы отдать консьержке.

Она говорила, уставившись в потолок, словно там беззвучно прокручивался фильм — история о том, как она пострадала.

— У нас в доме нет консьержки, так что… Я, как полная дура, открыла.

— На вашем месте это сделал бы любой, — успокоила ее Магали.

— Не знаю. В общем, я его впустила. Он поднялся на мой этаж и… я даже не успела ничего сообразить, как он приставил пистолет мне ко лбу.

— Вы видели его лицо? — спросил Сеньон.

— Нет. Он не воспользовался лифтом, поднялся по лестнице, на нем была толстовка с поднятым капюшоном, и оттуда выглядывала кепка. Голова

опущена, он не включил свет в коридоре, я толком его не разглядела, а когда он подошел ближе, я увидела маску и… Было уже поздно.

— Что за маска?

— Такая же, как сейчас на нем в эфире.

— Когда он говорил с вами по домофону, голос звучал нормально или был искажен?

— Нет, нормально, иначе я бы насторожилась. Мужчина, мне не показалось, что молодой, скорее достаточно взрослый, но я могу ошибаться.

Жандармы обменялись понимающими взглядами. Наконец-то подтвердилось то, что все предполагали, — Кратос мужчина.

— Он был в перчатках? — поинтересовался Сеньон.

— Да, помню, в одной руке он держал перед собой посылку, а в другой оружие, в перчатках.

— А потом?

Лорен снова облизала губы.

— Все произошло очень быстро. Он приставил пистолет к моей голове, закрыл дверь и велел заткнуться. Сказал, что не будет меня насиловать или бить, если я буду молчать.

— Он употребил слово «насиловать»? — удивилась Магали.

— Да, именно это сразу больше всего меня напу-

гало. Обычно так не говорят, если действительно не собираются. Я подумала, что он хочет именно этого. Но… я так испугалась. Была как будто парализована.

— Это называется оцепенение — реакция, которая возникает у любого. Вы не должны винить себя. Вы были в шоке от страха.

— Да, я знаю…

Сеньон вернулся к теме:

— Он задавал вам вопросы?

— Сначала дал мне что-то вроде жесткой пластиковой стяжки и приказал обвязать запястья и затянуть зубами.

Стяжка-хомут, вспомнил Сеньон. Криминалисты забрали ее для анализа в лабораторию. Они надеялись найти на ней ДНК Кратоса.

— Потом заставил меня сесть и спросил, где можно спрятаться на съемочной площадке.

— И вы ему ответили?

— Сначала нет, я не могла говорить, но он дал мне прийти в себя. Он… он не был агрессивным. Просто его пистолет все время маячил перед глазами. Он несколько раз повторил, что не хочет меня убивать, но что я не должна его к этому вынуждать.

— А потом?

— Я… я сказала ему, что там нет укрытий, что это съемочная площадка. Но он настаивал. Похоже, он немного разбирался в устройстве студии. Спросил, прозрачна ли решетка для крепления прожекторов наверху, и я сказала, что да. Он хотел знать, не остаются ли иногда ящики для оборудования за декорациями, но нет, этого никогда не происходит. Он говорил о столе техников, о зонах с автоматическими камерами…

— У вас не сложилось впечатления, что он там уже бывал?

— Не на площадке, нет, иначе он бы не спрашивал, но он явно был знаком с процессом съемок, это да. Во всяком случае, осведомлен. Именно когда он упомянул камеры, я вспомнила о зеркальном полотне. Мне было страшно, и я ему сказала.

Магали ободряюще положила руку ей на плечо.

— А про парковку, про то, что днем есть охрана, а ночью нет, он спрашивал? — спросила следователь.

— Нет. Его интересовала только съемочная площадка.

— Вы не сказали ему о биометрических мерах безопасности?

— Не думаю. Но…

Жандармы замерли в ожидании, пока Лорен сформулирует мысль.

— Он заставил меня выпить целый стакан воды. Я догадалась, что он меня чем-то накачивает, и подумала, что потом он надо мной надругается… И я потеряла сознание. Очнулась днем от боли. — Она посмотрела на забинтованную руку. — Врачи говорят, что он меня не насиловал. Это было, просто чтобы меня вырубить и… забрать мой палец.

— Вы были связаны?

— Да, запястья и лодыжки, и привязана к чугунному радиатору в квартире. И еще кляп во рту. Я ничего не могла сделать. Много часов подряд. Это было… тяжело.

Магали интересовали детали:

— Простите, что возвращаюсь к этому, но… Он наложил вам повязку или что-то такое?

Она кивнула:

— Да, бинт с ватой, пропитанной антисептиком. Я решила, что он вернется, была в ужасе.

— Почему вы так подумали? — спросил Сеньон.

— Потому что он оказал мне первую помощь! И потому что поставил рядом со мной таз с водой. Сначала я не очень поняла зачем, а потом, через

несколько часов… мне страшно захотелось пить, и я смогла всасывать воду через кляп. Думаю, это была его идея. Ну зачем психопату ставить воду, если он не собирается вернуться?

— Но никто не пришел…

— Нет. Пока меня не освободили ваши коллеги.

Магали взяла инициативу:

— Прежде чем вы потеряли сознание, вы не видели, чтобы он что-то пил или ел? Или трогал какие-то вещи у вас дома?

— Нет, ничего.

— В туалет не ходил?

— Нет.

— Не ложился на вашу кровать или диван?

— Не думаю, я не видела.

— Что-нибудь в его поведении могло навести на мысль, что он бывал раньше в вашей квартире?

— Тоже нет.

— Он пользовался телефоном или какими-нибудь гаджетами?

— Нет, я… Насколько я знаю.

Исходя из своего немалого опыта, Сеньон понимал, что больше они ничего не добьются от бедняжки, разве только заставят ее мысленно вернуться к подробностям пережитого, но считал,

что этим они причинят ей слишком много страданий, а вероятность извлечь что-то существенное практически нулевая. Кратос был крайне осторожен, ничего не оставил на волю случая, и теперь криминалистам сильно повезет, если они найдут в квартире хоть какой-то его след.

Сеньон решил оставить Магали с жертвой, — возможно, наедине с женщиной Лорен почувствует себя свободнее. В коридоре он воспользовался моментом и сделал несколько звонков, чтобы узнать, как идут дела.

Магали вышла из палаты через десять минут.

— Ну что? — спросил он.

— Ничего больше.

— По крайней мере попытались.

Пока они шли по подвальному этажу больницы, Сеньон, не привыкший к молчанию Магали, спросил, что она думает.

— Девушка сильно пострадала, — ответила та.

— И не скоро закажет доставку на дом.

— Сеньон! — строго одернула его напарница.

Магали редко воспринимала все буквально, у них было принято снимать напряжение шуткой. Очевидно, эта Лорен чем-то ее зацепила, но чем — непонятно. Сеньон не стал выяснять подробности — иногда жертвы пробираются вам в душу

и причиняют боль. Магали не любила говорить о чувствах, и он знал, что она выскажется, если ей будет нужно.

Подтверждая его предчувствие, она переключилась на другую тему:

— Кратос не психопат. Он ценит жизнь. Дал ей снотворное, чтобы отрезать палец, обработал рану и даже позаботился и оставил ей воду.

— Довольно трогательно со стороны парня, который угрожает убить любимого телеведущего французского народа.

— Интересно, способен ли он выстрелить.

Сеньон остановился в пустом коридоре с блеклыми стенами:

— Маг, мы с тобой перевидали достаточно людей, впавших в отчаяние. Это ничего не значит. Если на него давят, если он на пределе, кто знает, как далеко он может зайти.

— Ты прав.

Они двинулись дальше.

— И я только что говорил с одним из криминалистов. В мусорном ведре на кухне Лорен Делакуа они нашли стерильную упаковку от мочеприемника.

— Почему ты раньше не сказал?

— Узнал, пока ждал тебя в коридоре.

— Мы могли бы спросить ее, не пользовалась ли она…

— Мочеприемники адаптированы для мужской или женской анатомии. Судя по упаковке, этот был с пенильной насадкой, то есть для мужчин.

— А, выходит, он болен?

— Нет, он экипировался для долгого ожидания. Если захочет отлить, ему не придется оставлять заложника одного.

— Черт… Он продумал все. Это не новичок.

— Я пришел к тому же выводу. Он сумел подготовиться, провести скрытую разведку, не оставляя следов, у него исключительная выдержка, хладнокровие, он полностью контролирует нервы — явно не дебютант. На таком уровне не совершить ни одной ошибки можно, только имея опыт. Лорен упомянула взрослый голос. Он повидал жизнь, это не первое его преступление. Вероятно, у него есть судимость, значит его ДНК должна быть в базе.

— Не могу перестать думать о том, что он сказал Лорен, — что он не будет ее насиловать. Странно, не находишь?

— Он хотел успокоить ее насчет своих намерений.

— Может быть. Или это связано с его прошлым.

Тут у него была миссия, поэтому он ее пощадил, но…

— Он, вероятно, провел ночь рядом с ней, пока она спала. Если бы он был насильником, сомневаюсь, что удержался бы.

Магали что-то буркнула в ответ, Сеньон чувствовал ее скептицизм.

— В любом случае я бы не отбрасывала полностью эту версию, — сказала она.

Они вернулись в приемный покой. Там царил аврал — из пожарных машин на носилки выгружали трех жертв серьезной автокатастрофы. Жандармы отступили, освобождая коридор. Магали и Сеньон увидели прямо перед собой совсем молодых ребят. У девушки лет двадцати или моложе ноги от колен были неестественно вывернуты. Она стонала. За ней парень, чуть старше, был так густо покрыт засохшей кровью, что не разобрать, голый ли он до пояса, или на нем красная футболка. По его отсутствующему виду невозможно было понять, умирает он или находится под морфием.

Магали отвернулась, чтобы не смотреть. Даже для следователя, привыкшего к трупам, боль живых, особенно молодых, была жутким зрелищем.

— Черт… Что-то я совсем раскисла, — тихо ска-

зала она. — Надеюсь, я не беременна.

Выйдя на улицу, Сеньон поднял воротник куртки до самого подбородка, защищаясь от ноябрьского ветра.

— Я тебя знаю, — сказала Магали. — Знаю это твое недовольное выражение. О чем ты все время думаешь? Ты не отреагировал, когда я сказала о беременности.

Здоровяк поджал губы — он весь ушел в свои мысли.

— Кратос не спрашивал Лорен о парковке, — напомнил он. — Он уже знал, как войти в здание. Знал, что ночью нет охраны.

— Он мог это выяснить наблюдением.

— А то, что он сумеет подняться в производственную зону с пропуском Лорен? Ему было известно, что она одна из немногих, кто имеет доступ на площадку. Такое не сообразишь, просто наблюдая снаружи.

— Разве что он сам там работает.

Сеньон скептически покачал головой.

— Не веришь? — удивилась напарница.

— Ты видела это место? Если бы он там работал, у него был бы пропуск с отпечатками для биометрии. Ты правда думаешь, что такой осторожный тип совершил бы такую ошибку? Он догадыва-

ется, что мы прочешем весь список персонала вплоть до стажеров. Даже если это займет две недели, мы обязательно будем искать. Если у него уже были приводы в полицию, он знает, что у нас есть его отпечатки пальцев, а значит, мы его опознаем.

— После таких предосторожностей он не попадется из-за пропуска. Ты прав. Тогда как он готовился?

Сеньон помедлил, прежде чем ответить, словно в последний раз проверяя свои выкладки:

— Вариантов немного.

Магали резко остановилась на тротуаре под желтоватым светом фонарей.

— Ах да, и я желаю тебе забеременеть, — добавил Сеньон. — Тебе это, вообще-то, пошло бы на пользу.

Но Магали обдумывала слова напарника. И произнесла ошеломленно:

— У него есть сообщник на телеканале.

34

Прошло полчаса после речи Кратоса, но Франция так и не запылала.

— Несколько инцидентов по стране, — доложил Франк, следователь из уголовного розыска. — Разбитые витрины, коктейли Молотова, но это единичные случаи и в основном дело рук молодняка, судя по первым наблюдениям.

— Тем лучше, — заявил капитан Остен. — Если это позволит нам действовать, как считаем нужным, меня такой поворот устраивает.

Шарлен испытывала облегчение, следя за сводками «Франс-пресс» на ноутбуке, и в то же время была несколько удивлена реакцией страны.

Она не могла не признать, что, хотя выступление Кратоса ее озадачило, первая часть чем-то затронула — в ней была доля правды.

Свидетельство того, что всем все равно, что призыв Кратоса не возымел никакого воздействия на нацию, во всяком случае не привел к вспышке насилия, в определенном смысле означало, что он прав. Общество требовало перемен, но никто не был готов к резким переменам, а народный

гнев оказался не таким уж сильным, хотя сейчас ему представлялась реальная возможность выплеснуться.

Неумелая попытка связать требование выкупа с политическим манифестом свела на нет весь смысл его речи. Янис прав: выступление Кратоса мотивировано корыстной целью, а вовсе не политическими намерениями.

Шарлен, не удержавшись, вернулась к главному:

— Он сделал все на редкость неуклюже, но, я думаю, за его словами стоит что-то личное. Я не верю, что Кратос подонок. Возможно, он идеалист, который вынужденно скатился к насилию, потому что озлоблен на общество, отвержен, брошен…

— Шарли, ты выходишь за рамки эмпатии и скоро начнешь ему симпатизировать. Осторожно, — предостерег ее Янис.

Странно слышать, что он обращается к ней на «ты». Эта близость к спецназовцу в боевой экипировке казалась чем-то сюрреалистичным. Он говорил с ней, а из кобуры у него на поясе, всего в сорока сантиметрах от руки Шарлен, торчала рукоятка пистолета, смертоносного оружия, и к его жилету были пристегнуты светошумовые

гранаты. *Чистый сюр*, снова подумала она.

— Он знает, что делает, — прибавил Янис, — и делает это очень неплохо. Это не первая его попытка.

— Если только он не педант, который тщательно спланировал атаку вплоть до мельчайших деталей.

— Он с самого начала сохраняет контроль. Поверь мне, он не любитель.

Шарлен не настаивала. Она переключилась на режиссерскую.

Родрик отошел в сторону, разговаривая по телефону, вероятно с женой. Дан писал сообщения Лорен, справляясь о ее здоровье. Ирен вернулась в свое кресло и обозревала арену взглядом стервятника, на пару со своим верным слугой Филиппом Роже. Война между ней и Шарлен объявлена. И Шарлен заплатит за последствия, но теперь ей было все равно. Это уже не имело значения. В один прекрасный день, когда явится комиссия для детального разбора всего происшедшего — после терактов или драм такого масштаба всегда присылают комиссии, — «Медиаплексу» тоже придется отвечать. Шарлен не питала иллюзий — могущественная группа с таким количеством политических и финансовых связей справится

с ситуацией, Амели де Кастельнак — слишком ловкая, коварная и влиятельная персона, она проскочит сухой между струй, но, возможно, пострадает имидж холдинга. Шарлен на это и надеялась.

Остен только что вернулся к центральному пульту, чтобы подвести промежуточные итоги вместе с Натэ. Остальные — жандарм в штатском Франк, Марван, Симон и даже Боб из соседнего помещения — следили за экранами, транслирующими Кратоса и Поля, и ждали. Многие еще не пришли в себя после пережитого.

— Удивительное спокойствие, — призналась она.

— Типично для кризиса. События ускоряются, а потом провал. Это море, и важно не бороться с волнами, а предвидеть их, чтобы лучше встретить, следовать им, но не подчиняться.

— У тебя было много похожих дел?

— Я шесть лет в спецназе. Мы проводим более трехсот операций в год, так что, хоть я, к счастью, не задействован в каждой, можешь представить.

Цифра потрясла Шарлен, хотя как журналистка она привыкла к потоку криминальных новостей.

— Неужели во Франции столько преступле-

ний?

— И это притом, что нас вызывают, когда ситуация становится критической. Мы не сидим без дела, нам вполне хватает одних только операций по задержанию особо опасных преступников, захвату заложников, не считая вооруженных безумцев и заключенных, которые выходят из-под контроля. Это я говорю только о спецназе. Кроме того, есть еще силы наблюдения, защиты… Спектр широкий.

— Неужто наш мир настолько плох?

Он пожал плечами:

— Не мне об этом говорить.

Шарлен вздохнула, немного подавленная. А он был в своей стихии. Удивительно расслабленный и спокойный.

— Ты с детства мечтал этим заниматься?

— Почти.

— Но как удается сочетать такую работу и семью? — спросила Шарлен, указывая на его обручальное кольцо.

Янис смущенно поморщился:

— Сложно.

— Прости. Я лезу напролом.

— Без проблем.

Повисла неловкая пауза, и Шарлен радикально

сменила тему:

— Ладно, объясни, почему ты уверен, что Кратос вновь пойдет на контакт?

— Посмотри на него. Что ты видишь?

— Мне повторить все, о чем мы уже говорили?

— Нет, только то, что ты видишь.

— Ну… Он прячется. Мы ничего о нем не знаем.

— И следовательно?

— Ну… он осторожный, параноик…

— Бронежилет поверх одежды, балаклава, маска…

— Это все много весит?

— В этом очень жарко.

Шарлен все еще не понимала, к чему клонит Янис, поэтому он объяснил:

— Два часа назад я попросил отключить кондиционер в студии.

— Умно. Он начнет потеть, захочет, чтобы мы включили вентиляцию, и тогда мы сможем возобновить разговор.

— Особенно если учесть, что ты раньше предложила оказать ему помощь и упомянула кондиционер, а тем самым посеяла зерно в его голове.

— Ты и вправду меня используешь.

— Нет, мы команда. Просто у тебя нет моей подготовки. Оно и к лучшему: Кратос тонко это

чувствует.

— Выходит, ты бросаешь меня на передовую, потому что он чувствует, что я не флик… помимо того, что делаешь меня «первым предохранителем» — я запомнила твое выражение.

— Извини, если оно режет слух. Да, ты остаешься на переговорах, потому что контакт между вами уже установлен, ты не жандарм, и это, похоже, его успокаивает. Ты сообразительная, и действительно, если понадобится, если он сорвется, я смогу тебя заменить, сказав, что у тебя нет полномочий получить то, что он требует, а у меня их больше и поэтому я беру руководство на себя.

— Чтобы на самом деле его запутать, в итоге сказать, что ты должен поговорить с начальством, и еще больше затянуть дело.

Янис улыбнулся, признавая поражение:

— Вот именно. Напоминаю, затяжные переговоры нередко работают на нас. Он устанет, потеряет решимость, станет восприимчивее к нашим словам, и мы, возможно, перевернем его сознание и заставим сдаться.

— Я удивлена, что в итоге мы так мало с ним говорим.

— Потому что он не хочет. Пока не хочет. Но потихоньку мы своего добьемся. И потом, слож-

ность общения с Кратосом состоит в том, что у нас нет никаких личных рычагов. Мы ничего о нем не знаем. Обычно я получаю информацию постепенно, от близких, коллег, семьи, врачей… Это позволяет мне понять человека, определить правильный подход, выбрать направление переговоров. Здесь у нас абсолютно ничего нет. Это ограничивает наши методы.

— Такое бывает редко?

— Когда абсолютно ничего не знаешь о противнике? Да, к счастью, редко. Такой тип захватчиков в масках, наряду с психами, — самые непредсказуемые, с той только разницей, что первые действуют по плану. И нам придется тянуть время, чтобы угадать его нутро, заставить его раскрыть карты. Слишком много параметров ускользает, и это для нас опасно.

Шарлен кивнула: все понятно. Потом спросила:

— Если бы для спасения жизни заложников пришлось заплатить выкуп, вы бы это сделали?

— Не я принимаю такие решения, это происходит на высшем уровне — на уровне министра или даже президента после совещания с советниками, включая нашего генерала, который проинформирован о ситуации на месте.

— Но если мы не сможем разблокировать эту ситуацию и выкуп станет единственным способом помешать ему убивать?

Янис поморщился:

— Мы заплатим, если это абсолютно необходимо. Но… — Его лицо помрачнело.

— Но что?

— Государство никогда не позволит преступнику уйти с выкупом. Никогда.

Шарлен поняла посыл.

— Нельзя создавать прецедент, это было бы катастрофой для Франции, — резюмировала она.

— Прежде всего это спровоцировало бы множество новых захватов заложников. Но государственные интересы всегда будут превыше всего, так что нет, Кратос не сможет уйти со своими деньгами. Ни под каким предлогом.

Шарлен поняла все, что под этим подразумевалось.

— Значит, нет никаких шансов, что все закончится хорошо?

Янис посмотрел ей прямо в глаза:

— Наша задача — сделать так, чтобы он не дошел до убийства, чтобы мы смогли заставить его сдаться.

— Иначе вы его нейтрализуете…

Шарлен кивнула, немного потрясенная грузом ответственности, который она только что взвалила себе на плечи. Теперь она должна выложиться по полной. Они снова принялись наблюдать за Кратосом, его жестами, выискивая малейшие признаки того, что ему становится жарко, и тут Дан воскликнул:

— О-го-го-го! Вы должны это увидеть! Марван, выведи нам «Франс-24» на монитор.

Режиссер набрал что-то на клавиатуре компьютера, затем на пульте, и на главном экране появился прямой эфир канала «Франс-24».

Парень лет двадцати, стоя на тротуаре, глубокой ночью, окруженный микрофонами и камерами, толкал речь.

— Поскольку ни государство, ни мультимиллиардная компания вроде «Медиаплекса» не хотят взять дело в свои руки и спасти жизни, мы решили взять его на себя, — страстно вещал он.

Следователь Франк пригладил усы и спросил ошеломленно:

— Что это за клоун?

Молодой человек повернулся лицом к камере, глядя прямо в объектив, и добавил:

— Мобилизуйтесь! Потому что все вместе мы сможем освободить Поля Даки-Феррана и его

семью.

35

Молодой человек с виду был похож на студента, изучающего политологию: аккуратно одетый, безупречный воротничок рубашки, пиджак, украшенный значком с переплетенными флагами Палестины и Израиля. «Франс-24» добавила подпись в кадре: «Краудфандинг для Поля Даки-Феррана».

Молодой человек обращался прямо в камеру:

— Мы не можем мириться с тем, чтобы во имя государственных интересов убили человека, и особенно потому, что акционеры-миллионеры отказываются раскошелиться и пожертвовать частицей своего состояния, спасая жизнь того, кто способствует их обогащению! Вот почему я запустил народный сбор средств — пусть каждый, кто хочет спасти этого человека, внесет, кто сколько сможет, и тогда мы предложим другое решение!

Франк в режиссерской вскочил:

— Что за херню несет этот идиот?

Несмотря на то что парня теснили толпа зевак и журналисты с камерами, стараясь поймать его

взгляд или слова, тот не останавливался:

— Пусть это будет всего один евро. Дайте, сколько можете, и мы вместе, во Франции и за ее пределами, везде, где жизнь ценится больше, чем равнодушие или насилие, соберем достаточно средств и освободим Поля Даки-Феррана. Я, Рафаэль Эмес, не скрываю своего лица, чтобы вы знали, кто я такой — гарант этого фонда. Я не прячусь. Именно я буду контролировать перевод денег, я буду представлять наше движение, и, если понадобится, я готов пойти на переговоры с тем, кто называет себя Кратосом!

Янис покачал головой.

— Только этого нам не хватало, — выдохнул он.

Дан подошел и поставил свой ноутбук на пульт перед переговорщиком и Шарлен.

— Он не врет, — объявил он. — Смотрите. Это страница краудфандинга, который он запустил. Все, что он только что рассказал по телевизору, написано здесь на французском, английском, испанском и китайском, а внизу упомянуто, что добавляются другие языки… Там даже есть два его видео, одно на французском, другое на английском, где все объясняется.

— Мы можем это использовать для перегово-

ров? — спросила Шарлен.

— Нет, — отрезал Янис, — ни в коем случае. Мы не контролируем ни эту… эту кампанию, ни их сайт, ни этого парня, и все это может обернуться против нас. Представь, что пацан начнет навязывать свои условия Кратосу, начнет творить все, что в голову взбредет! Честно говоря, Кратос ни в коем случае не должен об этом узнать, иначе этот парень может нас обойти! Кратос сосредоточится на краудфандинге, если решит, что может повлиять на размер сбора, что именно его речь тронула тех, кто жертвует деньги. Тогда он продолжит в этом направлении, а нас исключит из уравнения, поскольку в принципе не доверяет нам и понимает, что мы пытаемся выиграть время. Зачем вести переговоры с группой реагирования, когда народ может дать ему то, чего он хочет, причем безо всяких условий?

— И государство лишится своей законной власти, — догадалась вслух Шарлен.

Франк сказал с раздражением:

— Я позвоню, узнаю, как заставить его закрыть страницу!

Капитан Остен жестом показал, что уже на связи.

— Передаю информацию генералу Люксею,

чтобы этим занялись в правительстве.

Шарлен вскочила и направилась прямо к Ирен Хачатурян.

— Не передавайте эту информацию на канал, — приказала она.

— Теперь вы уже претендуете на мое место?

— Кратос связан с внешним миром только через два гаджета — айпад с видеотрансляцией от его сообщников из Булони и телефон, по которому мы с ним говорим, — сказала Шарлен. — Если вы не пустите на экран информационную строку и ваши комментаторы в студии заткнутся, Кратос не сможет узнать об этом внешнем финансировании.

Ирен испепеляла ее взглядом через толстые стекла очков.

— Если он узнает, — предупредила Шарлен, — он может перестать с нами общаться и сделает все, чтобы его копилка наполнялась.

— Ваши друзья-флики быстро все прекратят.

— Но Кратос узнает, что есть публика, готовая за него платить! Он может изменить стратегию! — Шарлен решила пойти ва-банк. — Если он нас проигнорирует, значит мы больше не сможем говорить с ним напрямую. Только скажите, что мы сейчас не на пике наших рейтингов!

Ирен довольно усмехнулась:

— Теперь я вижу Шарлен, которую знаю. Хорошо, я передам указание.

Возвращаясь к своей группе, Шарлен тихо шепнула Дану:

— Послушай, что там говорят наши комментаторы, я ей не доверяю.

Заместитель главного редактора кивнул.

Родрик, глядя в экран своего компьютера, объявил:

— Это уже транслируется по всему миру. Все каналы показывают видеофрагменты со страницы краудфандинга.

— И деньги поступают в кассу? — спросил Дан.

— Там… Черт. Там уже больше трехсот тысяч евро!

Шарлен стояла перед стеной экранов режиссерской.

— Мировые СМИ не могут проигнорировать такое грандиозное событие. Круглосуточные новостные каналы должны ретранслировать нас в прямом эфире без перерыва. Сколько людей прямо сейчас смотрят нас по всему миру? Сто миллионов?

— Захват заложников в прямом эфире? Запросто сто миллионов, — подтвердил Родрик. — А

возможно, раза в три или четыре больше.

— Вы серьезно? — спросил Франк.

Родрик объяснил:

— Финал популярного спортивного соревнования может собрать до полутора миллиардов зрителей. Это обычная аудитория финала чемпионата мира по футболу. Миллиард пятьсот миллионов мужчин и женщин перед телевизором, — пояснил он, чтобы точно дошло. — Представляете?

— Не очень, нет. У меня дома нет телевизора…

— Свадьбу Кейт и Уильяма смотрели два миллиарда человек! — крикнул Марван с первого ряда. — И церемонию открытия Олимпиады столько же.

— Так что захват заложников, снятый крупным планом, — подчеркнул Дан, — возможность увидеть смерть в прямом эфире, дикое напряжение страстей… Да, я думаю, с нашими жалкими ста миллионами мы весьма далеки от реальной цифры. Она намного больше. Пятьсот миллионов, легко!

Шарлен кивнула:

— Если даже меньше десяти процентов населения планеты дадут по одному евро, выкуп Кратоса будет полностью собран.

Франк замахал руками:

— Нет, нужно закрыть страницу этого фигляра. Иначе мы перестанем существовать в глазах захватчика.

Остен подтвердил:

— Из Матиньона уже дали приказ остановить финансирование. Они его заблокируют.

— Власть народа… — съязвил Янис.

— Когда мобилизуются массы, — ответила Шарлен. — В конце концов, Кратос был прав.

— Не знаю, успокаивает ли это меня или тревожит, — сказал Дан.

— Только вместо того, чтобы ответить ему насилием, они выбрали другой путь. Я на самом деле нахожу этот жест… красивым, — сказала Шарлен.

— Это оправдывает его преступления, — возмутился Дан.

— Это предлагает другой выход, — парировала Шарлен.

Янис встал:

— Только этот выход выводит из игры нас, поэтому мы его отменяем.

Шарлен изучала Кратоса на мониторах.

— Он не должен узнать, — сказала она.

Кратос как раз поднялся, чтобы размять ноги.

Он держал оружие при себе, но больше не целился в измученного Поля, который потирал виски. Шарлен задумалась, достаточно ли этого, чтобы спецназ рискнул вмешаться, и вспомнила, что идет прямой эфир и ничего такого все равно не произойдет. Не сейчас.

Кратос медленно расхаживал взад-вперед за спиной Поля.

Должны же наконец сказаться долгие часы ожидания. Он приехал в пять утра, — конечно, он мог спокойно ждать весь день, но все равно испытывал стресс и напряжение, боясь, что его обнаружат. Прошло почти четыре с половиной часа с его появления в студии. Целая вечность в таких обстоятельствах.

Внезапно Кратос вернулся к столу и схватил пластиковую коробочку с таблетками, которую бросил туда в начале, поколебался, затем положил оружие и стал открывать ее обеими руками в перчатках.

Шарлен сразу же постаралась перехватить взгляд Поля и поняла, что ведущий видит то же самое: его зрачки были прикованы к пистолету.

Нет, Поль, не надо, только не это.

Искушение, надо думать, было огромным. Броситься вперед, оттолкнуть Кратоса, схватить

ствол и положить конец кошмару.

Сдержись, не глупи, умоляю…

Кратос был очень крупным, явно склонным к насилию, он может запросто побороть Поля, сломать ему руку, и что тогда сделают снайперы, скрытые наверху, в темноте антресолей, за стеклянной стеной? Если они выстрелят…

Поль смотрел на то, что держал в руке под повязкой, примотанной скотчем к ладони. Он выглядел встревоженным. Все уже перестали гадать, что же это такое, априори полагая, что это взрывное устройство, и по тому, как Поль прикусил губу, рассматривая свою руку, словно осторожно, с тревогой взвешивая ее взглядом, сомнений почти не осталось.

Потом он взглянул на оружие, затем устремил взор на повязку и на айпад.

Анисса и Миа…

Разумеется, он не мог так рисковать, когда под угрозой жизни его жены и дочери: ведь их похитители почти наверняка тоже следят за прямым эфиром канала. Поль откинулся на спинку стула: он сдался.

Шарлен перевела дух.

Кратос просунул таблетку (невозможно было различить, какую именно) под маску и, погру-

женный в свои мысли, снова взял пистолет и продолжил расхаживать за спиной Поля.

И в тот момент, когда Кратос повернулся к нему спиной, Поль наклонился над столом и протянул руку.

— Что за фигня? — выдохнул майор Натэ.

На глазах у всех, кроме Кратоса, Поль сделал жест, который никто не смог сразу интерпретировать. Если бы они поняли, что он собирается делать, то, без сомнения, попытались бы его отговорить.

36

Поль Даки-Ферран осторожно изменил направление двух встроенных в стол микрофонов фирмы «Schoeps», чтобы они правильно улавливали звук. После чего тут же сел и бросил взгляд на бандану, примотанную к его правой ладони. Казалось, он испытал облегчение.

По тому, как он выпрямился, поправил пиджак, оттянув его вниз, естественным жестом пригладил волосы, Шарлен почувствовала, что он снова становится ведущим, а не жертвой.

— Что он задумал? — удивился Родрик.

— Он собирается говорить, — объявила Шарлен.

Янис покачал головой:

— Плохая затея, очень плохая! У тебя есть способ его остановить?

— Увы, никакого. Наушник у Кратоса, а если я объявлю по громкой связи, меня услышат все в студии.

Поль сделал привычный жест. Перед выходом в эфир он слегка откидывал голову назад, выдыхал через нос, чтобы сбросить напряжение, и надевал

профессиональную улыбку любимого ведущего Франции. Но впервые за два года работы Шарлен увидела, что это не сработало. У него получилась натянутая улыбка измученного, взвинченного человека.

— Начинается, — предсказала Шарлен.

Поль повернулся на высоком стуле, чтобы одновременно быть в кадре и видеть Кратоса.

— У вас получилось, — произнес он.

— Замолчите!

Но Поль упорствовал:

— Вся Франция сейчас наверняка не спит и следит за нами. И за границей тоже…

— Я сказал: замолчите!

— И что? Вы меня убьете? Я ваш главный товар, я причина, по которой вы еще живы, без меня вы ничего не получите! Без меня вы труп.

Кратос застыл в двух метрах от него.

В режиссерской возмущался майор Натэ:

— Что затеял ваш парень?

Янис был не менее встревожен.

— Он напоминает ему о своей ценности, — сказал он. — Перемещается в центр шахматной доски.

Шарлен знала, что это плохая тактика, что он снова будет внушать Кратосу мысль о том, что

не он здесь главный. Придется начинать с нуля, чтобы медленно заставить его в этом усомниться. Но это возможно только позже, через несколько часов, а вот этого времени у них теперь и не было: до рассвета оставалось меньше восьми часов.

— Я ваш главный козырь, — настаивал Поль, — и я на вашей стороне. Во-первых, потому, что у меня нет выбора. — Он указал на айпад, транслирующий вид его собственной кухни, и на повязку, закрывающую его обмотанную скотчем руку. — А во-вторых, потому, что в моих интересах найти мирное решение, чтобы выбраться отсюда. Если дело дойдет до перестрелки, вполне вероятно, я получу пулю в лоб. Учитывая все это, вы поймете, что я в вашей команде.

Янис обратился к режиссерской, особенно к Шарлен, Родрику и Дану:

— Он пытается передать вам скрытое сообщение? В том, что он говорит, есть какая-то фраза, понятная только вам, код или жест, то, чего он обычно не делает в прямом эфире?

Все трое покачали головой: они не заметили ничего необычного.

— Будьте внимательны, — настаивал он. — Возможно, это манипуляция и он пытается что-то нам сказать.

Поль продолжал, а Кратос молча слушал.

— Предлагаю вам сделку. Вы остаетесь бдительным, сосредоточенным на своей… *безопасности*. А мне тем временем позволяете вести переговоры с властями.

Родрик, знавший Поля как облупленного, покачал головой:

— У него нет никакого послания для нас. Он делает это для эфира. Медийное животное взяло верх.

— Он что, самоубийца? — возмутился Франк.

— Нет, это просто… в его натуре. Он должен привлекать внимание. И вот… Он осознал, что весь мир сейчас следит за его реакциями. Так что он разыгрывает шоу.

Янис окликнул Шарлен:

— Это плохо кончится. Останови его!

— Я не могу! Даже если мы отключим трансляцию их микрофонов, Поль этого не узнает, он продолжит, думая, что находится в эфире, поскольку не слышит обратной связи!

А Поль защищал свою позицию:

— Флики, с которыми вы говорите, имеют только одно намерение: манипулировать вами. Позвольте мне отныне вести с ними переговоры. Я привык дискутировать, слушать и преподно-

сить факты в выгодном свете — думаю, я смогу помочь нам обоим.

— Нет, ни в коем случае, — разозлился Янис. — Нам нужна прямая связь с Кратосом, а не с ним!

Капитан Остен и его зам слушали, скрестив руки на груди, подавленные, как и все остальные.

— Никудышная стратегия, — прокомментировал Натэ.

— Он пытается спасти свою шкуру! — парировала возмущенная Шарлен. — И свою семью! Да, Поль — медийное животное, но он пытается делать все, что может, пользуясь тем, что умеет лучше всего!

— И лишает нас единственного рычага, который вытащит его без применения силы, — резюмировал Янис.

К Полю понемногу возвращался апломб. Он втолковывал свою мысль Кратосу, и тот, как ни странно, молчал.

— Флики хотят, чтобы вы проиграли. Мне же выгодно, чтобы вы получили то, чего хотите, чтобы спасти… моих близких.

— Я уже озвучил свои условия. Все под контролем.

— Неужели вы думаете, что они согласятся вам заплатить? Только ради меня? Вы воображаете,

что французское государство уступит шантажу? У меня для вас есть новость: этого не произойдет. Они скорее предпочтут, чтобы меня убили, чем капитуляцию.

— Не перед миллионами зрителей.

— Именно поэтому! Если бы вы вели переговоры втихую, скрытно, чтобы никто ничего не знал, чтобы все решилось втайне между вами и правительством, возможно, они бы уступили, но сейчас вы их публично унижаете! Перед телезрителями всего мира! Они ни за что этого не потерпят!

Кратос подошел ближе и направил пистолет прямо Полю в голову:

— Государство или «Медиаплекс» не могут сказать всем этим людям, что предпочтут увидеть вас убитым.

Поль проявил смелость, выдержал угрозу и кивнул:

— Они пойдут на это не колеблясь.

— Они заплатят! — выкрикнул Кратос, теряя самообладание.

В режиссерской все напряглись. Остен по рации подготовил своих людей к вмешательству на случай, если вдруг Кратос перейдет к действию. Натэ подошел к Ирен, прожигая ее взглядом.

— Вы знаете мою позицию и позицию кана-

ла, — заявила она ему. — Мы не прервем прямой эфир. Это наша свобода выражения, это наша обязанность — распространять информацию. Это наш долг перед Полем.

— Сука, — прошептала Шарлен сквозь зубы.

Противостояние под софитами становилось все напряженнее.

— Но у меня есть для вас решение, — сообщил Поль. — Существует иной способ получить выкуп.

Все с замиранием сердца слушали его слова, гадая, к чему он клонит.

— Говори.

— Позвольте мне вести переговоры, и я добуду вам эти деньги.

— У тебя нет таких средств. Мы навели справки — у тебя и близко нет такой суммы.

— Но я знаю, кто мог бы заплатить.

В режиссерской Остен сделал знак Натэ подождать с началом штурма. Кратос все еще угрожал Полю пистолетом. Затем рука с оружием внезапно опустилась.

Поль побеждал.

— Кто?

— Те, кто нас смотрит, — сказал Поль.

Родрик закрыл лицо руками.

— Подлец! Он знает! — сказал он. — Он знает о краудфандинге!

И поскольку Поль был полностью изолирован в студии, это могло означать только одно. Он все предусмотрел заранее.

37

Даже после полуночи проехать по Парижу на машине было настоящим мучением. Без мигалки Сеньон бы сдался и вернулся в башню «Медиаплекса».

Но он хотел посмотреть квартиру Лорен.

Криминалисты уже провели там «уборку», взяв все возможные и невозможные пробы в надежде найти фрагмент ДНК или отпечатки напавшего на Лорен Делакуа. Идентификация Кратоса стала абсолютным приоритетом. Вести долгие переговоры, не имея максимально подробного профиля этого человека, было невыносимо. Ключ к этой кошмарной ночи скрывался в уликах, которые он должен был так или иначе оставить, — по крайней мере, на это надеялись жандармы.

Лорен жила в Тринадцатом округе, в начале улицы Вюльпиан, в тихом уголке столицы. Двое жандармов в форме разговаривали у подъезда, глядя через витрину затрапезного бара-ресторана на то, что происходит на канале «МД1», — оба телевизора заведения транслировали прямой эфир для припозднившихся клиентов.

— Второй этаж, — указал бригадир Сеньону и Магали, увидев их удостоверения. — Там еще работают наши ребята.

На площадке другой жандарм готовился опечатывать квартиру, а еще один проверял, плотно ли закрыты окна.

— Позвольте взглянуть, — сказал Сеньон тоном, не терпящим возражений.

Лорен Делакуа жила одна в двушке, которой не помешал бы ремонт, но стеллажи с книгами и журналами успешно маскировали пожелтевшие стены. Несколько винтажных постеров украшали гостиную: Дженис Джоплин, Вашти Баньян, *Funkadelic*…[28] Во всем была видна страсть Лорен к мандалам — пледы, подставки на журнальном столике, занавеска на двери и даже раскраска барной стойки в кухне, соединенной с гостиной.

Криминалисты, пресловутые «белые кролики», оставили после себя следы. Самым заметным

---

[28] Сноски: 28

Дженис Джоплин (1943–1970) — американская рок-певица 1960-х годов, известная хриплым голосом и эмоциональным исполнением блюза и рока. *Вашти Баньян* (р. 1945) — британская фолк-певица, чей первый и долгое время единственный альбом 1970 года «Just Another Diamond Day» стал культовым после переиздания в 2000-м, после чего она снова начала концертировать и записываться после тридцатилетнего перерыва. *Funkadelic* (1968–1982) — американская фанк-рок-группа, одни из тех, кто популяризовал фанк в 1970-х, прославились яркими костюмами и необычным звучанием. Все перечисленные выдают в Лорен Делакуа поклонницу психоделического рока периода его подъема.

был черный порошок для снятия отпечатков, но желтые ленты, запрещающие пользоваться раковиной, говорили о том, что они прихватили и сифон, и часть труб для лабораторного анализа. Под стулом валялся пустой пакет для сбора улик.

Магали сразу вычислила, к какому радиатору привязывали Лорен, — старая чугунная батарея весом минимум килограммов сто пятьдесят. Белую краску на одном из толстых ребер испещрили многочисленные царапины.

— Известно, где он ее изувечил? — спросила она.

— Криминалисты нашли полотенце со свежей кровью в корзине для грязного белья. Забрали с собой. В остальном нигде ничего. Он работал чисто.

Сеньон пошел осматривать спальню, затем ванную.

Они провели полчаса, проникаясь атмосферой места, но ушли, не найдя ничего интересного для следствия. Они не ждали чуда и тем более сверхъестественного озарения, как в сериалах или детективных фильмах, — просто хотелось прочувствовать обстановку, визуализировать сцену. Им было важно представить себе общую картину.

Магали окликнула одного из жандармов у входа:

— Вы не заметили, есть тут поблизости банк?

Сеньон знал, что именно она ищет. Камеры, которые могли бы снимать улицу.

— Нет, но на площади есть коллеж — прямо там, напротив.

Здание в начале улицы выходило также на площадь Клода Бурде — переплетение мощеных проездов, ограждений против недозволенной парковки и высоких буков, обрамляющих административное здание — тот самый коллеж.

Два следователя перешли площадь, задрав голову. В Париже более четырех тысяч камер видеонаблюдения на главных магистралях и на объектах повышенного внимания, включая все школы.

— Там! — указала Магали на фонарный столб.

На середине высоты мачты кронштейн с темной камерой надзирал за всей площадью. Камера была незаметной, особенно ночью, и, чтобы обнаружить ее, нужно было хорошенько приглядеться. Идеально. Если повезет, она могла охватить весь сектор, включая начало улицы Вюльпиан.

— Надеюсь, тебе не надоело кататься на ма-

шине, — предупредил Сеньон, — потому что мы едем в контору по контролю за общественным порядком и дорожным движением.

— Звоню генералу Брюно, чтобы нам открыли двери.

Если все сложится удачно, они скоро увидят Кратоса не только на телеэкране.

Огромный зал напоминал мостик корабля «Энтерпрайз» из «Звездного пути»[29], только намного больше. Гигантская стена с экранами всех размеров не оставляла сомнений в характере деятельности этого учреждения. Десятки и сотни кадров с видами Парижа в реальном времени беспорядочно сменяли друг друга, пока не подключался кто-то из многочисленных дежурных офицеров и не выбирал нужные камеры. Напротив стояло несколько рядов столов с компьютерами для управления системой.

Это был ЦИК — центр информации и управления при префектуре полиции Парижа. Отсюда велось тщательное наблюдение за всем городом — ценное сотрудничество между тысячами глаз и командами на местах.

---

[29] Сноски: 29

«Звездный путь» («Star Trek», с 1966) — культовый американский научно-фантастический сериал; действие происходит в будущем, где человечество исследует космос на звездолете «Энтерпрайз».

К Магали и Сеньону сразу приставили дежурного инспектора. Молодая женщина прокручивала записи с площади Клода Бурде на своем мониторе.

— Воскресенье вечером, вы сказали.

— Около восьми вечера, — уточнил Сеньон. — Начните с половины восьмого.

Точка съемки на площади Клода Бурде располагала двумя камерами под куполом, охватывая почти все направления, и на одном из них была прекрасно видна улица Вюльпиан. *Хорошее начало*, подумал Сеньон.

У молодой женщины были очень длинные наращенные косы, доходившие до талии, и челка, частично закрывавшая лицо. Сеньон гадал, как она вообще что-то различает на экране, но она так ловко прокручивала изображения на ускоренной перемотке, что жандарм едва поспевал следить за экраном.

— Вот, курьер звонит в дверь подъезда. Таймкод 19:57, — сказала она.

Человек был довольно высокий, широкоплечий, в толстовке с надвинутым поверх кепки капюшоном, за плечами рюкзак, лица различить невозможно. Курьер держал перед собой коробку от «Амазона». Сеньон и Магали знали, что в

рюкзаке находится все его снаряжение: оружие, стяжки, мочеприемник… Он наклонился к домофону, но камера была слишком удалена, и ночное уличное освещение недостаточно мощное, чтобы выявить детали. Затем курьер вошел в здание и исчез.

— Можете приблизить? — спросила Магали.

— Да, но он очень далеко, четко не получится.

Оператор перемотала назад и максимально увеличила фигуру курьера. Картинка становилась все хуже и размытее.

— Искусственный интеллект может улучшить изображение? — спросила Магали.

Сеньон скривился:

— Не уверен, что это поможет. Он ни разу не поднял голову. Послушайте, давайте вернемся назад, чтобы понять, откуда он появился.

Полицейская тут же выполнила команду.

— А коробку, которую он принес, нашли? — спросила Магали.

— Нет. Он забрал ее с собой. Машина жертвы стояла на парковке внизу, но там въезд с другой улицы, изображений не будет. Так что ставим все на его прибытие.

Зазвонил телефон Сеньона, и он ответил, увидев имя Филиппа Николя. Это был координатор

экспертов-криминалистов, отвечавший за связь между лабораторией и следователями. Мост между двумя мирами.

— Привет, красавчик, — сразу начал криминалист. — Ну что, ты все еще загорелее меня?

Филипп Николя был еще тот персонаж — скрывающий свой возраст стареющий щеголь с набриолиненными волосами, в цветистых нарядах, никак не сочетавшихся со временем года, любивший демонстрировать свой загар из солярия и удушливый парфюм.

— У тебя что-то есть для меня? — спросил Сеньон.

— Я в лабораториях, в Понтуазе. Они подняли всех на ноги ради вас.

— Выкладывай, Фил.

— Никакой ДНК на стяжках.

— Черт.

— Их обработали хлоркой или чем-то похожим.

— Отпечатки в квартире?

— Сотни, пока сортируем, убираем отпечатки девушки…

— Лорен.

— Как скажешь. И прогоняем остальные через базу, но ничего не выпадает. Парень был в пер-

чатках и вряд ли их снимал. Проверим трубы раковин тампоном на ДНК, вдруг он пил и сплевывал, но надежды мало.

— А кровь на полотенце?

— Та же группа, что у девушки, жду подтверждения ДНК. Но парень осторожен, чуда не жди, вряд ли что-то выскочит.

— Значит, у нас ни хрена нет.

— Я этого не говорил.

Сеньон выпрямился.

— В мусорном ведре была коробка.

— Мочеприемник, мужская модель, знаю, мне сказал Гюс.

Гюстав Менье был одним из криминалистов, близких к Сеньону. Очень добросовестный, лучший, он искал там, куда никто вообще не догадывался сунуть нос. Немного странный тип — он коллекционировал миниатюрные фигурки, которые часами раскрашивал, прежде чем поставить на полку.

— Да, но не только. Там был еще пластик от препаратов, которыми он обработал рану девушки.

— Отрезанный палец. Лорен. На нем отпечатки?

— Не-а. Тут тоже все хорошо подчищено. Но это стандартный набор, аптечка первой помощи,

и сквозь полупрозрачное дно просматривается серийный номер. Мы его только что отследили.

— У тебя есть аптека, где его продали? — осторожно допытывался Сеньон, доставая блокнот и готовясь записать адрес, хотя подозревал, что всплывет имя Лорен Делакуа, поскольку Кратос мог найти аптечку у нее дома.

— Бери выше. Такие наборы распределяли в пенитенциарную администрацию, для их медпунктов.

Аптечка принадлежала не Лорен, а Кратосу. Значит, он ее принес. *Конечно. Я идиот. Он все предусматривает! Никакой случайности. Он знал, что собирается сделать с Лорен, знал, что не станет ее убивать. Он хотел оказать ей первую помощь.* Парень жестокий и решительный, но не монстр.

Филипп Николя добавил, гордый собой:

— И представь, мы их растормошили, потребовали, чтобы они нашли кого-то среди ночи, а ты не хуже моего знаешь, что добыть информацию в администрации в полночь — это кошмар…

— Фил!

— Какой ты нетерпеливый. А я думал, антильцы не торопыги…

— Я не с Антильских островов, и держи свои

дерьмовые стереотипы при себе, Фил.

— О'ке-ей, ты прав, признаю. Это возраст, приятель, растворяются мозговые ткани, это ужасно…

— Блин, Фил!

— Партия, в которую входил этот набор, была отправлена во «Флёри-Мерожи».

— У тебя есть дата?

— Два года назад, в апреле. Точной даты нет.

— Молодцы, ребята.

— Пока все. Буду держать в курсе.

Сеньон повесил трубку, но не успел поделиться с Магали: та отсматривала кадры прибытия курьера на улицу.

— Нам повезло, его здесь высадили, — сказала она. — Вот, в 19:54.

Видео показывало «БМВ X5 СУВ», довольно старая модель, серая или черная (с таким качеством изображения и на расстоянии точно сказать невозможно), которая остановилась чуть выше по улице Вюльпиан. Задняя левая дверь открылась, и курьер вышел. Он двинулся прямо к дому Лорен, а внедорожник выехал из кадра.

— Вернитесь назад, — сказала Магали. — Вот тут, приблизьте машину.

На переднем сиденье были видны две фигуры. Каскетки, солнечные очки, несмотря на насту-

пившую ночь, и шарфы в основном скрывали их лица, а видео посредственного качества не позволяло идентифицировать их на таком расстоянии.

— Это мужчины, я бы сказал, — проанализировал Сеньон. — Белые или арабы.

Магали постучала ногтем по монитору.

— У нас есть номер!

Регистрационный номер был виден достаточно отчетливо для точного воспроизведения.

— Это наверняка угнанная тачка, — проворчал Сеньон.

— Но мы пробьем номер по всем камерам, всем платным дорогам, парковкам, заправкам, пока не восстановим все маршруты с момента угона.

Сеньон одобрил. Неплохо для начала.

— А что тебе сказали? — спросила Маг.

— Кратос или один из его сообщников сидел в тюрьме два года назад или меньше. — Сеньон встал: ноги затекли, и он больше не мог усидеть на месте. — Кольцо сжимается, — прибавил он.

38

В режиссерской воцарилась паника.

— Что это значит? — удивился Филипп Роже, сидевший особняком в третьем ряду.

— Что это он сам организовал финансирование! — воскликнул Родрик с ошеломленным видом.

— Да нет же, это тот парень, Рафаэль Эмес или как там его, — напомнил Дан.

— Тогда откуда Поль об этом знает? — спросил Родрик. — Он же полностью отключен от внешнего мира!

— Увидел в телефоне, — сказал Дан.

— Нет, Кратос отобрал телефон, когда пришел в студию. Я вам говорю, у Поля нет никакой связи, и все же он знает о всеобщем сборе средств. Понимаете, что это означает?

Дан не мог поверить:

— Это нереально. Поль не мог сам такое организовать… Нет. Уж точно не изнутри…

И действительно, на площадке Поль, чувствуя, что зацепил Кратоса, развивал свою мысль:

— Если вы не можете заставить государство или

медиагруппу заплатить, вы можете обратиться к тем, кто сделает это *добровольно*.

Янис указал на свой микрофон с наушниками:

— Заставь Поля замолчать. Не важно как, пусть даже по громкой связи!

— Тогда я полностью лишусь доверия Кратоса, — сказала Шарлен.

— Если он узнает о финансировании, мы потеряем все. Мы ему больше не понадобимся, это конец.

Его глаза горели яростной решимостью.

Шарлен тяжело вздохнула.

Она поднесла микрофон ко рту и положила палец на кнопку общей связи, собираясь включить этот канал, чтобы ее услышали все.

Но вдруг замерла.

— Бегущая строка агентства «Франс-пресс»! — воскликнула она. — Поль увидел ее на экране!

Она бросилась к своему компьютеру, вышла на разноцветные бегущие строки «Франс-пресс», пробежала по ним глазами и, ткнув пальцем, прочитала вслух:

— «Студент запускает краудфандинг для оплаты выкупа Поля Даки-Феррана…» Вот оно!

Но Поль уже собирался выложить все. Они опоздали.

Внезапно студию заполнил резкий свист из динамиков. Поль вздрогнул, а Кратос отступил, потом схватил оружие, озираясь, и приставил его к виску ведущего.

— Извините! — сказал с довольным видом звукорежиссер Боб, показывая, что сделал это специально, чтобы дать Шарлен немного времени.

Она объяснила Янису:

— В стол прямо перед Полем встроены три экрана. Обратная связь студии, его тексты и прямые сводки «Франс-пресс». Никто их не отключил, значит он видит, как они появляются одна за другой с начала вечера. Он прочитал эту новость и узнал о сборе выкупа!

Переговорщик лихорадочно думал. Затем спросил:

— Ты можешь изменить эти сводки?

— Да, они проходят через нашу программу.

Поняв его замысел, Шарлен сорвала наушники, бросилась дальше по ряду к другому пульту, выдвинула ящик с клавиатурой и принялась печатать со скоростью стенографистки.

— Нужно привлечь его взгляд к экрану, — уточнила она.

Янис тем временем следил за происходящим в студии. Кратос ждал, держа Поля под прицелом.

Он как будто понял, что это технический сбой. Своим гортанным голосом он потребовал, чтобы Поль продолжал:

— Объясни.

— Это просто фидбэк. В режиссерской нажали не ту кнопку.

— Про деньги. Что за история с волонтерами, готовыми платить?

Шарлен подняла глаза на стену мониторов. К счастью, экран сводок «Франс-пресс» был за спиной Кратоса. Девушка нажала клавишу.

Экран замигал красным. Это был секретный код для привлечения внимания Поля на случай, если во время эфира происходило что-то срочное и по какой-то причине его наушник не работал. Такого никогда не случалось, им ни разу не пришлось этим воспользоваться, поэтому Шарлен не была уверена, что Поль об этом помнит.

Но на камере 5 она заметила, что он посмотрел на экран.

— Э… это все те, кто… — забормотал он.

Поль пытался прочитать последнюю строку, появившуюся на экране «Франс-пресс».

Шарлен напечатала: «Не говори ему о краудфандинге!»

Теперь он подбирал слова.

— Те, кто… платит налоги, — сказал он. — Избиратели, граждане, у них есть власть голоса. К ним нужно обратиться, чтобы они давили на правительство с требованием заплатить, иначе они больше не будут за них голосовать!

— Молодец, Поль, — прошептала Шарлен.

— Неубедительно, но может сработать, — прокомментировал Дан.

Кратос возвышался над Полем.

— Если он пошевелится, то увидит экран! — встревожился Родрик. — Шарли, убери мигание!

Прежде чем Кратос обернулся, в последнюю секунду она успела удалить сообщение.

Янис наклонился к Шарлен:

— Теперь скажи ему, чтобы он не пытался вести переговоры. Пусть оставит это нам.

— Непросто, там мелкий шрифт. Не уверена, что Поль сможет прочесть, не наклонившись, а это привлечет внимание Кратоса к экрану, он может заметить. Главное — чтобы он снова повернулся спиной.

Дан массировал покрытые татуировками предплечья — он всегда так делал, когда о чем-то напряженно думал.

— Телесуфлеры, — сказал он. — Можем использовать их для связи с Полем.

— Эти штуки, которые показывают текст перед камерами? — спросил Франк. — Они повсюду, Кратос заметит!

— Нет, можем изолировать боковые. Главный суфлер перед камерой, но остальные — плоские экраны над ними! Они достаточно далеко, и с такого расстояния не видно, что Поль смотрит не прямо в камеру. Мы можем написать что угодно на любом из них.

Шарлен, знавшая студию наизусть, внимательно изучила положение Кратоса и объявила:

— Камера три точно у него за спиной.

— Это не та, в которую он стрелял? — заметил Янис.

— Да, но, как только что объяснил Дан, суфлер расположен над ней, поэтому он, кажется, не пострадал.

Поль тем временем боролся изо всех сил:

— Может быть, если вы призовете публику мобилизоваться в соцсетях и выразить возмущение, это дестабилизирует правительство, которое…

— Это и есть твоя блестящая идея, гений?

Несмотря на синтезатор, в голосе Кратоса послышалось разочарование.

Шарлен переместилась в третий ряд. Она чувствовала острую боль в правом боку, где был

ушиб. Она не привыкла работать на этом уровне режиссерской — пришлось искать нужный пульт. Вернувшись к клавиатуре, она напечатала: «Поль, не веди переговоры. Предоставь это нам. Шарли».

Ее палец завис над клавишей отправки: она следила за положением ведущего и особенно Кратоса.

— Он повернулся спиной, давай! — скомандовал Дан.

Она отправила сообщение. Но Поль не отреагировал. Он продолжал разглагольствовать:

— В этом я могу вам помочь. Если переговоры с фликами буду вести я, вы…

— Черт. Он не видит!

— Хорошо, ты будешь с ними говорить, — объявил Кратос.

Все пропало. Все в режиссерской понурились. Янис удрученно покачал головой.

В этот момент Кратос резко развернулся, и Шарлен мгновенно нажала кнопку, чтобы убрать текст с суфлера прежде, чем он заметит.

Кратос начал медленно расхаживать взад и вперед, размышляя. Поль ответил ему:

— Конечно, это подразумевает, что вы мне доверяете. Потому что наушник только один, и он

мне понадобится.

Шарлен выпрямилась.

— Он видел, — сказала она. — Он видел сообщение!

— С чего вы… — начал Филипп Роже.

Кратос снова повернулся к Полю:

— Чтобы они давали вам указания, а я не слышал? Исключено.

Умно, отметил Янис.

— Шарли, думаю, сейчас самое время с ним поговорить.

39

Янис потратил двадцать минут, чтобы наметить с Шарлен этапы переговоров, как он их себе представлял. Обсудили различные темы, к которым она могла бы подтолкнуть Кратоса, как вести диалог и какие поставить цели. Вскоре предстояло вступить с ним в контакт, поскольку сам он на них так и не вышел.

Шарлен не могла утверждать, что чувствует себя уверенно, но, по крайней мере, была хоть как-то подготовлена.

Оставалась одна — и немаловажная — проблема.

Янис, который довольно легко читал ее мысли, забеспокоился:

— Что-то не так?

Шарлен наблюдала за Ирен Хачатурян, которая сидела сзади и со строгим заговорщическим видом надзирала за режиссерской.

— Понимаю, — сказал Янис. — Пойдемте, пора разобраться.

Они прошли к третьему ряду небольшого амфитеатра. Почувствовав их приближение, Ирен

развернулась в кресле, откинулась назад, сложив руки на животе, и встретила их хорошо выверенной, почти игривой улыбкой.

— Мы собираемся снова попытаться с ним поговорить, — предупредил переговорщик.

— Прекрасно, а я не решалась вам это предложить. Наши аналитики ходят по кругу.

— Я попрошу вас не транслировать разговор. Изображение пусть передают, у нас нет выбора, так требует Кратос, но звук можно отключить.

— Ну нет, уверяю вас, что для миллионов людей, которые, изо всех сил борясь со сном, смотрят наш канал, это необходимо.

— Думаю, вы не совсем понимаете, мадам. Группа вмешательства национальной жандармерии убедительно просит вас не транслировать переговоры.

Ирен улыбнулась еще шире, и от этой улыбки повеяло чем-то зловещим.

— А вы не понимаете, что именно происходит. Давайте, звоните своему генералу, скажите, что строптивый канал «МД1» отказывается вам подчиняться. Знаете, что он сделает? Ни-че-го. Потому что Амели де Кастельнак договорилась, что наша группа сохраняет право на свободу информации.

Шарлен разгадала маневр и произнесла вслух:

— Она сообщила государству, что «Медиаплекс» сможет выплатить выкуп, если до этого дойдет, правда?

— Весьма возможно.

— Тогда выигрывают все. Государство сможет отмежеваться, утверждая, что это не решение правительства и не государственные деньги, а канал «МД1» взамен сможет делать, что захочет.

Ирен указала Янису на Шарлен:

— Видите, мы нанимаем только лучших.

— Это мерзко! — выкрикнула Шарлен.

— Нет, это умно. Как ты сама только что сказала: выигрывают все.

— Кроме Поля, его семьи и заложников.

— Они герои реального сериала на планетовидении! Поль будет в восторге от своей роли! Он станет международной звездой.

— Если выживет, а его жена и дочь не пострадают…

— Не стоит драматизировать. Этот… Кратос не убийца, это видно, я это чувствую. И нас защищает спецназ. Что может случиться?

Янис был потрясен ее цинизмом. Ирен наклонилась к Шарлен:

— Шарли, давай не ссориться. Вот что я тебе

предлагаю: ты делаешь все возможное сегодня ночью, мы прекращаем эту бесполезную войнушку, и со следующей недели ты занимаешь место Родрика. Серьезный карьерный скачок для тебя.

Она ткнула указательным пальцем с чересчур длинным лакированным ногтем в сторону невысокого мужчины в первом ряду, в расстегнутом жилете и с растрепанной шевелюрой. Главред сидел слишком далеко и их не слышал, а вдобавок был поглощен разговором с Марваном Жибраном.

Шарлен не поверила своим ушам:

— Что, простите? Вы… вы пытаетесь меня купить? Да плевать я хотела на ваше предложение, плевать на карьеру, я…

— Договорились. Забудем, тем хуже для тебя. Теперь иди и сосредоточься. Напоминаю, что у тебя в руках жизни людей.

Шарлен онемела от изумления. Янис потянул ее за руку:

— Пойдем. Это бесполезно.

Но Ирен, как настоящая акула, не ослабляла хватку.

— И никакого детского шантажа, — сказала она. — Мы обе знаем, что у тебя нет выбора, что он хочет говорить именно с тобой, и если ты

откажешься мне назло, то просто бросишь Поля и остальных на произвол судьбы.

От ярости и потрясения у Шарлен подкашивались ноги. Янис отвел ее к рабочему месту. Дал ей прийти в себя и вернулся с ее любимой кружкой, наполнив ее водой.

— Я не решился налить кофе.

— В ней не осталось ничего человеческого, это просто немыслимо…

— А было ли оно когда-нибудь? Ладно, забудь об этом или смирись, потому что нужно начинать.

Шарлен совсем потеряла уверенность. Он протянул ей кружку:

— Глоток на удачу. Я заметил, что ты отпиваешь глоток каждый раз, когда должна сделать то, что вызывает у тебя стресс.

От него ничего не ускользало.

— Должно быть, ужасно быть твоей женой.

Шарлен послушалась и поставила кружку на стол. Надпись «Моей дочке — журналистке номер один» была повернута к ней и выглядела издевкой. *Если бы ты знал, папа. Не уверена, что именно так я хотела закончить карьеру…*

Она надела наушники, поправила микрофон. Янис свистнул, давая сигнал соблюдать тишину в режиссерской.

Та Шарлен, которая пыталась покончить с собой, вдруг показалась такой далекой! Ее разочарования, неудачи, осознание тщетности и пустоты всех грез, от которого ей и захотелось разом со всем покончить, — все это теперь не имело значения. Впервые за месяцы, если не годы, Шарлен почувствовала себя по-настоящему живой. Здесь и сейчас.

Она заправила за ухо рыжую прядь и нажала кнопку внутренней связи. Перед всей Францией. Перед всем миром. Сколько зрителей насчитал Дан? Больше пятисот миллионов. *Легко*.

У Шарлен было несколько возможных целей. От самых примитивных до самых амбициозных. Оставалось понять, сможет ли она достичь хотя бы одной.

40

Она заговорила мягким, успокаивающим голосом:

— Кратос, это я, Шарли.

Тот только что заставил подойти к нему, одного за другим, тех четверых, которые сидели напротив, и внимательно осмотрел их путы из скотча. Услышав свое имя, он поднял голову, но не ответил.

— Их зовут Режи, Луиджи, Бакари и Паола, — продолжила Шарлен. — Я подумала… когда вам понадобится к ним обратиться, будет проще, если…

— Хорошая идея, Шарли, но мне плевать.

— Э… Я… вы не можете…

Она не ожидала такого резкого отпора.

— Неуклюжая попытка вызвать у меня к ним сочувствие, я понял. Но мне плевать. Уяснила?

— Это люди, никто не может…

— Нет. Это средство. Чтобы получить то, что мне нужно. Это инструменты, и он, вон там, тоже.

Кратос направил оружие на Поля, и тот вздрогнул. Чувствовалось, что бездействие все больше

подтачивает его выдержку.

— Это мужчины и женщины, у них есть семьи…

— Не пытайся меня разжалобить, Шарли. Уверяю тебя, это не сработает.

Он стал отвечать, больше не отказываясь от разговора, Шарлен ни в коем случае нельзя было его потерять.

— В каждом человеке живет хоть капля сочувствия.

— Но я не каждый. Я Кратос. Власть общества. Тот, кто берет силой то, что не было дано ему по праву.

Еще лучше, он постепенно открывается. *Продолжай в том же духе*.

— Это месть?

— Нет, хочу восстановить справедливость.

Янис был прав, когда предвидел, что долгие часы изоляции и стресса и груз ответственности заставят Кратоса в конце концов разговориться и тем самым подсознательно успокоиться. Она должна воспользоваться этим, чтобы вытянуть максимум информации, пока он не закрылся.

Вспомнился другой урок переговорщика. Давать, чтобы получать. Нельзя, чтобы у Кратоса создалось впечатление, что на откровенность

идет только он один.

— Я тоже не так давно теряла почву под ногами. Утратила смысл жизни.

Кратос сел рядом с Полем, явно заинтересовавшись:

— Ты тоже чувствуешь, что мир рушится? Наши ценности… Мы больше не знаем, стоит ли за них цепляться, или они, наоборот, давно устарели. В обществе больше нет образцов для подражания. Нет ясности в будущем…

— Человек жизнестоек. Он умеет двигаться вперед, изобретать себя заново, а молодые привносят новую энергию…

— А что мы им оставляем? Больную планету, заминированное геополитическое поле… Глобализация сделала нации взаимозависимыми — друг от друга, от природных ресурсов, рабочей силы, денег, потребления… Но мы увидели недостатки и теперь хотим заняться собой. Что это породит, Шарли, если мы больше не будем связаны друг с другом общими потребностями? Что останется? Зависть. И ты знаешь, чем это систематически заканчивается в истории… Войнами. Вот что мы уготовили нашим детям на завтра. Перспективу возвращения больших войн. Украина у ворот Европы — это только первый

звонок. Катастрофа приближается.

— Не все так мрачно, Кратос…

Черная фигура резко встала, всполошив всех в режиссерской, но Кратос начал расхаживать по площадке уверенным шагом, а Поль изредка бросал на него тревожные взгляды. Оружие перемещалось в такт фразам, дуло, готовое угрожать при малейшем шуме или подозрительном движении, держало Поля под прицелом.

— Нет, все хуже. Эта глобализация, которую мы хотели бы сократить, забрала у нас большую часть рабочих мест, созданных для *масс*. Скоро наша молодежь ощутит нехватку работы. Слишком поздно заново индустриализировать Францию, и, даже если мы откроем заводы, захотят ли они торчать там по восемь часов в день? Никто больше не стремится вкалывать за гроши на конвейере. Слишком дорогая рабочая сила… Плюс импортное сырье, потому что его не добывают в нашей прекрасной стране, а у нас больше нет любимых колоний, чтобы дешево его поставлять, поэтому за него придется платить целое состояние странам-конкурентам. И продукция, которую выпустят наши заводы, будет стоить гораздо дороже. Кто тогда захочет ее покупать?

— Марван, следи за ним, — приказала Ирен с

задних рядов. — Делай крупные планы, когда он приблизится к камере четыре.

— Это змея, которая кусает свой хвост, Шарли. Слишком многочисленное население, отказ от глобализации, которая защищала нас от конфликтов, но забирала работу у широких масс, — вот до чего мы докатились.

Шарли временно отключила свой канал, чтобы посоветоваться с Янисом:

— Он говорит как человек, знавший другую эпоху. Ему минимум лет пятьдесят, да?

Янис кивнул:

— Да. И эта забота о молодых… Попробуй осторожно прощупать эту тему, узнать, есть ли у него дети. Возможно, была какая-то драма.

Шарлен снова открыла канал связи:

— Вы не думаете, что в тот или иной момент это говорят себе все родители? Во время экономических кризисов, холодной войны или вооруженных конфликтов…

— И когда пала Римская империя. Наша цивилизация умирает, Шарли. Нужно взглянуть правде в глаза. Мы агонизируем, потому что упорно не желаем это признавать. Мы боремся, чтобы сохранить то, что уже невозможно сохранить. Нас сожрут другие.

— Что вы имеете в виду? Иммиграцию? Об этом речь?

Шарлен затронула вопрос, близкий любому немолодому ксенофобу с устаревшими взглядами, — обычная тема для прощупывания в подобной ситуации.

— Конечно нет! Иммиграция могла бы нас спасти, если бы мы умели ею управлять, превратить в силу, интегрировать, а не бояться. Нет, я говорю об Индии, которая поднимается, о Китае и всей этой когорте… Все идет по кругу, разве ты не изучала историю в школе? Когда-то давным-давно миром правила Азия, потом пришли греки, египтяне, затем поднялась Римская империя, в свое время хозяйкой стала Европа с испанцами и англичанами, потом все ушло дальше на запад, настал черед Америки… и цикл продолжается, всегда на запад, и он начнется снова.

Впервые Кратос сунул руку под маску и коснулся лба.

Он вытирает пот. Ему жарко.

Нужно продолжать.

— Вы беспокоитесь о своих детях? — спросила Шарлен.

Кратос громко фыркнул. Потом замолчал.

Шарлен колебалась. Не слишком ли прямоли-

нейно она затронула тему потомства?

— А ты, Шарли, нашла смысл жизни?

Он не пускал ее на личную территорию. Шарлен решила делать ставку на откровенность и доверительность.

— Я искала. Долго. Я… наделала глупостей.

— Каких глупостей?

Шарлен замялась, вспомнив, что она в эфире, что миллионы слушают и будут судить.

К черту. Мне уже нечего терять. Я должна сказать ради Паолы, Режи, Луиджи, Бакари…

— Я думала о смерти.

— Думала? Всего-навсего? Или… ты *звала* ее?

Шарлен закрыла глаза:

— Я хотела умереть. Я пыталась.

— Ах вот оно что. Что значит «пыталась умереть»? Так не бывает. Либо бросаешься в ее объятия, либо отступаешь. Середины нет.

Повисла тяжелая неловкая тишина.

— Почему ты не ушла из жизни? Что тебя удержало?

— Видимо, я не хотела умереть по-настоящему. Только часть меня…

— Ты много об этом думаешь?

Шарлен колебалась. Она знала, что мать наверняка сидит перед телевизором. Она собиралась

выключить телефон в самом начале вечера: была не в состоянии одновременно справляться с происходящим в студии и отвечать на сообщения тех, кто мог узнать ее голос на канале «МД1». У нее не было таких близких друзей, с кем ей хотелось бы сейчас поговорить, и она поняла, что то же самое относится и к матери: их отношения давно перестали быть нормальными, в ее манере всегда тыкать дочь носом в ошибки было что-то разрушительное. Родная мать никогда не прощала ошибок. Не по злому умыслу — просто характер такой. Она не умела проявлять теплоту, не способна была на бескорыстную заботу — так уж была устроена. *Разве это можно назвать любовью?*

— Да. Такое со мной еще случается.

— И что ты делаешь, Шарли, чтобы отогнать эту смерть, которая стучится в твою дверь?

Она хотела спросить, уж не совета ли он просит, но поняла, что нужно первой поделиться личным, если она хочет, чтобы он начал ей доверять.

— Я ухожу с головой в работу. Чтобы не думать.

— Чтобы не жить.

От этих слов у нее заколотилось сердце. *Какой*

подонок.

— Да… — призналась она.

— А сегодня вечером? Ты чувствуешь себя живой?

Она с трудом сглотнула, так что, казалось, было слышно в эфире, и призналась:

— Да. Как никогда.

Несколько долгих секунд был слышен только гул машин.

— Не за что.

Она нахмурилась.

— Не за что. Ты ведь собиралась меня поблагодарить, правда? За эту жизнь, которую я в тебя вдыхаю.

— Э… я… Я не уверена, что Паола, Бакари и остальные воспринимают это так же.

— Космос — это огромный замкнутый сосуд, Шарли. Все в нем циркулирует, все перемешивается, ничто не создается, но ничто и не пропадает, идет постоянная переработка. И жизнь, которую ты обрела сегодня, — это моя жизнь, которую я тебе отдаю.

— Почему вы так говорите? Вы не обязаны…

— Умирать?

Кратос прекратил ходить за спиной Поля, замолчал на несколько долгих секунд и наконец

мрачно ответил:

— Да. Я умру, Шарли. Что бы мы с тобой ни делали, этой ночью я умру.

После этой фразы в режиссерской повисла гробовая тишина.

Янис отключил микрофон Шарлен, чтобы ее сориентировать:

— Попытайся выяснить, хочет ли он умереть здесь или говорит о смерти вообще.

Шарлен кивнула. Если Кратос приготовился умереть в студии, это все меняло. Рядом с ней Дан уставился в свой ноутбук с открытой страницей краудфандинга. Поднял его, чтобы показать Родрику, и Шарлен мельком увидела, что сумма превысила два миллиона евро. Безумие.

— Я думал, что Матиньон или Елисейский дворец должны были закрыть краудфандинг! — удивился главред.

— Работают над этим, — сообщил Остен.

Шарлен снова сосредоточилась на своей миссии.

— Зачем вам столько денег, если вы собираетесь умереть? — спросила она Кратоса напрямик.

— Чтобы уйти красиво.

— Вы не хотите ими воспользоваться?

— Глупая мысль. Конечно, я хочу ими вос-

пользоваться! Думаешь, я так старался, чтобы сдохнуть как крыса? Я хочу получить свои деньги, чтобы уйти из жизни счастливым. Потому что в наши дни можно купить все, правда, Шарли?

— Это и есть восстановление справедливости, о котором вы говорили? Вас ограбили? Кто? Работодатель? Может быть, государство?..

— Не важно, Шарли, моя жизнь не имеет значения. Важно, что даже через десять лет ты будешь думать обо мне. О той жизни, которую я тебе дал здесь, этой ночью, пока мы общались. Это твое осознание. Я тебе его дарю.

— Но вы говорили о том, что мы оставляем молодежи… Вы делаете это для себя или для них? У вас есть дети?

— Я достаточно рассказал о себе. Я хочу свои деньги, чтобы купить себе счастье, только и всего.

Шарлен вздохнула.

— Он не самоубийца, — сказала она Янису. — У него есть планы.

Переговорщик неопределенно кивнул, словно не был полностью убежден. Он указал на следующий пункт на листе разложенного между ними блокнота. Личная тема не сработала, поэтому он хотел прощупать, не ослабла ли его решимость

после почти пятичасового нахождения в студии.

Шарлен снова включила канал:

— Вы потребовали немалую сумму.

— Для государства или «Медиаплекса» это капля в море.

— Пятьдесят миллионов евро, Кратос, — даже они не могут собрать такую сумму одним щелчком пальцев.

— Поэтому я дал им целую ночь.

— Банки закрыты…

— Не издевайся надо мной! — рявкнул он вдруг. — Я не просил наличные, я просил перевод! Несколько строк реквизитов, цифровые данные. Им не нужно собирать эту сумму, они могут перевести в последний момент с сотен накопленных сбережений или одолжить, это для них ничто! Но это цена человеческих жизней, которые здесь, со мной!

Он терял самообладание, его оружие металось от одного к другому, и угроза получить шальную пулю постоянно возрастала. Шарлен не знала, стоит ли продолжать давить на него, чтобы узнать то, что они хотели, или пора отступить. Она посмотрела на Яниса, и тот едва заметно кивнул, призывая продолжать.

С бьющимся сердцем она решилась:

— Боюсь, это не так просто. Даже государство не может действовать без контроля и разрешения.

Кратос резко шагнул к столу и встал прямо перед главной камерой.

— Чушь! Если они не заплатят, они обагрят руки кровью!

— Кратос, — произнесла Шарлен другим, более жестким тоном. — Вы думаете, мне нравится то, что я делаю? Слушать ваши угрозы и пытаться исполнить распоряжения властей…

Он снизил градус:

— А что они велят тебе делать?

Она вздохнула на этот раз в микрофон, чтобы он услышал, почувствовал, что она на пределе, совершенно измучена.

— Чтобы я договорилась о дополнительном времени.

— Скажи им, пусть идут к черту. У них есть время до рассвета, и ни минутой больше!

— Они хотят, чтобы я выиграла время. Тогда они могли бы получить необходимые разрешения, и деньги были бы готовы завтра утром. Это сложнее, чем просто нажать на кнопку. Кратос, им нужно совсем немного времени.

Снова тишина. Затем он объявил:

— Что ж, передай им — если на рассвете я не

получу денег, твоя дорогая Паола будет первой.

41

На лбу у Шарлен выступил пот.

Янис ободряюще положил руку ей на спину. Он часто прикасался к ней, и Шарлен не могла не задаваться вопросом: это его обычная манера или еще один прием, чтобы добиться желаемого результата?

Это расчет. Чтобы я не чувствовала себя одинокой, мне предлагают физический контакт в дополнение к моральной поддержке. Чтобы подтвердить свое присутствие рядом со мной.

И поскольку это исходило от Яниса, который, казалось, схватывал все на лету, контролировал все до мельчайших деталей… да, сомнений не оставалось — это продуманная тактика.

Он отключил канал связи между ней и Кратосом, чтобы подбодрить ее:

— Не отпускай его. Возвращайся.

— Он разозлится!

— Да, но не на тебя. Мне кажется, ты ему нравишься.

— Я? Потому что я не флик?

— Да, и наверняка по каким-то более личным

причинам. Может, ты напоминаешь ему дочь или того, кого он любил. Не важно. Когда он повысил голос, в какой-то момент перестал говорить «ты», сказал не «ты издеваешься», а «вы». Подсознательно он отдаляет тебя, когда повышает тон, защищает тебя. Это обнадеживающий знак. Нужно продолжать.

Шарлен сделала еще глоток из кружки.

Сидевший впереди Дан наблюдал за краудфандингом и не верил своим глазам:

— Это безумие! После этого вашего разговора все словно с цепи сорвались…

— Сколько? — спросил Родрик.

— Уже… больше трех миллионов евро.

Симон, о котором все забыли, робко произнес:

— Что доказывает, что общество не настолько прогнило, как он говорит. Люди делают это для него.

— Нет, они делают это для Поля. Для его семьи, для заложников, — вмешалась Ирен. — А еще потому, что мы предлагаем им спектакль, который они никогда не забудут.

Дан добавил:

— И все американские каналы транслируют видео студента, который запустил сбор. Если они тоже подключатся, суммы станут астрономиче-

скими.

Янис разозлился:

— О чем думают начальники? Нужно это прекратить, пока Кратос не узнал! Чем больше будет сумма, тем больше он уверится, что действительно имеет власть, а мы вообще не нужны, только мешаем ему получить эти деньги!

— Они над этим работают, — напряженно повторил Остен.

Янис раздраженно покачал головой и снова сел. Потер лицо и снова повернулся к Шарлен.

— Переходи к заложникам, цель номер один, — сказал он, постучав по первой строчке в своем блокноте. — Тишина!

Шарлен нажала на кнопку:

— Кратос, можем ли мы принести воду для заложников? Это…

Он повернулся и сел рядом с Полем, который постепенно сникал.

— Ты передала мое сообщение властям? Никакой дополнительной отсрочки не будет. Только смерть, если они не подчинятся!

Шарлен старалась унять учащенное дыхание, медленно выдыхая. Затем ответила:

— Они нас слушают, они услышали.

Молчание.

— Мне нужно проявление доброй воли, Кратос. Чтобы мы знали, что вы можете быть разумным. Это было бы обнадеживающим знаком для дальнейшего.

— Для дальнейшего? Чтобы попытаться промыть мне мозги?

— Нет, для того момента, когда нужно будет друг другу доверять: выплата выкупа, освобождение заложников, ваш уход…

Снова молчание. Янис поднял большой палец.

— Жест открытости с вашей стороны. Для них. Просто разрешите нам дать им воду. Они здесь давно, им страшно, им жарко, они хотят пить…

Ей удалось вполне естественно вставить слово. *Жарко*.

Шарлен должна была подвести его к тому, чтобы он сам что-то попросил, и тогда они могли бы провести первый обмен. Чтобы в его сознании закрепилось, что это возможно, безопасно, полезно для всех. Затем они повторят операцию несколько раз, чтобы успокоить его, чтобы он сотрудничал, чтобы подошел к физическому пределу, когда внутренний голос шепнет ему, что он не проиграет, если уступит, что все останутся в выигрыше… Тогда наступит последний этап, когда ему умело внушат, что есть возможность

сдаться. Предложение не должно исходить от переговорщиков: нужно навести его на эту мысль, но высказать ее должен он сам. Чтобы он думал, что у него есть выбор. Что это *его* идея.

Шарлен понимала, что до этого еще очень далеко, что потребуются долгие часы переговоров, и пока самым главным было получить отсрочку.

— Всего несколько бутылок. Мы можем закатить их через приоткрытую дверь, если позволите, — так не будет физического контакта. Знак, что вы не бесчувственны, что мы можем прийти к соглашению.

Янис ткнул кончиком ручки в слово «жара» в блокноте, чтобы она его повторила.

— Из-за стресса и жары могут быть последствия, Кратос. Вам не нужны лишние проблемы, вы же не хотите еще разбираться, если кто-то грохнется в обморок?

Обратный вопрос, и естественный ответ «нет» сыграет ей на руку. У Шарлен начало получаться.

— Я подумаю.

Первый шаг сделан. Оставалось не дать двери закрыться.

Внезапно все изменилось. Кратос поднял голову, чтобы расслабить мышцы шеи, чтобы пот

не затекал в глаза, или просто вспомнив, что не осматривал потолок с момента прибытия, и заметил длинный открытый прямоугольник в решетке.

— Выключите прожекторы! — приказал он, разозлившись.

— Он увидел стеклянную стену! — встревожился капитан Остен.

Майор Натэ нажал на рацию:

— Всем командам, готовность, противник встревожен.

Марван Жибран попытался его успокоить:

— Он видит черное пятно, его слепят софиты. При таком ярком свете он может только строить догадки…

— Тогда ни в коем случае ничего не трогайте! — ответил Остен.

Никогда прежде вертикальные морщины на его щеках не казались такими глубокими.

Кратос направил оружие на решетку.

— Выключите эти чертовы лампы! — рявкнул он.

Остен повернулся к Шарлен, чтобы она решила проблему. Она тут же сымпровизировала:

— Режиссерскую эвакуировали в целях безопасности. Увы, осветителя больше нет на месте.

— Не издевайся надо мной, Шарли!

Янис поднял подбородок, услышав «ты», и Шарлен поняла. На этот раз Кратос причислил ее к остальным, к категории врагов. Это было плохо.

— Я могу приказать выключить все софиты, — тут же ответила она. — Но тогда вы окажетесь в полной темноте. Не уверена, что вы этого хотите.

— Нет, хочу, чтобы вы выключили только эти! Над входом! Вы понимаете! Выключите их!

Он уже кричал.

Шарлен теряла самообладание.

— Шарли!

В его голосе звучала ярость.

И прежде чем они успели посовещаться, что делать дальше, прозвучали три выстрела.

Сухие тяжелые хлопки. Три пули выпущены в одно мгновение.

42

Сеньон забрал «Пежо-308», который они использовали как служебную машину, и, въехав передними колесами на тротуар и включив аварийку, ждал, когда Магали выйдет из здания Управления общественного порядка и дорожного движения, где по камерам видеонаблюдения Парижа отслеживали Кратоса. Здоровенный бугай ненавидел подолгу торчать в тесной кабине — засады и слежка отнюдь не были любимой частью его работы. Он попытался позвонить Магали, но попал на автоответчик. *Давай же, поторопись…* Пришло новое сообщение от Летиции. Она беспокоилась и хотела узнать, что происходит. Он нажал на ее имя и соединился.

— Ты не спишь? — спросил он, как только она ответила.

— Нет, никак не могу оторваться от Даки-Феррана.

— А ты сама в порядке?

Жена поняла, что он имеет в виду:

— Да, не волнуйся, это совсем иначе.

Летиция тоже однажды побывала в роли за-

ложницы[30], и Сеньон беспокоился — вдруг она снова осталась наедине со своими демонами? Повисла тишина.

— Я знаю, что ты тоже участвуешь, — сказала она.

Сеньон потер глаза.

— Откуда ты узнала? — спросил он.

— Я не дура, только и всего. Я видела, как ребят отзывали на базу и они выходили из здания один за другим. Знаешь, мы, женщины, разговариваем между собой.

— Слишком много…

— Старый мачо! Если бы мы надеялись только на вас, то понятия бы не имели, что там у вас происходит…

— Я не хотел тебя волновать.

— Я бы не вышла за жандарма, если бы боялась бессонных ночей. В любом случае ты же не в студии?

— Нет. Я на расследовании.

— Хорошо. Мне легче.

— Летиция.

— Что?

— Выключи телевизор.

---

[30] Сноски: 30

Эти события описываются в романе Максима Шаттама «Терпение дьявола».

— Почему? Это плохо кончится?

— Лучше выключи. Хватит с тебя ужасов этого мира.

— Попробую. Просто это… затягивает.

— Ужасы мира?

— Да нет же, дурачок, захват заложников.

— Говоришь ерунду.

— Знаю. Глупо, но у меня ощущение, что сейчас происходит что-то историческое и мы все будем помнить, где были в тот момент, когда Даки-Феррана захватили в прямом эфире. Если я не досмотрю финал, то останусь за бортом, пропущу то, о чем потом все будут говорить много лет подряд.

— Тогда прими снотворное.

— Подумаю. Ладно, иди спасай этого парня. Его все ценят, не дай бог, с ним что-то случится. Думаешь, поэтому его выбрали мишенью?

— Не знаю. Возможно.

Они поцеловали друг друга в трубку, и Сеньон дал отбой, не успев подумать о том, что только что сказала ему жена, потому что внезапно на холодной ноябрьской улице возникла Магали и энергично распахнула дверцу машины.

— Мы только что нашли «БМВ», на которой Кратоса подбросили к Лорен, — сказала она, залезая

в машину. — Я была с ними на связи.

— Ну, быстро вы справились.

— Угадай, где она?

— Раз так быстро нашли, значит там, где наши уже отметились. Башня «Медиаплекса»?

— Почти угадал. На улице в Булони. Меньше чем в ста метрах от дома Даки-Феррана.

— Логично. Это те двое, которые вчера вечером высадили Кратоса у дома Лорен, а потом взяли в заложники жену и дочь Поля. Что слышно у фликов?

— Я говорила с капитаном Демонтом из регионального управления судебной полиции, они пытаются восстановить действия матери и дочери. Судя по всему, те провели вчерашний день нормально, утром вместе ходили за покупками в «Бон Марше», там же пообедали, потом в середине дня, около трех, вернулись домой. У матери была назначена физиотерапия на шесть вечера, она не пришла, а, по словам физиотерапевта, она никогда не пропускает сеансы.

— Значит, все началось между пятнадцатью и восемнадцатью часами, — заключил Сеньон. — До нападения Кратоса.

— Мы точно знаем, где находился Поль Даки-Ферран в двадцать часов, а вот насчет его семьи

точных сведений нет. Им нужно было захватить женщин заранее, чтобы Кратос начал операцию.

— У фликов есть видео их приезда домой?

— Демонт сказал, что у них есть видео с предыдущего перекрестка, но ничего конкретного, зато компания сигнализации смогла предоставить им записи с камеры на входе — они хранятся на жестком диске неделю, потом стираются. Они провернули тот же трюк, что и с Лорен.

— Курьер из «Амазона»? Зачем менять то, что и так работает…

— Они просматривают записи за весь период хранения, чтобы проверить, не приезжали ли они на разведку раньше.

— Опознание?

— Видна часть лица, но мужик был в бейсболке, голова опущена. Говорят, почти ничего не видно.

— Они знали, где камера. Прячутся, твари…

— Демонт скинет мне фото того, что у них есть.

— Я попросил полковника прислать нам подкрепление, чтобы изучить видео перед домом Лорен за несколько недель, насколько позволяет запись. Такое дело готовится заранее, они точно приезжали несколько раз. Флики проделают то же самое в Булони. Если повезет, это в конце

концов даст результат.

Магали показала на здание, откуда вышла:

— Значит, возвращаемся?

— Нет, они справятся без нас, у нас своя работа. Мы едем обратно на бульвар Даву, — сказал Сеньон, заводя «пежо».

Казармы на бульваре Даву были оплотом парижского отдела расследований.

— Кто у нас занимается отслеживанием маршрута «БМВ»? — спросил лейтенант.

— Бенжамен. Весь отдел расследований мобилизован, скоро придет подкрепление.

Сеньон знал, что отслеживание транспорта требует времени и персонала для ручной проверки всех зацепок. Процесс начинается с ввода номерного знака в различные доступные базы данных. Национальная комиссия по информатике и свободе личности запрещала их объединять, и приходилось работать с каждой программой отдельно.

— Бен подтвердил, что задействован двойник. Это вся информация, которая у нас есть.

Двойник был распространенной практикой в криминальном мире. Сначала крадут автомобиль, затем ищут похожий — марка, цвет и модель, — чаще всего через Интернет, просмат-

ривая соцсети или объявления о продаже, и устанавливают на угнанную машину такой же номер. Таким образом, имеются два похожих автомобиля с одинаковыми номерами, у которых только один официальный владелец. На двойнике можно спокойно ездить, поскольку простая дорожная проверка не может его разоблачить.

Сеньон включил мигалку, чтобы ускориться, но не стал включать сирену, чтобы не будить спящих.

— Это мне только кажется или действительно ненормально много светящихся окон в час ночи? — заметил он.

— Они все сидят перед телевизорами.

— Думаешь?

— Знаешь, какую аудиторию собрали во время захвата заложников в «Ипер-Кашер»[31] в две тысячи пятнадцатом? Все были прикованы к экранам.

Сеньон вспомнил о жене, о ее ощущении, что она окажется за бортом, если не будет следить за прямым эфиром. Потребность лично пережить

---

[31] Сноски: 31

9 января 2015 года, через два дня после теракта в редакции «Шарли Эбдо», в Париже в кошерном супермаркете «Ипер-Кашер» произошел террористический захват заложников, в результате которого погибли четыре человека; события транслировались в прямом эфире по телевидению.

развязку, вписать себя в общую историю означала, что этот общественный ритуал был возможен, только если проживался в реальном времени. Цивилизация мгновенных виртуальных картинок, где люди существуют только через призму этих изображений.

— У всех поехала крыша.

— Ты не можешь запретить людям проявлять любопытство, — обреченно сказала Магали. — Нет, что действительно невыносимо — это сбор средств, который организовали для получения выкупа.

Магали включила телефон, чтобы найти страницу.

— По-прежнему собирают?

— Пока да, и…

— Что?

Магали просматривала страницу — в свете экрана она походила на призрак.

— Ну, выкладывай, что там? — нетерпеливо спросил напарник.

— Тут столько комментариев… За последние полчаса в основном американцы, мне кажется. Этот парень совсем без тормозов!

— Студент? А что он сделал?

— Он добавил призы. Ты можешь участвовать,

пожертвовав от одного евро, но есть лоты, где ты платишь сто долларов, чтобы твое имя опубликовали на сайте, который скоро появится в Сети. За пятьсот — распространят твое фото как «Спасителя». Слава селфи… И это не все: есть лоты по тысяче или две тысячи долларов. Черт, придурок. За десять тысяч долларов ты становишься «Хранителем свободы», и он предлагает организовать личную встречу с Полем Даки-Ферраном, когда его освободят. Ну, если тот согласится. У этого парня правда нет тормозов, говорю тебе…

— Это законно?

— Мы удалим страницу через несколько часов, но пока…

— Сколько собрали?

— Готов? С участием американцев только что перевалили за восемь миллионов евро.

Оба жандарма онемели. Ошеломлял не только масштаб явления, но и то, что это говорило о людях.

В ночи проплывали фасады Парижа.

Магали никак не могла переключиться:

— Американская культура благотворительности, их стремление к взаимопомощи, плюс еще возможная реклама участников… Сумма будет только расти. Это выйдет нам боком.

Сеньон при любой возможности увеличивал скорость, сосредоточившись на дороге. Он думал об аптечке первой помощи, найденной в мусорном ведре у Лорен Делакуа. Серийный номер отсылал к партии, посланной в тюрьму.

— Сколько всего заключенных во «Флёри-Мерожи»? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Больше трех тысяч. Следственный изолятор и исправительное учреждение.

Это важное различие. Исправительное учреждение предназначается для приговоренных к более чем двум годам лишения свободы, поэтому там относительно управляемый объем прибывших и освобожденных, в то время как следственный изолятор связан с предварительным заключением, то есть всеми, кто ожидает суда, отбывает короткий срок или после суда ждет направления в пенитенциарные заведения. Много народу и очень большая текучка.

Это не упростит их задачу.

— Нам нужно выделить всех мужчин, которые прошли через «Флёри-Мерожи» и были освобождены максимум за последние два года, — объяснил Сеньон.

— Их будут тысячи.

— Из них мы выберем людей, чей рост со-

ответствует росту Кратоса. Какого роста Поль Даки-Ферран?

— Я что, «Википедия»?

— Посмотри в Интернете, а если нет, найди способ связаться с Франком — пусть узнает и сделает проекцию на Кратоса. Мне нужна вилка, чтобы оценить его рост.

— А если во «Флёри-Мерожи» сидел не сам Кратос, а его сообщник?

— Надо с чего-то начинать. Если не вытянем никаких ниточек с этого боку, начнем с другого. Но аптечка оказалась у Лорен Делакуа не случайно. Это наверняка кто-то из них.

— Из твоего списка я бы прежде всего отбирала виновных в сексуальных преступлениях.

— Все еще твои догадки насчет того, что он сказал Лорен?

— Да. Может, я накручиваю, но это меня беспокоит.

— Понял.

Магали покачала головой.

— Что? — спросил Сеньон. — Что не так?

— Мы сразу подозреваем заключенного, но… а если это сотрудник тюремной администрации?

Сеньон кивнул:

— Ты права. Найдем список всех, кто там ра-

ботает с момента поставки аптечки первой помощи. Тех, у кого есть доступ в медпункт, — в начало списка.

Телефон Сеньона зазвонил. Он ответил, держа руль одной рукой.

Это был Гильем, и он так быстро тараторил, что проглатывал половину слов:

— В студии стреляли! Несколько раз!

Сеньон резко затормозил и с визгом шин развернулся.

43

Площадку накрыло каким-то зловещим и едким запахом. Аромат горелого пороха, от которого щипало в носу.

Ствол «глока» дымился.

Поль Даки-Ферран чуть не упал со стула, но успел вцепиться свободной рукой в край стола и торопливо выпрямился, с испугом разглядывая стянутую скотчем ладонь.

Кратос выстрелил три раза по ферме, и два прожектора погасли.

В режиссерской капитан Остен выкрикивал приказ по рации:

— Никому не двигаться! Оставаться на местах! Повторяю: оставайтесь на позициях!

Все были ошеломлены.

— Он стрелял по софитам! — воскликнул Родрик. — Этот идиот открыл огонь!

— Он их всех перестреляет… — пробормотал Марван.

Но спецназовцы не сдвинулись с места, и ни один снайпер не открыл ответный огонь. С железной выдержкой они ждали приказа.

— Ситуация остается прежней, — напомнил Франк. — Если мы начнем штурм, нужно сначала прервать прямой эфир, а пока бригада антитеррора из Булони не готова, возможны жертвы с той или другой стороны.

Кратос оглядывал потолок за решеткой, смотрел в прямоугольный проем вверху. На застекленную галерею антресолей. Она была погружена в темноту, чтобы скрыть находящихся там снайперов: один целился в маску Кратоса, двое других — в его плечи.

Кратос угрожающе указал туда пальцем.

— Включите свет в комнате за стеклом наверху! — свирепо приказал он.

Янис покачал головой, инструктируя Шарлен, и та снова нажала кнопку и заговорила с черной фигурой:

— Это невозможно, мы…

— Вы хотите, чтобы следующие пули попали в плоть, а не в свет?!

— Нет, но мы не…

— Включите немедленно! Я знаю, что они там! Что они в меня целятся!

Накатывала паника. Шарлен ни в коем случае нельзя было просить его успокоиться, хотя, естественно, именно это ей и хотелось ему сказать.

Однако Янис был категорически против: разве человек подчинится, когда ему приказывают успокоиться?

— Кратос, я пошлю кого-нибудь, чтобы…

— Я с самого начала чувствовал, что вы не воспринимаете меня всерьез! Я знал, что все так и закончится, я знал! Вы все такие упрямые, такие самоуверенные!

Майор Натэ, предчувствуя трагический поворот, спросил у начальника, не пора ли приказать командам вмешаться.

— Команда четыре держит его на прицеле, траектория свободна.

Это были как раз бойцы на застекленной галерее, о которой кричал Кратос.

— Нет, — ответил Остен. — Не раньше чем мы идентифицируем взрывное устройство в руке ведущего и антитеррористы подтвердят, что объекты в Булони находятся в зоне поражения.

Это была чудовищная арифметика. Стоит ли рисковать одной или двумя жизнями в надежде спасти хотя бы шесть?

— Вы отказываетесь выполнять мои требования! Вы сами толкаете меня на это, понимаете? — кричал Кратос.

Тогда Янис сказал Шарлен:

— Объяви ему, что мы включим свет.

— Кратос, хорошо, мы включим свет на этаже.

Янис прервал связь, чтобы объяснить дальнейшее:

— Нужно подготовить его к тому, что он увидит. Ему это не понравится, но он вооружен, и мы не можем этого допустить. Ты помнишь ту часть плана, которую я тебе объяснял?

Шарлен кивнула и снова заговорила с Кратосом:

— Прежде чем включится свет, я должна вас предупредить, что там действительно находятся бойцы спецназа. Вы вооружены, Кратос, вы всех пугаете и своими действиями не оставили им выбора. Поэтому предупреждаю вас: не удивляйтесь, там несколько человек, и, если вы сделаете что-то безумное, они ответят. Но никто этого не хочет, правда?

— Включайте!

Дан неподалеку тяжело дышал.

Натэ отдал приказ, и неоновые лампы на застекленной галерее замигали, обнаружив три фигуры в масках, в боевом снаряжении, в очках, с оружием в руках, нацеленным на Кратоса.

Он ответил грозно:

— Пусть они уйдут!

— Это черта, которую нельзя пересечь, — спокойно объяснила Шарлен. — Пока вы угрожаете людям оружием, они не могут покинуть помещение.

Шарлен сама удивлялась, произнося правильные слова. Она запомнила инструктаж Яниса по этому аспекту переговоров — короткий, слишком короткий. Дать понять противнику, что, раз он опасен, опасность распространяется и на него. И если относительно его требований в принципе можно торговаться, то, пока он угрожает чужой жизни, обсуждать его собственную безопасность никто не будет. Это стена, которую государство противопоставляет насилию.

— Я хочу, чтобы они ушли! Немедленно!

— Кратос, вы сами создали эту ситуацию. Вы подвергаете жизни людей опасности, это ваш выбор, и нужно принять его последствия. Это не обсуждается. Все остальное мы можем обсудить.

Кратос начал медленно опускать ствол.

Он изменил тон. Он больше не кричал — он словно говорил сам с собой или с Шарлен, и в голосе его звучала какая-то покорная доверительность:

— Я этого не хотел. Вы меня заставили.

— Мы все еще можем найти достойный выход.

Вы можете выбрать, как…

Он прервал ее:

— Это будет на вашей совести. Я вас предупреждал.

Натэ и Остен разом напряглись. Капитан напомнил приказ ни в коем случае не реагировать без команды.

— Кратос, нет, вы…

— Эта кровь на ваших руках.

Ствол его «глока» теперь принял горизонтальное положение и был направлен на главную камеру.

Выстрел оглушил все микрофоны, и одновременно по экрану расплылось множество темных пятен.

Кратос только что кого-то убил.

44

Мгновение назад он был безликой маской, зеркалом, мозаично отражавшим каждого из нас, а в его многочисленных гранях, кажется, мелькали все лица.

Секунду спустя в нем не осталось ничего живого.

Безымянный, как забытое раскаяние, теперь он отражал только то, что мы меньше всего хотели видеть в себе. Он больше не ловил свет. Одни лишь тени. Самые темные, самые глубокие.

Теперь он воплощал смерть.

Шарлен стояла в режиссерской, остолбенев, прижав наушники к груди, не в силах оторвать взгляд от экранов.

От этих мониторов, на которых они только что видели, как Луиджи, получив пулю прямо в голову, влетел в стойку с реквизитом, а затем рухнул, как тряпичная кукла.

Его кровь забрызгала главную камеру.

Бакари обнимал Паолу. Режи застыл, парализованный ужасом.

Поль превратился в неподвижную восковую

куклу.

Кратос опустил руку и посмотрел на ведущего.

— У меня не осталось выбора, — холодно сказал он. Затем, более энергично и гневно, обратился к камерам: — Теперь уберите своих стрелков! Даю вам пятнадцать минут на решение. Иначе… Вы знаете, чем это закончится.

Татуированный Дан обратился к капитану Остену:

— Уберите своих людей, черт возьми!

— Исключено. Без них у нас не будет контроля в случае штурма.

— Но он убьет еще кого-нибудь! Вам мало?

Остен повернулся к нему спиной и положил руку на наушник.

— Марван, — позвал Родрик бесцветным голосом. — Переключи на запасную камеру.

Режиссер встряхнул головой, возвращаясь к реальности, и переключил изображение, чтобы убрать кровь из эфира. Угол оставался тем же, только стал выше и шире.

Остен послушал, что ему говорили в наушники, и ответил:

— Ответ отрицательный. Никакая группа пока не вмешивается. Оставайтесь на позициях.

Никто больше не осмеливался вмешаться.

Это моя вина, твердила себе Шарлен. *Это я его убила. Я во всем виновата.*

Руки Яниса легли ей на плечи, он бережно повернул ее лицом к себе, снял с нее наушники, приблизился вплотную и прошептал:

— Это моя ответственность. Слышишь? Это я руководил твоей стратегией переговоров. Это я попросил тебя настаивать, это я отказался убрать стрелков. Это были мои указания, мои рекомендации. И в конце концов, это *он сам* решил ответить насилием. Понимаешь? Не поддавайся на его манипуляции, не слушай, когда он утверждает, что это не его вина, что мы его вынудили. Я знаю, ты умная. Не вступай в его игру. Он пытается переложить свою вину на другого, и ты — первый кандидат.

Она была словно загипнотизирована его черными зрачками, убежденностью в его голосе и даже его запахом. Она моргнула.

— Шарли? Ты меня слышишь? — повторил Янис. — Я хочу, чтобы ты сама это произнесла.

Она немного растерянно кивнула:

— Это… Я не виновата.

Янис внимательно ее разглядывал, изучая каждую черточку ее измученного лица. Позволил себе заправить рыжую кудряшку ей за ухо.

— Вот именно.

Он вывел Шарлен из режиссерской; они пересекли мостик, где находилось человек десять, которых Шарлен, оглушенная шоком, даже не заметила, и вышли из производственной зоны. Он усадил ее на походную койку в оперативном штабе. Янис коротко и тихо переговорил с медиком спецназа — врач находился в хвосте штурмовой колонны первой команды, готовый, если поступит приказ, броситься к Луиджи, хотя все видели выстрел и не осталось сомнений, в каком тот состоянии.

Медик подошел, но Шарлен замахала руками:

— Нет, не давайте мне ничего, я хочу, чтобы голова хорошо работала.

— Только чтобы снизить давление, — уточнил Янис.

— Исключено. Я должна оставаться в здравом уме.

Янис нахмурился:

— Как ты можешь быть в здравом уме после того, что сейчас произошло?

— Я… Мне нужно вернуться в режиссерскую. Если он захочет говорить.

— Нет-нет, все кончено, я больше не буду тебя подставлять.

Шарлен вскочила на ноги:

— Ты же не отстранишь меня! Только не сейчас!

— Шарли…

— Луиджи только что убили на моих глазах после того, что сделала *я*, после *моих* слов, так что ты не будешь меня благодарить: «Спасибо, Шарли, ты была очень полезна, но облажалась, так что до свидания»! Нет!

— Шарли…

— Я возвращаюсь, я не могу сейчас их бросить! Он говорит со мной и будет отвечать передо мной! Ты понимаешь?

— Ты больше не в состоянии…

— Я соберусь и вернусь туда! Никто лучше меня не понимает сейчас, как важно каждое слово, никто! Я не брошу себя!

Янис больше не пытался ей противоречить — он слушал.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а потом он наконец кивнул.

— Прежде немного приди в себя, — сказал он. — Я буду в режиссерской.

Шарлен облизнула губы и сдержала подступавшее к горлу рыдание. Сейчас не время. Янис, настоящий радар эмоций, должно быть, это по-

чувствовал, потому что взял ее за руку и сжал, одарив успокаивающей улыбкой.

— Ты сказала: «Я не брошу себя», говоря о себе самой, — отметил Янис чрезвычайно мягким тоном. — Красноречивая оговорка, правда?

Шарлен закусила губу и кивнула.

Он еще раз сжал ее руку и отошел.

Она держалась, пока он не скрылся в производственной зоне, а потом хлынули слезы.

Вернувшись в режиссерскую, Шарлен обнаружила новых людей, которых мельком видела вечером на брифинге. В том числе полковника Дюпра, начоперштаба, как они его называли, с суровым и безжалостным выражением лица. Его сопровождал настоящий амбал, командир группы захвата.

Начоперштаба передал приказы Остену:

— Убираем снайперов.

Остен возмутился:

— Без них штурм может начаться только от дверей, противник получит возможность…

— Этого требует Матиньон. В то же время они хотят, чтобы мы гарантировали, что больше не будет жертв.

Капитану пришлось воздержаться от комментариев.

— Хорошо, полковник, — сказал он тоном, по которому было совершенно ясно, что именно он обо всем этом думает.

Полковник Дюпра обратился к Янису:

— Амар, как вы думаете, вы сможете возобновить переговоры?

— Если уберем стрелков, сможем предпринять попытку.

— Тогда действуйте и добейтесь чего-нибудь. Разрядите эту ситуацию.

— Да, полковник.

— Когда я говорю «вы», я имею в виду именно вас, понятно?

Янис напрягся. Потом снова заговорил спокойным и доброжелательным тоном:

— При всем уважении, полковник, я добьюсь большего с помощью мадам Кермадек, чем если буду вести переговоры сам.

— Она в состоянии?

— Она перед вами, можете спросить у нее, — ответила Шарлен.

Дюпра искренне улыбнулся.

— Да, очевидно, — удовлетворенно сказал он. — Очень хорошо. Разбирайтесь вдвоем как хотите, но выжмите что-нибудь из этого обмена. Я не хочу остаться с трупом и провальным штурмом

как единственной перспективой.

— Понял, — ответил Янис.

Полковник настаивал:

— Янис, может быть, вы сумеете выторговать немного времени у этого Кратоса, но в Елисейском дворце вам его не дадут. Я знаю политиков. Их только что унизили. Они хотят, чтобы восторжествовали государственные интересы. Они приказали нам доставить его голову на блюде до рассвета. У вас еще есть время, чтобы разрулить этот бардак.

45

Пятнадцать минут, данные Кратосом, подходили к концу.

Шарлен глубоко вдохнула и включила микрофон.

— Они согласились протянуть вам руку, — сказала она. — Стрелки уйдут с антресолей.

— Кто эти «они»?

— Силовые структуры.

Она не хотела упоминать правительство, она усвоила урок: необходимо дать ему понять, что между ним и властью есть несколько посредников. Ничто не может выражаться простым «да» или «нет», нужно время, цепочка командования между ним и высшей властью размыта.

— А президент?

— Полагаю, его держат в курсе. Кратос, вы должны знать: это было непросто, никто не хотел соглашаться, военные, как и политики, отказывались уступать насилию. Я… Мне пришлось настаивать, доказывать, что мы уже не можем изменить то, что произошло, но, согласившись убрать снайперов, мы, я думаю, доказали вам

наше намерение найти благоприятный выход для всех.

Произнести это не дрогнув, когда тело Луиджи все еще лежит там, растиражированное на мониторах видеонаблюдения, было настоящим испытанием для Шарлен, но она справилась без запинки. Янис попросил ее стать центром переговоров, чтобы Кратос считал ее своим единственным союзником против всех остальных, чтобы побудить его вести диалог через нее, а не требовать прямого разговора с президентом.

— Спасибо, Шарли. Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

Шарлен не смогла удержаться:

— Его звали Луиджи. У него были жена и дочь.

— Вы не оставили мне выбора.

— У вас был выбор. Не приходить сюда делать то, что вы делаете, не стрелять, освободить заложников. Вы отвечаете за свои решения и за их последствия. Так же как у вас есть выбор сделать жест доброй воли, освободив остальных.

— Об этом не может быть и речи.

— Снайперы…

— Они все еще там, я их вижу, их оружие нацелено на меня, они готовы меня убить.

Остен кивнул своему заместителю, и Натэ от-

дал команде 4 приказ эвакуироваться.

Мгновение спустя Кратос одобрил:

— Вот так-то лучше.

— Слово есть слово. А вы хоть иногда даете слово?

— Давно перестал.

— Почему?

— Когда перестал верить в будущее. Какой смысл обещать, когда нет никакого будущего?

— Вы потеряли работу? Вашу… семью?

— Это закрытая зона, Шарли. Я не буду говорить о себе.

Шарлен стиснула зубы. Как вести переговоры, если она ничего о нем не знает?

— Еще кое-что. Я хочу, чтобы вы включили кондиционер посильнее. Ты была права, здесь становится жарко.

Янис поднял указательный палец, призывая Шарлен выждать минуту, не хвататься слишком быстро за эту возможность, а затем дал знак продолжать.

— Вы убили Луиджи. Мы вывели стрелков. И вы все еще чего-то требуете, Кратос, вы это понимаете? Люди вокруг меня не очень склонны удовлетворять ваши требования. Все, что вы даете взамен, — это смерть.

— И могу повторить еще четыре раза, если мне нужно добиться уважения.

— А дальше что? Вы убьете всех заложников, наступит рассвет, и у вас не останется больше никаких аргументов, чтобы получить свои деньги. Это неумно.

Молчание.

— Что ты предлагаешь?

— Мы сделали большой шаг вам навстречу, мы продолжим, но теперь ваша очередь. Услуга за услугу. Выигрывают все.

— Что ты хочешь?

— Паолу, Бакари и Режи.

Смех Кратоса через голосовой синтезатор был прерывистым, пугающим.

— Чтобы у меня ничего не осталось?

— Останется самое важное: Поль. Перед камерой, с вами.

— «Дорогой Поль…» — насмешливо произнес Кратос.

При упоминании своего имени Поль, который словно отключился от реальности, чтобы выдержать происходящее, моргнул, встревоженный ролью, которую ему отвели. Он приоткрыл рот, чтобы заговорить, но передумал, не в состоянии подобрать слова. Похоже, он был на пределе.

— Об этом не может быть и речи. Они остануться. На рассвете, если у меня не будет пятидесяти миллионов, я начну убивать их одного за другим, каждые полчаса. Это называется штрафы. Ты знаешь, Шарли, что такое штрафы? Бьюсь об заклад, что нет. С твоей телевизионной зарплатой ты никогда не уходила в минус, правда?

Она должна была продолжать в доверительном тоне, чтобы он чувствовал себя как можно ближе, это способствовало бы принятию решения в ее пользу. И она ответила откровенно:

— Я в минусе почти каждый месяц. Трачу обычно на всякую ерунду, это правда, просто потому, что это меня занимает, потому, что хочу получать удовольствие, покупаю…

— Чтобы почувствовать себя живой? Все это — твои неоднозначные отношения со смертью?

— Возможно. Знаете, даже когда зарабатываешь хорошо, бывают проблемы с деньгами. Это касается не только самых низкооплачиваемых.

— Как ты можешь сравнивать себя с теми, кто работает, чтобы выжить?

— Думаю, в этом вопросе никто не имеет права меня поучать.

Очередная пауза.

— Ты права. Прошу прощения.

Шарлен выиграла очко, и нужно было этим воспользоваться.

— Одного заложника, Кратос. Паолу. У вас останется достаточно…

— Я сказал, что об этом не может быть и речи.

— Здесь больше никто вам не доверяет. Все задаются вопросом, смогут ли поверить вам в момент обмена Поля на выкуп. Вам стоит проявить немного доброй воли, чтобы помочь мне их убедить.

— Потому что ты мне доверяешь?

— Да. Я решила вам верить.

— Попроси что-нибудь другое.

— Дать нам вынести тело Луиджи. Мы не можем его так оставить. И для остальных это…

— Травматично? Не волнуйся, они видели, как он умер у них на глазах, они заложники, в плане травмы им уже досталось по полной. Нет, я не позволю вам войти. Ты думаешь, я не знаю, что произойдет, если я позволю фликам проникнуть в мое пространство?

Шарлен исчерпала аргументы, выругалась и отключила связь.

— У меня не получается!

— Это нормально, — попытался успокоить ее Янис. — Переговоры — это долгие часы, чтобы от-

воевать сантиметры территории у противника. Потерпи. Ты отлично справляешься.

— Но я ничего о нем не знаю. Как мне строить разговор? Никакого рычага, никакой зацепки.

Сбоку от режиссерской звукоинженер Боб поднял руку, как школьник на уроке.

Остен вопросительно посмотрел на него.

— У нас будет проблема, — сказал инженер. — Батарейки в наушнике почти сели. Я, как всегда, менял их вчера перед вечерними новостями, но они редко держат больше пяти-шести часов, особенно при такой интенсивной работе.

— На площадке есть другие наушники, которые мы могли бы попросить его надеть? — спросил Остен.

Дан немного смущенно предложил:

— Наушники Луиджи?

За неимением лучшего никто не осмелился ему возразить.

Шарлен готовилась объяснить это Кратосу. Он наверняка заподозрит уловку, попытку навредить ему, хотя это реальная техническая проблема.

Родрик внезапно появился перед ней и Янисом.

— У меня есть идея, — заявил он. — Вы хотите

идентифицировать этого Кратоса? Узнать его личность? Думаю, я знаю, как это сделать. Но это будет непросто организовать.

46

Шарлен казалось, что она заперта в этой плохо освещенной комнате уже много дней. Даже лет. Она только что проглотила таблетку долипрана и надеялась, что он быстро подействует. Было без двадцати два ночи. С начала захвата прошло больше пяти часов.

Кратос объявил, что выступит около двух ночи, чтобы объяснить условия выплаты выкупа. Времени оставалось мало.

— Во сколько рассвет? — спросила Шарлен, которая еще не была готова приступить к новым переговорам.

Дан давно уже все проверил и объявил:

— В Париже сегодня солнце взойдет в 8:04.

Шесть часов. Это все, что у них оставалось, чтобы переломить ситуацию. Очень мало и в то же время целая вечность. Это означало, что они прошли только половину этой адской ночи.

Шарлен вздохнула. План отработан, одобрен спецназом. Она нажала кнопку связи, чтобы открыть канал.

— Вы подумали?

Кратос — черная фигура в зеркальной маске — ждал на своем месте, все чаще потягивая через трубку свой «Кэмелбэк»[32], и только что проглотил вторую таблетку из коробочки на столе. Если это каптагон, скоро он очень сильно возбудится, и Янис сказал, что надеется, что это только кофеин, а не наркотик. Наркотические вещества делали поведение непредсказуемым, а переговоры практически невозможными. Кратос настороженно пожал плечами:

— Здесь по-прежнему не работает кондиционер.

— Я вас предупреждала: люди рядом со мной не слишком склонны удовлетворять ваши желания после того, что вы сделали.

— Если ты не способна добиться этого для меня, может быть, мне стоит поговорить напрямую с начальником фликов или лучше лично с Амели де Кастельнак?

— С руководством канала, серьезно? Вы же знаете, единственный интерес канала — растянуть эту эпопею как можно дольше, на два или три дня, если получится, для их рейтингов, и чтобы все закончилось как можно хуже. Когда ничего

---

[32] Сноски: 32

«Кэмелбэк» — системы для питья, которые позволяют пить через трубку без использования рук.

не происходит, никто не смотрит новости, зато стоит объявить о трагедии в прямом эфире, и будет аншлаг. Нет, думаю, вы бы только проиграли. Что касается силовиков… Поверьте, от них нельзя ждать такого же понимания, как от меня. Кстати, напомню, что я добилась ухода снайперов, а ведь никто здесь не хотел вам уступать.

— Тогда почему у меня нет кондиционера? Какой эгоизм — не думать о заложниках. Им тоже жарко.

То, как он добавил об эгоизме и заложниках, было явной провокацией. Если он и разозлился, то уже успел успокоиться, и чувство вины, похоже, его не грызло, хотя тело Луиджи лежало прямо перед ним.

— Услуга за услугу. Мы уже удовлетворили многие ваши требования. Теперь ваша очередь.

— Я же сказал, что ни один заложник отсюда не выйдет. Предложи что-нибудь другое.

— Мы к этому придем, но есть небольшая проблема, которую нужно решить заранее. Через несколько минут мы больше не сможем разговаривать. Батарейки в наушнике почти сели.

— Чушь.

— Нет, это правда. Поль сейчас нас не слышит, поскольку наушник у вас. Спросите у него, на

сколько хватает батареек.

Кратос поколебался, затем выполнил просьбу.

Дан подошел сзади и предложил:

— Я могу вывести на суфлер третьей камеры то, что мы хотим сказать Полю. Написать ему «шесть часов»?

— Нет, — сказал Янис, — это рискованно. Если Кратос заметит подвох, мы спалимся, и он вообще перестанет нам доверять.

Все зависело от любознательности и памяти Поля.

Ведущий, удивленный таким обращением, принял значительный вид и задумался.

У Шарлен снова вспотели ладони.

Умоляю тебя, Поль, докажи нам, что ты действительно знаешь все на свете.

Это всегда раздражало всех в редакции — у Поля непременно по любому вопросу имелось собственное мнение, которое он обычно дополнял подходящим анекдотом, — ходячая энциклопедия, содержащая все знания планеты.

— Я… я не уверен. Кажется, Боб, наш звукоинженер, меняет батарейки перед каждым выпуском.

— Это не то, что я хочу знать, — угрожающе произнес Кратос.

Вдруг в глазах Поля загорелся свет, и он вы-

прямился:

— Но когда я веду спецвыпуск, мне меняют наушник каждые четыре-пять часов, между рекламными паузами или во время репортажа, так что, полагаю, батарейки держатся минимум пять, может быть шесть часов.

Спасибо, Поль.

Лицо ведущего отражалось в маске, которая возвышалась над ним. Кратос, явно заинтригованный, пытался оценить, нет ли здесь ловушки.

Черная фигура повернулась к камере:

— Шарли, знаешь, ты мне нравишься. Я ценю наше общение.

— Хотела бы я сказать то же самое.

Она уловила что-то похожее на улыбку, пойманную микрофонами, несмотря на балаклаву и маску.

— В любом случае согласитесь, что я вам полезна. Без этого наушника вы остались бы в одиночестве. Честно, вы бы хотели обойтись без меня?

— А если я возьму наушники вашего друга? Они ему больше не нужны.

Он направил оружие на тело Луиджи.

Шарлен сделала усилие, чтобы не поддаться эмоциям, сохранить контроль.

— В таком случае вам придется прицепить передатчик к поясу, и наушники полностью закроют вам по крайней мере одно ухо. Могу это подтвердить, у меня сейчас такие же. Будет сложнее слышать то, что происходит со стороны Поля. Что ж, попробуйте. Но и в передатчике тоже есть батарейки, их нужно успеть поменять до рассвета, так что мы вернемся к исходной проблеме.

Янис поднял большой палец.

Кратос не ответил. И не шелохнулся.

Он огорчен, но у него нет решения. Сейчас самое время.

— Снайперы ушли, кондиционер будет включен, и мы дадим вам новый наушник. Видите, я иду вам навстречу и проявляю щедрость.

— Никаких заложников.

Шарлен изменила тон на более властный. Пора дать ему почувствовать, что даже она, его единственный союзник, немного от него отстраняется:

— Кратос, если вы мне ничего не дадите, я больше ничего не смогу для вас сделать, вы это понимаете?

— Тем хуже. Нам будет жарко, и мы с тобой больше не сможем слышать друг друга.

Шарлен подавила желание выругаться. Все

срывалось.

— На самом деле все это видимость, — выпалила она с искренней горечью. — Ваши красивые речи о человечестве, которое способно изменить мир, ваше негодование… Вы заставляете меня открываться, и я выбалтываю перед всеми на свете, что у меня суицидальные мысли… Все это сплошная игра, вы готовы брать, но когда дело доходит до того, чтобы что-то дать, — полная пустота.

— Ты меня не знаешь.

— Мне не нужно знать, кто вы такой, чтобы понять, что вы просто краснобай. Это видно по вашим поступкам.

— Не суди меня.

— И что тогда? Вы разозлитесь, как капризный ребенок, и принесете в жертву еще одну жизнь?

Янис положил руку на ее руку, призывая успокоиться. Наступила тишина. Бесконечная тишина.

— Я позволю тебе забрать тело.

Это шло вразрез с планом. Спецназ хотел заставить Кратоса согласиться отдать наушник заложнику, который будет освобожден, а взамен новый наушник будет передан через приоткрытую дверь.

— Этого недостаточно, — возразила Шарлен. —

Отдайте ваш наушник заложнику, который…

— Осторожно. Вы, кажется, не воспринимаете меня всерьез! Я сказал: заложники остаются со мной!

Она его теряла, он снова начинал злиться, причем очень сильно, и грозил разорвать их и без того хрупкую связь.

— Хорошо, я поняла. Никаких заложников. Тогда тело Луиджи.

— И это ты, Шарли, приносишь мне батарейки. Только ты, и никто другой.

Янис запрокинул голову. Шарлен покосилась на него. Было совершенно очевидно, что он против, — все в нем кричало, что следует отказаться. Шарлен не могла снова лезть в пасть льва. В прошлый раз чуть не случилась беда.

Но он также знал, что у них больше нет выбора. Получить наушник Кратоса означало получить его ДНК и благодаря этому определить его профиль. У этого человека явно сложное прошлое, наверняка он уже значится в базе данных. Они смогут его идентифицировать, и таким образом есть шанс дать второе дыхание переговорам, которые начинали затухать.

Янис закрыл лицо руками.

— Вы все еще не верите в будущее? — спросила

Шарлен у Кратоса.

— Почему ты спрашиваешь?

— Вы сказали мне, что больше не хотите давать обещаний, потому что будущего нет.

— Это правда.

— Конец этой ночи, ваш выкуп, вы на свободе, чтобы им насладиться, — это не то будущее, в которое вы хотите верить?

— Оно в ваших руках.

— В таком случае я отвечу вам тем же: пообещайте, что не причините мне вреда.

Он задумался.

— Даю слово.

— Я могу в это верить?

Кратос приставил дуло «глока» к своей серебряной маске.

— Если я его нарушу, следующим буду я.

Шарлен глубоко вдохнула, потом произнесла:

— Договорились, я иду. А взамен забираю Луиджи. Вы обещали, Кратос.

Маска кивнула.

— И последнее. Мне не нужен новый наушник. Только батарейки.

Подонок только что догадался.

47

Капитан Остен преградил Шарлен выход из режиссерской:

— Вы туда не пойдете.

— Я могу справиться, мы просто переходим к плану Б.

— Это исключено. У меня больше нет стрелка с визуальным контактом с целью, я не смогу гарантировать вашу безопасность.

Вмешался Янис:

— Он дал слово, и я думаю, он его сдержит.

— Ты готов рискнуть ее жизнью, полагаясь на свою интуицию, Амар? — возразил Остен, указывая на Шарлен.

— Начоперштаба попросил нас найти выход до рассвета, и у меня нет других вариантов. А что предлагаешь ты?

Остен нахмурился. Глубокие морщины, показатель его настроения, стали еще резче. Затем отступил, давая им пройти.

— Под твою ответственность, — объявил он Янису, когда тот проходил мимо.

На мостике спецназовцы, в основном старшие

офицеры, наблюдали за операцией. Боб подошел к Шарлен.

— Держи, вот батарейки, — сказал он. — Это несложно, я покажу.

Он взял наушник, который принес с собой, и объяснил, как их менять.

Янис воспользовался моментом, чтобы в последний раз убедиться в готовности Шарли:

— Ты не обязана. Я могу тебя заменить.

— Тебе он точно доверять не будет, и все провалится.

— Ты осознаешь, на какой идешь риск?

Шарлен сморщила нос:

— Предпочитаю об этом не думать.

Закончив инструктаж, Боб отошел. Янис продолжил:

— Насчет тела Луиджи: предупреждаю, это будет шок. Ты не сможешь положить его на пол одна.

— Бакари поможет.

— Потом тяни изо всех сил к двери, но не смотри на него. Понятно?

Она кивнула. Внезапно осознав, что она собирается делать, с сомнением спросила:

— А если Кратос раскусит мой план?

— Этого не случится, мы отвлечем его внима-

ние.

— А если не сможете?

— Тогда просто даешь ему батарейки, забудем об этом и возвращайся. Но ты все сделаешь идеально, он ничего не заметит.

У Шарли подкашивались ноги — ей казалось, она вот-вот упадет.

Команда 1 штурмовой колонны находилась в маленьком коридоре. Они ждали только прихода Шарлен. Оставались готовыми к штурму, если поступит приказ, в то время как команда 2, вернувшаяся из Булони в качестве подкрепления, — Жислен, Клем, Марко в сопровождении командира тактической группы Черно с его ушами-варениками — обеспечивала безопасность Шарлен. Если что-то случится, их задача — попытаться любыми средствами защитить ее и обеспечить эвакуацию.

Восемь тяжело экипированных солдат в белом светлом коридоре. Устрашающее зрелище.

— Пожелай мне удачи, — сказала она Янису.

— Нет, я лучше скажу: до скорого!

И, не оборачиваясь, он уверенным шагом вернулся в режиссерскую.

Янис сел на место Шарлен, готовясь надеть ее наушники. Боб проходил мимо, и Янис схватил

его за рукав:

— Вы могли бы послать мощную наводку[33] в наушник Кратоса, если понадобится?

— Ну… технически, думаю, да. Не гарантирую с точностью до секунды, но в принципе это возможно. Если что-то пойдет не так, чтобы отвлечь его, да?

— Что угодно, чтобы сбить его с толку, дать нам лишнюю секунду, — все годится.

— Буду следить за вами, и, если вы поднимете руку, я разнесу ему барабанные перепонки.

Янис поблагодарил Боба и подозвал Сеньона и Магали, которые как раз входили в режиссерскую:

— Если вы его идентифицировали, самое время нам об этом сказать, потому что мы собираемся отправить девушку ему в лапы.

— Мы над этим работаем, — ответил Сеньон.

— Типа может получиться вот-вот или как карта ляжет?

— Все очень непредсказуемо, — ответила Магали.

---

[33] Сноски: 33

Наводка в контексте звукотехники — резкий, пронзительный звук высокой частоты, который возникает при акустическом фидбэке (когда микрофон улавливает звук из динамика и создается замкнутый круг усиления).

Янис вздохнул.

— Расскажете, какой у вас план? — спросил Сеньон.

— Идея в том, чтобы заполучить его ДНК. Для этого Шарлен, вон та рыжая девушка, пойдет менять ему батарейки в ушном вкладыше. На самом деле она подменит его на такую же модель, а нам принесет тот, которым он пользовался.

— Рискованно.

— Поэтому ваш коллега… — он повернулся на стуле к Франку, сидевшему за клавиатурой в третьем ряду, — попытается попросить Поля Даки-Феррана устроить отвлекающий маневр, чтобы переключить внимание Кратоса в момент обмена.

— Совсем рискованно, — повторил Сеньон.

— У нас нет другого выхода.

Майор Натэ воскликнул:

— Она заходит, тишина!

Режиссерская замерла.

На одном из мониторов видеонаблюдения дверь студии медленно открылась, и возникла Шарлен.

— Франк, как только сможешь, — сказал Янис.

Кратос стоял, приставив пистолет к виску ведущего. Оба наблюдали за Шарлен.

— Пока он смотрит туда же, куда и Кратос, я ничего сделать не могу, — пожаловался усатый.

— Когда Шарлен будет с ними, она попытается подать знак Полю, чтобы тот посмотрел на суфлер камеры три, — сообщил переговорщик.

Шарлен осторожно продвигалась вперед, подняв руки.

Она сказала что-то неслышно для режиссерской, Кратос кивнул, и она подошла к столу. Двигалась она спокойно, без резких движений, сосредоточенно. Янис чувствовал, что она нервничает, но вместе с тем предельно собранна. Ей было трудно поднять голову и посмотреть на серебряное лицо.

— Мы все в жизни носим маски, — заявил Кратос.

В микрофонах раздался далекий голос Шарлен:

— Ваша маска защищает вас от чувства вины?

Кратос не ответил.

— Я принесла батарейки.

Голос звучал несколько неуверенно, но кто мог ее в этом упрекнуть?

— Дай их мне.

Нельзя было допустить, чтобы он все сделал сам, иначе манипуляция станет невозможной.

— Тогда снимите перчатки, — сказала Шар-

лен. — Наушник маленький, нужно открутить кончик, а это можно сделать только ногтями.

— Молодец, Шарли, — прошептал Янис.

Кратос определенно не собирался так глупо раскрываться и всюду оставлять свои отпечатки. Он просунул руку под балаклаву, вытащил крошечный цилиндр и протянул Шарлен:

— Сделай сама.

Они стояли по разные стороны огромного стола, их разделяло несколько метров. Молодая женщина тяжело дышала, стараясь не выказывать тревогу, Янис почти слышал, как стучит ее сердце.

Это был момент, когда ей предстояло войти в пределы его досягаемости — он мог протянуть руку, схватить ее и добавить еще одного заложника в свою коллекцию.

Янис очень волновался.

Шарлен идеально выдержала нарочитую паузу, затем обошла стол, приблизилась и раскрыла ладонь.

— У нее железные нервы, — восхитилась Магали.

Действительно, Шарлен выдерживала присутствие Кратоса, на этот раз с вызовом глядя прямо в глаза маски. Нужно было иметь мужество,

чтобы не дать себя запугать этому гораздо более массивному существу в устрашающем облачении, зная, что́ ей предстоит сделать, и понимая, что за ней наблюдает весь мир.

— Он высокий, — заметил Сеньон, который наконец получил возможность сравнить — он наблюдал за Шарлен достаточно долго и прикинул ее рост.

Кратос был выше ее минимум на пятнадцать сантиметров.

— Где-то около метра восьмидесяти пяти.

Янис хорошо представлял, каково сейчас Шарлен, ощущал ее страх, потому что научился ее понимать. Он чувствовал, что она колеблется, но не подает виду. Сильная девушка, намного сильнее, чем она сама о себе думает. У нее низкая самооценка, но при этом проницательный, острый ум и безошибочная интуиция. Это было очевидно по тому, как она откликается на каждую реплику Кратоса, как виртуозно строит диалог. Из нее вышел бы отличный переговорщик.

Но в этот момент она была обычным человеком, который добровольно подвергает свою жизнь опасности, чтобы спасти коллег на глазах всей планеты, и психологическая нагрузка была запредельной.

Тем не менее Шарлен держалась. Только намек на дрожь в голосе вначале — почти незаметный, но Янис слушал ее часами и теперь, зная ее, фиксировал малейшую перемену. Большинство телезрителей, вероятно, вообще ничего не заметили.

Кратос положил свой наушник ей на ладонь.

— Хорошо, сейчас она попытается привлечь внимание Поля, чтобы показать ему камеру три, — предупредил Янис. — Франк, будьте готовы.

Дан, Родрик и Марван впились в экраны, чтобы уловить, куда направлен взгляд Поля и куда обращена маска Кратоса. Нужно было, чтобы они смотрели в противоположные стороны.

Шарлен развинчивала устройство. Простая и быстрая операция — она не торопится, но все займет не больше минуты. Даже если руки влажные.

— Давай, давай, — нетерпеливо говорил Янис. — Посмотри на нее!

На одной из камер, которая была на оси Шарлен, было видно, что она регулярно поднимает глаза на Поля. Но тот смотрел на ее руки, а дуло Кратоса было прижато к его виску.

— Он не сможет повернуться к суфлеру камеры

три, — вмешался Дан. — Не с пушкой у головы! Это провал!

Татуированный был прав. Даже если Поль поймет сигнал Шарлен, он не сможет его исполнить. Конфигурация пространства совсем не соответствовала тому, что они себе представляли, составляя план.

Шарлен заменила батарейки.

— Дай мне, — сказал Кратос, который не спускал с нее глаз.

— Нужен новый отвлекающий маневр! — воскликнул Янис.

Боб из дальнего угла комнаты вопросительно посмотрел на него. Янис покачал головой. Наушник все еще был в руке Шарлен — бессмысленно вызывать наводку сейчас.

Капитан Остен включил рацию:

— Команда один, Вик, урони щит.

В своем оперативном шлеме, который Янис надел на правое ухо, чтобы освободить левое для наушников Шарлен, он услышал, как Вик, боец во главе колонны, ответил:

— Простите? Повторите приказ.

— Ты меня понял: брось щит! — прошипел Остен сквозь зубы.

Раздался грохот, который прокатился по всей

производственной зоне, и все вздрогнули.

Кратос вдавил «глок» в голову Поля, которому пришлось наклониться, и серебряная маска повернулась к приоткрытой входной двери, за которой стояли бойцы спецназа. Щит упал у их ног.

Но Янис смотрел только на Шарлен. Хватило ли у нее хладнокровия и сообразительности понять, что отвлекающий маневр сделали для нее?

Он увидел, как она плавным и быстрым движением меняет наушники, — получилось!

Увы, это увидел не только он.

Кратос убрал пистолет от виска Поля и резко приставил дуло ко лбу Шарлен.

48

Высокая фигура, словно сама смерть в современном обличье, наставила пистолет на Шарлен, готовая разнести ей голову раскаленным свинцом.

— Что ты сейчас сделала?! — гневно воскликнул Кратос.

Остен обменялся многозначительным взглядом с Янисом.

— Всем командам, готовность, — сказал капитан по рации.

Елисейский дворец выразился достаточно ясно: больше никаких жертв. Другими словами, это означало, что, если Кратос хладнокровно убьет заложника до того, как вмешается группа захвата, жандармерия будет привлечена к ответственности. Но все в группе прекрасно знали, что штурм в подобных обстоятельствах может привести как минимум еще к одной жертве, поскольку у Кратоса было так называемое преимущество позиции. Вдобавок нужно учитывать и возможную реакцию его сообщников в Булони, которые увидят происходящее в прямом эфире. Прервать транс-

ляцию немедленно казалось невозможным, тем более что телеканал отказывался сотрудничать.

Шарлен была мертвенно-бледна, ее веснушки исчезли под светом прожекторов.

— Ничего…

— Не лги мне!

— Я тут ни при чем! Это военные… Они часами ждут в коридоре, кто-то просто уронил свой щит, который весит тонну, это не я…

Кратос разозлился еще сильнее:

— Я видел, что ты сделала! Что ты сунула в карман?

Шарлен нарочно очень медленно, чтобы не спровоцировать выстрел, вытащила руку из кармана.

— Клянусь вам, что…

— Я видел, ты что-то положила в карман!

Шарлен разжала пальцы и показала:

— Это использованные батарейки. И все. Я… я не хотела бросать их на пол.

Кратос угрожающе смотрел на нее сверху вниз, не отводя пистолета.

— Вы… вы обещали, — сказала Шарлен.

«Глок» вернулся к виску Поля, который снова напрягся, и Кратос рявкнул:

— Выходи. Забирай своего друга и выходи.

Шарлен с трудом сдерживала рвоту. От страха, отвращения, облегчения, тревоги — она уже сама не знала отчего. Все смешалось, голова кружилась.

После выстрела Луиджи рухнул на стул, руки безвольно свисали, бачки и взъерошенные волосы пропитались кровью. Это зрелище казалось особенно невыносимым из-за контраста между ужасной, неестественной позой и беззаботной гавайской рубашкой.

Шарлен схватила его за плечи. Она чуть не вздрогнула, почувствовав, что он еще теплый, словно до сих пор живой. Слезы застилали ей глаза, но она сдержалась. Луиджи был невероятно тяжелым. Шарлен с трудом сдвинула тело, и сразу же в правом боку возникла резкая боль. Почти на этом же месте она упала два часа назад.

— Я помогу, — вызвался Режи.

— Если заложник попытается сбежать, я его пристрелю! — пригрозил Кратос, направив на них оружие.

Режи кивнул. Затем, с перетянутыми скотчем запястьями, подхватил Луиджи под мышку, как сумел, и с кряхтеньем приподнял. Бакари хотел подойти помочь, но Кратос прикрикнул:

— Сиди на месте! Они справятся вдвоем.

Шарлен ухватилась изо всех сил за штанины Луиджи. Она даже не представляла себе, как много может весить человеческое тело. Словно сама смерть своей тяжестью придавила Луиджи.

Режи было не легче — мешали путы на руках. Он вцепился в гавайскую рубашку и футболку с надписью *Sex Pistols*, стараясь, чтобы голова у мертвеца не очень болталась, и так они с Шарлен приблизились к выходу.

Из дырки над правой бровью сочилась кровь. Без всякого внутреннего давления — так при каждом толчке проливается жидкость из наполненного до краев стакана. Попадание было чистым, пуля вошла и мгновенно все выжгла, ударная волна превратила в кашу тысячи сосудов и размозжила мозговую ткань. Луиджи умер прежде, чем упал.

Пуля все еще сидела в нем.

Зачем ты об этом думаешь!

Это было сильнее ее. Она не могла удержаться и не смотреть на бедного Луиджи, хотя Янис ей это запретил. Ей не удавалось ничего с собой поделать.

Она дрожала и беззвучно плакала.

Сколько крови! Ей и в голову не приходило, что крови может быть так много и что она может

безостановочно вытекать из такой крохотной дырочки.

— Хватит! Возвращайся на место, она закончит одна, — приказал Кратос.

Режи обменялся понимающим взглядом с Шарлен. Отчаяние и смирение. Затем он как можно бережнее опустил на пол мертвого коллегу.

Шарли вдруг вспомнила, как Янис внушал ей, что она ни в чем не виновата, и подумала о моменте выстрела. Напрасно она пыталась восстановить в памяти слова, которые произнесла в этот миг, — ее подсознание словно отказывалось поверить, что это она и спровоцировала весь этот ужас.

Она тянула Луиджи изо всех сил, волокла его по плиточному полу, всем корпусом откидываясь назад. Она была почти у цели.

Последние три метра были самыми страшными. Шарлен больше не понимала, что весит больше — тело Луиджи или давящее чувство вины, — и каждый шаг становился непосильным… А может, это из-за темной полосы, которую он оставлял за собой. Она уже не знала, кровь это или следы крушения веры в собственную невиновность, но одно было ясно: она никогда не будет прежней Шарлен.

Появились руки в перчатках и втянули ее в коридор вместе с телом Луиджи. А потом дверь закрылась.

49

Гора мускулов, Клем, поднял Шарлен на мостик производственной зоны, где она, пошатываясь, совершенно потерянная, распрямилась и встала на ноги. Янис ждал ее, и она рухнула в его объятия. Она уткнулась лицом в шею почти незнакомого человека, чей запах и присутствие ее успокаивали, и крепко прижалась к нему. Шарлен было все равно, что он слишком близко, это не имело никакого значения: он был ее единственной опорой, и ей нужно было за кого-то уцепиться. Она сдалась и заплакала. Слишком много. Чересчур. Она была на пределе.

Янис обнял ее и не отпускал, пока не появился черный мешок с телом Луиджи, который вскоре пронесли мимо. С этажа его эвакуировали Клем, Марко и Жислен. Тело поместят в подвале, в специально оборудованной буферной зоне, где разместили средства первой помощи, доставленные в срочном порядке на случай любой непредвиденной ситуации. «Скорая» или катафалк смогут забрать его уже гораздо позже, утром, и отвезти в парижский НИИ криминалистики

для обязательного вскрытия.

Сеньон и Магали ждали неподалеку.

Совершенно обессиленная Шарлен, немного успокоившись, заметила их и поняла. Достала наушник из кармана и положила его в пакет, который протянула ей брюнетка.

— Нам для экономии времени нужен образец вашей ДНК, — сообщила Магали. — Вы его касались, так что на нем осталась ваша контактная ДНК. Нам нужно исключить ее из результатов, чтобы выделить ДНК Кратоса.

— Хорошо. Думаю, плечо Яниса тоже покрыто моей ДНК, — сказала Шарли, слегка покраснев. — Простите.

Янис в знак утешения провел рукой по ее щеке. Ладонь была теплой и излучала доброту. Шарлен пришлось сдержаться, чтобы не вцепиться в нее и не прижать к щеке сильнее.

— Там будет и ДНК Поля, — заметил Янис.

Надев маску-респиратор и готовя инструменты, Магали пояснила:

— Один из наших сотрудников уже собрал образцы с вещей Даки-Феррана наверху в его кабинете. И звукоинженер тоже прошел процедуру.

Шарлен открыла рот, чтобы ей провели ватной

палочкой по внутренней стороне щек. Затем все генетические материалы молниеносно унесли к лифтам.

— Надеюсь, он есть в ваших базах данных, — сказала Шарлен.

— Я в этом уверен, — ответил Янис.

К ним подошел худой тип в костюме, которого Шарлен видела на совещании. Казалось, он весь, от кончиков пальцев до бровей, зарос волосами. Прокурор республики, вспомнила она.

— Вы вели себя очень мужественно, — заявил он, протирая очки полой пиджака.

И так же незаметно, как подошел, растворился среди старших офицеров. Шарлен все равно не знала, что на это сказать, и повернулась к Янису:

— Кратос что-нибудь говорил после того, как я ушла?

— Нет, он готовится выступать. Рассказывать о процедуре оплаты.

— Хорошо. Я иду в режиссерскую.

Янис удержал ее за запястья:

— Ты уверена?

Она энергично кивнула:

— Все хорошо. Я выплакалась, теперь могу вернуться.

Переговорщик не ослаблял хватку.

— Но ты был прав, — призналась она. — Мне не стоило смотреть. Просто я не могла удержаться.

В этом чисто визуальном мире, где властвуют изображения, ее признание прозвучало как жестокая ирония.

50

На мостике, в центральной части производственной зоны, в этом огромном пространстве белой кожи и слепящих неоновых ламп, собрались Сеньон, Магали, Франк, Янис и полковник Дюпра, начальник оперативного штаба спецназа, он же начоперштаба, чтобы подвести итоги.

— Вопрос о том, насколько он опасен, снят с повестки, — начал Дюпра. — Он способен убивать. Теперь пути назад нет. Он сам знает, что может это делать, он извлек из этого выгоду, получив то, на что надеялся, и мы больше не имеем права на ошибку. Как продвигается его идентификация?

Магали ответила:

— Наушник отправлен для сбора ДНК. НИИ криминалистики прислал нам мобильную лабораторию, которая снаружи выглядит как обычный автобус. Результат будет через два часа.

— Два часа — это долго. Такой человек может многое натворить, — проворчал Дюпра. И повернулся к Янису. — Ну а у вас пока что готов профиль, Амар?

— Вероятно, больше сорока или даже пятидеся-

ти лет, судя по тому, как он описывает общество. Не убежденный политический активист, слишком сбивчивая речь, — он больше похож на рядового человека, который сорвался с катушек. Чувствует себя уверенно в нынешних обстоятельствах, все подготовил с поразительной тщательностью, у него есть опыт насилия, он сохраняет спокойствие и умеет контролировать обстановку и заложников — это определенно матерый преступник с судимостью, отсюда наше стремление получить его ДНК. Тюрьма могла сформировать его понятия об ответственности и несправедливости. Беспокоится о молодежи, словно у него есть дети, и умный — он разработал сложный план, чтобы добраться сюда, он очень решителен. Не колеблясь убьет снова, чтобы получить желаемое.

— Однако он не застрелил Лорен Делакуа, а даже наложил ей повязку, — заметила Магали. — Он позаботился о ней, словно уважает человеческую жизнь.

— Ага, только этот филантроп грохнул Луиджи Карлотти и относится к заложникам как к товару, — раздраженно парировал Франк.

— Он опасен, потому что сам загнал себя в угол, — предупредил Янис, — и в этом вся пробле-

ма: ситуация будет только ухудшаться.

— Хотелось бы подробностей, — потребовала Магали. — Как совершился переход от «я забочусь о своей жертве» к «я убью их всех без зазрения совести»?

— Он себя запрограммировал. Это спираль. Должно быть, он обдумывал свой план неделями. У него не было необходимости убивать Лорен, поэтому он ее пощадил, так как мог обойтись без жертв, как и планировал. Здесь же все по-другому. Чем больше проходит времени, чем больше он зацикливается на необходимости добиться успеха, тем больше воспринимает заложников как средство и меньше — как людей. Не забывайте, что он заперт, он один и переживает колоссальный постоянный стресс, который лишает его ясности мышления, обостряет подозрительность до паранойи. Его решимость плюс феноменальное напряжение искажают трезвость суждений. Он хочет дойти до конца, только это и имеет значение. Его внимание все больше сужается, сосредотачиваясь на цели, и этот эмоциональный туннель уничтожает всю эмпатию.

— С каждым часом он становится опаснее, — подытожил Сеньон.

— Да. Вопрос в том, заставит ли его усталость

сдаться, или он пойдет на крайние меры?

— А что, у вас есть способ это узнать или подтолкнуть его куда надо? — поинтересовалась Магали.

— В данный момент нет, я действую по наитию, пользуясь тем малым, что нам известно. Отсюда важность идентификации. Если я получу информацию о том, кто он, узнаю о его жизни, семье, людях, которые для него важны, если я пойму, как и почему он дошел до такого, я смогу с помощью Шарлен попытаться пробудить в нем человеческие чувства. Сломать спираль.

Начоперштаба, казалось, по-прежнему был настроен скептически.

— По-твоему, есть шанс, что он сдастся? — спросил он.

— Не могу сказать. Но, правильно работая с ним, мы могли бы попытаться пробудить в нем эмпатию, чтобы он хотя бы чуть-чуть поколебался, прежде чем стрелять, и чувствовал, что в его руках жизнь людей, а не приборы, которые можно выбросить после использования. Если удастся заронить это сомнение, мы выиграем несколько секунд, которые могут иметь значение в момент вмешательства.

— При условии, что мы узнаем, кто он такой,

про его жизнь, его дела, — резюмировала Магали. — А время поджимает.

Янис угрюмо кивнул.

— Последний параметр, — объявил он, — не забывать о риске суицида, если он почувствует себя загнанным в угол.

— Раз он говорит, что планирует насладиться выкупом и красиво закончить жизнь, значит хочет жить, нет? — возразил Франк. — С чего вы взяли, что он склонен к суициду?

— Большинство тех, кто захватывает заложников, именно такие. Прежде чем решиться на подобный шаг, понимая, какому риску они себя подвергают, они уже исчерпали все другие варианты, дошли до предела, и последний выход, который они рассматривают, — это идти ва-банк. Может быть, в них таится скрытое, неосознанное желание умереть, и, если напряжение станет слишком сильным, оно может вырваться наружу и заставить сделать что угодно, чтобы спровоцировать худшее.

— Вплоть до выстрела в заложника, чтобы его наверняка застрелили в ответ? — мрачно спросил Сеньон.

— Именно. В сценарии, который он прокручивал сотни раз перед операцией, он выживает и

становится богатым, но, если мы разрушим эту идеальную картинку, можно опасаться немедленной суицидальной реакции и, соответственно, поведения, которое она может породить, чтобы вынудить нас убить его.

— Но он прилагает усилия, чтобы скрыть свою личность. Разве это не доказывает, что он хочет отсюда выбраться? — настаивал Франк.

— Да, это его сознательное намерение, и само по себе это очень обнадеживает. Но Кратос умен. Он наверняка рассматривал вариант, где все может закончиться провалом, и если он все равно пришел сюда, значит не боится умереть.

Начоперштаба внимательно выслушал и спросил:

— Он не боится погибнуть, но это не то, что он запланировал, а значит, у него есть вариант выхода отсюда живым.

— Очевидно.

— Вы не можете хотя бы намекнуть, что это может быть? Чтобы мы предвидели…

— Увы, нет. Мы ничего не знаем. Он выдает информацию постепенно, чтобы всякий раз застать нас врасплох.

Сеньон сделал шаг вперед:

— Мы полагаем, у него может быть сообщник

внутри канала. Кратос слишком хорошо информирован и вряд ли рискнул бы прийти сюда заранее на разведку.

— Кто этот сообщник? — упорствовал начоперштаба.

— Понятия не имею. Тот, кто знает новостную программу, имеет доступ к производственной зоне.

Начоперштаба указал пальцем на режиссерскую:

— Среди них?

— Возможно.

Теперь настала очередь Яниса усомниться:

— Зачем? Они все под угрозой.

Магали вмешалась:

— Кому из них выгодно преступление?

— За пятьдесят миллионов евро — всем, кто урвет кусок! — отрезал Франк.

— Разве ваша протеже не говорила, что у нее денежные проблемы в конце месяца? — намекнул Дюпра.

— Шарлен? — возмутился Янис. — Она это сказала, только чтобы расположить его к себе. И даже если это правда, сколько из нас здесь регулярно уходят в минус? Разве это делает нас подозреваемыми?

На этот неопровержимый довод никто не ответил.

— Нужно проверить уровень жизни каждого, — решил Сеньон.

Магали предупредила:

— Даже если мы сосредоточим все усилия только на присутствующих в режиссерской, результаты получим не раньше чем через несколько дней.

— Кто-то из них остался, хотя мог бы уйти домой? — поинтересовался Сеньон.

Магали перечислила:

— Режиссер и звукоинженер, обязательно… Оператор трансляции тоже. Зато главред и его заместитель…

— Они знают площадку, Поля и заложников. Они полезны, — возразил Янис. — Выпускающий редактор, потому что именно она была в контакте с Кратосом, когда мы прибыли, и я сам решил оставить ее на посту.

— Начальник охраны? — бросил Сеньон.

— Филипп Роже? Обязательное присутствие: он знает башню, протоколы безопасности и облегчает нам доступ. А Ирен Хачатурян представляет канал, так что все законно.

— И не забудьте проверить бэкграунд заложни-

ков тоже, — сказал Франк.

— Выходит, сообщник среди них? — фыркнула Магали. — Ты серьезно?

— Если бы ты хотела убедиться, что тебя никогда не заподозрят, — сказал Франк, — какое место ты бы заняла?

— Ну это уже перебор.

— Мы и не такое видали.

— В таком случае не забываем гримершу, Сильви Таар, — сказал Сеньон. — Она меньше всех пострадала, спряталась чисто инстинктивно или потому, что знала, что потом произойдет.

— Где она? — поинтересовался Янис.

— В больнице на осмотре, — ответила Магали. — Ее сопровождает жандарм, потом кто-нибудь из отдела расследований мягко допросит ее, чтобы снять подозрение.

Сеньон хлопнул в ладоши:

— Проверка всех в режиссерской и на площадке, включая заложников. Передаю в отдел расследований, пусть приступают.

— Кому выгодно это преступление? — спросил Дюпра. — Каналу…

Магали горько рассмеялась:

— Канал «МД1» организует захват заложников? Сюжет тянет на боевик! Вы серьезно считаете,

что крупнейший во Франции, даже в Европе, телеканал пойдет на такой риск ради… Ради чего?

Начоперштаба поднял руки в знак капитуляции:

— Я читаю слишком много романов, вы правы. Виноват. Амар, что-то еще о профиле Кратоса?

Янис колебался, и полковник нетерпеливо сказал:

— Ну? Выкладывай, даже если это глупо. Я только что опозорился, придумав заговор миллиардеров, — ты тоже можешь расслабиться!

— То, что он сказал. «Я хочу получить свои деньги, чтобы уйти из жизни счастливым». Не знаю, я… Это напоминает фразу, которую произнес бы больной человек, знающий, что обречен. И в этом случае это был бы идеальный триггер. Неизлечимая болезнь…

— Тогда он бы действовал один, согласен, — ответил Дюпра. — Но он втянул своего сообщника, Демоса или как там его, и, судя по всему, еще кого-то третьего.

— Я знаю. Это просто интуитивная догадка. Только личное впечатление.

Сеньон взглянул на Магали, и та кивнула:

— Я отберу всех заключенных, освобожденных по медицинским показаниям.

Франк обратился к двум коллегам из отдела расследований:

— Как там снаружи после его призыва к восстанию?

— Спокойнее, чем вечером Четырнадцатого июля, — сообщил Сеньон. — Никто его не поддержал. Какой-то молодняк тут и там, но в целом ерунда.

— Вовсе не ерунда. Люди откликнулись — они собирают деньги на выкуп, — возмутилась Магали.

— Краудфандинг до сих пор работает? — удивился Янис.

— Десять минут назад еще работал. Какое-то безумие — люди со всего мира, которые даже не знают Поля Даки-Феррана, собрали больше пятнадцати миллионов.

— Они платят не за него, — подчеркнул Янис. — Они платят за символ, жест народа против безразличия государства и транснациональной корпорации.

Вмешался начоперштаба:

— Я говорил с нашим генералом, и он подтвердил, что из Матиньона приказали отключить сайт, деньги заморозить, а позже проконтролировать возврат, чтобы избежать скандала. Если

студент, который это запустил, выступит против, его пригласят наши службы, чтобы держать подальше от камер, пока не утихнет ажиотаж.

Янис поморщился:

— А тем временем ущерб будет нанесен, СМИ запомнят только одно — щедрость анонимов, когда Франция и «Медиаплекс» отказались платить. Если все закончится плохо, последствия будут ужасными.

Полковник положил руку ему на плечо:

— Тем больше причин для нас разрулить эту ситуацию, аджюдан.

Янис мрачно кивнул. Затем Дюпра обратился к трем следователям:

— А вы держи́те всех находящихся здесь гражданских под наблюдением. Если среди них есть сообщник, он не должен покинуть это здание. Ясно?

51

Начальник службы безопасности «Медиаплекса» Филипп Роже, бывший полицейский из бригады поиска и реагирования, с бритой головой и пятидневной щетиной, следил за Шарлен, сидевшей во втором ряду на месте главного редактора. В его глазах не было ни враждебности, ни мягкости, только холодная оценка того, насколько эта девушка может навредить компании. Что она расскажет об этой безумной ночи? Будет ли разоблачать бесчеловечный цинизм канала? Ведь она так возмущалась каналом «МД1», который пренебрег жизнью своего звездного ведущего! Пойдет ли она болтать об этом на других каналах?

О ходе его размышлений Шарлен догадалась, даже стоя к нему спиной. Не оставалось сомнений, что после их стычки Ирен Хачатурян будет жаждать мщения, а Филипп Роже либо заставит Шарлен молчать, либо разработает стратегию дезинформации. Начнет клеветать и распространять слухи, что якобы она всегда была никудышной журналисткой и это просто речи

озлобленной неудачницы…

Только я уйду сама, придурок! Не доставлю вам удовольствия меня уволить.

Она будет скучать по своим ритуалам. Круассан и тройной кофе по утрам. Поездки на велосипеде до первых зимних морозов. И конечно, ей будет недоставать ответственности, которую предполагала ее работа. Но по каналу скучать не будет. Нет. И уж точно не по Белой Даме и ее мрачному прихвостню.

Столько крови.

Шарлен закрыла глаза и глубоко вздохнула, словно пытаясь подавить острую боль. Перед глазами мелькали картины с мертвым Луиджи. Странная рана над бровью. Как переполненный стакан.

Она машинально достала хромированную таблетницу отца из кармана джинсов и сжала в руке. Ксанакс бы ей помог. *Нет. Я не могу позволить себе отупеть.*

Она стиснула зубы. Нужно подумать о чем-то другом, сосредоточиться на настоящем. О чем она думала? *Ах да, уйти с «МД1».*

Зато по нескольким коллегам она точно будет скучать.

По Дану, по его поразительному интеллекту,

всегда категоричным суждениям и рассказам об отдыхе на солнце на далеких островах, о его победах — как на сёрфе на крутых волнах, так и в барах по вечерам. По старомодному Родрику, этой смеси журналистики старой школы и современного прагматизма в его умении адаптироваться к подаче информации, которую требовал канал, по его винтажному стилю, жилетам и прическе безумного профессора, по его рассказам о проблемах с детьми-подростками, с женой, которой надоело мириться с его постоянными отлучками… Да, по ним она будет скучать. Да и по Лорен. Эта вечная старая дева, которая тоже обожала все винтажное, но при этом была в курсе всего современного, левее Меланшона[34] в дни политического воодушевления, восхваляла борьбу народа с капиталом, но при этом занимала высокий пост в самой критикуемой французской компании. Она была воплощением постоянных противоречий и твердила, что истинная интеллектуальная свобода — это возможность противоречить самой себе. Порой она могла раздражать, но в глубине души Шарлен находила ее

[34] Сноски: 34

Жан-Люк Меланшон (р. 1951) — французский левый политик, журналист, лидер партии «Непокоренная Франция», известный радикальными левыми взглядами.

трогательной и предельно одинокой. Они с ней были чем-то похожи. Лорен пришла в редакцию всего год назад, они не успели подружиться. То, что с ней случилось, было ужасно.

Шарлен окинула взглядом зал. О Марване Жибране она почти ничего не знала, кроме того, что он говорил только о еде, дорогих ресторанах и часах, которые коллекционировал, — эти темы мало вдохновляли Шарлен, его потеря не будет большой утратой в ее жизни. Боб — само воплощение скромности, где-то под шестьдесят, но, казалось, он работал здесь всегда, слился со студийными стенами. У него было красноватое от купероза лицо, и многие думали, что именно поэтому его прозвали Губка Боб. Шарлен помнила, как он однажды признался ей, что не употребляет алкоголь, а зовут его Робер (американское сокращение — Боб) и что когда-то, в самом начале эры наушников, ему пришлось вырезать кусок губки и обернуть слишком маленький наушник, чтобы тот лучше держался. Так родилась легенда. Да, по нему, по его добродушию она будет скучать.

Симон — призрак режиссерской. Никто толком не знал, кто он такой, чего он хочет и…

Поджарый мускулистый парень в черной толстовке спустился по проходу вдоль рядов

и подошел к капитану Остену. Шарлен узнала подполковника Люку Фризбура, командира силовиков. Она немного путалась в ролях военных, но ей казалось, что именно Фризбур обеспечивает связь между оперативниками на месте и старшими офицерами. Эти двое о чем-то серьезно заговорили, и Шарлен навострила уши.

— Его оружие идентифицировано? — спросил Фризбур.

— Да, Попо из команды четыре рассмотрел в прицел, когда они были на позиции. «Глок — двадцать шесть» четвертого поколения.

— Точно?

— Если уж Попо ошибется, то нельзя доверять ни одному оружейнику.

— Какая емкость?

— Десять патронов.

— Он выстрелил один раз в камеру, еще раз в стену, три снаряда в прожекторы и один выстрел в заложника. Значит, у него осталось четыре патрона.

— Мы следим, перезаряжает ли он, — сообщил Остен, показывая на стену экранов. — Пока ни разу. Было бы неплохо, если бы он остался с четырьмя патронами. А в Булони что?

— Антитеррористы пытаются вести перегово-

ры с Демосом, но тот ничего не желает слушать, отказывается от любого общения, — ответил командир силовой группы.

— Установлен визуальный контакт?

— Нет, в этом-то и проблема. Переговоры нужны, чтобы войти в особняк, но эти двое укрепились в глубине дома, на кухне. Окон там нет, а раздвижные двери внутри они закрыли, чтобы полностью изолироваться. Вообще нет угла для выстрела.

— А штурм с подрывом стены?

— Непростой вопрос. Дом недавно переделан внутри, улучшена изоляция. Антитеррористы пока не смогли получить информацию о составе стен, но, вероятно, там несколько материалов. Сложно гарантировать, что удастся открыть, взорвав стену.

Капитан Остен недовольно скривил губы:

— Если мы начнем штурм здесь, в студии, ребята в Булони не успеют нейтрализовать свои цели одновременно с нами. А нарушить синхрон мы не можем из-за прямого эфира.

— Они сообщат, сколько пройдет времени между стартом и поражением целей.

Остен заявил категоричным тоном:

— Взламывать доступы и пересекать дом, не

убедившись, что на пути нет ловушек? Это займет вечность. Мы проиграем. Единственный выход — рубить эфир.

— Спецсредства работают над глушением телефона Кратоса, антитеррористы сделают то же самое, но этого недостаточно. Будут потери.

Остен раздраженно вздохнул. Затем, увидев на одном из мониторов режиссерской заложников в студии, спросил:

— Как там женщины Поля?

— Обе держатся. Демос дает им пить, на «Фейсбук лайв» видно, что он заботится о них.

— Никакого насилия?

— Нет, прямого насилия нет.

Шарлен поняла, что они хотят понять, способен ли Демос перейти к действию. Сможет ли он, если придется, убить заложниц? Затем она вспомнила, что говорил Янис об экстремальных ситуациях, о туннельном зрении. Никто не может предсказать, какой будет реакция Демоса или Кратоса в состоянии стресса, и Кратос это доказал — в порыве ярости в любой момент он может пойти на самое крайнее насилие.

Она снова и снова видела перед глазами кровь.

Потом опустила голову, зажмурилась и попыталась отогнать от себя ужасные образы, которые

упорно возникали в сознании.

Она вздрогнула, услышав голос Кратоса. Все в режиссерской мгновенно замолчали.

— Сейчас два часа. Пора объяснить, чего я от вас жду.

Шарлен обвела взглядом помещение в поисках Яниса, но тот еще не вернулся.

Она тяжело задышала.

Она не чувствовала себя способной вести переговоры, когда его не было рядом. Ни после конфронтации с Кратосом, ни после того, как вытащила труп Луиджи с площадки… Противостояние с зеркальной маской сделало это безумие слишком реальным. В маске Шарлен увидела себя. Себя и свою вину. Себя и свои изъяны. Себя, склонную к суициду. Переговорщицу смерти, способную выторговать только пулю для Луиджи.

Прекрати, это неправда!

Она сжала кулаки. Нельзя, чтобы ее захлестнуло с головой. После всего, что произошло, сейчас не время сдаваться. Она должна остаться на месте, держаться до конца.

Но к горлу подкатывал комок, а в пальцах бегали мурашки.

Если сейчас Кратос обратится к ней, он сожрет ее живьем. Она все провалит.

Черт, Янис, где ты?

— Шарли, моя милая Шарли, я больше не слышу твой чудный голос в своей голове.

Остен, остальные военные и сотрудники канала воззрились на нее.

Они ждали, что она заговорит.

52

Шарлен нажала кнопку связи:

— Я здесь.

— Я боялся, что ты ушла, Шарли.

— Нет.

— Тащить труп — это испытание. Ты…

— Вам-то откуда знать?

Она его осадила. Он выдержал паузу, затем заявил:

— Я бы не стал тебя осуждать, если бы ты сдалась.

— Его звали Луиджи, — холодно сообщила Шарлен.

— Но я рад, что ты еще со мной. Я не доверяю фликам.

У него даже не нашлось ни единого слова утешения или извинения ни для нее, ни для человека, которого он застрелил, словно это вообще не важно, словно это незначительная деталь. Тот, кто прежде мог колебаться и проявлять чуткость, выбирая правильные слова в разговорах с Шарлен, теперь показал себя полным эгоистом, зацикленным на своих требованиях и нуждах.

Молодой женщине приходилось держать себя в руках, чтобы не сорваться и не высказать ему все, что она думает о нем и его поступках. Она была одна за своим пультом, в ужасе от мысли, что все испортит, что не сможет правильно отреагировать: одно неверное слово — и она сподвигнет Кратоса на новое убийство. Их отношения становились непредсказуемыми, она теряла контроль. Как она дошла до такого?

— У меня есть послание для властей. Вы уже знаете правила. Если попытаетесь что-нибудь предпринять, Поль будет первым.

Он снова приставил оружие к уху ведущего, который, казалось, достиг состояния такого эмоционального перенасыщения, что больше ни на что не реагировал, и обратился прямо к нему:

— Достань из-под стола клавиатуру и войди в свой компьютер. Подсоедини его к одному из тех трех экранов — я знаю, что это возможно.

— Откуда он это знает? — воскликнул Дан.

— Честно говоря, это не государственная тайна, — заметил Родрик. — Достаточно посмотреть репортаж о новостном канале.

— Но мы не вмешиваемся? А если он зайдет в Интернет и обнаружит, что идет краудфандинг?

Остен поднял руку, призывая к тишине.

Кратос позволил Полю манипулировать с компьютерами, что заняло много времени, так как он мог орудовать только левой рукой — правая была обездвижена предметом под банданой, приклеенным скотчем к ладони. Затем маска приказала:

— Зайди в свою почту.

— Что он задумал? — встревожился Дан.

— Шарли, кто рядом с тобой, кроме фликов?

Шарлен вздрогнула, застигнутая врасплох. Она вопросительно оглянулась на Остена, чтобы понять, что ей можно сказать. Но никто не пришел ей на помощь.

— Э… Со мной несколько человек, без которых нельзя обеспечить прямой эфир.

— Главный редактор?

Родрик выпрямился, заинтригованный и обеспокоенный.

— Э… да.

Кратос указал Полю на клавиатуру:

— Набери адрес своего главреда и Шарли. Лишняя предосторожность не помешает. Давай, они точно есть у тебя в контактах.

— Есть, — подтвердил Поль бесцветным голосом.

Его смирение граничило с абсолютной покор-

ностью.

Когда Поль закончил, Кратос достал из рюкзака на столе лист бумаги и сунул ему под нос.

— Пока я объясняю нашим друзьям, чего от них жду, перепечатай то, что здесь написано. Ни словом больше, ни словом меньше, понял? Если ты отправишь письмо до того, как я смогу его перечитать, я велю Демосу прострелить твоей дочери колено.

Поль энергично закивал. Он будет подчинять-ся.

В режиссерскую вошли Магали, Сеньон и Франк, а за ними Янис, который, к облегчению Шарлен, сел рядом с ней.

— Он сказал… — начала она.

— Я следил. Пусть действует. На этой стадии мы ничего не можем сделать.

Кратос встал прямо перед камерой. Рука с пистолетом лежала на плече Поля.

— Шарли, ты и ваш главред получите письмо с банковскими реквизитами. На этот счет должны быть переведены пятьдесят миллионов евро. Пока все очень просто.

Сеньон несколько раз прищелкнул пальцами.

— Перешлите мне письмо, — сказал он Шарлен и Родрику. — Маг, предупреди Гильема — я ему

переправлю, пусть идентифицирует банковский счет. И разбудит директора Банка Франции, если потребуется, но вся информация нужна мне немедленно!

Янис отключил связь Шарлен, чтобы объяснить ей:

— Для преступника самое сложное — получить выкуп и суметь исчезнуть с деньгами так, чтобы его не нашли. Купюры помечены, номера записаны, а в случае перевода это еще проще: нам достаточно проследить историю транзакций.

— Если это так просто, почему вы не платите выкуп? Пусть он освободит заложников, уйдет, и вы арестуете его, когда уже никому не будет грозить опасность.

— Во-первых, чтобы не потерять имидж. Франция не любит уступать шантажу, даже когда знает, что позже выиграет. Вопрос, какой страна подаст этим сигнал и не уронит ли свой авторитет. И потом… нужно действовать быстро, пока деньги не прошли через сложные схемы между различными посредниками, что помешает их отслеживанию и позволит преступникам скрыться, желательно в стране, с которой нет договора об экстрадиции.

— Так что либо Кратос идиот, каковым не явля-

ется, либо у него есть свой план.

— Ты все поняла.

Существо в зеркальной маске следило за тем, что печатает Поль. Затем уточнило:

— Деньги должны быть на счете к семи утра.

— Но рассвет в восемь! — воскликнул Дан.

Шарлен включила микрофон:

— Кратос, вы говорили на рассвете, а он наступит в восемь часов. Это огромная сумма, каждая минута на счету, вы не можете сократить…

— Останется совершить последнюю манипуляцию, о которой я сообщу в семь часов. У вас будет час, чтобы удовлетворить мои требования. Если вы будете следовать графику, заложников никто не тронет. Если в семь часов и одну минуту денег на счету не будет, услышите выстрел.

— Вы не…

— Через два часа я оглашу требования, чтобы мы могли уйти отсюда. Они не подлежат обсуждению. Любая задержка влечет штраф.

Ошеломленная его решимостью и угрозами, Шарлен не знала, что ответить.

— Шарли, я понимаю, что флики захотят тянуть время, откладывать. Я буду непреклонен. Теперь ты поняла, зачем мне нужно максимальное число заложников?

Он не будет колебаться. В этом уже нет сомнений. Он убьет Паолу, Бакари, Режи и Поля, вероятно, Аниссу и Мию в Булони тоже. На глазах всего мира.

— До встречи через два часа.

53

Отдел расследований организовал импровизированный штаб в помещении, примыкающем к мостику производственной зоны. Оттуда они могли наблюдать за входами и выходами — в двух шагах от происходящего, достаточно лишь пересечь центральную зону, чтобы попасть в операторскую, откуда Франк следил за Кратосом.

Сеньон и Магали разложили ноутбуки и обменивались данными, которые им пересылали из казармы Даву, где остальные сотрудники отдела расследований работали над историей похитителей «БМВ», а также анализировали список заключенных тюрьмы «Флёри-Мерожи».

Гильем ворвался в комнату, как метеор, и рухнул на диван из искусственной кожи.

— Есть инфа по банковскому счету, на который он хочет перевести пятьдесят лимонов.

— Дай угадаю: банк в офшорной зоне? — спросила Магали.

— Еще хитрее. Прежних прозрачных банков почти не осталось. Нет, это счет в криптобюро ОТС.

— Расшифруй.

— Это частная компания, которая ведет за тебя переговоры и совершает сделки по покупке или продаже криптовалюты.

— Это что, биткоины?

— Да, но не только. Существуют тысячи криптовалют, биткоин — просто самая известная. Это виртуальные деньги, над которыми государства не имеют власти. Обычно, если хочешь приобрести их или продать, идешь на специальную платформу веб-обмена — классическая процедура. Но когда речь идет о совершении транзакции на огромную сумму, все гораздо сложнее, и ты можешь оказаться в ситуации, когда заплатишь намного дороже за продукт гораздо худшего качества, чем тот, который изначально хотел приобрести, просто потому, что ты вышел на рынок. Криптовалютное бюро OTC позволяет это делать втайне, твой заказ неизвестен рынку до момента его исполнения, нет никакой прозрачности транзакций в реальном времени.

— Значит, Кратос хочет, чтобы пятьдесят миллионов евро положили на счет, который купит для него крипту? — резюмировал Сеньон.

— А потом эта криптовалюта исчезнет бесследно? — спросила Магали.

— Нет. Есть такое мнение в массовом сознании,

что с биткоинами можно делать что угодно, но на самом деле блокчейн отслеживается, поскольку является публичным.

— Блокчейн? — переспросила Магали.

— Это полностью независимый способ хранения и передачи криптовалюты, который никто, даже государство, не способно контролировать или изменить. Короче, технология блокчейн, как конструктор лего, автоматически связывает элементы друг с другом по мере того, как поступают твои деньги.

— Это про то, как движется твое бабло? — спросил Сеньон.

— Да. В принципе, не всегда легко проследить его путь, однако существуют службы, способные двигаться по транзакциям вплоть до идентификации лица, которое в итоге продает крипту, чтобы вернуть деньги наличными, но многие уверены, что криптовалюта — это гарантия секретности.

— Что-то я не врубаюсь, — признался Сеньон. — Ты думаешь, что Кратос собирается смыться, превратив выкуп в крипту, и сделать нам ручкой?

— Без понятия. Если он недостаточно в теме, то да. Он может надеяться, что крипта — это как бы своего рода дымовая завеса, которой достаточно,

чтобы сбить нас со следа.

— А если он хорошо понимает, что делает?

— Тогда возможностей две. Первая — конвертировать в реально неотслеживаемую крипту, и на данный момент существует только одна, Монеро, но нужно знать, как это делается. Хорошая новость в том, что криптовалютное ОТС-бюро, которое Кратос нанял для получения выкупа, именно этой криптой не оперирует.

— А другая возможность? — спросила Магали.

— Если он остановится на более традиционной крипте, то может пройти через миксеры — это промежуточные звенья, которые обменивают средства из разных источников, чтобы собрать их заново в какой-то иной форме. Это немного похоже на парковку автомобилей на гигантской стоянке, откуда увозишь машины, но не те, что тебе принадлежали, хотя теперь они становятся твоими, а совсем другие — той же общей стоимостью, что были твои. Из-за такого обмена отслеживание крипты становится гораздо сложнее, особенно если производишь эту операцию по несколько раз. Неудобство в том, что каждый раз ты платишь проценты и рискуешь потерять на курсе валюты.

— Я мало что в этом смыслю, — признался

Сеньон. — В сухом остатке он может спокойно испариться с этими деньгами?

— Это не так просто, но в принципе может. В любом случае за ним будут вести долгую и кропотливую слежку без полной гарантии на успех.

Сеньон пнул ногой мусорную корзину:

— Он нас поимеет!

— Нужно просто не платить ему выкуп, прикинуться веником.

— Отлично, и как мы ему об этом доложим?

— Для того и ведутся переговоры, чтобы выкручиваться из таких ситуаций, — отрезала Магали. — Мы позаботимся о нем *физически*.

Гильем, которого давно уже беспокоил один вопрос, спросил:

— По вашему мнению, он действительно считает, что тут творится полный бардак? Что его сообщение было услышано? И что он сможет улизнуть, пользуясь общим хаосом?

Сеньон в этом сомневался:

— Если его суперплан основывается исключительно на этой идее, он будет разочарован, но я бы тогда сильно удивился. И напротив, ты прав, самое простое — сказать переговорщикам, чтобы они на этом сыграли. Пусть убедят его, что мы не сможем удовлетворить такие специфические

требования, если он не даст нам времени организовать способ их выполнить. Если он ждет семи утра, чтобы потребовать вертолет на восемь, это не сработает.

— Они и сами, наверное, об этом подумали, но я им передам, — сказала Маг.

Сеньон потер руки и вернулся к своему компьютеру.

— Гильем, — сказал он, — если из мобильника Кратоса нельзя ничего выудить, оставь его до нового приказа. Мы и так угрохали уйму времени. Нам есть чем заняться, и нужно как следует пошевелить мозгами.

— Да нет, осталось совсем чуть-чуть, уж положитесь на меня. У меня есть данные, они все на компе, осталось только немного довести до ума. Не хочу бросать.

— У тебя есть время до следующего его появления в четыре часа, а потом я тебя не отпущу от экрана — будешь нам помогать.

Гильем ему подмигнул:

— Я закончу гораздо раньше. Скоро назову вам его имя.

54

Всплеск адреналина никому не позволял расслабиться, несмотря на усталость, которая проступала на лицах.

Янис только что в очередной раз прозондировал психологическое состояние Шарлен, чтобы убедиться, что она способна и настроена продолжать переговоры. Она больше не скрывала, что для нее это дело теперь стало личным, и Янису пришлось ей напомнить, что надо сохранять эмоциональную дистанцию. Но он прекрасно понимал, что для Шарлен это невозможно, — напротив, именно вовлеченность помогала ей держаться и, главное, делала ее чуткой, точной в восприятии малейших интонаций этого синтетического голоса, способной уловить каждое слово, находчиво парировать. Поэтому он лишь напомнил ей о рамках — она не может позволить себе провоцировать его, просто чтобы выплеснуть собственную ярость. Жизни заложников зависят от ее способности использовать эмоции как своего рода подпитку, при условии, что она не выпустит их из-под контроля.

Потом Янис переговорил с начальством, с дознавателями из парижского отдела расследований и, когда вернулся, проинструктировал Шарлен: ее новое задание — аккуратно донести до сознания Кратоса мысль о том, что, если он планирует выдвинуть какие-то конкретные требования, чтобы покинуть башню, жандармерия должна успеть все подготовить. Невозможно гарантировать, что это произойдет в семь или восемь часов утра: в начале рабочего дня в столице непредсказуемые пробки, и даже стражам порядка трудно проехать.

Тщетно.

Кратос не пожелал вести диалог. Он по-прежнему сидел рядом с Полем, регулярно поглядывал вокруг, проверяя, что против него ничего не затевается, или склонялся над айпадом, который транслировал в «Фейсбук лайв», что происходит в Булони с заложницами.

Воцарилось вынужденное молчание.

В какой-то момент Марвен указал на камеру, которая показывала Поля Даки-Феррана крупным планом.

— Поль регулярно смотрит в сторону третьей камеры. Мне кажется, он ждет, когда с ним заговорят по телесуфлеру.

— Слишком рискованно, — отрезал Остен. — Кратос вообще не отворачивается от него полностью и, если заметит, не просто разозлится — мы вообще потеряем возможность связи с заложником, если она нам понадобится в конце операции.

Слова «конец операции» взбудоражили большинство присутствующих гражданских. Как именно все это может закончиться?

Майор Натэ спросил:

— А если придется сообщить Полю, что ему нужно бежать в какое-то конкретное укрытие, у вас есть коды для обозначения каждой зоны площадки?

— На полу нанесены пронумерованные отметки, — объяснил режиссер.

— Он знает их наизусть?

— Нет, он никогда не помнит цифры.

— Но если говорить с ним на нашем жаргоне, он поймет, — вмешалась Шарлен. — Например, если вы хотите, чтобы он двинулся влево от стола, к эстраде, скажите ему: прыгни на помост. Если, наоборот, он должен пойти направо или к центру, велите ему отступать.

— Отступать? — подхватил Остен. — Вы серьезно?

— Это позиция конца вечерней программы, каждый вечер. Мы ее так называем.

Капитан улыбнулся, что случалось нечасто.

— Я запомню, — сказал он.

На циферблате настенных часов минуты проходили подозрительно медленно.

Дан и Родрик говорили по телефону. Симон дремал, раскинувшись на двух стульях посередине ряда, и из-под подлокотника виднелось только пышное афро. Даже Ирен, которая держалась до последнего, как будто сбавила темп и оживлялась, лишь когда Филипп Роже в очередной раз возвращался, убедившись, что у его охранников не возникло никаких проблем где-нибудь в башне. Боб заснул в своей комнатке, где было еще темнее, чем в режиссерской.

Все понимали, что это затишье перед бурей, хотя никто не осмеливался это произнести.

Янис изучал на экранах каждое движение Кратоса. И о чем-то думал.

Без четверти три он спросил Шарлен шепотом, как будто они сидели в библиотеке:

— Кому могла бы быть выгодна эта ситуация?

На Шарлен по-прежнему давил груз вины, и вдобавок от бесконечных мыслей у нее разболелся живот, поэтому она ответила суховато:

— Ты ждешь честного ответа на этот дурацкий вопрос? — И тут же добавила: — Прости, я совсем выдохлась…

— Не волнуйся, я не обижаюсь. Но все же хотел бы получить ответ на свой дурацкий вопрос, — пошутил он.

Шарлен пожала плечами — у нее не было ответа.

— Никому, за исключением Кратоса, если ему удастся выбраться отсюда. Я не вижу смысла в…

Янис обвел рукой помещение:

— Канал «МД1», СМИ — разве они не получают никакой выгоды?

— Да уж, для них это джекпот. Будут лучшие рейтинги за десятилетия, а то и за целый век, это правда.

— Настолько, чтобы это могло стать мотивом преступления?

Шарлен вытаращила глаза:

— Ты меня спрашиваешь, не мог ли «Медиаплекс» заказать захват заложников?

— Я не исключаю ни одной возможности, только и всего. Даже если это из области фантастики, я предпочитаю учитывать и такой вариант.

Это звучало настолько нелепо, что Шарли громко фыркнула, чем привлекла внимание Ирен.

Они обменялись лишенными всякой теплоты взглядами, и Шарлен повернулась к Янису, отгораживаясь от окружающих:

— Я их на дух не переношу, но обвинять в преступлении…

Янис согласился, давая себя убедить.

— В любом случае канал не зарабатывает ни сантима. Насколько я понимаю, они не прерывались на рекламу. Хоть в чем-то поступают порядочно.

Шарлен подавила новый смешок, отчего снова дал себя знать желудок и отозвалась боль в боку.

— Ой…

— Может, покажешься врачу?

— Не хочу. Но твоя наивность меня тревожит, — призналась она с улыбкой. — Канал срубил, извини за выражение, бешеные бабки. Кто сегодня ведет съемку?..

— «МД1».

— И где идет прямая трансляция?

— На всех каналах, а информационные программы вообще вещают нон-стоп с прошлого вечера.

Шарлен подняла руку, показывая, что знает ответ.

— «МД1» продает свои видеоматериалы другим

каналам? — спросил Янис.

— Разумеется. А поскольку они транслируются по всему миру, телевизионщики по меньшей мере из сотни стран выложат бешеные деньги за право показа. Так что реклама — это капля в море.

— Значит, «Медиаплекс» в самом большом выигрыше?

— Да, но я все равно не могу представить, чтобы они это заказали… Вы в спецназе всегда придерживаетесь теории заговора?

— Конечно нет. Но нас приучают мыслить нестандартно. Так, чтобы нас самих это удивляло.

— Вот это вам точно удалось, браво. Мне трудно представить, что Амели де Кастельнак на встрече с Ирен Хачатурян говорит ей… что сенсацией года должен стать реальный захват заложников в прямом эфире, что это будет совсем новый поворот…

Она замолчала, осененная внезапной мыслью.

— Что такое? Все в порядке? — удивился Янис.

— Да… Нет, я… просто…

Шарлен начала говорить, подкрепляя свои слова обильной жестикуляцией:

— Ладно, это просто логическое упражнение. Попытаемся обосновать твои бредовые мысли.

Я… Я признаю, это был бы исторический ход, и я имею в виду не рейтинги, а саму концепцию. Сегодня проблема телевидения в том, что оно больше не умеет обновляться, не способно привлечь более молодую аудиторию. Оно постепенно уступает под натиском Интернета, который в итоге либо окончательно его уничтожит, либо оставит какие-то жалкие ограниченные возможности. Все директора программ с параноидальной настойчивостью пытаются разработать что-то *новое*, неслыханное, чтобы дать второе дыхание своей сетке вещания.

— Как реалити-шоу в свое время?

— Именно так. Это была революция, нравится или нет, но там была реальная инновация. А вдруг — повторяю, это просто игра воображения, и я ни на секунду в это не верю — а вдруг все это попытка создать новый жанр программ? Фейковые настоящие новости. Инфоразвлечение, доведенное до предела.

— Инфоразвлечение?

— Это когда ты воспринимаешь информацию как развлечение. Это означало бы окончательный упадок телевидения. Зрителей больше всего интересуют драматические события, ты не можешь предложить им редкое зрелище, так

почему бы его не создать — масштабное, впечатляющее и неповторимое? Гарантируем места в первом ряду. Все это упаковано в оболочку реального захвата, зрители верят, гарантирован максимальный рейтинг, а напоследок *бах*! Маски сняты. Весь мир в шоке. Только один телевизионный канал отважился на то, что до него никто никогда раньше не решался показать. Дни разбора полетов для *making-of*...[35]

— Их бы за это осудили.

— Заставили бы заплатить штраф?

— Один убитый. Изувеченные и травмированные жертвы.

Шарлен согласилась, помрачнев:

— Это правда...

Янис выдвинул свою гипотезу:

— Но возможно, они зашли слишком далеко. Наняли уголовников, чтобы все выглядело реалистично. Только с публикой этого сорта, еще и в сочетании со стрессом, ситуация выходит из-под контроля, у Кратоса едет крыша, он втягивается в игру, происходит то, чего не должно было произойти, дальше — больше, начинается полный сумбур, телевизионщики паникуют, не смея

---

[35] Сноски: 35
Фильм о фильме, история создания фильма *(англ.)*.

прекратить происходящее… Во всяком случае, на суде каждый из них утверждал бы, что был не в курсе или что это не должно было принять такие формы, все перекладывали бы ответственность друг на друга, чтобы смягчить наказание себе.

— Они отрубили Лорен палец, — возразила Шарлен. — Никто не осмелится пойти на такое преступление даже ради рейтинга!

— А во сколько вы оцениваете собственный палец? Отдадите его мне за триста тысяч евро? А за шестьсот? Ну ладно, а, допустим, за один или два миллиона?

— Да нет, никто на такое не пойдет. Я немного знаю Лорен — она бы ни за что на свете не согласилась.

— Или так не было запланировано и именно здесь преступники прокололись в первый раз.

Шарлен покачала головой:

— Нет-нет, я не верю.

— А вдруг Поль и его близкие стали их сообщниками? Нет, вряд ли. Его спонтанные реакции на экране выглядят гораздо естественнее. Человек его уровня, понимая, какая всемирная слава ждет его впоследствии, не стал бы так резко проявлять свой гнев, да?

Шарлен молчала.

— Я перегнул палку? — спросил Янис.

Она кивнула:

— И очень сильно.

— Я тоже так думаю. Я только приоткрыл дверь…

— Это не «приоткрыл». Это и двери, и окна нараспашку.

— Я пытаюсь понять, кто мог быть заинтересован помочь Кратосу, какой мог быть для этого мотив. Империя гибнет и ради того, чтобы спастись, готова перейти все границы. Мне нравится такой поворот…

— «Медиаплекс» — это гигантская корпорация. Неужели ты думаешь, что они могли бы пойти на преступление?

— Для выживания, ты же сама сказала. Чтобы задавить конкурентов. Из-за бабла… Ты думаешь, крупные нефтегазовые компании никогда не использовали грязные методы где-нибудь в Африке или Южной Америке? Ты думаешь, промышленные империи не нанимают целые армии экспертов по шпионажу и слежке, чтобы защитить себя и чтобы незаконно проникать в ряды конкурентов? Чтобы получить колоссальный рынок, компания без колебаний прибегнет к весьма сомнительным, если не сказать преступным ме-

тодам. Когда на кону власть и миллиарды евро, некоторые сходят с ума. Ты помнишь скандал с «Энроном», гигантом энергетики? Они прогорели, потому что подделывали свою отчетность. «Фольксваген» фальсифицировал результаты тестов, пользуясь мошенническим программным обеспечением. «Пфайзер» накопил больше пяти миллиардов долларов штрафов за жульничество, подделку данных, взятки, умышленные манипуляции. Эти люди придумали, утвердили и покрывали действия, караемые законом, пока их не разоблачили. Такое случается часто. И это всего лишь примеры, которые пришли мне в голову, хотя я не журналист.

Шарлен кивнула — мол, все так, — но Янис продолжил:

— И ты будешь спорить, что ради того, чтобы первыми реализовать этот концепт театрализованной дезинформации, реалити-шоу, вышедшего за рамки мыслимого и немыслимого, ради того, чтобы войти в историю, ради славы, ради миллионов, ради грядущей всемирной известности, ради уникального пиар-хода мирового масштаба никто из «Медиаплекса» не осмелился бы преступить закон? Можно подумать, что телевизионщики — самые порядочные люди

на свете.

Шарлен не знала, что ответить. И в конце концов произнесла единственное очевидное:

— В любом случае это только твое мнение.

— Я выдвигаю этот вариант наугад наравне с остальными.

Их разговор прервал капитан Остен. Он наклонился к Янису, и Шарлен услышала, как они обсуждают ситуацию в Булони:

— Переговоры зависли, Демос отказывается от любого диалога с бригадой антитеррора.

Янис выругался сквозь зубы. Шарлен спросила его:

— А это правда, что не было ни единого случая, когда государство согласилось заплатить выкуп, чтобы спасти жизни? Именно это, Янис, ты утверждал еще вечером. Но кажется, ходили слухи про какие-то прецеденты…

— Я не говорил, что оно вообще никогда не платит. Я сказал, что оно не оставляет захватчиков в живых. Небольшой нюанс.

— Так все-таки Франция платит или нет?

Остен поморщился — щекотливая тема.

— Официально — нет, — подтвердил Янис.

— А на самом деле?

— Существуют всякие уловки. Например, меж-

ду две тысячи восьмым и четырнадцатым годами Франция или ее предприятия заплатили около пятидесяти миллионов долларов, чтобы освободить заложников. В этот период «Аль-Каида» заработала более ста двадцати пяти миллионов долларов только на похищениях. Франция без стеснения просит Соединенные Штаты или Соединенное Королевство заплатить вместо нее, чтобы потом иметь возможность заявить, что официально она не дала ни сантима. Потом они как-то договариваются между собой.

— А мне казалось, что американцы категорически отказываются платить?

— Ну да, они никогда не раскошеливаются ради собственных граждан. Именно поэтому в какой-то период ходило столько видео «Аль-Каиды» с казнями заложников. Но платить втихаря за товарищей, если это так или иначе возмещается, — другое дело.

— Это стало известно из сверхсекретных документов, представленных Эдвардом Сноуденом, бывшим сотрудником американского Агентства национальной безопасности, — подтвердил, немного смутившись, Остен.

— Ну а кроме того, — угрюмо заметил Янис, — похитителям редко удается воспользоваться

деньгами: вмешиваются дроны и наводят порядок. Чтобы восстановить честь и передать сообщение обществу.

— Но значит, Франция все же платит! Кратос мог бы получить то, что требует.

— Да, только действует он чересчур прямолинейно, напролом. Когда в две тысячи восьмом году пираты захватили яхту «Ле Понан»[36], выкуп был выплачен втихую, но позже правительство распорядилось казнить пиратов, как только освободят матросов. Кстати, спецназовцы, находившиеся на месте, отказались выполнять приказ: мы не служба ликвидации, а жертвы уже в безопасности. Нужно сказать, что, выставив себя на всеобщее обозрение, Кратос оказался в очень сложном положении. Вся планета наблюдает за реакцией Франции, и та не имеет права проиграть.

Масштаб происходящего потряс Шарлен. Внезапно возникло ощущение, что она не на своем месте — маленькая девочка, затерявшаяся среди

---

[36] Сноски: 36

«Ле Понан» («Le Ponant») — французская парусная суперъяхта класса люкс, в апреле 2008 года во время перехода через Аденский залив была захвачена сомалийскими пиратами. На борту находился экипаж из 30 человек, пассажиров не было. Через неделю французы, уплатив выкуп и проведя военную операцию, освободили экипаж. Случай получил широкую международную огласку.

взрослых. Тревога нарастала, и Шарлен некоторое время дышала глубоко, прогоняя разрушительные мысли. Потом пошла налить воды из кулера в свою кружку-амулет и в коридоре увидела, как из режиссерской выходит Филипп Роже и направляется к лифтам, разговаривая по мобильнику. Он прошел мимо, не заметив ее в нише. Шарлен только услышала, как он произнес:

— Да, Амели. Я об этом позабочусь.

Всемогущая Амели де Кастельнак.

У Шарлен побежали мурашки по коже. Ее тело не любило это состояние. А уж душа и подавно.

55

В комнатушке у входа в производственную зону Магали и Сеньон просматривали списки. Сотни и сотни имен.

Коллеги из отдела расследований в казарме Даву переслали им список всех заключенных, освобожденных из «Флёри-Мерожи» за последние два года.

— Мы ищем высокого мужчину, — судя по его росту в сравнении с Шарлен, скажем, в диапазоне от метра восьмидесяти до метра девяноста, чтобы не мелочиться, — перечислял Сеньон. — Это для списка А.

— Готово.

— Сколько имен получается?

— Двести одиннадцать.

Все равно перебор. Каждого надо ввести в полицейскую базу данных, проверить судимости и обдумать, подходит ли профиль. Работы минимум на три дня.

— Надо ускориться, переходим к списку Б, — продолжил Сеньон. — Из этих двухсот одиннадцати выдели мне насильников. А я составлю

список В — тех, кто освобожден по болезни или проходил серьезное лечение.

— Врачебная тайна, не получишь.

— Освобожденные по медицинским показаниям — получу. А насчет остального — я тоже не лыком шит. Посмотрю, кого переводили в тюремную больницу за последние два года, проверю, есть ли совпадения с нашим списком. Мне не нужно знать, кто у них числился, просто прислушаюсь к интуиции переговорщика.

Межрегиональное охраняемое больничное отделение — специально оборудованный медицинский центр для экстренного приема заключенных или лечения длительностью более двух дней. Для парижского региона их было всего два: «Сальпетриер» в Париже и больничный центр юга Иль-де-Франс в Эври.

— Рассматриваем только мужчин, ты уверен?

— Ты видела Кратоса. Ты правда думаешь, что это может быть баба, косящая под мужика?

— Нет.

Вопрос был решен. Они углубились в свои файлы, одно за другим перебирая досье и составляя свои списки. В идеальном мире при сравнении списков Б и В по всем параметрам должно было остаться лишь одно имя — тот, кто прошел

через «Флёри-Мерожи» за последние два года, с подходящим ростом, делом о сексуальном преступлении и плохим здоровьем, требовавшим регулярных визитов в медицинский центр перед освобождением. Но у Сеньона был слишком большой опыт в своем ремесле, и в идеальный мир он не верил. Поэтому он просто делал свою работу в надежде, что рано или поздно что-то выскочит.

Реальные расследования почти никогда не похожи на фильмы или сериалы. Озарение не возникает при появлении какой-то решающей улики, нет — это всегда кропотливый труд, сопоставление максимального количества данных, чтобы совпадения сузили список подозреваемых.

Было почти три часа, когда в комнату вошел Гильем.

— Подвожу итог, — объявил он, держа в руке лист бумаги. — С помощью IMSI-перехватчика спецназа мы уловили все сигналы, исходящие из зоны. Потребовалось время, чтобы отсортировать сим-карты всех присутствующих и выделить ту, которая соответствует телефону Кратоса. Это действительно одноразовая симка, наверняка оплаченная наличными, без идентифицируемого пользователя. С этого момента я запросил

у оператора полную историю. Дальше пошла самая тягомотина: для каждой базовой станции, которую он активировал по пути с начала использования, мне пришлось искать, нет ли других сим-карт, которые следовали за ним, повторялись вокруг него. И не один или два раза — это просто значит, что ты едешь в одном автобусе с соседями-пассажирами и вы все, естественно, засвечиваетесь на одних и тех же станциях по ходу маршрута или случайно едете или идете в одном направлении с другими людьми. Нет, я отследил сим-карту, которая повторялась почти постоянно, будто следовала за ним, куда бы он ни пошел. Правда, история не очень длинная — одноразовую симку активировали всего три дня назад, так что у меня не набралось бешеное количество станций для сравнения, что ограничивает надежность результата.

— И значит, провал? — нетерпеливо спросил Сеньон.

Гильем положил на стол принесенный листок.

— Есть два совпадения. Первое я исключил — иностранная студентка, двадцать лет, никакой истории, не верю. Это просто случайный фактор, на десятках тысяч записей это логично. Зато второе…

Он постучал по распечатанной странице с фотографией лысого бородача со зловещей физиономией: сросшиеся брови, кривой нос, опущенные уголки рта, впалые щеки и мрачный взгляд. Лет пятьдесят.

— Эмилио Дюпра-Перес, — пояснил Гильем. — Двенадцать лет заключения в общей сложности, начинал с краж со взломом, жестоких драк, вымогательства, а закончил двумя сексуальными нападениями, за которые вышел из тюрьмы восемь месяцев назад.

Сеньон посмотрел на Магали. Преступника, повинного в преступлениях сексуального характера, предположила она.

— Он проходил через «Флёри-Мерожи»? — уточнил он.

— Нет, через «Френ».

— Черт. А вдруг это ловушка? Если бы этот Эмилио был поосторожнее, он тоже использовал бы одноразовую симку.

— Трудно жить в таком пронизанном связями обществе, не имея хотя бы одного собственного телефона, которым можно пользоваться для каких-то махинаций. Нет-нет, я тебе говорю, это он. Ему просто не пришло в голову, что его могут вычислить через сопоставление сим-карт.

— Но он был во «Френ», а не во «Флёри». Аптечка первой помощи, которой Кратос воспользовался для Лорен, была из «Флёри»!

— Возможно, сообщник дал ему аптечку, — предположила Магали.

Сеньон помрачнел.

— Нет, это не Кратос, — раздраженно проговорил он, указывая пальцем на рост в информационной карточке. — Этот метр семьдесят один. Слишком маленький.

— Один из парней в Булони? — догадался Гильем.

Сеньон вяло кивнул:

— У нас есть что-нибудь на них по видео?

— Ничего, — объявил Гильем. — Они держатся на расстоянии от камеры, почти никогда там не появляются, а в те редкие разы, когда мелькнули, — та же история, что с Кратосом: черная одежда, бронежилеты, балаклавы и серебристые маски. Рост определить невозможно.

— Предположим, этот Эмилио один из них. Кратос мог встретиться с ним на зоне, может быть во «Френ», прежде чем его перевели во «Флёри». Эмилио впечатлил его своими историями о сексуальных нападениях, поэтому Кратос сразу же сообщает Лорен, когда берет ее в заложницы, что,

мол, пусть не волнуется, он не собирается ее насиловать. Подтекст: не как мой дружок. Логично.

— Это еще надо доказать, — сказала Магали. — Любой адвокат разнесет твои доводы в пух и прах, заявит, что это просто неудачное совпадение, что его клиент случайно оказался в тех же районах Парижа, где отслежен телефон Кратоса, но между ними нет никакой связи.

— Это правда, — признал Гильем.

— А где засвечивается его телефон в данный момент? — поинтересовалась Магали.

— В Женвилье, что соответствует его последнему известному адресу. Если это один из тех парней в Булони, он по-умному не взял телефон с собой.

Внезапно у Сеньона возникло подозрение и он бросился к компьютеру кое-что проверить по своим спискам.

— Есть! — воскликнул он. — Эмилио Дюпра-Перес. Несколько раз проходил через больничный центр «Сальпетриер». Вот где они могли познакомиться!

Оставалось только выяснить даты его пребывания там и покопаться, какие еще заключенные из «Флёри-Мерожи» находились в «Сальпетриер» одновременно с ним.

— Мы почти у цели, — выдохнул Сеньон, боясь раньше времени праздновать победу.

Он знал, что именно в такие моменты все часто летит кувырком.

56

На первом подземном уровне башни «Медиаплекса», в зоне, ближайшей к выездной рампе, называемой парковкой дирекции, оборудовали зону хранения.

Несколько ящиков с медицинским оборудованием были размещены здесь в первые часы кризиса, чтобы предусмотреть любую экстренную ситуацию: если взорвется бомба, если произойдет еще один теракт и число жертв окажется больше, чем ожидалось. Здесь находилось все необходимое для того, чтобы за короткий срок развернуть полевой госпиталь.

Тут же на всякий случай были припаркованы машины «скорой помощи», а также пять пожарных машин, мобилизованных из-за захвата заложников.

В три часа ночи здесь было тихо и безлюдно, за исключением двух пожарных, которые только что получили приказ спуститься и следить за оборудованием. Остальные ждали в холле первого этажа башни, в первом периметре безопасности.

Младший пожарный был учеником профессио-

нального училища по специальности «Профессии безопасности» и проходил стажировку, а другой, едва постарше, — пожарным второго класса 16-й роты бригады пожарных Парижа, ответственной за операции в Булонь-Бийанкур.

Оба только что спустились по лестнице и спокойно шли к пожарной машине, где младший хотел зарядить свой телефон. Он следил за прямым эфиром «МД1», ему не терпелось узнать развязку, тем более что комментаторы не переставая твердили, что все может произойти в любую минуту — со стороны захватчика, или заложников (не исключался нервный срыв), или, конечно, со стороны сил правопорядка, будь то спецназ или бригада антитеррора Булони. После таких обещаний трудно было отвлечься, и все в холле башни не спускали глаз с экранов, транслирующих прямой эфир.

— Офигеть. Ты видел, сколько уже собрали бабок? — возбужденно говорил младший. — Больше двадцати двух миллионов! Типа чувак, по сути, выиграл в «ЕвроМиллионы»[37].

---

[37] Сноски: 37

«ЕвроМиллионы» — одна из крупнейших лотерей в Европе, в которой участвуют Франция, Великобритания, Испания, Австрия, Бельгия, Ирландия, Люксембург, Португалия, Швейцария. Джекпот может достигать сотен миллионов евро.

— Ты сам-то скинулся?

— Я? Ты что, охренел? Буду я платить за какого-то телевизионного лоха.

— Мо скинул десятку.

— Мо? Зачем? Это же пачка сигарет!

— Он говорит, что такое нельзя пропустить, и если уж мы постоянно ноем, что мир в дерьме, надо всем участвовать, когда есть возможность помочь друг другу.

— Ему бы не пожарным быть, а священником!

— Ты на стажировке у нас уже два месяца? И так и не врубился, что значит быть пожарным. Мо прав. Если соберем выкуп, то докажем, что общество может быть солидарным, может взять дело в свои руки и не все так ужасно, как говорят.

— Ну так и скинься.

— Я думаю об этом. Даже пять евро — это нормально, для меня не так много, но представь, если это спасет жизнь этому чуваку? А я поучаствую.

— Ты поучаствуешь на пять евро, и все дела.

Они шли через зону хранения к машинам, и младший чертыхнулся, когда его телефон отключился: батарея окончательно села.

— Надо срочно зарядить. Моя девушка пристала с ножом к горлу, и я пообещал, что, если в конце концов нам передадут Даки-Феррана, я пришлю

ей селфи с ним, — сказал он оптимистично.

— Она уточнила, в каком состоянии?

— Ну ты и тупой. Совсем не сечешь. Представь себе хайп в соцсетях, если мы выложим фото покойника. В эксклюзиве: вот Даки-Ферран после того, как его прикончили. Бум! Миллион просмотров обеспечен.

— Тебя сразу задержат — вот это тебе точно обеспечено.

— За фото?

— А ты как думаешь? Если это труп, то четко запрещено!

— Если он мертв, у меня что, нет права его фотографировать? Типа я все равно должен спросить разрешение у покойника?

— Это ты совсем тупишь.

— Я серьезно. Если я сфоткаю его в ресторане и выложу в свой инстаграм, он не подаст на меня в суд, чувак. Так что с трупом еще проще.

— Ты хочешь его сфотографировать, но не готов скинуть пять евро, чтобы спасти ему жизнь. Ты просто шакал. И вообще не имеешь права стажироваться у нас. Позорище.

Старший с досадой покачал головой и остановился, указывая на холодную зону.

Холодной зоной называли пространство раз-

мером с парковочное место, где сотрудники экстренного реагирования договорились при необходимости складывать тела перед их транспортировкой туда, куда потом велят, — обычно в парижский НИИ криминалистики.

— Это ты передвинул носилки? — спросил он.

Час назад им было велено спустить сюда на каталке тело Луиджи в мешке для трупов.

Но ни носилок, ни мешка там больше не было.

— Не, с чего бы мне их двигать? Я с мертвыми не играю, — сказал младший, не сознавая связи с тем, что говорил минуту назад.

— Ой, не прикалывайся. Если это ты, так и скажи!

— Да на фиг мне было его прятать?

Пожарный поспешно обыскал холодную зону, заглянул за бетонные столбы, но ничего не нашел.

— Чего ты так распсиховался? — спросил младший.

Второй возмутился, показывая на пустое пространство:

— А ты как думаешь?

— Расслабься, он же сам не смылся, этот труп!

— Ты хоть иногда шевелишь мозгами? Если его тут нет, значит его украли!

Младший рассмеялся:

— Блин, это же покойник! Чай, не «ролекс». Ты вообще о чем?

— О'кей, тогда где он?

Младший указал на машины «скорой помощи» и пожарные машины поблизости:

— Кто-то его перенес!

— Перенес? Кто?

— Да мне откуда знать? Нас там наверху человек сорок. Кончай, совсем ошизел!

Его напарник покачал головой:

— Это не по протоколу. Был уговор держать тела в холодной зоне, пока не скажут, куда их отправлять.

— Ну вот, приказ пришел, его забрала какая-то бригада, и все дела. Задолбал со своей шизой, я так тоже скоро психом стану.

— Я не видел, чтобы приказ поступал.

— Ты что, диспетчерская вышка? Чувак, ты ведь тоже залип на прямом эфире. Ну и расслабься.

Младший отошел к их машине.

— Пойду заряжу телефон. Если хочешь, сходи наверх и спроси, не забирал ли кто из парней твой драгоценный труп, вперед! Я подожду здесь.

Старший поколебался, затем решил не заморачиваться. В конце концов, этот стажер, пусть хам

и придурок, прав. Не стоит дергаться из-за носилок, которые наверняка где-то здесь, в глубине какого-то фургона. Это даже лучше для бедняги — все же не на виду. Если его самого когда-нибудь прикончат во время операции, он бы точно не хотел, чтобы его бросили в мешке ночью посреди наводящей тоску парковки. Он предпочел бы, чтобы его *убрали* в сухое место.

Он пошел к напарнику и подумал, что, если не забудет, попозже спросит у старшего.

57

С тех пор как Поль Даки-Ферран получил на суфлере указание не пытаться вести переговоры самостоятельно, он предпочитал отмалчиваться.

Вел себя смирно и сосредоточенно. Произносил фразы, свидетельствующие о покорности и безволии, но иногда в нем вспыхивали проблески медийного сознания, и тогда он брал себя в руки, пытаясь изобразить достоинство. Однако ни самолюбие, ни страх не подтолкнули его к новой попытке маневра.

Однако уже прошло два с половиной часа. Два часа тридцать минут он кипел от нетерпения, в то время как его жена и дочь были у него перед глазами, до смерти напуганные, под угрозой расправы, которая могла произойти в любой момент. Сто пятьдесят минут в слепящем свете софитов, под пристальным взглядом камер, зная, что его показывают на весь мир и судят, — в бесконечном ожидании, растерянный, всеми брошенный, в полном неведении о том, что творится за пределами студии. В общей сложности семь часов в роли заложника, с холодной сталью смертонос-

ного ствола у виска, словно он просто-напросто мишень, инструмент преступного замысла.

Видя, как он постоянно ерзает на стуле, никто в режиссерской не предполагал, что он способен бороться со своей природой, что изо всех сил старается удержаться и не заговорить. Дан даже посмеялся:

— Бедняга, он же сам потребовал неудобное кресло, чтобы сидеть с прямой спиной. Теперь, наверное, проклинает свое решение. Спорим, когда выйдет, захочет что-нибудь помягче.

При этих словах Шарлен натянуто улыбнулась.

— Думаешь, он вернется в эфир? — удивился Родрик. — После такой травмы? Я не уверен.

— Это же Поль. Если ему позволят, он уже завтра будет вести вечерний выпуск.

— У него такое супер-эго? — удивился Натэ.

— Это не эго, — наоборот, он потом заявит, что хотел вернуться, чтобы не подвести зрителей. Он просто военная машина. Телехищник. Это у него в крови. Даже оказавшись в ужасном положении, он скажет, что есть люди, которые живут намного хуже, что ему повезло, что он не имеет права жаловаться, и — оп! — приклеит свою фирменную улыбку «Поль Даки-Ферран, выпуск новостей в двадцать ноль-ноль на канале „МД1“» и сядет на

место с карточками в руке, да еще и нас отчитает за то, что мы вяло проявляем энтузиазм!

Шарлен была согласна. Поль никогда не остановится.

— Я военный, — сказал Натэ, — так что мир телевидения… Со стороны кажется, что тут сплошь акулы, нарциссы и сплошная показуха.

— Это далеко от правды, — возразил Родрик. — Телевидение намного хуже! В нашем политкорректном мире телевидение все еще способно сказать женщине, выходящей в эфир, что она слегка располнела и ей следует за собой следить. Директора обсуждают, не отпугнут ли они целевую аудиторию, если поставят чернокожего или арабку в этот временной слот. Боссы проталкивают идею, что мужчина, медленно стареющий перед камерой, внушает доверие, а женщина старше пятидесяти раздражает… О, я могу всю ночь рассказывать вам о радостях и цинизме этого канала и ему подобных.

Дан, указав на главного редактора, обратился к Натэ:

— Не слушайте его, это наш местный критикан. Телевидение — это еще и люди, до крайности преданные информации. Люди с профессиональной совестью, которая заставляет их бунтовать, даже

увольняться, если потребуется. Они настолько уважают телезрителей, что гробят свое здоровье, чтобы быть на высоте, вкалывать изо всех сил, заботиться о них. В этой башне я могу вам найти полсотни мудаков, которых описывает Родрик, но наскребу и полсотни других — тех, кто знает, как глубоко телевидение проникает в дома людей, в их личное пространство, насколько оно обладает силой сопровождать, объединять, даже исцелять… Эти люди наживают себе язвы, если программа не на высоте.

Он произнес свою тираду с пафосом.

Шарлен никогда не думала, что он настолько увлечен работой. В глубине души она сомневалась, что соотношение действительно пятьдесят на пятьдесят, но тут ей трудно было сохранять объективность.

Спроси мое мнение, и я нарисую тебе еще более ужасающую картину оппортунистического и циничного мира информации и телевидения.

На этом этапе она уже не была полностью защищена от своих эмоций, от мнений других, от их взглядов.

Я должна взять себя в руки. До конца еще далеко.

Она посмотрела на экраны режиссерской. Не-

возмутимый Кратос терпеливо ждал. Неужели он заснул? Это невозможно было определить по его маске, нельзя было разглядеть его глаза за поляризованной пленкой, как за стеклами солнцезащитных очков.

— Короче, как везде, — заключил Натэ.

— Да, только хуже! — настаивал Родрик.

И вот тогда Поль сорвался. Не в силах больше сдерживаться, он обратился к Кратосу:

— Отпустите хотя бы мою дочь. Я отдам вам все, что у меня есть. Обещаю вам трибуну в прайм-тайм, когда вы окажетесь на другом конце света. Это возможно, знаете, — журналисты не предают свои источники. Посмотрите на Мерина, Спаджари или бен Ладена[38]. Они скрывались, но смогли дать интервью и…

— Заткнись.

— Насилие не единственный вариант.

Кратос раздраженно покачал головой и поднес

---

[38] Сноски: 38

Жак Мерин (1936–1979) — знаменитый французский гангстер; неоднократно сбегал из тюрьмы, давал интервью прессе, находясь в бегах, был убит полицией в Париже в 1979 году. *Альбер Спаджари* (1932–1989) — французский преступник, организатор «ограбления века» в Ницце в 1976 году; сбежал из зала суда, скрывался годами, давал интервью журналистам из укрытия. *Усама бен Ладен* (1957–2011) — основатель и лидер террористической организации «Аль-Каида», организатор терактов 11 сентября 2001 года в США. Около 10 лет скрывался от американских спецслужб, давал интервью журналистам из укрытия; был убит американскими спецназовцами в Пакистане в 2011 году.

оружие к лицу Поля, который, несмотря ни на что, продолжил:

— Я прошу вас взглянуть на это с определенной высоты.

— А я прошу тебя заткнуться.

— Вы сосредоточены на одной и той же картине, но, если бы вы могли подняться выше, получить панорамное видение того, что мы переживаем, вы бы взглянули на вещи иначе, честное слово.

— Сиди тихо! Психолог из тебя дерьмовый.

В режиссерской вскочил на ноги татуированный Дан.

— Что он только что сказал? — воскликнул он.

Шарлен тоже догадалась. Она слишком хорошо знала Поля и заметила этот несвойственный ему стиль речи, а вдобавок слишком хорошо знала жизнь режиссерской и не могла пропустить подсказки, которые он подкинул.

— Он обращается к нам, — расшифровала она. — Он просит нас взглянуть с высоты, в панораме. Марван, камера на потолке!

— Она выключена, но может получиться включить ее отсюда, подождите.

Панорамную камеру обычно не использовали — ее установили для съемки стола сверху в финальных титрах. Такой ракурс оказался слишком

эффектным, слишком киношным для традиционного выпуска новостей. Планировалось в скором времени ее вообще демонтировать.

— Готово, экран восемь, переключаю на основной, — предупредил Марван.

Тем временем Поль настаивал, но Кратос его прервал:

— Что ты можешь мне предложить? Как ты переплюнешь пятьдесят миллионов и двенадцатичасовой прямой эфир на первом канале Европы?

— Нужно вместе покопаться в ваших мотивах, одновременно эгоистичных и бунтарских, в вашем стремлении к переменам. И тогда мы могли бы выйти за рамки нашего плоского, горизонтального видения того, что вы делаете, перейти на высший план, который проливает свет на ваши истинные намерения.

На изображении, снятом с потолка, они видели Кратоса и Поля сверху, но это давало не больше информации, чем на фронтальном ракурсе, и скорее даже дезориентировало: виднелись верхушка балаклавы и шевелюра Поля.

Но Шарлен заметила, что Поль делает какие-то движения свободной левой рукой, не скованной скотчем и банданой.

— Можешь увеличить? — спросила она.

Марван выполнил: он тоже обратил внимание на руку Поля. Едва заметные движения — рука лежала на выдвижной полке под стеклянным столом, где хранилась клавиатура.

Поль не мог нажимать на клавиши: услышит Кратос или отреагирует компьютер. Пальцы ведущего скользили от одной буквы к другой, зависая над ними, но не касаясь. Он медленно указывал на согласные и гласные, даже на пробел, чтобы обозначить, что между словами есть пропуск.

Он писал им *невидимое* сообщение.

58

На фоне синих проблесковых маячков мелькнула вспышка дорожного радара. На полной скорости они пролетели по кольцевой дороге. Преимущество езды в три часа ночи.

Выжимая больше ста шестидесяти километров в час на своем «Пежо-308», Сеньон с трудом старался не отставать от «Ауди RS Q8», которую вел Клем, боец спецназа.

Приступить к действиям предложила Магали. Сеньон собирался заняться изучением списков заключенных из «Флёри-Мерожи», госпитализированных в охраняемые тюремные отделения в те же периоды, что и Эмилио Дюпра-Перес, а затем изучить их профили в надежде идентифицировать Кратоса и, возможно, третьего сообщника. Магали хотела рвануть к Пересу домой, чтобы проверить их версию, а может, извлечь что-то более конкретное. Обычный обыск разрешено проводить только с шести утра до двадцати одного часа, за исключением определенных случаев, таких как терроризм или преступное сообщество. Давая им разрешение, прокурор, находившийся

сейчас в башне «Медиаплекса», использовал второй критерий и получил подтверждение от генерала Брюно. Вдобавок начальник еще придал им троих спецназовцев для обеспечения безопасности. В принципе, даже если Эмилио Дюпра-Перес действительно один из сообщников, настоящая опасность таится в башне и в доме Поля, но лучше не рисковать.

Гильем, бывший следователь по финансовым преступлениям криминальной полиции Версаля, остался изучать списки. Это его не пугало. Он умел выявлять закономерности или связи, так что бюрократическая задача легла на его плечи.

Они проехали через Клиши, пересекли Сену, затем помчались через Женвилье, выключив проблесковые маяки в длинном жилом квартале — лучше не будить лихо, — и сбавили скорость на тихой улице возле скромного двухэтажного дома с облупившейся штукатуркой, где жил Эмилио Дюпра-Перес.

Жислен был на связи с Магали.

— Все чисто, — сказал командир группы. — Ни света, ни признаков присутствия.

— Идем, — одобрила следователь.

Пять минут спустя они двигались, пригнувшись, вдоль низкой стены дома — впереди

Жислен, Марко и Клем, в тяжелом снаряжении.

Сад перед домом скорее представлял собой крошечный пустырь, покрытый засохшей грязью и сорняками. Калитка была не заперта. Трое спецназовцев взбежали на крыльцо; Марко, «домушник» группы, встал у двери, чтобы поставить диагноз. Холодного взлома, без взрывчатки, будет достаточно. Прихваченным из багажника «ауди» небольшим тараном он одним мощным ударом выбил дверь. Они ворвались в дом с криком «Жандармерия!»; фонари на планках их штурмовых винтовок освещали каждый угол. Магали и Сеньон следовали за ними, держа свои «глоки» наготове.

Они обошли дом, прежде чем Жислен, стоявший внизу у лестницы перед гостиной, сообщил следователям:

— Чисто. Никого нет.

Сеньон и Магали убрали оружие и везде включили свет.

— Я приведу соседей, — сказал здоровяк.

Он вернулся пять минут спустя с двумя растерянными спросонок людьми в халатах и спортивных штанах. Сеньон вытащил их из постели, чтобы они выступили понятыми — обязательное требование при обыске в отсутствие владельца

помещения.

— Стойте здесь и смотрите, что мы делаем, — успокоила их Магали, в то время как оба свидетеля буквально оцепенели перед спецназовцами.

Сеньон встал перед бойцами.

— Подсобите нам, — попросил он.

— Что мы ищем? — поинтересовался Жислен.

— Все, что может быть связано с двумя захватами заложников. Чеки на покупку материала, похожего на то, что мы видели, их маски или рюкзаки с питьевой системой «Кэмелбэк», а еще компьютеры, планшеты, все, что может содержать потенциальные доказательства.

Командир группы повертел в воздухе указательным пальцем, приказывая своим людям распределиться по дому, и они начали обыск.

Довольно быстро стало очевидно, что здесь живут двое мужчин. Два комплекта мужской одежды разных размеров в двух комнатах, две зубные щетки, два туалетных набора… Через десять минут Марко крикнул с верхнего этажа:

— Нашел административные документы на имя Эмилио Дюпра-Переса.

Значит, они не ошиблись адресом. Такое бывает крайне редко, но при плохо подготовленных обысках или арестах все же случается. Сеньон

в молодости участвовал в операции, когда они ворвались не в ту квартиру, а тем временем преступник, которого разыскивали, сбежал. Такой прокол помнишь всю жизнь.

В гостиной Сеньон только что обнаружил в большом количестве коробки с лекарствами. Он не мог определить их назначение и начал фотографировать.

Жилище не было загружено ни декором (практически отсутствовавшим), ни мебелью и уж тем более личными вещами. Была ли это просто явка или жилье людей, которые годами сидели в тюрьме, а не накапливали имущество? *Одно не исключает другого*, подумал Сеньон.

Военные разговаривали наверху, и Сеньон узнал голос Магали, но не мог разобрать слова. Он надеялся, что они нашли что-то интересное.

Его внимание привлекла скатерть — она покрывала сдвинутый к стене стол, и под ней виднелись какие-то разномастные бугры. Он осторожно приподнял ее, сначала чтобы убедиться, что там нет ловушек, взрывчатки или гранаты, а затем, когда увидел, что под ней спрятано, сосредоточился, чтобы ни в коем случае не перемешать документы, разложенные в определенном порядке.

Магали крикнула ему с площадки второго этажа:

— Если Эмилио Дюпра-Перес — это один из двух парней из Булони, мы, кажется, опознали его сообщника! У меня есть документы на имя Сержа Бильдёра. В его удостоверении личности указан рост метр семьдесят восемь, это не Кратос.

— Это точно они! — объявил Сеньон.

— Ну, пока мы еще не можем…

— Это они! — настаивал он. — Спускайся.

Магали спустилась и подошла к столу.

На нем были разложены десятки фотографий дома Даки-Ферранов в Булони, их усадьбы в Нормандии, башни «Медиаплекса», различных входов в нее, включая вход на парковку… Значительная часть их разведданных.

— Так. Надо сообщить в антитеррор, что мы установили личности тамошних захватчиков, — заявила Магали.

— Но ничего нет про Кратоса, — проворчал Сеньон.

— Он жил не здесь. Здесь только эти двое.

— Позвони Демонту в судебную полицию — пусть приедут забрать то, что нужно для переговорщиков. Может, теперь, когда нам известны личности, это изменит ситуацию.

Пока она выполняла указание, Сеньон взял телефон, чтобы доложить новости руководителю операций и прокурору. Брюно ответил сразу.

— Господин генерал, у нас есть личности двух захватчиков в Булони.

— Подтверждено на сто процентов?

— Нет, но в срочном порядке я беру риск на себя. Я считаю, что это они.

— А Кратос?

Сеньон просматривал различные документы, сложенные на столе.

— Никак нет. Пока ничего. Но Чинь сейчас над этим работает.

— Понятно. Передаю трубку прокурору. Лейтенант Дабо?

Сеньон только что развернул карту.

— Лейтенант? — повторил генерал.

— Господи…

— Простите?

Генерал понял, что происходит что-то важное, дал своему следователю время собраться с мыслями, и наконец Сеньон добавил:

— Я знаю, как они собираются сбежать.

59

Они играли в игру.

Опасную игру, и малейший провал мог обернуться яростью и смертью человека.

Понять то, что Поль Даки-Ферран пытался им написать, в то время как пальцы его левой руки незаметно зависали над клавишами клавиатуры, указательным или мизинцем обозначая нужные буквы. Упражнение было рискованным, особенно для ведущего — тот должен был занимать Кратоса разговором, который похититель не желал поддерживать.

— Г-И-Р-О-П-Е… — пытался прочесть Родрик. — О чем он?

— Могут быть опечатки, — уточнила Шарлен, не сводя глаз с Кратоса. — Он не смотрит на клавиатуру, это только мышечная память — он помнит, где находятся буквы.

— И при этом разговаривает с ним, — восхитился Остен. — У него получится? Не проколоться?

Капитан хотел знать, стоит ли готовить своих людей к штурму.

— Поль привык работать в режиме многоза-

дачности, — проинформировал его Дан. — Он ведущий. Должен читать телесуфлер, одновременно понимая, что говорит, и следить по своим карточкам, если вдруг произойдет сбой, чтобы продолжить, предугадывать смену камер, контролировать тайминг, свои перемещения по студии, когда говорит стоя, следить за своим внешним видом, жестикуляцией, слушать наши указания в наушнике и следовать им, если считает уместным, не выказывать стресса — и все это одновременно и в прямом эфире. Поверьте мне, говорить и двигать рукой — это для него плевое дело.

Шарлен забрала блокнот Яниса и постепенно записывала буквы.

— Он остановился на Р или нет? — спросил Родрик. — У меня не складывается слово. Бессмыслица.

— Он еще не закончил, — заметила Шарлен, максимально сосредоточившись.

Буква за буквой она записывала то, что видела. Полю приходилось делать паузы, чтобы не попасться на глаза Кратосу, затем продолжать. Шарлен гадала, успеет ли он написать все, что хочет, прежде чем похититель заставит его замолчать, и тогда он уже не сможет незаметно

двигать рукой, но Кратос так долго находился в ожидании, что ему самому, должно быть, доставляло некоторое удовольствие немного пообщаться.

Мало-помалу фраза вырисовывалась. Затем рука остановилась.

Шарлен перечитала и исправила то, что сочла опечатками.

— «Гиропередатчик связан Булонь бомба», — прочла она.

Янис отреагировал немедленно:

— Он объясняет нам, что у него в правой руке.

— А что такое гиропередатчик? — спросил Родрик.

— Детонатор бомбы.

Ответ Яниса поверг режиссерскую в ошеломленное молчание.

— «Гиро» — это сокращение от «гироскопический», — уточнил переговорщик. — Думаю, он говорит нам, что передатчик примотан скотчем к его руке и, если он слишком сильно пошевелится, в Булони взорвется бомба.

— Гироскоп — это как сферы, которые могут двигаться относительно друг дружки, да? И если они раскрутятся слишком сильно, все взорвется?

— На самом деле, думаю, это скорее акселеро-

метр, но я не специалист.

Дан спросил:

— Значит, бомба не здесь и под банданой спрятана не граната?

— Как он может точно все это знать? — удивился Симон.

— Кратос, кажется, ему что-то говорил, когда передавал предмет, — вспомнила Шарлен.

— Значит, Поль не может упасть со стула, побежать или слишком сильно жестикулировать, — резюмировал Родрик.

Главный редактор вздохнул.

В стороне тихо совещались капитан Остен и его помощник Натэ. Шарлен наклонилась к Янису:

— Это меняет ваши планы на случай штурма?

— Да. Нельзя задеть Поля, и это плохие новости.

— Вы же все снайперы? Вы разве не можете, когда войдете, выстрелить в Кратоса, чтобы Поль при этом не пошевелился?

— Это не так просто. Когда мы входим, возникает небольшая задержка — открыть дверь, преодолеть порог, должна ворваться целая штурмовая колонна, на каждом двадцать-тридцать кило снаряжения, нужно захватить цель. Короче, пройдет несколько секунд, которых может быть

достаточно, чтобы противник отреагировал — например, выстрелил в заложника.

— И как вы будете действовать?

— Мы входим, используя средства подавления. Гранаты, которые оглушают, ослепляют, что-то в этом роде. Идея в том, чтобы перегрузить чувства противника, «заморозить» его мозг на краткий миг, чтобы получить преимущество. Все взрывается в момент, когда мы врываемся, и это позволяет нам действовать с опережением, потому что мы привыкли так. Но если мы используем эти средства, от них рискует пострадать Поль — он может упасть, есть вероятность, что его отбросит волной, и тогда…

— Булонь взорвется.

— Мы передадим сообщение антитеррористам. Нам нужно понять, какое установлено устройство, находится ли взрывчатка на самих женщинах или в доме. Но…

Шарлен поняла самое главное.

— Штурмовать становится все сложнее, — сказала она.

Янис мрачно кивнул:

— У нас больше нет снайперов на позиции, у нас нет преимущества местности, мы не сможем использовать наши обычные средства для

проникновения, плюс два захвата заложников прикрывают друг друга. Да, если хочешь, скажу прямо: дело дрянь.

— Что вы сообщите политикам?

— Наш генерал сейчас с ними, пытается объяснить им ситуацию, но они остаются политиками, а мы — военными.

— То есть?

— Если они не прислушаются к нашим рекомендациям и прикажут нам действовать, мы подчинимся.

Шарлен в отчаянии нахмурилась.

Дан, который следил за разговором между Кратосом и Полем, заявил:

— Он снова начинает указывать на буквы, те же самые. И Поль слишком настойчиво вещает. Кратос его раскусит — надо предупредить, что мы все поняли, что сообщение получено.

Шарлен бросилась к компьютеру, где все еще было включено программное обеспечение, используемое для передачи в студию сводок агентства «Франс-пресс» на один из встроенных в стол экранов. Она набрала: «Спасибо, Поль».

— Скажите мне, когда Кратос отвернется, чтобы я могла отправить, — предупредила она.

— Go! Go![39] — крикнул Дан.

Она нажала клавишу и подождала, пока взгляд Поля не переместился к замигавшему монитору. Едва он взглянул на экран, она отключила оповещение.

— Готово, он увидел.

Янис наклонился над пультом:

— Успокой его насчет его семьи.

Шарлен широко раскрыла глаза:

— Как это?

— Скажи ему, что мы о них позаботимся. Что все под контролем.

— Но… Ты только что говорил обратное! Что вмешаться очень сложно!

— Я знаю. Солги ему.

Она разочарованно выдохнула, и Янис, увидев, что не убедил ее, объяснил:

— Я не хочу, чтобы он натворил глупостей из-за стресса, от усталости и страха. Если он поверит, что сам способен что-то предпринять и у него появится шанс на спасение, он может утратить благоразумие и сказать или сделать что-то опасное, просто чтобы действовать, больше не чувствовать, что он жертва, в то время как жизни

---

[39] Сноски: 39
Давай! Давай! *(англ.)*

его жены и дочери под угрозой. Мы не можем позволить себе еще один фактор риска. Так что успокой его, скажи, чтобы он просто ждал. Я хочу, чтобы он не мешал нам выполнять нашу работу.

Шарлен не могла противостоять этим аргументам и начала печатать: «Спецназ и бригада антитеррора на месте, все ОК. Дай нам делать свое дело». Под настойчивым взглядом Яниса она со сжавшимся сердцем добавила: «Твоя семья скоро будет в безопасности». Она отправила сообщение на экран «Франс-пресс», убедилась, что Поль прочел, и все стерла.

— Если с Аниссой и Мией что-то случится… — сказала она.

Янис положил руку ей на плечо, стараясь успокоить, но ей показалось, что это все равно что дать от боли аспирин, когда у человека оторвало руку или ногу.

Поль наконец перестал говорить, и Кратос тоже замолчал.

Шарлен не заметила, как вернулся Филипп Роже и занял свое место рядом с Ирен, которая сверху, из заднего ряда, обозревала режиссерскую. Спокойствие и молчание Белой Дамы в течение нескольких часов настораживали. Шарлен это не нравилось. Почему она молчит? Потому что до-

вольна ходом операции или замышляет какую-то пакость? После того как она пустила переговоры в прямой эфир, какую еще большую гадость могла она устроить ради хайпа?

В 03:30 Родрик с грохотом свалился со стула, чем вывел всех из оцепенения. Дан и Симон бросились к нему.

— Нет, я в порядке, все нормально… — пробормотал он, поднимаясь. Его жилет съехал набок, а часы выскользнули из кармашка и болтались на цепочке. — Я только что наткнулся на новость…

— Какую новость? — встревожилась Шарлен.

— Знаете, как говорят: беда никогда не приходит одна? Или еще похлеще: дураки всегда ходят стаями. Ну, этого вы точно не ожидали.

Родрик подобрал свой мобильный телефон, протянул им и пояснил:

— Только что опубликовано.

Едва прочтя заголовок, Дан охнул и закрыл рот рукой.

60

В небольшом доме в Женвилье Сеньон развернул карту, найденную среди разведданных, собранных Эмилио Дюпра-Пересом и Сержем Бильдёром, вероятно, при участии третьего сообщника — Кратоса.

Карта была не совсем обычной — скорее, сборкой распечатанных фотографий, склеенных скотчем и образовавших прямоугольник метр шестьдесят на восемьдесят сантиметров. Около двадцати страниц из «Гугл-карт», размещенных рядом, чтобы создать спутниковый план с очень близкого расстояния.

— Что вы сказали? — повторил генерал Брюно.

— Что я знаю, как они хотят смыться, — заявил Сеньон. — У меня перед глазами их стратегический план.

— Объясните.

— Это спутниковый снимок аэропорта Орли, сделанный с небольшой высоты, поэтому достаточно детальный. Они обвели несколько мест, но все зачеркнуты, как будто их отбраковали одно за другим. Кроме одного на департаментской трассе

118А, к югу от взлетных полос. Судя по всему, обычная дорога. Там есть круг и красная линия, которая указывает маршрут.

Жислен, командир группы спецназа, подошел ближе, чтобы изучить карту вместе с ним. Сеньон продолжил:

— Красная линия ведет к зоне на краю взлетной полосы, но за пределами аэропорта. Что-то вроде… промзоны или свалки.

— Подождите, лейтенант, мы смотрим параллельно на компьютере. Номер департаментской дороги, вы говорите…

— Д118А. На юге.

— Есть, нашли.

— Двигайтесь по ней строго на запад до кольцевой развязки, которая позволяет попасть на улицу дю Мюзе.

— Минуточку. Вы на громкой связи, тут весь оперативный штаб. Полковник Дюпра говорит, что знает эту зону, передаю ему трубку.

— Лейтенант, — начал начоперштаба спецназа, — в рамках нашей разведки особо уязвимых объектов мы несколько раз бывали в Орли. Улица дю Мюзе — это дорога с ограниченным доступом, используемая аэропортом Парижа.

— Ограниченная шлагбаумами?

— Нет, только множественными знаками и красной разметкой на земле, которая указывает, что это закрытый доступ.

— Так что нашим субъектам ничто не помешает туда въехать.

— В каком направлении идет дальше красная линия?

— На запад, вдоль ограждений аэропорта до улицы Баз, той самой якобы промзоны, о которой я только что говорил.

— Это рабочая база компании-подрядчика, отвечающей за обслуживание взлетных полос, кажется. Бытовки фирмы «Алжеко», несколько ангаров и действительно участки свалки или склады материалов, я вижу на «Гугл-картах». Это тупик. Зачем им туда ехать?

— Понятия не имею, полковник, но линия не останавливается, она идет вглубь рабочей зоны и буквально входит в Орли, по траве вокруг взлетных полос, а затем на внутреннюю дорогу, которая тянется по всему периметру аэропорта.

— Патрульная дорога в таможенной зоне?

— Да.

Молчание, и Дюпра подытожил:

— Логично, что рабочая зона имеет доступ к взлетным полосам, раз они их обслуживают, но я

точно не помню, мы просто проезжали мимо. Но зато здесь должны быть одно или несколько передвижных металлических ограждений, возможно противотаранный барьер и камеры наблюдения. Продолжайте.

— Так вот, красная линия следует по патрульной дороге на юго-восток, но недалеко, до входа на взлетную полосу от руки красным написано 02/20. И все. На этом все заканчивается.

— 02/20 — это название взлетной полосы, — уточнил Дюпра. — Я ее знаю, потому что в Орли она почти никогда не используется, это их запасная полоса. Если возникает проблема и они хотят отрезать рейс от остального потока, они отправляют его на 02/20, поэтому мы ее знаем. В случае пожара, когда нужно изолировать самолет, его отправят туда, в самый конец. Вероятно, там, где сейчас ваш палец, в пустынный сектор, и, наоборот, при захвате заложников мы поставим самолет с противоположной стороны, на севере, ближе к зданиям, чтобы замаскировать наш подход и разместить снайперов на крышах ближайших ангаров.

Генерал Брюно взял трубку и поспешно заключил:

— Хорошая работа, лейтенант. Привезите нам

все это и держите меня в курсе, если будет что-то новое.

И он отключился, торопясь провести немедленный инструктаж старших офицеров, чтобы подготовить их к выполнению задания и доложить о ситуации министрам, а возможно, и самому президенту.

— Сволочи, — сказал Жислен.

— О, я уже почти привык к тому, что начальство меня посылает…

— Я о тех, кто захватил заложников.

— А, извини. Тебе что-то подсказывают все эти каракули? Они явно хотят привезти заложников сюда, но что дальше?

— Противник навел справки, чтобы понять, где в Орли их может ждать самолет. И желательно на юге, на открытом пространстве, чтобы нам из укрытия было к ним не подобраться. Если они потребуют самолет, мы обязательно припаркуем его там, где нам удобно вмешаться. Они это предвидели и потребуют поставить его туда, где у нас будет самая неудобная позиция.

Сеньону все стало гораздо яснее.

— Они знают, что это неиспользуемая полоса, так что нет проблем, карета может поджидать их там, — проанализировал он. — Нам не удастся их

обмануть, ссылаясь на управление воздушным движением или невозможность парковки…

— Еще лучше: они потребуют самолет в конце взлетной полосы 02/20, на юге, и если обычно мы бы расставили команды по пути на поле через главный вход, чтобы остановить их на открытом месте во время продвижения уже по летному полю, то здесь они бы обманули нас, пройдя через рабочую зону!

Сеньон задумчиво расхаживал по гостиной. У входа двое понятых, уже полностью проснувшись, чуть не свернули себе шею, стараясь разглядеть, что происходит.

— У нас есть преимущество — мы знаем их план, — размышлял вслух здоровяк из криминальной полиции. — Надо их переиграть на их же поле.

Жислен покачал головой.

— Это работа начоперштаба и командира силовиков, — сказал он. — Спецназ будет консультировать по стратегии. Что ваша команда может им дать по субъектам?

— Ты прав.

Из-за плана с аэропортом Сеньон пришел в возбуждение. Он знаком подозвал Магали, которая как раз договорила по телефону.

— Флики едут, — доложила она.

— Как только передадим им дела, возвращаемся в башню. Оттуда я хочу полный брифинг по Эмилио Дюпра-Пересу и Сержу Бильдёру. Мы знаем двух парней из трех, у нас есть их маршрут побега. Я начинаю думать, что у нас есть шанс и все закончится не так уж плачевно.

Жислен вздохнул — он выглядел менее уверенным.

— Да… Если все будут сохранять спокойствие, — сказал он, — и политики не заставят нас лезть напролом, тогда есть шанс.

— Во сколько Кратос должен выступить снова?

Магали посмотрела на часы и ответила:

— Через тридцать минут.

За это время они должны были разработать собственный план.

61

Родрик подключил свой ноутбук к пульту режиссерской и перенес изображение со своего экрана на один из настенных мониторов, чтобы все видели то, что он хотел показать.

— Эта новость только что появилась, — объявил главный редактор. — Я отправил сообщение своему контакту из судебного отдела, который сейчас бодрствует, попросил подтверждения, но сомневаюсь, чтобы такая серьезная газета напечатала подобную информацию без доказательств.

Он открыл страницу интернет-новостей и статью, опубликованную менее пяти минут назад на сайте газеты «Ле Паризьен». Заголовок вспыхнул черными буквами, которые обрушились на всех, как в фильме ужасов:

«ПОЛЬ ДАКИ-ФЕРРАН, ВЗЯТЫЙ В ЗАЛОЖНИКИ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ НА „МД1“, ОБВИНЕН ДВУМЯ ЖЕНЩИНАМИ В СЕКСУАЛИЗИРОВАННОМ НАСИЛИИ».

— Что за херня? — воскликнул Марван.

— Я только что пробежался по статье, — объяснил Родрик. — Обвинительницы утверждают,

что были вынуждены вступить в сексуальные отношения с Полем. Факты более чем десятилетней давности у одной и пятилетней у второй. Женщины не были знакомы, но несколько месяцев назад встретились на работе, в продюсерской компании, случайно разговорились и уловили, что обе напрягаются при упоминании Даки-Феррана. Постепенно они начали делиться друг с другом, поняли, что пережили одно и то же, что с ними действовали по одному сценарию, и решились обратиться к правосудию.

— Неужели они подали заявление этой ночью? — удивился Дан.

— Нет, судя по всему, дело трехнедельной давности. Флики вели расследование в полной секретности. В статье цитируется внутренний источник, который утверждает, что, «учитывая популярность обвиняемого, прежде чем поставить под угрозу его карьеру, они начали с изучения прошлого двух женщин и теперь сосредоточились на проверке фактов перед тем, как допросить главное заинтересованное лицо», — прочитал Родрик.

— Две женщины подают заявление об изнасиловании, но под следствием оказываются сами? — возмутилась Шарлен. — Это шутка?

— Именно поэтому «Ле Паризьен» не побоялась впутаться, — сказал Родрик.

— Но это точно подтверждено? А вдруг эти заявления — фейк из соцсетей? — настаивал Дан. — Учитывая то, что происходит сегодня ночью, на нас наверняка вывалят кучу всякого дерьма…

Родрик, который только что получил СМС, покачал головой:

— Мой контакт говорит, что это подтверждено сотрудниками криминальной полиции. Это правда.

— Черт… — вздохнул татуированный, приглаживая волосы. — Момент выбран идеально.

Родрик, похоже, не удивился. Он прокручивал статью на экране, комментируя:

— Поль привлекает столько внимания, что, раз такая история назревала, она неминуемо должна была всплыть именно сейчас.

Команда спецназа не вступала в разговор, но включился Янис:

— И вы думаете, что это может быть… маневр для дестабилизации?

— Другими словами, ты спрашиваешь, врут ли эти женщины, или у нас есть основания верить, что Поль мог это сделать? — резюмировала

Шарлен.

— Принимая во внимание масштаб новости, я понимаю, что она просочилась сегодня вечером, но это также могло быть идеально спланированной манипуляцией, и я просто не хочу, чтобы мы попались в ловушку, которая может повлиять на переговоры. Поэтому мне нужно знать ваше мнение. Я хочу понять, есть ли причина усомниться в этой информации, появившейся весьма некстати или как раз очень даже кстати, в зависимости от точки зрения.

Никто не ответил.

Пятнадцать долгих, красноречивых секунд молчания.

Шарлен цокнула языком и начала первой.

— Я знаю, что сейчас будет, и реально взбешусь! — предупредила она. — «Поль — дамский угодник. О, это же Поль». Это… просто мерзко.

— Подожди, — сказал Родрик. — Мы не можем…

— Лгать себе? Ну да, конечно. А если мы лгали себе годами? Род, Дан, сколько раз вы видели, как он заходит слишком далеко с женщиной?

— Нет, постой, — умерил ее пыл Родрик, — никто не спорит, что Поль пристает к красивым девушкам, пялится на них, но это не делает его

извращенцем! Полным придурком, если хочешь, но не…

— Потому что это *сам* великий Поль Даки-Ферран, и все тут же заткнулись, — добавила Шарлен, с трудом сдерживая гнев.

— Шарли, — сказал Родрик, — есть огромная разница между приставаниями и… и…

— Изнасилованием? Ты это слово не можешь произнести?

— Черт возьми, а вот ты его сразу отыскала? А вот ты заглядывала к нему в кабинет, чтобы сказать ему, что он заходит слишком далеко? Нет! Так что не читай нотаций. Задним числом легко осуждать.

Шарлен покачала головой:

— Мы должны были что-то с этим сделать. Все вместе.

Вмешался державшийся в стороне Дан:

— Мне мерещится или мы судим коллегу, которому вот прямо сейчас приставили пистолет к виску?

Его замечание разрядило атмосферу. Но заведенная Шарлен не смогла удержаться:

— Это две разные вещи. Если окажется, что он действительно изнасиловал этих двух женщин, а мы *чувствовали*, что он часто переходил грани-

цы, то на нас тоже лежит доля ответственности. В первую очередь на мне, — добавила она.

Родрик в разочаровании ударил рукой по пульту.

— Ты считаешь, что Поль невиновен? — спросила Шарлен, немного успокаиваясь.

Главный редактор выглядел измученным; его кудрявая шевелюра растрепалась еще больше обычного. Он, похоже, растерялся.

— Если честно… Уже не знаю. Но правда, разве сейчас время для этого? — спросил он, указывая пальцем на экраны.

Поль тоже выглядел изнуренным. Грим поплыл, черты лица заострились, несколько непослушных прядей выбились из безупречной прически. Он утратил лоск.

Шарлен кивнула:

— Сбор средств для этого человека, который за семь часов стал символом солидарности народа, выступающего против бездействия правительства и телеканала, только что превысил двадцать пять миллионов евро. Он герой. Будут выпускать футболки с его портретом или что-то в этом роде. Но возможно, мир готовится узнать, что на самом деле он насильник.

— Пока не доказано обратное, он все еще счи-

тается невиновным. Шарли, ты понимаешь, насколько он знаменит? Ты знаешь, что его уже не раз обвиняли психи, на него возводили поклеп, и дело доходило до судебных процессов, которые он выигрывал? Поль — блестящая личность, а блеск притягивает, в том числе безумцев и проходимцев.

— Но это же не одна девушка выступила! Речь о двух женщинах, которые даже не были знакомы.

— Это они так утверждают! Может, завтра мы узнаем, что они уже десять лет как подружки и на самом деле вообще никогда не работали на Поля, но вред уже будет нанесен! У всего мира возникнут сомнения.

Шарлен в раздражении кусала губы.

— Ты же его знаешь, ты же видишь, какой он… Тебя это так удивляет?

Родрик был загнан в угол и готов сдаться, но в нем проснулась природная подозрительность. Или ложное чувство солидарности подсказало ему другую возможность.

— Я не отрицаю, что иногда он перебарщивает, что слишком навязчив в своих ухаживаниях, это правда. Достаточно поработать с ним вместе несколько месяцев, чтобы это понять. А если в этом-то все и дело? Его дурацкие манеры, его

перехлесты — идеальный предлог, чтобы выдать спланированную атаку за справедливую жалобу? Чтобы выкачать из него деньги или просто чтобы оказаться в центре внимания… Ну не знаю, — может, он крутил романы с этими девушками, а потом бросил их, не ушел от жены, и теперь они мстят?!

— Почему ты его так защищаешь? — взорвалась Шарлен. — Потому что это может обернуться против тебя? Ты покрывал его шашни?

— Не пори чушь! — заорал Родрик.

Янис сильно хлопнул рукой по столу и приказал им замолчать. Убедившись, что они подчинились, он добавил спокойным, но властным тоном:

— Наша миссия — не судить того, кто в этой студии, а сделать так, чтобы все вышли оттуда живыми. Не важно, кто он и как поступил.

Он буквально пронзал каждого взглядом своих черных глаз, и впервые Шарлен не прочитала в них ни нежности, ни мягкости. Это даже был не тот сосредоточенный Янис, которого она мельком увидела во время операции, когда зашла в студию. Нет, теперь перед ней стоял человек, не терпящий возражений, полный холодной решимости. Лев перед прыжком.

Она задалась вопросом, убивал ли он когда-нибудь на задании. Если да, у него в тот момент, без сомнения, были именно такие глаза.

Все понурились и разошлись по местам. Родрик закрыл страницу со статьей, убрав изображение со стены режиссерской.

Ирен Хачатурян жестом подозвала Филиппа Роже и долго с ним беседовала в сторонке. Потом начальник безопасности кивнул и тенью выскользнул из режиссерской.

Янис дал Шарлен пять минут, чтобы спало напряжение, затем подошел и заговорил вполголоса:

— Будь со мной максимальная откровенна. Ты еще способна защищать Поля?

Она глотнула воздух, не зная, что ответить, но он остановил ее и твердо произнес:

— Не только вести переговоры с Кратосом, а готова ли сражаться со всей убежденностью, мобилизовать всю свою энергию и резервы ради Поля? Из кожи вон лезть ради него? Ты имеешь право отказаться — никто тебя не осудит, тем более сейчас. Но если останешься, ты ни на секунду не должна дать волю этому гневу. Мне все равно, что ты думаешь о Поле, виновен он или нет. Чтобы вести переговоры о его жизни, ты должна

верить в него.

Шарлен откинула голову назад, тяжело дыша.

Вот она, ее дверь на выход.

Янис прав, никто не сможет винить ее, если она сейчас уйдет. Особенно после ее заявления. Но тогда переговоры с Кратосом начнутся с нуля, и никто не сможет предугадать его реакцию, если перед ним не будет Шарлен.

Весь вечер и всю ночь в глубине души она ждала решающего момента, этой точки невозврата.

Она посмотрела на изображения Поля на разных экранах и мысленно прокрутила в памяти эти два года, проведенные рядом с ним в редакции.

Два года, когда она старалась не думать о том ноябрьском вечере, вскоре после ее прихода на канал, когда она оказалась с Полем в его кабинете после выпуска новостей. Она пыталась выкинуть из головы это воспоминание, делая вид, будто его вообще не существует. Чтобы продолжать. Чтобы сохранить работу. Чтобы не признавать правду.

А теперь жизнь Поля в ее руках.

62

«Пежо-308» спускался по кольцевой дороге с выключенной сиреной, но включенным проблесковым маячком, чтобы пробиться сквозь ряды первых утренних автомобилистов и доставщиков.

Сеньон был за рулем, чтобы дать Магали возможность читать последние новости на телефоне.

— Подтверждение того, что у нас есть по Эмилио Дюпра-Пересу, — его криминальное прошлое говорит само за себя: драки, грабежи, вымогательство и, значит, насилие. Просто пупсик. Его имя всплывает во многих делах о скупке краденого, но осужден не был, водился с отпетыми личностями, но ничего конкретного. Погоди-ка, это еще не все: подозревался в похищении ради выкупа, которое плохо кончилось. Предприниматель. Обнаружен мертвым, был задушен. Исполнителей так и не нашли, а Дюпра-Перес фигурировал в числе подозреваемых. Его также связывали с бандой, совершавшей в двухтысяч-

ных *home-jackings*[40]. И там он тоже вышел сухим из воды из-за отсутствия улик.

— Идеальная биография для этого захвата. Опыт крупных дел, способность сохранять хладнокровие и, главное, умение контролировать жертвы.

— У меня пока нет официального подтверждения, но он несколько раз проходил через больничное отделение «Сальпетриер» из-за того, что болен СПИДом.

Сеньон что-то проворчал.

— Насильник вдобавок… Черт возьми…

— Ага, этого точно могила не исправит.

— А другой?

— Серж Бильдёр — птица высокого полета. Тоже прошел через тюрьму, и вот тут-то мы устанавливаем связь: он сидел во «Френе» одновременно с Дюпра-Пересом.

— Что мы о нем знаем?

— Опускаю бесконечный список мелких преступлений, он начал рано. Главным образом известен тем, что ограбил инкассаторский фургон и мастерскую сортировки алмазов.

— Налетчик?

— Судя по всему, да. Бильдёр — это, похоже,

---

[40] Сноски: 40

Вторжения в жилища с применением насилия *(англ.)*; несмотря на то что термин английский, используется он в основном во Франции.

мозг. Он проводит разведку, разрабатывает операцию, тут ему нет равных.

— Почему же его повязали, если он такой ас?

— Предательство. Сдали сообщники. Сам он никогда не косячил, никаких улик, всегда уходит с добычей, минимум насилия. Именно поэтому никогда не получал тяжелых приговоров.

— Нет убийств в послужном списке?

— Известных — нет.

Сеньон несколько раз моргнул дальним светом фургону перед ними, который упорно не желал перестраиваться, несмотря на их проблесковый маячок. Всегда находятся идиоты, которые намеренно достают фликов или жандармов в самое неудачное время.

— У него очень широкий спектр навыков, — продолжила Магали. — Говорят, он талантливый фальсификатор, специалист по маскировке предметов — может спрятать камеру в банку колы и все в таком духе, неплохо разбирается в технологиях, включая компьютеры, один из его бывших сообщников сказал, что он пользуется даркнетом для закупки оборудования и умеет обращаться со взрывчаткой.

— Не очень хорошая новость. Это он отвечает за перевод выкупа в криптовалюту?

— В любом случае он знает, о чем говорит. Парень крепкий. Вырос в семье преступников, его кореша — местные цыгане, причем не самые безобидные, и с ранних лет он был замешан в темных делах. У него это в крови, он мастер.

— Он кажется более стабильным, чем Дюпра-Перес.

— Явно другой профиль. Один — извращенец-оппортунист, который при случае скатывался в криминал, тип довольно импульсивный. Второй родился в этой среде — методичный, трудолюбивый и расчетливый.

— Как они вообще сошлись? — задумался Сеньон.

— Кратос.

Лейтенант кивнул и предположил:

— Дюпра-Перес и Бильдёр знакомятся в тюрьме «Френ», разные по характеру, но контакт все же налаживается: магия тюрьмы и человеческих отношений. Дюпра-Перес лежит в «Сальпетриер» на лечении и там встречает Кратоса, который замышляет крупное дело и поручает ему найти третьего мушкетера с нужным профилем, и Дюпра-Перес втягивает в аферу Бильдёра.

— Логично, — подтвердила Магали.

Зазвонил телефон Сеньона: Летиция.

— Не отвечаешь? — удивилась Магали.

— Не сейчас.

— Это твоя жена, она волнуется.

— Не сейчас, говорю тебе, — огрызнулся он.

Звонок прекратился.

— Тебе бы понадобилось двадцать секунд, чтобы сказать ей, что все нормально, что ты ее любишь и она может спать дальше.

— Ты что, моя мама?

— Нет, но я женщина, я…

— Серьезно? — Он покачал головой. — В любом случае она все равно не спит, залипла на Даки-Феррана на «МД1».

Внезапно оба следователя подумали об одном и том же, и Магали застучала по экрану телефона, ища прямой эфир.

А вдруг там что-то сейчас произошло?

Телефон Сеньона зазвонил снова.

— Блин, Лети! Не сейчас!

Но на экране высветился контакт «Г. Чинь».

— Алло? — ответил Сеньон.

— Готово, — сказал Гильем. — Я его нашел.

— Что? Что происходит в…

— У меня есть личность Кратоса!

Сеньон бессознательно изо всех сил нажал на педаль газа.

63

Красные цифры на часах показывали 03:57.

Янис говорил по телефону: заканчивал свой регулярный отчет Эли, опытному переговорщику, оставшемуся в кризисном центре, в переговорной ячейке спецназа.

Они созванивались каждый час, чтобы выработать стратегию.

— А бомба в Булони — это подтверждено? — спросил Эли.

— Антитеррористы не могут проникнуть на виллу — опасаются спровоцировать цепную реакцию насилия между двумя объектами, так что мы не в курсе. Техники по спецсредствам пытаются проанализировать исходящие сигналы, чтобы понять, как передатчик в руке Поля может быть связан с Булонью, но сам понимаешь, в телебашне сигналов хоть отбавляй…

— Вы не допускаете, что это может быть блеф? Ловушка, чтобы нас одурачить, помешать действовать…

— Не исключено. Но пока у нас нет уверенности, никто не станет рисковать.

Эли вздохнул в трубку, затем сменил тему.

— Я пытался убедить генерала, чтобы он попросил министра убрать наши переговоры из прямого эфира, — сообщил он, — но, похоже, у директрисы «Медиаплекса» очень длинные руки.

— На текущем этапе мне уже не до этого…

— Она не вернется? — спросил Эли.

— Сомневаюсь. Извини, знаю, ты не сторонник привлекать гражданских к переговорам. Я просто счел, что это удобный способ, раз она уже установила с ним контакт.

— И правильно сделал. Она хорошо работала. Жаль. Но это слишком долго, надо иметь выдержку…

— Дело, по-моему, не в стрессе. Дело в самом Поле. У меня впечатление, что эта новая история что-то в ней разбудила. Она больше не может его защищать.

Эли опять вздохнул в трубку, затем резюмировал:

— Ладно, действуй, как договорились. Не объявляй ему, что ты из спецназа, у него явное недоверие к представителям власти. Подчеркиваем смену собеседника, чтобы придать ему значимости, и тянем время.

— Все усвоил.

— Извини, что не могу подбросить тебе материал для работы с ним. Пока мы не узнаем, кто он на самом деле, никаких личных рычагов воздействия я предложить не могу.

— Понятно… Погоди, он зашевелился. Перезвоню.

Кратос разминал ноги за спиной насторожившегося Поля. Потом снова сел и повернулся лицом к камере, красный индикатор которой показывал, что через нее идет прямая трансляция.

— Шарли, четыре часа.

Янис взял наушники и похрустел пальцами. Его очередь вступать в игру. Он испытывал некоторое беспокойство: начало всегда бывает непростым, особенно когда требуется сменить переговорщика. Кратос мог отреагировать негативно.

— Я начинаю получать удовольствие от наших коротких встреч, а ты?

Это не лучший заход, про себя посетовал Янис. *Вторгнуться в установившуюся, по признанию захватчика, близость и разрушить ее…* Янису досталась очень неудачная роль. Он положил палец на кнопку:

— Шарли нет. Я Янис, посредник, назначенный префектурой.

— Я хочу говорить не с тобой.

Это было предсказуемо.

— Однако я могу дать больше ответов.

— Верни Шарли на линию.

— Шарли — сотрудница канала, у нее нет никаких полномочий. Префектура отнеслась к вам очень серьезно и уполномочила меня продолжать переговоры.

— Мне плевать. Вали отсюда и верни мне Шарли.

— Я уполномочен…

Кратос направил оружие на Поля, который судорожно сглотнул от страха:

— Проваливай.

Янис подождал тридцать секунд. Он ожидал такой реакции, хотел, чтобы Кратос за этот промежуток времени почувствовал, что его слушают, что собираются ему подчиниться.

Ему нужно свыкнуться с мыслью, что молодая женщина не вернется.

— Шарли ушла. Она покинула здание. Вы должны понять: это слишком большой стресс для неподготовленного человека.

Молчание.

Все решалось сейчас.

Янис выдержал паузу, затем продолжил:

— Я знаю, что у вас есть послание, которое вы

хотите нам сообщить. Вы предупреждали об этом, и я здесь, чтобы его выслушать.

Кратос был выбит из колеи. Он привык к напряжению, он часами выстраивал свои ориентиры, и Шарли была самым важным из них. Нельзя допустить, чтобы из-за этого он сорвался. Чтобы вновь направить его к цели, Янис сразу же добавил еще один довод — пусть Кратос сосредоточится на том, зачем сюда явился, пусть почувствует себя увереннее, вернувшись к своему плану:

— Вы сказали, что в четыре часа сообщите нам дальнейшие указания, и сейчас четыре. Нам нужно понять ваши требования, а для этого вы должны говорить со мной.

Кратос посмотрел на Поля. Тот, казалось, смирился: его подбородок с каждым часом опускался все ниже. Затем Кратос заявил:

— Я вам не доверяю.

— Я здесь, чтобы вам помочь.

Кратос покачал головой и встал, чтобы снова пройтись. Он метался, как лев в клетке.

Плохой знак. Он отказывался от диалога и, главное, сбивался с собственного графика. Нужно вернуть его обратно на рельсы: чем дальше Кратос отходит от своего плана, тем сильнее риск обострения, а, ничего не зная о профиле Кратоса,

Янис не мог предвидеть, насколько тот опасен. Янис вспомнил свои записи. В начале вечера Кратос часто требовал, чтобы его «приняли всерьез». Это была его болевая точка.

— Кратос, — сказал он, — я посредник, направленный префектурой, потому что мы принимаем вас всерьез, мы хотим вас выслушать, чтобы найти выход и…

Кратос бросился к Полю, взмахнул «глоком», потом передумал и направил пистолет на трех заложников, которые жались друг к другу за технической консолью. Поль был слишком крупной добычей, он был символом, он сидел прямо перед камерой. Остальные — просто разменная монета.

— Заткнись!

Оружие подрагивало в его руке. Признак то ли усталости, то ли крайней нервозности, но, так или иначе, это нехорошо. Совсем нехорошо.

— Это все болтовня! — заорал Кратос. — С самого начала я чувствовал, что вы принимаете меня всерьез, только когда я прибегаю к насилию! Это вы каждый раз меня провоцируете! Это вы!

Янис держал палец на кнопке связи, готовый включить микрофон, колеблясь в выборе слов. Они будут жизненно важны, малейшая ошибка

чревата выстрелом. И Кратос вспылил:

— Мне придется пристрелить одного из них.

64

В 21:30 выпуск новостей как раз закончился, за ним последовал разбор полетов, где обсуждали, что прошло хорошо, а что можно улучшить, и после интенсивного и долгого рабочего дня вся редакция, поспешно друг с другом попрощавшись, покинула башню «Медиаплекса» и разъехалась по домам.

Совсем недавно поступившая на работу на «МД1», Шарлен все еще продолжала осваиваться. Это была не первая ее должность в качестве выпускающего редактора, но вечерние новости на самом популярном канале страны требовали точности и стремления к совершенству — неусыпного внимания к деталям. Она перешла в высшую лигу, оказалась среди элиты. Шарлен понимала, что ее отношения с Полем складываются не слишком гладко, она еще *не чувствовала* его. Работа в его наушнике требовала тонкости — надо было ловить моменты, когда ему требовалась поддержка с таймингом, темой или именем, но понимать, когда его лучше не отвлекать. Тут необходим и опыт, и интуиция, но пока она не

слишком доверяла себе. Она поднялась в пустую редакцию за вещами и уже собралась уходить, когда увидела Поля в его кабинете — дверь была открыта.

— Сегодня все прошло хорошо, Шарли, очень хорошо.

— Спасибо, Поль, — сказала она, остановившись на пороге. — Я еще учусь, но дело движется.

— Да, работы еще много, это правда, но мы оба знаем, что наушник — это прежде всего взаимопонимание, и его нужно установить.

Шарлен кивнула.

— Заходи! Я уже показывал тебе свою аудиосистему?

Поль стоял перед проигрывателем виниловых пластинок, подключенным к усилителю. На полке стояли большие колонки «Элипсон». Шарлен смутилась — она попала в святилище Поля Даки-Феррана. Стены были увешаны его фотографиями с великими людьми. Самые знаменитые президенты, звезды международного шоу-бизнеса, культовые актеры и певицы, легендарные борцы за правое дело. Скромностью тут не пахло, но такая мозаика ошеломляла визитера, вписывая Поля в категорию тех, кто оставлял заметный след в нашем мире. Эти фотографии подтвержда-

ли его собственную власть.

Шарлен робко вошла, немного гордясь приглашением и в то же время чувствуя себя совсем ничтожной. Невозможно было оторвать глаз от фотографий. Она мгновенно узнавала каждую знаменитость, рядом с которой стоял Поль.

— Сейчас лучший момент дня, чтобы слушать музыку, — пояснил он, ставя пластинку. — Наверное, потому, что это единственный момент, когда я наконец не дергаюсь! — Он хмыкнул и указал Шарлен на конверт диска. — Ты слышала когда-нибудь Людовико Эйнауди?[41] Очень хороший композитор. Довольно меланхоличный и очень нежный.

Первые ноты фортепиано зазвучали с такой теплотой и вибрацией, что у Шарлен возникло ощущение, будто инструмент находится в комнате, рядом с ними. Поль прибавил звук.

— Родрик сказал мне, что ты прекрасно играешь на рояле, — заметила она.

— Он преувеличивает. Кое-что получается. Иди садись.

— Нет, я, пожалуй, пойду…

---

[41] Сноски: 41

Людовико Эйнауди (р. 1955) — итальянский композитор и пианист-минималист, известный меланхоличными фортепианными композициями.

Он не дал ей выбора, забрал у нее вещи и поставил стул напротив своего стола.

— Давай считать это просьбой твоего босса! — пошутил он.

Из маленького холодильника в углу он вытащил бутылку шампанского.

— Я обычно никогда не пью, но после хорошего выпуска новостей с моим новым выпускающим редактором это нужно отметить!

— Нет, не открывай, я…

Пробка уже вылетела.

— Опоздала. Давай, за наше сотрудничество! Пусть оно будет плодотворным!

Он налил шампанское в два бокала и один протянул Шарлен, потом закрыл дверь кабинета. У Шарлен пересохло в горле и все сжалось внутри, но она постаралась не думать о плохом и отогнала страх: наверняка Поль сделал это машинально, не обратив внимания, что ей неуютно. Затем он сел на стул рядом с ней. Сзади, через панорамное окно, сверкал Париж.

— Это затягивает, не правда ли?

— Простите?

— Адреналин вечернего выпуска новостей.

— Согласна. Интенсивность нарастает с каждым часом… А потом обратный отсчет, заставка…

да, это что-то особенное.

— Этот почти настоящий танец, в который совершенно естественно втягиваются все службы, постепенная состыковка сюжетов, ускорение… Весь день сходится к этой кульминационной точке — в прямом эфире. Это похоже на секс!

Шарлен не отреагировала и пригубила шипучку.

Поль наклонился к ней:

— Ну, нам с тобой нужно поработать над нашей химией. То, что ты делаешь, хорошо, но еще не идеально. А я хочу сотрудничать только с лучшими.

Шарлен кивнула. Это было справедливо: она считала, что сможет работать еще лучше, но потребуется терпение, чтобы научиться считывать каждую его реакцию в эфире — модуляции тембра, слова, которые он подбирает, когда не находит нужных, его когнитивные рефлексы, — чтобы вмешиваться максимально точно. Он положил руку ей на колено.

— Ты уже была в Барселоне? — спросил он. — Хочу смотаться туда на выходные. В это время года там еще хорошая погода, тапас, прогулка в парке Гуэль…

От этого предложения она оцепенела. Не могла

ответить.

— Знаешь, экспресс-поездка, расслабимся, это укрепляет связи. Как это теперь называется? Кажется, тимбилдинг!

Как это воспринять? Говорил он прямолинейно, и она не могла взять в толк, что это — какая-то инфантильная непосредственность на грани наивности или, наоборот, возмутительный напор?

— Что скажешь? Ты свободна в эти выходные? Я все организую.

Его рука все еще лежала на ее колене, и он слишком пристально, в упор смотрел Шарлен в лицо. А она не могла найти слов. Чтобы не показаться грубой, не обидеть своего «босса», как он только что ей напомнил. Внезапно ее бросило в жар. Не влажный и чувственный жар, а жар, предвещающий панику. Она постаралась успокоиться: она нафантазировала, он не желает ей ничего плохого, это же Поль Даки-Ферран. Все самые знаменитые лица планеты, казалось, смотрели на нее с укором в этот момент — пусть она поймет, до чего нелепа. Ей нечего опасаться, ведь Поль незаурядный человек. Это доказывают фотографии на стенах.

— Я… нет, в эти выходные никак не могу, ко мне приезжает мама…

Поль раздраженно поморщился, убрал руку и залпом выпил свой бокал. Потом поднялся и встал за ее спиной. Шарлен напряглась, когда он провел рукой по ее волосам.

— Это твой натуральный цвет? Великолепный. Ну ладно, не страшно. Следующие выходные?

— Э…

— Нет, подожди, это глупо. Мы и так потеряли уже слишком много времени. Ты здесь сколько? Два месяца?

— Почти три.

Теперь он сидел на краешке своего стола, угрожающе близко, прямо напротив нее, его ноги касались ног Шарлен, он доминировал над ней. Ей было неприятно, что ее лицо оказалось на уровне его паха. Но при этой мысли Шарлен про себя возмутилась: почему она так плохо думает о людях, что она себе, в конце концов, воображает?

— Мы работаем вместе целых три месяца и не продвинулись дальше этого? Почти профессиональная ошибка, согласись, — сказал он с отработанной улыбкой, которую обычно демонстрировал в начале выпуска новостей. — Шутки в сторону. Действительно есть вещи, которые нужно исправить, — я не хочу, чтобы ты давала

мне приблизительные подсказки в наушник.

Все происходило слишком быстро, он ускорялся, он вовлекал ее в этот разговор, и Шарлен барахталась, не в силах направить его в иное русло. Сигнал тревоги теперь мигал сильнее, чем успокаивающие взгляды со стен.

— Нам с тобой нужно взять дело в свои руки, — заявил Поль, доставая из кармана телефон. — Вот что я сделаю. Я закажу нам ужин, и мы познакомимся поближе. Я хочу знать о тебе все, и я отвечу на все твои вопросы. Через три часа ты будешь знать то, что я собираюсь произнести, прежде чем я пойму это сам, настолько глубоко ты залезешь мне в голову.

Не дожидаясь ее согласия, он нажал на экран своего телефона. Шарлен показалось, что он медленно прижимается ногой к ее ноге.

— Ты доверяешь мне выбор блюд?

Он поднял глаза, пронзил ее взглядом, и его поведение резко изменилось.

— Впрочем, зачем возиться, — добавил он довольно холодно. — Мы здесь не ради еды…

По тому, как он оглядывал ее сверху вниз, Шарлен поняла, что последует дальше.

На этаже никого, дверь закрыта, он забрасывает ее вопросами, не интересуясь ответами, навя-

зывает ей иерархию, дестабилизирует, создает угнетающую физическую близость и множит тактильные контакты…

В двадцать лет Шарлен, вероятно, не смогла бы понять весь этот набор манипуляций — тогда у нее еще не срабатывал инстинкт самозащиты, не было сил отреагировать: она была бы раздавлена престижем, уверенностью и авторитетом Поля. Его статус, атмосфера его кабинета убедили бы ее, что ей ничего не грозит.

Но нынешняя Шарлен уже прошла через столько испытаний, что отчетливо понимала: ей следует покинуть эту комнату немедленно.

— Прости, мне нужно идти.

Она встала.

Одним движением, рефлекторно Поль сделал то же самое и, не успела она двинуться к двери, одной рукой притянул ее к себе, а другой схватил за ягодицы: его пальцы впивались ей в джинсы, притискивая ее к своему члену.

Шарлен была ошеломлена.

Он прижался грудью к ее груди и алчно набросился на ее губы.

После ухода из жизни отца, предательства бойфренда и в целом утраты иллюзий Шарлен столкнулась со смертью. Шарлен боролась с ней.

И если сегодня она еще жива, то не для того, чтобы этот тип сожрал ее живьем. Не спрашивая ее мнения, не давая ей возможности отреагировать, оглушая ее *своими* желаниями и поступками. Нет, ни за что!

Шарлен отвернулась, уклоняясь от поцелуя, которым он пытался насильно ее наградить.

— Просто доверься мне, — приказал он.

— Отпусти меня.

От прикосновения его языка к шее Шарлен затошнило.

— Нет!

Он сжимал ее все сильнее, его пальцы, как когти, вцепились в ее ягодицы.

— Тебе понравится…

— Нет!

Но он не слушал и уже почти душил, подавляя физически и морально. В ней полыхнула ярость.

— ОТПУСТИ МЕНЯ! — крикнула Шарлен, изо всех сил его отталкивая.

Он сразу же отпустил.

Все было как-то непонятно, ошеломляюще. Она отступила.

— Я… мне жаль, — выдохнула она.

Она вдруг осознала, что извиняется перед ним. Она — перед ним!

Шарлен отошла еще на шаг. Поль смотрел на нее бесстрастно. Бесчеловечная восковая маска, под которой явно шла скрытая внутренняя борьба. Что он сделает? Напомнит ей, что он тут король? Поставит под угрозу ее карьеру? Накричит? Унизит, оскорбит, а потом даст шанс «загладить вину»?

Затем его рассудок взял верх, и он с широкой улыбкой отринул маску.

— Нет-нет, конечно нет, это ужасное недоразумение! — поспешно сказал он, почти смеясь. — Это я, я… я думал, что, наоборот, ты… В общем, я всегда очень неверно истолковываю намерения женщин.

Ему хватило ума сохранить их отношения. Шарлен занимала важную для него должность. Помогала ему поддерживать имидж. Было бы непозволительно настроить ее против себя.

Шарлен тоже надела подобающую случаю маску. Поль оставался ее работодателем.

Он убрал бокалы с шампанским, объявив, что праздник окончен, и уселся за стол с видом на весь Париж.

— Давай все это забудем, Шарли, договорились? Не будем ничего менять в наших профессиональных отношениях. Ты супер.

Сердце Шарлен билось с той же скоростью, с какой ей хотелось убежать прочь из этого кабинета. Она попятилась к двери.

— Ты, должно быть, думаешь: «Какой ужасный тип этот Поль». Так вот, прежде чем ты меня осудишь, скажу только одно: у нас с женой есть договоренность. Все сложно. Я… Внешность обманчива.

Да, без сомнения, внешность была обманчива.

В туалете вода стекала с ее лица в раковину.

Шарлен выпрямилась и посмотрела на себя в большое зеркало.

Поль Даки-Ферран сидит сейчас на своей любимой площадке, на него направлен пистолет, он во власти психопата, который только что убил одного из его коллег и может повторить в любой момент, если не услышит то, что хочет услышать.

Вскоре после того далекого вечера Шарлен стала внушать себе, что Поль поступил с ней просто как неотесанный самец, наглый зарвавшийся тип. Она старалась стереть из памяти ужасные впечатления: это же все-таки Поль Даки-Ферран, кумир французов, и не он причина ее проблем. Но что еще хуже, он добился того, что теперь она сама остро стыдилась. Потому что вошла в его

кабинет по собственной воле, не сумела отказаться от шампанского, позволила ему закрыть дверь… Апогей самобичевания — ей даже случалось задаваться вопросом, не исходили ли от нее какие-то флюиды, не поощряла ли *она* его своим поведением.

Как можно было настолько вывернуть ситуацию?

Шарлен в конце концов медленно заглушила свои ощущения, отмела термин *хищник*, который, однако, естественно приходил на ум, когда она анализировала его поведение. Ее память подкорректировала воспоминания, чтобы сделать более приемлемой их повседневную совместную работу. Он оставался великим Полем и прежде всего ее боссом. В конце концов, ничего страшного не произошло, он ведь не вынудил ее дойти до конца?

Однако она месяц за месяцем наблюдала за его реакциями, за короткими репликами. Они уже были адресованы не ей: после своего отказа Шарлен перешла в другую категорию, категорию женщин-невидимок, с которыми он поддерживал отношения, совершенно лишенные сексуальности, часто вел себя очень дружелюбно, даже тепло, не позволяя себе ни малейшего двусмыс-

ленного намека. Она могла бы утверждать, что Поль, блестящий человек, великодушен к ней, хотя весьма зациклен на себе.

Зато к другим женщинам, молодым и красивым, он по-прежнему сохранил нездоровый аппетит, раздевая их взглядом, раздавая направо и налево приглашения, а порой вечером поднимался в свой кабинет в сопровождении новой стажерки…

Внезапно Шарлен вспомнила то, что говорил Янис о тактике спецназа при штурме. Насыщение. Обрушить на цель отвлекающие средства, чтобы заглушить ее сознание, лишить способности реагировать, пока не получишь преимущество и не набросишься на нее.

Тем вечером в его кабинете, если бы она не воспротивилась, если бы ей не помогли устоять еще не зажившие раны, он бы добился своего. Она была бы не в состоянии противостоять ему не потому, что этого хотела — совсем наоборот, — а потому, что методы Поля лишили бы ее способности мыслить здраво. Сперва осыпать ее комплиментами, затем подчеркнуть недостатки и предложить помощь в исправлении ошибок — это уже само по себе техника дестабилизации, любимый прием нарциссических извращенцев,

чтобы выбить почву из-под ног, сделать жертву податливее, понизив ей самооценку. Он использовал свое доминирующее положение, оглушая словами и решениями, которые сам же и принимал, делая вид, что оставляет жертве выбор, прибегнув к эффекту неожиданности, — и все ради того, чтобы завоевать территорию физически и, главное, морально. Взять верх. До тех пор, пока она не лишится способности реагировать, потрясенная внезапностью, грузом его тела, его руками, его языком… У Шарлен к горлу подступила тошнота.

Два года молчания. Потому что она внутренне отмежевывалась от последствий. Разве она, скромный выпускающий редактор, посмеет обличить оскорбительное, если не токсичное поведение великого Поля Даки-Феррана? Какие она приведет доказательства? Он действовал слишком тонко — его невозможно было обвинить! Ее бы попросту уволили, внесли в черный список, только и всего.

Так что нет, она не посмела открыть рот, хотя с губ рвался крик, и после того вечера присоединилась к остальным, служа каналу и преумножая славу этого человека. В конце концов, Поль звезда, он не мог быть монстром.

Монстры живут в темноте, а не в лучах рампы.

Перед зеркалом, в беспощадном свете ламп Шарлен бросала вызов самой себе.

65

Зеркальная маска Кратоса мерцала в свете прожекторов, словно под ней была пустота, словно она была лишь отражением всех тех, кто смотрел на нее сейчас, сидя перед телевизором.

Направив «глок» на Паолу, черное существо приказало своим пугающим голосом:

— Иди сюда.

Женщина зарыдала, и Бакари прижал ее к себе.

— Хочешь занять ее место?

Бакари что-то ответил, но микрофоны не смогли уловить, что именно.

— Даю Паоле пять секунд, чтобы встать и подойти, иначе я прикажу Демосу убить дочь Поля.

— Нет! — воскликнул ведущий. — Стреляйте в меня, сделайте…

— Заткнись, или первую пулю получит твоя жена.

Поль побледнел и решил замолчать.

— Паола. Иди сюда.

В режиссерскую вошли начоперштаба и командир группы реагирования: первый держал

телефон у уха, на связи с Ш1, генералом спецназа, а второй был на линии со своим коллегой из ПСВР Булони.

Все знали, что они ждут приказ о начале штурма, чтобы скоординировать действия.

В полумраке вертикальные морщины капитана Остена придавали его лицу еще большую суровость. Он вопросительно взглянул на начальство, и командир группы реагирования покачал головой и доложил:

— Из Булони сообщают, что между моментом, когда они ворвутся на виллу, и установлением визуального контакта с двумя целями задержка составит минимум тридцать секунд.

Остен встревожился:

— Тридцать секунд — слишком долго! Чтобы убить заложников, хватит и пяти!

— Противники укрылись в глубине дома, бойцам придется пройти через виллу насквозь, чтобы до них добраться. Выбора нет.

— Это плохо кончится.

— Мы можем дать антитеррористам команду к действию максимум на десять секунд раньше, чем начнем сами, и надеяться, что Кратосу тоже понадобится несколько мгновений, чтобы понять, что происходит у него на айпаде. Команда

«Фейсбука» отключит трансляцию по нашему сигналу.

— Останется двадцать секунд. Их убьют.

Начоперштаба обратился к Остену:

— Генерал ждет оценку для нашей точки.

— Мы войдем с шумовыми гранатами, чтобы отвлечь внимание Кратоса, и будем стараться, чтобы он сосредоточил огонь на нас. У него осталось всего четыре патрона. Можно попытаться спасти всех заложников, но это рискованно. Вдобавок остается детонатор на руке Поля. Если взрывчатка спрятана в Булони, вилла взлетит на воздух.

Жертв в Булони может быть много. Две женщины, преступники и потенциально несколько бойцов.

На площадке Паола медленно приближалась к столу.

— Давай! Шевелись! — Кратос нервничал.

Остен взглянул на Яниса, сидевшего выше, во втором ряду, и кивком приказал ему попытаться в последний раз наладить контакт.

Янис включил свой канал связи:

— Если вы что-то ей сделаете, власти больше не станут удовлетворять ваши требования. Вы знаете, чем это закончится?

— Вы мне лжете! Всегда мне лгали!

Нервозность и усталость затуманивали ум Кратоса: он зациклился на личных претензиях.

— Чего вы хотите? Шарли здесь больше нет. Я ваш собеседник, ну так говорите! — раздраженно сказал Янис, резко меняя тон в надежде, что это собьет Кратоса с толку и образумит.

Едва Паола вошла в кадр, черное существо грубо схватило ее за волосы, прижало к себе и резко развернуло лицом к камере. Бедняжка плакала, черты ее лица были искажены болью и ужасом. Дуло пистолета уперлось ей в щеку.

— Я знаю, что вы слышите только насилие. Это все ваша вина!

Остен ждал приказа начоперштаба начать атаку.

Вдруг с Яниса сорвали наушники, и в микрофоне раздался голос.

— Я здесь, — сказала Шарлен.

Повисла странная пауза — все замерли. Потом синтезированный голос ответил:

— Мне что, нужно кого-то убить, чтоб ты вернулась?

— Отпустите Паолу. Я останусь только при этом условии.

Снова молчание.

Потом прозвучал странный прерывистый смех Кратоса, искаженный аппаратурой. Он оттолкнул Паолу и взмахом пистолета приказал ей вернуться на место. Суфлерша оперлась на стол, чтобы не упасть; было видно, что она едва держится на ногах.

— Я доверяю только тебе, Шарли. Эгоистично с твоей стороны бросить нас.

— Я же здесь? А что вы собирались сделать? Застрелить Паолу? А потом? Это у вас каприз такой?

Янис посмотрел на Шарли, которая явно не собиралась смягчиться. Мешать ей он не стал.

— Это послание. Чтобы меня услышали.

— Вас слышат. Это началось в 20:14.

— Я чувствую, ты раздражена.

— Устала. От всего этого. И от вас.

— Скоро все закончится.

— У вас есть для нас послание — ну так давайте, мы слушаем.

Кратос бесстрастно ждал, и Янис испугался, что он передумает и снова что-нибудь выкинет.

Но Кратос наконец кивнул и подошел к столу, чтобы зачитать свой текст:

— Мы хотим, чтобы в семь часов утра в наше распоряжение предоставили «мерседес-вито». Он

должен стоять на парковке первого подземного уровня башни с полным баком. Второй такой же «мерседес» должен быть припаркован у крыльца дома Даки-Ферранов. Эскорт должен обеспечить этим машинам свободный проезд до аэропорта Орли, где нас должен ждать самолет с пилотом и топливом, которого хватит, чтобы пролететь десять тысяч километров. Мы укажем вам, где должен стоять самолет. Ни одно из этих условий не подлежит изменению или обсуждению. Если к семи утра мы не получим того, что требуем, мы начнем расстреливать заложников.

Шарлен поискала подсказку во взгляде Яниса — что ей ответить? Он знаком показал, чтобы она молчала.

— В семь часов я удостоверюсь, что наши пятьдесят миллионов действительно лежат на счете, который вам был указан. Задержка неприемлема.

Он замолчал, давая понять, что закончил с инструкциями. Однако потом добавил:

— И еще кое-что, Шарли. В последний раз ты мне понадобишься в самом конце. Не уходи больше. Это тоже не обсуждается.

66

Магали и Сеньон чуть не вышибли дверь, ворвавшись в маленькую гостиную в производственной зоне, где Гильем и Франк обсуждали криминальные профили, сидя под экраном телевизора, на котором силуэт Кратоса медленно двигался по площадке.

— Ладно, давай излагай, — сказал Сеньон, стаскивая куртку.

Гильем сел перед компьютером, чтобы подкрепить слова изображением.

— Я посмотрел, когда за последние два года Эмилио Дюпра-Перес находился в тюремном центре «Сальпетриер», и сравнил с перемещениями заключенных из «Флёри-Мерожи» в те же даты.

— Сколько их было?

— В этом списке я оставил только мужчин ростом от метра восьмидесяти до метра девяноста, — продолжил Гильем, не отвечая на вопрос. — И в итоге у нас осталось всего пятеро.

— У тебя есть их досье? — заинтересовалась Магали.

Гильем пролистал фотографии и документы,

которые собрал на компьютере.

— Итак, первого я отмел сразу: он метр восемьдесят один, но это старик, у которого только правонарушения ПДД, хотя их столько, что набралось на статью. Второй сидел исключительно за торговлю и хранение наркотиков, метр восемьдесят девять. Остаются трое.

— Не тяни! — нетерпеливо приказал Сеньон.

— Парень метр восемьдесят три, по-моему, мелковат для Кратоса.

— Послужной список?

— Кражи, побои и телесные повреждения и в основном торговля автомобильными запчастями.

— Сколько лет?

— Тридцать два.

— Нет, не он. Кратос говорит как бывалый, который пережил несколько эпох.

Гильем удовлетворенно кивнул:

— Я тоже пришел к такому выводу, и, значит, остаются двое. Вот этот, метр восемьдесят семь, пятьдесят два года, — тяжелый случай. Драки, как у Дюпра-Переса, угон машин, по мелочи наркотики в молодости, создал мошенническую сеть в Интернете, фальшивые сайты, подозреваемый по нескольким делам, связанным с мелкими аферами, и, держитесь, десять лет назад он работал в

«МД1» курьером, разносил почту.

— Любопытно, — подтвердил Сеньон. — А другой?

— Пятьдесят пять лет, метр восемьдесят шесть, несколько вооруженных нападений в девяностых, в основном на ювелирные магазины, участвовал в похищении директора банка «Креди Патримуан Уэст» в то же время, что и…

— За выкуп?

— Да, десять миллионов франков, и все закончилось арестом банды в момент передачи денег.

— Этот тоже подходит. Ты проверил остальных его подельников тех времен?

— Конечно. Их было четверо — двое с тех пор умерли, а третий снова сел три года назад за подделку документов и растрату.

Сеньон задумчиво присвистнул.

— Итак, кто же из них Кратос?

— Не знаю! Я сказал, что идентифицировал его, но еще не знаю, кого именно. Это точно один из них!

Сеньон поморщился:

— Мы должны знать наверняка. Я не могу явиться в режиссерскую и заявить им, что это либо тот, либо другой.

— Нет, но, имея всего два профиля, мы можем

вытащить все, что у нас на них есть, — предложила Магали. — Если ДНК на наушнике что-то даст, мы будем готовы.

Сеньон одобрительно кивнул:

— Ладно, поступим так — узнаем об этих двоих все, выкладываемся по полной. И я хочу, чтобы подключились коллеги в казарме, — будим всех, кого удастся установить: их близких, бывших друзей, тех, кто с ними работал…

Магали наклонилась к Гильему:

— Среди твоих подозреваемых есть кто-то с военным опытом?

— Насколько мне известно, нет, а что?

— Тактически план разработан классно: захват заложников с двойным прикрытием, взрывчаткой, которая сработает, если Поль пошевелится, чтобы помешать спецназу войти, способ так выстроить маршрут на последнем этапе, чтобы предотвратить вмешательство на летном поле, размещение самолета в изолированной зоне, где нет укрытия для снайперов… Честно говоря, не исключено, что этот парень бывший спецназовец или служил в подразделении борьбы с терроризмом!

— Серж Бильдёр — отличный планировщик, — напомнил Гильем. — Он провернул крупные,

технически очень сложные дела, он соответствует критериям. Остается просто изучить методы вмешательства и продумать контрмеры.

Франк выругался, а затем объявил:

— Кстати, о казарме. Сеньон, ты просил отчет о Поле Даки-Ферране — я получил.

— Давай выкладывай.

— Никаких известных денежных проблем и никаких подозрительных транзакций.

— У него может быть счет в банке за границей, который он от нас скрывает, — отмахнулся Сеньон. — Это не показатель.

— Никаких судимостей в наших базах, кроме нескольких случаев превышения скорости, — прочитал Франк, поглаживая усы. — Зато имеется конфликт с налоговой администрацией.

— Он не платит налоги?

— Он попросил рассрочку. Видно, плохо управлял своей недвижимостью и оказался по уши в кредитах.

— Большие суммы?

— Пока не знаю подробностей.

Сеньон и Магали переглянулись.

— И из-за этого он согласился стать сообщником? — спросила следователь. — Я сомневаюсь…

Франк продолжал:

— Один парень из отдела расследований недавно связался с его сводным братом. Они больше не общаются. Братан говорит, что Поль свихнулся. И насчет квартир говорит, что это гарсоньерки — водить туда баб.

Гильем достал вейп, затянулся, выпустил облако дыма и заявил:

— А вот это как раз может подкрепить два обвинения против него. Поль Даки-Ферран — сексуальный извращенец?

Сеньон напрягся и сцепил руки на затылке.

— Ну что? — спросила Магали. — У тебя есть идея?

Сеньон кивнул:

— А что, если это и есть настоящий мотив?

— Как это? Не понимаю…

— А что, если Поль действительно насильник? Скажем так, это не первый извращенец в шоубизнесе, злоупотребляющий своим положением.

— И как это может быть мотивом? — спросил Гильем.

Магали поняла и ответила вместо напарника:

— Кратос и его банда мстят Полю Даки-Феррану. Его выбрали не только потому, что он ведет самый популярный выпуск новостей во Франции, но и потому, что он досадил какой-то девушке из

окружения Кратоса.

— И ради этого огород городить? — удивился Франк со скептической усмешкой. — Ну…

— А что, если парни — прежде всего грабители? — предположил Сеньон. — Они делают то, что умеют. Совершают ограбление, но в прямом эфире, чтобы унизить Поля.

— Слишком путано… Они могли бы врезать ему где-то в укромном месте вечером, незаметно, и продолжить грабить…

— Кого? Что? — спросил Сеньон. — В банках больше не держат наличных. Ювелирные магазины охраняются лучше, чем аэропорты. Если все, что ты умеешь делать, — это грабить, но тебе некуда податься, как ты поступишь?

— Затею какое-то из ряда вон выходящее дельце, чтобы мне хорошо заплатили, — ответила Магали. — Нацелившись при этом на парня, которого ненавижу и хочу наказать.

— Значит, что бы мы ни предприняли, в конце концов они его убьют? — забеспокоился Гильем.

Франк скривился — он по-прежнему колебался. Сеньон же не хотел упустить ни единой детали:

— Маг, попроси-ка отдел расследований копнуть биографии двух заявительниц — посмотреть, не пересекались ли они с кем-то из наших

подозреваемых. Мало ли.

— Тем более что это реально трендится в соцсетях, — прокомментировал Гильем. — Похоже, этой ночью никто не спит — вся Франция зависла перед экранами. Одна из двух жертв Поля только что создала хештег *#MeTooPaul*[42]. Она сделала каминг-аут в Сети — говорит, что больше не желает прятаться, в то время как весь мир молится за того, кого она именует «мой насильник». Она хочет, чтобы люди знали, кто он на самом деле.

Магали покачала головой:

— Это почти безумие или это только мне так кажется? Начинается сбор денег, и тут же выясняется, что Даки-Ферран — личность более чем сомнительная. И к чему это приведет?

На экране у них над головами они видели, как расхаживает по площадке Кратос, не выпуская из рук «глока», — медленно, широкими шагами, словно считая их, чтобы как-то отвлечься.

Поль Даки-Ферран следил за ним краешком глаза. Залитая лаком прическа растрепалась, воротник рубашки расстегнут — он напоминал стареющего красавчика на выходе с дискотеки,

---

[42] Сноски: 42

#MeTooPaul — отсылка к движению #MeToo («И я тоже», *англ.*), кампании в соцсетях, поднятой женщинами против сексуального насилия и домогательств.

явно не склеившего девицу и впавшего в депрессию.

— Вопрос не в том, к чему это приведет, — бросил Сеньон, — а чем это закончится.

67

В режиссерской царила полная неразбериха. После заявления Кратоса оперативный штаб спецназа обсуждал дальнейшую стратегию. Дан и Родрик комментировали его требования в своем углу, и даже Ирен сошла со своего трона, чтобы выслушать мнение Марвана Жибрана.

Капитан Остен, начоперштаба группы, а также командир штурмовой группы, естественно, собрались вокруг Яниса, и Шарлен, сидевшая рядом, присутствовала при их разговоре. Тон был спокойным, но серьезным, соответствующим сделанным выводам. К ним также присоединился Филипп Роже: как начальник охраны башни он мог высказать мнение о конфигурации помещений, ответить на вопросы.

— На основе наших данных мы можем предвидеть последовательность этапов, запланированных Кратосом, — резюмировал командир штурмовой группы — не лицо, а кожа да кости, ни грамма жира; он напоминал автомат, созданный для работы. — Семь утра, эвакуация в предоставленных ему автомобилях, отсюда и из Булони. На

борту он проверяет счет, реквизиты которого он нам дал, чтобы убедиться, что выкуп заплачен.

— Вы можете заглушить его сигнал в этот момент или заменить фальшивой страницей, чтобы он поверил, что деньги переведены? — спросил Филипп Роже.

— Нет. Мы могли бы попросить поддержки французских разведслужб для такой комбинации, — объяснил начоперштаба с ледяным спокойствием, не уступавшим лишь его собранности, — но не за такое короткое время, это сложнее. Если сделать неумело, впопыхах, он может заметить подлог и в отместку убить заложника. Мы не играем в эти игры.

— Значит, в семь часов они садятся в машины, — продолжил командир штурмовой группы, — направление Орли. По пути он нас дважды обводит вокруг пальца. Первый раз — с деньгами. Мы знаем, что представленный счет — это криптовалютное ОТС-бюро, так что он запустит приказ на покупку криптовалюты, чтобы «отмыть» деньги, попытается оторваться от наших трекеров. К тому времени, как террористы прибудут в аэропорт, все будет сделано. Он переведет эти пятьдесят миллионов в другое место и сможет исчезнуть со своими деньгами. Второй трюк

— требование, чтобы самолет припарковался к югу от взлетно-посадочной полосы 02/20, посреди открытого пространства, на полосе, зарезервированной для экстренных случаев, то есть всегда доступной. Он это знает, это не случайный выбор, и отметет любые отговорки, если мы попробуем не подчиниться. У нас не останется выбора, а он будет в большей безопасности — он сможет увидеть, как мы приближаемся.

— Значит, его нельзя выпускать отсюда, — заключил Филипп Роже.

Офицеры спецназа обменялись многозначительными взглядами.

— Напротив, для нас это как раз лучший вариант, — возразил командир штурмовой группы. — Здесь возможности для штурма ограничены, у него преимущество. Если же он выдвинется, то не сможет контролировать все параметры вокруг себя. И главное, благодаря работе оперативно-разыскной группы мы теперь знаем, что конкретно он собирается делать. Мы можем многое предвидеть, чтобы его нейтрализовать.

— Но если полоса изолирована и вы не сможете подойти, как вы собираетесь действовать? — забеспокоилась Шарлен. — Вы хотите отпустить его с заложниками?

— Нет, государство на это не пойдет, — ответил начоперштаба. — Нужно искать другое решение.

Начальник штаба явно беспокоился, и Шарлен, которая уже освоилась с военными, не стала прибегать к дипломатии:

— Я чувствую, что вы сомневаетесь. Это невозможно, да? Нет никакого способа вмешаться?

— Изобрести вариант, когда его нет, — это наша работа, мадам. Нет, проблема в том, чтобы нам разрешили сделать задуманное.

Янис расшифровал для Шарлен:

— Политики должны одобрить. Дать согласие не только на выплату выкупа, даже если платит «Медиаплекс», но и на то, чтобы Кратос покинул башню. Это может быть расценено как капитуляция государства, и в этом смысле они вправе запретить нам выпускать его из студии. Ликвидация на месте, и не важно, какие могут быть негативные последствия.

— Они разрешат, — заверила Шарлен.

Пятеро мужчин уставились на нее удивленно, и она объяснила:

— Амели де Кастельнак, глава «Медиаплекса», очень близка к премьер-министру и президенту. Интерес «МД1» в том, чтобы это продолжалось и было как можно более захватывающим зре-

лищем, так? — спросила она, обращаясь прежде всего к Янису, который в теории готов был даже предположить заговор на канале. — Деньги даст Амели де Кастельнак, и она сумеет достучаться до политиков. Она бы не стала одной из самых влиятельных женщин Европы, если бы не обладала огромной силой убеждения. Смена декораций, движение, возросшие риски того, что в любой момент возможен драматический поворот событий, обещание окончательного решения проблемы — «МД1» потирает руки. Рекордные рейтинги. Это может стать историческим моментом. Наверняка она их убедит.

— Не хотел бы я быть на вашем месте и работать на нее, — заметил капитан Остен.

— Вы уверены в этой гипотезе? — спросил Фризбур, командир штурмовой группы.

Шарлен кивнула:

— Вы специалисты по управлению кризисами, я — по политическому анализу и телевидению, так что да, уверена.

Начоперштаба хлопнул в ладоши:

— Надеюсь, вы правы. Остен, Фризбур, со мной, прикинем варианты.

Офицеры удалились, намереваясь вернуться в оперативный центр.

Филипп Роже спросил Яниса:

— У вас есть догадки, какой он выбрал пункт назначения?

— Нет. Страна, у которой нет договора об экстрадиции с Францией в десяти тысячах километров отсюда, а таких довольно много.

Начальник службы безопасности скептически хмыкнул. Потом внимательно посмотрел на Шарлен:

— Вы раскусили Амели.

— У нее такая репутация.

Он язвительно усмехнулся.

— Группа «Медиаплекс», — сказал он, — это более пятидесяти миллиардов оборота и двести тысяч сотрудников во Франции и в мире. Амели считает, что она управляет государством в государстве. А «МД1» — флагман медийной империи, это ее детище. Если его задевают, она поступит так, как поступает мать, — фурией бросится на его защиту. И позаботится о том, чтобы получить все лучшее для его процветания. Так что, я думаю, вы правы. Она так или иначе уломает политиков, поскольку это для нее выгодно.

— Прекрасная лоббикратия нашей эры, — прокомментировал Янис сквозь зубы.

Филипп Роже, обернувшись на пороге, доба-

вил:

— Амели еще хуже, чем вы думаете.

Гордясь произведенным эффектом, он удалился, оставив Шарлен наедине с Янисом.

Некоторое время оба смущенно молчали, но наконец переговорщик открыл рот:

— Спасибо, что вернулась.

— А у меня был выбор?

— Я же говорил: никто тебя не осудит.

— Как раз наоборот, все бы не преминули. И может быть, справедливо. Но, в сущности, мне все равно. Я здесь не ради Поля. Я вернулась ради других и ради себя. — Она помедлила, взглядом обводя режиссерскую. — Возвращаться — в этом вся я. Поэтому я и хотела стать журналисткой и поэтому мне было так тяжело и мучительно признаться себе, что я представляла эту профессию совсем иначе. Я хотела служить истине и укреплению связей между людьми. Но обнаружила, что мы служим потребителям, а то, что они хотят получить… прогнило. В сущности, Кратос прав. Так что если я откажусь быть полезной сейчас, то предам саму себя.

Ценя искренность, с которой она открылась ему, Янис ладонью накрыл ее руку, чтобы показать, что он здесь, что слушает ее. Его ладонь была

теплой, и по плечам Шарлен поползли мурашки. Она выругала себя за такую реакцию, хотя это отвечало ее тело, а вовсе не голова.

Возвращаясь к главному, Шарлен указала на экраны:

— В любом случае, если вы решите выпустить его отсюда, моя роль скоро закончится. Остается… меньше трех часов, все будут спокойно ждать, а потом дело за вами.

Янис медленно кивнул.

Он ей нравится, она не могла себя обманывать. Момент не самый подходящий, она прекрасно понимала, что между ними никогда ничего не будет, но сейчас она позволила себе ощутить приятное тепло его ладони. Не бог весть что, но в атмосфере общего хаоса ее словно обволокло мягкое покрывало.

Дан, который сидел внизу, в первом ряду, рядом с Марваном, вдруг вскочил.

— Началась цепная реакция! — воскликнул он. — В соцсетях. Еще три женщины выступили с хештегом #MeTooPaul и утверждают, что их он тоже принуждал к интиму! Они пока говорят не об изнасиловании, а о власти и подчинении. У нас уже набралось пять жертв. Черт, число растет как на дрожжах.

Родрик в полном потрясении закрыл лицо руками.

Шарлен взглянула на Поля на камерах. Где теперь великий Даки-Ферран? Ссутулясь, бледный и смирившийся, он ждал, когда решится его судьба. Между тем Кратос вновь принялся прохаживаться у него за спиной.

— Еще есть сомнения, Родрик? — спросила Шарлен довольно жестко. — Нам придется отвечать. За наше попустительство, за шоры, потому что нам было удобно закрыть глаза на его поведение.

Главный редактор не отреагировал.

— А что, кстати, со сбором денег? — спросил Марван.

— Его остановили, — сообщил Дан. — Десять минут назад.

— Правительство?

— Нет, видимо, сам молодой человек, который его запустил. Парень в замешательстве. Я видел твит, который он опубликовал после выхода статьи, но потом он его удалил. Думаю, он спрячется далеко в пустыне, чтобы о нем забыли.

— Общество хайпа, — пробурчал режиссер.

— Зато это избавляет нас от лишней проблемы, — заметил Янис. — Сколько там набралось?

— Больше двадцати пяти миллионов евро, — ответил Дан. — Полное безумие.

— Представляете, если бы Кратос узнал?

Вмешался тихоня Симон:

— И главное, какой сигнал это посылает…

Филипп Роже все еще с мобильником в руке влетел обратно в режиссерскую, направился прямо к Янису и отвел его в сторону.

— У меня проблема, — сказал он. — Мертвец исчез.

— Простите? — спросил ошеломленный младший офицер.

— Тело Луиджи исчезло! Кто-то его унес!

В волнении он произнес эту фразу довольно громко, и все головы повернулись к нему.

68

Шарлен, Родрик и Дан затеяли спор о Поле.

— Шарли права, — сказал Дан. — Мы все в глубине души знали, что у Поля нездоровое отношение к женщинам.

— Да, но это совсем не одно и то же — говорить себе, что твой начальник бабник, или подозревать его в сексуальном насилии! — горячился Родрик. — Что, по-твоему, я должен был сделать? Пойти к нему и сказать, что, возможно, хорошо бы ему не оставаться наедине по вечерам с самыми молодыми сотрудницами?

— Уже одна эта фраза доказывает, что мы должны были что-то предпринять, — заметил Дан.

— Ой, хватит. Это охота на ведьм. По-вашему, какой будет следующий шаг? Уволить всю редакцию за то, что мы помалкивали?

Шарлен очень спокойно обратилась к Родрику:

— Я думаю, ты реагируешь так эмоционально только потому, что злишься на себя. За то, что все это чувствовал, но боялся сказать. Как и все мы.

Родрик только закатил глаза.

К ним спустился Симон.

— Я поговорил с командой, которая отвечает за итоговый вывод программы, — сказал он. — Они придумали, как постепенно сдвигать прямой эфир, выигрывая при этом несколько секунд во время трансляции.

— Неудачная идея, — возразил Дан. — Слишком поздно. Кратос торчит здесь уже несколько часов, он привык к короткой задержке между тем, что он делает здесь, на площадке, и трансляцией на его экране, и, если это происходит с задержкой на одну или две секунды, он это давно заметил. Если же мы попытаемся растянуть интервал, он поймет и нам не поздоровится.

Родрик поблагодарил Симона.

— Но решать будет спецназ, — заключил он. — Иди объясни им.

Шарлен отошла, чтобы размять ноги. И без нее хватало желающих следить за тем, что делает Кратос — или, точнее, чего он не делает, поскольку в ожидании назначенного часа он больше не двигался — так и сидел рядом с Полем, сникшим физически и морально. Шарлен не могла не признаться себе, что часть ее самой, самая темная, самая отвратительная, ликует, видя его полный крах. С другой стороны, такому человеку, как Кратос, в его мрачном обличье, нужно было за-

ручиться терпением, чтобы невозмутимо ждать, пока утекают часы… Даже если на кону пятьдесят миллионов.

На мостике она поискала глазами знакомые лица, но все было очень спокойно. Штурмовики стояли у стены лицом к двери на площадку. Все бойцы прошли труднейшую спортивную и психологическую подготовку, чтобы стоять вот так, в тяжелом снаряжении, с начала вечера, сосредоточившись на цели. Дверь в маленькую гостиную была приоткрыта — там сидели следователи. И наконец, выход в производственную зону вел к оперативному центру, развернутому спецназом, где офицеры беседовали с Янисом.

Она предпочла не отвлекать их и решила наскоро освежиться — не хотела надолго покидать режиссерскую, боясь, что сработает сигнал тревоги. Бок все еще болел, напоминая о падении. Интересно, где сейчас гримерша Сильви? Вероятно, ее оставили на ночь в больнице, под седативными, или же она следит за «МД1» по телевизору. В ней, должно быть, борются облегчение оттого, что она на свободе, и острое чувство вины за то, что бросила коллег.

Когда Шарлен вернулась, ее уже поджидал Янис.

— Ну что, удалось придумать чудесный способ, как это сделать? — спросила она.

— Нет, пока нет, но, похоже, в центре проблемы — Орли. Тебе, вероятно, придется попытаться убедить Кратоса сменить аэропорт.

— Притом, что это его изначальный план? Нереально. Он и слушать не захочет.

— Я сказал убедить, а не договориться.

— Как ты предлагаешь его убеждать?

Янис вздохнул. У него еще не было ответа.

После недолгого отсутствия в режиссерскую вернулись Филипп Роже с Ирен Хачатурян. Белая Дама приблизилась к Янису и Шарлен.

— Ну что, нашли тело? — спросил Янис.

— Агенты Филиппа обыскивают первый этаж и подвалы и сейчас просматривают видеозаписи с камер у входов в башню. Нет, я пришла по другому поводу. Сообщить вам, что Амели де Кастельнак заплатит выкуп. Группа «Медиаплекс» решила поддержать Поля.

— В тот момент, когда его обвиняют в изнасилованиях, — заметила Шарлен. — На редкость удачно подгадали.

— Одно с другим не связано, дорогая моя, перестаньте читать нотации. Всему свое время, и жизнь Поля важнее нашей мелкой, искусственно

раздутой полемики.

— Поль и другие заложники… — начала Шарлен, но Янис прервал ее, резко сжав ей запястье.

Она подавила недовольный вздох.

— А что об этом говорят в Матиньоне и Елисейском дворце? — спросил переговорщик.

— Пока неизвестно, Амели только что покинула башню и едет туда.

— Она была здесь?

— Это ее дом, насколько мне известно. У нас кризис, ей тут есть чем заняться.

— И из-за этого вы постоянно куда-то ходите с начальником охраны?

— На что вы намекаете?

— Ни на что, просто констатирую, что вы все время куда-то отлучаетесь.

— «МД1» в чрезвычайной ситуации, «Медиаплекс» под огнем прожекторов. Да, нам есть чем заняться. И мне не нравится ваша подозрительность, аджюдан. Это ваше звание, верно? Я позабочусь о том, чтобы ваш генерал был проинформирован о вашем отношении к нам. Напоминаю, что мы в этом деле жертвы.

Разговор прервался, потому что в режиссерскую влетели Сеньон, Магали и Франк.

— Его зовут Чезаре Моретти! — крикнул Сеньон,

выкладывая перед Янисом пачку еще теплых распечаток. — Это настоящее имя Кратоса.

Половину первой страницы занимало лицо изможденного мужчины лет пятидесяти, широкоплечего, с пронзительным взглядом и густой шевелюрой. Необычное, вытянутое лицо. От него веяло грубой силой и коварством.

— Его ДНК была на наушнике. Браво, Шарлен. Мы продвинулись, так что теперь у меня на него собрано неплохое досье, если это может помочь вам в переговорах.

Янис повернулся к Шарлен, чтобы ее ободрить, но нахмурился, увидев ее лицо. Девушка разглядывала фотографию Чезаре Моретти.

— Тот еще персонаж, этот Моретти, — продолжал Сеньон. — Мозг банды, никаких сомнений.

Янис шагнул ближе к Шарлен:

— Проблема?

— Э… Нет. То есть… Я не знаю.

Все смолкли. Шарлен подняла фотографию, чтобы лучше рассмотреть.

Потом повернулась к экранам режиссерской, где терпеливо ждал Кратос, в то время как Поль полулежал на столе, держа на колене руку, примотанную скотчем к детонатору.

— Да, есть проблема, — подтвердила она. —

Этот Чезаре Моретти. Поль его знает. И я вам это докажу.

69

Шарлен бросилась к первому ряду и встала за спиной Марвана. Все последовали за ней.

— Можешь войти отсюда в наши архивы? — спросила она.

— Конечно. Что ищем?

Шарлен, прищурившись, задумалась, роясь в памяти.

— Это было в мои первые дни работы на «МД1». В то время Поль еще любил устраивать мне проверки. Примерно конец августа, два года назад. Да, точно, было жарко…

Через компьютер на своем огромном пульте Марван работал с сервером редакции. Он листал файлы в обратном хронологическом порядке. С каждой папкой, которую он открывал, словно ящик Пандоры, появлялись десятки других и заполняли экран, создавая запутанный лабиринт, и, вероятно, только режиссер способен был отыскать в нем путеводную нить.

— Вот август. Какой выпуск новостей ты хочешь?

Там были заархивированы все вышедшие вы-

пуски.

— Ближе к концу месяца, кажется… Нет, постой, я ошибаюсь. Мы точно снимали в конце августа, еще было ужасно жарко, но показали позже. Прости, лучше перейди в сентябрь.

Марван выполнил просьбу несколькими кликами, затем Шарлен указала ему на первые даты сентября.

— Родрик, тебе это ничего не напоминает? — спросила она.

— Я вообще не врубаюсь. Ты о чем?

Марван открыл файл и прокручивал оглавление в ускоренном режиме.

— Нет, — сказала Шарлен. — Давай следующий.

Так они пролистали шесть выпусков.

— Может, ты нам все-таки объяснишь? — раздраженно спросил главный редактор.

— Я только появилась на канале, — вспоминала Шарлен, — а вы заканчивали репортажи для начала сезона. Дана не было, я уже не помню почему, а Лорен была завалена работой, поэтому Поль попросил меня поехать вместе с технической группой на съемки для серии документалок. Мы ездили снимать речную полицию на Сене, школу Парижской оперы в Нантере и… Стоп. Это

он. Давай, найди основной сюжет.

Тягостное зрелище: Поль Даки-Ферран, всегда такой собранный, харизматичный, уверенный в себе в свете софитов своей студии, и он же на мониторах в верхнем ряду — два совершенно разных человека.

Марван нажал «воспроизведение», когда они дошли до середины выпуска, после начала репортажа.

Камера скользила по темным и мрачным коридорам, решеткам, тюремному персоналу в форме…

— Вы ездили во «Флёри-Мерожи», — сказал Сеньон.

— Точно. Снимать заключенных, которые в тюрьме возобновили учебу. Промотай ближе к концу, Марван. Еще. Стоп, вот!

Красавец Поль боком примостился на краешке стола, лицом к заключенному, отвечавшему на его вопросы.

Мужчина лет пятидесяти не уступал ему в харизме, но если Поль словно отражал свет, тот, казалось, его поглощал — смуглая кожа, темные круги под глазами. И жесткий взгляд, устремленный на ведущего, толстые и почти фиолетовые губы кривились в насмешливой ухмылке, обна-

жая очень крупные гнилые зубы. Крепкий малый с могучим торсом, обтянутым рубашкой поло. Невозможно было точно определить его происхождение, в нем явно было намешано много разных кровей. Отнюдь не красив, скорее даже довольно уродлив: слишком грубые черты, слишком широкий рот, непропорционально высокие скулы, однако от него исходил явный магнетизм.

Тот же самый человек, что и на фотографии.

— Я только что получил диплом по социологии, — говорил он Полю медленно, отчеканивая каждое слово. — Я здесь, чтобы учиться. Разве это не самое прекрасное, чем мы можем заняться в этих стенах? Учиться у других, учиться на своих ошибках. Чтобы стать лучше, когда выйдем отсюда. Ведь именно этого наше общество ожидает от тюрьмы, так?

Невозможно было понять, подначивает ли он Поля своей улыбкой, или это его обычная манера держаться. Сейчас Кратос говорил в том же темпе, хотя его голос был искажен синтезатором до неузнаваемости.

— Господи боже, — выдохнул Сеньон. — Вы не помните, о чем они говорили в тот день за кадром?

Шарлен покачала головой:

— Нет, увы. Я запомнила его лицо, потому что он произвел впечатление на всю съемочную группу, он… В нем была какая-то внутренняя уверенность и сила, почти… пугающая.

Яниса осенило:

— Ты тогда не называла ему свое имя или фамилию?

— Э… Не помню. Может быть. Ну, не исключено, но разве что имя.

— Есть шанс, что он тебя запомнил? Может, вы с ним говорили? Может, случилось что-то необычное?

— Нет, вряд ли. Я должна была просто обсудить, как выстроить сюжет, то есть вопросы, которые Поль будет ему задавать. Я держалась в стороне, в основном говорила с Полем.

— Вы опрашивали и других заключенных? — спросила Магали.

— Да, не помню скольких. Трех или четырех. Но он… — прибавила Шарлен, указывая на лицо Чезаре Моретти, застывшее на стоп-кадре. — Он всех нас поразил.

Магали вслух сформулировала то, что все поняли после этого открытия:

— Чезаре Моретти, он же Кратос, встречает Поля Даки-Феррана в тюрьме, и там у него по-

является идея взять его в заложники. Значит, когда? Два года назад? Вполне достаточно, чтобы спланировать такое дело.

Янис спросил Сеньона:

— Что вы можете нам о нем рассказать?

— Его родители — члены «Красных бригад», террористов крайне левого толка в Италии семидесятых, воспитывали его в строгости, в революционной идеологии. Его мать погибла во время одной из операций, у нее под носом взорвалась неудачно собранная самодельная бомба. Несколько лет спустя отец сел в тюрьму за убийство, а Чезаре отправили в детдом. Чтобы держаться подальше от итальянских властей, отец в восьмидесятом году переехал во Францию, но революционная тяга в нем не угасла, и время от времени он возвращался к своим товарищам, жившим к востоку от Милана. Там его и поймали.

— То есть Чезаре был во французском детдоме? — уточнил Янис.

— Да, — подтвердила Магали. — Примерно с двенадцати лет. Конечно, не лучший опыт. Постоянные побеги. Можно предположить, что в учреждении царило насилие; безуспешные попытки ужиться в приемных семьях; дальше

улица и криминал.

— А какие личные достижения?

— Всего понемногу. Мелкие кражи, драки, потом дошло до вооруженного ограбления, жертва защищалась, и Чезаре пырнул ее ножом. Утверждал, что это несчастный случай. Получил первый серьезный срок. В тюрьме встретил преступную элиту и, выйдя на волю, начал участвовать в ограблениях заодно с новыми дружками. Банки, казино и ювелирные магазины — он все перепробовал. Конечно, его подозревали, но никогда ничего не удавалось доказать. В девяносто пятом участвовал в похищении директора банка. Его схватили вместе с сообщниками при передаче выкупа. Сел надолго. Что интересно, уже позднее за решеткой начал изучать философию, а потом, еще в тюрьме, даже получил диплом по социологии.

— Отсюда его манера разглагольствовать, — отметил Янис.

Франк, разгладив усы, указал на Кратоса:

— Удивительно, почему он снова решил захватить заложников, хотя именно за это его посадили, в то время как за ограбления — ни разу?

— В банках больше нечего красть, — заметил

Янис.

— За это он и сидел во «Флёри-Мерожи», когда мы туда прибыли? — удивилась Шарлен.

Сеньон покачал головой:

— О нет, к тому времени он уже давно вышел. Хорошее поведение и все такое. Нет, потом он влюбился в тюремную медсестру. Когда освободился, они поженились, у Чезаре двое детей, девочки. Но жена погибла в автокатастрофе, когда дочери были совсем маленькими. Предполагают, что он сорвался, когда потерял жену, которая держала его в узде.

— А дочери — недостаточный аргумент, чтобы не выходить за рамки? — удивилась Шарлен.

— Очевидно, нет. В течение восьми лет его подозревали в соучастии в куче махинаций, растрате средств, торговле фальшивыми марками и, главное, в нескольких ограблениях инкассаторских машин.

— Там он познакомился с Демосом или с третьим сообщником, мы не знаем, — проинформировала Магали. — Неким Сержем Бильдёром. Сначала мы предположили, что Чезаре познакомился с Эмилио Дюпра-Пересом в больнице и тот представил ему третьего, но Чезаре Моретти уже знал Бильдёра раньше, по совместным делам. В

разговорах с Дюпра-Пересом, он, должно быть, обнаружил, что у них есть общий знакомый, и трио сформировалось. Мы так предполагаем.

Сеньон подхватил:

— Значит, постепенно дел с его участием становится все больше, только доказать его вину никому не удается. Каждый раз все выверено до миллиметра. Фирменный стиль Моретти и Бильдёра — эти перфекционисты долго готовятся, проводят разведку, предусматривают все возможные сценарии. А потом обоих предали их собственные подельники — местные парни, с которыми они пошли грабить инкассаторскую машину. Осуждены по показаниям и совокупности улик, но никаких доказательств. Бильдёр вышел полтора года назад, Моретти вскоре после. У них было время обдумать и разработать свой последний крупный проект. Бильдёр изобретателен, сечет в информатике и новых технологиях. Идея криптовалюты может исходить от него. Восемь месяцев назад, когда вышел на свободу Дюпра-Перес, бывший сокамерник Бильдёра, они предложили ему присоединиться, учитывая его опыт обращения с жертвами — он уже совершал похищения и *home-jackings*, справляться с заложниками умеет.

— Вы упомянули больницу, — насторожился Янис. — Они больны?

— У Дюпра-Переса СПИД, а мы только что выяснили, что у Моретти неизлечимый рак. Ему осталось не больше года.

Янис сказал Шарлен:

— Отсюда его замечание о смерти — красиво закончить жизнь. Ему уже нечего терять.

— Это делает его особо опасным, — задумчиво заметила Шарлен.

— Его речь о том, что мы оставляем детям, — вспомнил переговорщик. — Вот в чем дело. Он хочет денег для себя, но также чтобы оставить что-то дочерям. Все его морализаторство о беспечности и эгоизме — это в первую очередь о нем самом. Он провел часть жизни в тюрьме или готовя свои преступления и забросил дочерей.

Шарлен добавила:

— И на пороге смерти он это осознал.

Янис взял распечатанные документы:

— Здесь все?

— Да, — подтвердил Сеньон. — Мы продолжаем собирать информацию, буду передавать вам по мере поступления.

— Психиатрическая история?

— Насколько нам известно, нет, — ответил

следователь.

— Найдите его дочерей и, если они в регионе, срочно везите сюда. Если нет — свяжите по телефону с нашими людьми. То же самое с родственниками двух других.

Сеньон кивнул:

— Я этим займусь.

Янис помахал страницами перед Шарлен:

— Мы хотели материал для переговоров, и он у нас есть.

70

Шарлен положила подборку материалов, повествующих о жизни и деяниях Чезаре Моретти, он же Кратос, на журнальный столик в комнате отдыха, примыкавшей к просмотровой. Час назад Янис предложил ей «подышать воздухом», выйти из мрачной и напряженной атмосферы режиссерской, чтобы изучить профили трех похитителей, особенно Кратоса. Если возникнет что-то срочное, их предупредят, они всего в нескольких метрах.

К большому удивлению Шарлен, в комнате Янис выключил телевизор, транслировавший прямой эфир. Они выпили кофе, сидя на мягких диванах, и минут пять она как будто сидела напротив красивого парня, который к ней неравнодушен, и впереди был остаток ночи, чтобы получше узнать друг друга.

А потом Янис бросил стаканчик в корзину и объявил конец перемены. Последовал час работы; столько эмоций и постоянная смена ритма уже довольно-таки вымотали Шарлен.

Было без четверти шесть. Семьдесят пять минут до конца ультиматума, до выплаты выкупа

и возможного выезда Кратоса с сообщниками в аэропорт.

— Может, включим телевизор? Вдруг что-то изменилось? — спросила Шарлен.

— Ничего, иначе бы нас предупредили. И прежде чем вернуться в режиссерскую, я позвоню Эли, моему коллеге из национальной группы переговорщиков. Надо обсудить ситуацию. Он остался перед экраном, анализирует каждое движение Кратоса и Поля. Он меня проинформирует, если понадобится.

— Это он твой настоящий напарник, верно? А я так, просто предохранитель.

— Вот уж скажешь… Мне не следовало употреблять этот термин. Он был неуместен. Извини. Я открываю для себя, насколько ты… чувствительна.

— Нет, скажи прямо: обидчива. И злопамятна. Нет, хуже: мстительна. Назло тебе я буду повторять это слово до рассвета. И знаешь что? Оно правильное. На самом деле я и есть предохранитель. Но я не возражаю. Это нормально.

— Кризисные переговоры редко дают право на ошибку.

— Я поняла. Если все пойдет плохо, предпочтительнее иметь предохранитель, который сгорит

вместо тебя, а ты сможешь срочно перехватить управление, прежде чем произойдет непоправимое.

Он кивнул, соглашаясь, что идея такова, даже если он сформулировал бы иначе.

— А когда я ушла и ты вступил в переговоры с Кратосом, каково тебе было? Ты все еще иногда испытываешь… *страх*?

— Когда в моих руках жизни других людей? Да. Каждый раз. И знаешь, как я действую? Я начинаю работать. Мы боимся, когда размышляем. Когда действуешь, бояться некогда.

Шарли указала на стопку листов:

— Тогда мне лучше пойти и сразиться с ним прямо сейчас, прежде чем предохранитель сгорит.

— Ты установила с ним контакт, это не притворство. И, сама того не зная, нащупала главное в его сути, в том, что он представляет собой сегодня. Обреченное существо.

— Когда я упомянула о своей… попытке самоубийства?

— Да. То, что ты испытала близость смерти, наверняка задело его за живое. Думаю, ты можешь работать с этой темой. У тебя есть чутье.

— Повезло, да. Я просто прислушалась к твоему

совету: чтобы получить, нужно дать. Так что я предложила немного себя в надежде, что он сделает то же самое.

— Ты прислушалась к голосу разума, к своей интуиции. Я же говорю: она у тебя превосходная. При малейшем колебании следуй ей.

Шарлен удивленно подняла брови.

— Не волнуйся, у тебя получится.

— А если нет?

Янис не ответил и вместо этого сказал:

— Основные сюжетные линии его жизни мы узнали. Давай, расскажи мне, какое у тебя теперь впечатление.

— Ну… В итоге все объясняется. Его родители были членами «Красных бригад», его речь уходит корнями именно туда, он просто адаптировал ее к современности. Он воплощение своих родителей. Время кризиса, социального недовольства, глубокого неравенства, народ без гроша, не чувствует, что политики его слышат, от этого он в ярости и вступает в вооруженную борьбу, чтобы голос народа был услышан, чтобы общество «уравновесилось». Все это — его родители и он сам. Это то, что ждет нашу страну в ближайшие годы. Возвращение насилия, порожденного гневом. И он его призывает, кстати.

— Но требует перевести деньги на свое имя, — сказал Янис, подчеркивая парадокс. — Опять же, если бы это было ради общего дела, он бы делал на этом акцент. Однако в его выступлениях нет речи о коллективной борьбе, к которой он хочет привлечь остальных. Нет, эти деньги — эгоизм, это для него лично. Неожиданная двойственность, правда? Речь почти коммуниста, а замашки капиталиста.

— О чем ты думаешь?

— Ты сама сказала: его речь связана с его воспитанием. Уходит корнями туда, откуда он родом. Но зачем ему это? С какой целью? Спровоцировать беспорядки? Мы видели результат, и он не идиот, тем более что на примере своих родителей был свидетелем того, что такое вооруженная борьба народа. Он должен был догадываться: чтобы поднять людей на восстание, мало одних слов с экрана телевизора. Однако он тратит время на то, чтобы написать свою речь, детально, очень старательно, это чувствуется. Если ему это не нужно и если это не настоящее его требование, поскольку в итоге все, чего он хочет, — это выкуп, зачем он произносит речь?

— Чтобы оправдаться? — предположила Шарлен.

— Перед кем? Его родители умерли, а его дочери наверняка не знают, что Кратос — это он.

— Перед самим собой? Он делает это для себя? — предположила Шарлен.

— У меня такое же впечатление. Но в каких обстоятельствах ты вынужден оправдываться перед самим собой, извиняться за свои поступки?

— Когда делаешь то, чего не хочешь… Только он требует миллионы выкупа, хотя это не имеет… — Шарлен осеклась, сообразив, к чему клонит Янис. — То есть Кратос кому-то подчиняется? Он делает это не для себя, а для того, кто его принуждает?

— Я этого не утверждал. Я выкладываю все, что приходит в голову, чтобы мы рассмотрели все варианты.

— Но кто? Почему?

— Кто угодно. Тот, кто взял его дочерей в заложники, например.

— Но он говорит о том, чтобы насладиться выкупом… Нет, я не верю.

Янис принял аргумент.

— Согласен, — уступил он. — Это притянуто за уши. Я просто рассматриваю все, что приходит на ум.

Шарлен потерла виски:

— Как мне вести с ним переговоры, держа в уме все эти варианты? Надо обращаться с ним как с жертвой?

Янис покачал головой:

— Нет, продолжай в том же духе. Он выступает в роли заказчика, ты рассматриваешь его как такового. Но если почувствуешь, что он меняется, не отбрасывай версии, чтобы быстро переключиться. Никогда не знаешь точно, кто перед тобой.

— Легко сказать. А мне придется иметь дело с этим лабиринтом альтернатив и вариантов! И кстати, можно в какой-то момент сказать ему, что я знаю, кто он?

Янис сжал губы.

— С этим сложно. Пока он чувствует, что защищен анонимностью, он спокоен, он в своей тарелке, у него нет причин нервничать, и он держит себя в руках.

— В то же время, если он узнает, что нам все о нем известно, он может решить, что все кончено, что ему больше не выбраться, и подумать о сдаче?

— Если он почувствует, что загнан в угол, поймет, что может все потерять, не хотелось бы, чтобы он решил увлечь за собой в эту пропасть других. Не забываем, что сегодня он уже убил.

Он на это способен. Я не уверен, что он это планировал, но, когда начал действовать, стресс, усталость, потеря способности рассуждать, страх сыграли свою роль… Эскалация происходит быстро. Физическое насилие не было ему свойственно, хотя он не из мягкотелых. Однако сегодня вечером он зашел как никогда далеко.

Янис сложил руки, пытаясь подобрать самые убедительные слова, но Шарлен упростила ему задачу.

— Давай без церемоний. Я чувствую, что это важно, так что не щади меня, скажи правду, — потребовала она.

— Хорошо. Ты должна понять, что речь больше не идет о том, чтобы добиться его капитуляции. Механизм, который мог бы заставить его осознать собственное безумие, почувствовать, что он ничего не получит, уже не сработает. Учитывая его стратегию и отказ общаться регулярнее, он не позволил нам развить диалог.

— И что мне теперь делать? Манипулировать им?

— Продолжать переговоры. Чтобы привести его туда, где мы сможем вмешаться. Речь уже не о том, чтобы он сдался. Это тупик, мы этого не достигнем. Но мы должны его остановить и

спасти заложников без потерь.

— И чтобы он этого не понял, мне придется ему лгать.

— Вести переговоры, — настаивал Янис. — Ты должна заставить его изменить план. Мы даем ему это, а он в обмен делает то. Конечный результат для тебя не так важен, это не твоя проблема.

— Только это я буду делать все, чтобы привести его туда, где вы сможете всадить ему пулю в лоб, — взволнованно резюмировала Шарлен.

— Я тебе говорил: мы не убийцы. Если придется применить оружие, это будет крайняя мера, и стрелять будем по возможности в плечо. Это мы умеем.

У Яниса зазвонил мобильный, и он ответил. Звонил Сеньон.

— За границей, обе? — переспросил Янис. — Черт. Мы знаем где? — Он прикрыл телефон рукой, чтобы проинформировать Шарлен: — Дочери Кратоса в Канаде. — И продолжил в трубку: — Ладно, пусть полиция Квебека даст нам с ними побеседовать, как только их найдут. Я хотел бы иметь в своем распоряжении этот дополнительный рычаг. Мне пора.

В комнату отдыха только что вошел капитан Остен. Янис повесил трубку.

— Начоперштаба просил передать, что теперь все зависит от вас, — сказал капитан. — Штаб рассмотрел проблему со всех сторон — позволить им ехать в Орли невозможно. Их план слишком точно отработан, слишком много сложностей для нас, это плохо кончится. Переговорщики должны добиться, чтобы он согласился поехать в Виллакубле[43]. Амели де Кастельнак готова предоставить в их распоряжение самолет группы «Медиаплекс» и заплатит выкуп.

Шарлен больше ничего не понимала:

— Я думала, что немыслимо…

Остен перебил ее:

— Но это приманки, чтобы вывести их отсюда. У нас приказ вмешаться до того, как они поднимутся на борт. Любыми средствами. Условие — чтобы это был Виллакубле. Там у нас есть шанс действовать.

Шарлен не представляла себе, как этого добиться.

— Это слишком радикально меняет планы Кратоса. Он никогда не согласится.

— Мы только что получили разрешение распространить сообщение агентства «Франс-

---

[43] Сноски: 43

Виллакубле — база военно-воздушных сил в парижском пригороде Велизи-Виллакубле, к юго-западу от города.

пресс», — сообщил Остен. — Сегодня утром самолет совершил в Орли экстренную посадку и загорелся.

— Это ложь?

— Да, мы не скажем ничего больше, просто фотография горящего «А330». Нарисовал искусственный интеллект, натуральнее некуда. Сообщение вышло онлайн уже пять минут назад, скоро будет повсюду в Интернете. Если у Кратоса есть способ посмотреть, он может клюнуть. Тем более что никаких дополнительных деталей не предоставлено, чтобы не вызвать у него подозрений. Но он знает, что полоса 02/20 используется именно для самолетов в экстренной ситуации.

— И значит, она занята, — заключила Шарлен. — Не слишком топорно?

— Это все, что мы можем сделать за такое короткое время.

— А если у них сообщники в Орли? — забеспокоился Янис. — Они скажут им, что никакого горящего самолета там нет.

— Придется рискнуть. В любом случае через три-четыре часа люди в соцсетях начнут говорить, что не видят никакого пожара в Орли, так что нужно использовать это немедленно.

— А если Кратос не отступит? — спросила Шар-

лен.

— Если они откажутся ехать в Виллакубле, тогда окончательный отказ. Им не разрешат выйти.

— То есть штурм здесь, со всеми оговорками… — резюмировала Шарлен. — И вероятные жертвы, по крайней мере в Булони.

— Теперь это в ваших руках, — довольно бестактно заметил Остен.

Шарлен прикрыла глаза.

— Дайте нам пятнадцать минут, чтобы я ее подготовил, — сказал Янис.

Пятнадцать минут на девять жизней.

71

Никогда еще студийный интерком не казался Шарлен таким значимым, таким важным в ту минуту, когда она держала палец на кнопке, собираясь ее нажать. Одно движение отделяло ее от разговора с Кратосом — самого важного разговора в ее жизни.

Нажатие на маленький переключатель — и ее сможет слушать вся планета. Препарировать каждое ее слово для Истории. И судить.

Шарлен закрыла глаза и отрешилась от всего. До нее доносились слабые шорохи — остальные в режиссерской замерли в ожидании этого ее жеста.

Глубокий вдох. С Янисом они только что все обсудили, аргументы у Шарлен были готовы — оставалось только суметь их вставить.

Чем дольше она будет ждать, тем больше падет духом. Действовать — значит больше не иметь возможности думать о страхе, утверждал Янис.

Клик.

Звук в наушниках изменился, включились микрофоны на столе площадки.

— Кратос. Я здесь. Мне нужно с вами поговорить, — сказала она. Получилось спокойнее, чем она от себя ожидала.

Поль, полулежавший на столе, выпрямился, а сидевший рядом Кратос повернул серебристую маску к камере и крепче сжал оружие.

— Дополнительной отсрочки не будет, Шарли. Ни одной лишней минуты.

— Я знаю.

Янис слева от нее наблюдал за ней, а не за Кратосом. Родрик, Дан и военные были прикованы к мониторам. Теперь, когда все увидели подлинное лицо Кратоса, стало трудно разграничивать эту безликую фигуру и живого человека. Все уже привыкли к его искаженному голосу и зеркальной маске и, пытаясь совместить их с его реальными чертами и естественным тембром в репортаже, ощущали какую-то неприятную раздвоенность.

— Наши условия названы, мне больше нечего добавить, я больше ничего не хочу знать, Шарли, оставь меня. У вас остался час.

Он откинулся на сиденье, показывая, что прерывает связь.

Шарлен была к этому готова. Она оставила микрофон включенным — пусть услышит ее дыхание, — затем твердо добавила:

— В полночь, когда вы заговорили, вы упрекнули мир в том, что он все знает, но не слушает. Вы заклеймили общество, где люди больше не умеют разговаривать друг с другом. Я протягиваю вам руку, а вы отказываетесь от диалога, считая, что и так все знаете. Выходит, все ваши декларации — пустой звук? Просто ради красного словца?

Кратос наклонил свою мерцающую маску.

Повторив его же аргументы, Шарлен переключилась на идеологию, в которой он рос, — она надеялась, что это его заденет:

— Вы обращались к широким массам, но сами стоите выше? Вы лучше других? Люди не равны — ваша мысль такова, правда?

— Нет. Я сказал именно то, что думаю.

— Тогда почему вы отказываетесь от диалога?

— Потому что ты хочешь мною манипулировать. По заданию фликов. Я это знаю.

— Вы думаете, что я… я собираюсь вас предать?

Перевернутый вопрос спровоцирует защитную реакцию, которая сыграет ей на руку.

После паузы Кратос произнес:

— Нет. Но ты в их лагере.

— По сути, вы упрекаете мир в отсутствии тонкости, нюансов, но сами поступаете точно так же.

И вы меня не слушаете. Я вам это твержу с самого начала, но вы меня не слушаете.

Она замолчала, давая ему подумать, затем продолжила:

— Я в таком же положении. Тоже между двух сил. Вами и властями. Понимаете? Мой интерес — найти решение, которое максимально удовлетворит каждого. Знаете почему? Потому что я оказалась здесь с первых же минут, потому что это вы со мной заговорили, и, попав в этот круговорот, я не могу отступить, пока люди, которых я знаю, мои коллеги, мои друзья, не окажутся в безопасности. Я не могу сотворить чуда, но надеюсь найти компромисс, который всех устроит.

— Их цель очевидна: арестовать меня или убить. Тут нет речи о компромиссе.

— Но парадом командуете вы. И вы, Кратос, сделали достаточно, чтобы вас воспринимали всерьез. Теперь всем ясно: чтобы вылезти из этой ямы, придется сотрудничать.

Использовать его собственные выражения, повторять их, возвысить его и вселить уверенность, подчеркивая его успехи, — до сих пор Шарлен только перечисляла пункт за пунктом то, что было написано в ее плане действий, на странице блокнота, лежавшего между ней и Янисом. Это

было на удивление просто, потому что Кратос позволил ей развивать тему, не перебивая. Если им предстоит начать диалог, все станет напряженнее и придется импровизировать, чтобы вернуться на позиции, предусмотренные Янисом.

Словно читая ее мысли, Кратос усмехнулся:

— Они тебя хорошо подготовили, поздравляю.

— Я ведь собиралась уйти, помните? Если я вернулась, то исключительно ради этих людей, которые сейчас перед вами. Ради Паолы, Бакари и Режи. И ради Аниссы и Мии. И еще потому, что я знаю: вы согласны говорить со мной и я, вероятно, единственная, кто может помешать спецназу ворваться сюда и нейтрализовать вас и Демоса. Если вы хотите, чтобы мы избежали насилия, я — ваш единственный выход. Не причиняйте больше никому вреда, и штурма не будет.

«Тишина». Это слово Янис написал крупными буквами и дважды обвел вверху страницы. Слова Шарлен были семенами, твердил он, а пауза, которую она выдержит, будет временем, солнцем и дождем, чтобы дать им прорасти. Но в нетерпении она чересчур поспешно продолжила:

— «Медиаплекс» согласен заплатить выкуп. Это частные деньги, так что государство не теряет ли-

цо, отпуская вас. Напротив, если не будет больше жертв, все окажутся в выигрыше.

Ложь.

— Пятьдесят миллионов?

— Да. Вы добились того, чего хотели, Кратос.

— Увидим через час.

— Я вам говорю: деньги будут на счету. Полностью. Они не обсуждают сумму. Это ваша победа.

Еще один пункт, подчеркнутый в начале страницы: «Успокоить его. Напоминать о каждой его победе».

— Политики только что одобрили разрешение на выход, — добавила Шарлен. — В семь часов вы сможете спуститься и сесть в автомобили, которые вы запросили. Это тоже вам предоставят.

— Я хочу эскорт.

— И это согласовано. Кортеж охраны очистит дорогу, чтобы вы могли спокойно продвигаться.

— Хорошо. Я начинаю верить, что вы проявляете благоразумие.

— Потому что все мы — вы, они, я — хотим одного: чтобы эта ситуация разрешилась наилучшим образом. Ущерба и так достаточно.

Понемногу он втягивался в разговор, от которого поначалу отказывался. Шарлен нельзя было на этом останавливаться.

— Самым трудным условием оказался самолет. За такое короткое время, не скрою от вас, это очень сложно организовать.

— Сейчас запла́чу. Их же тысячи, — с иронией произнес Кратос.

— Но ни одна компания не соглашалась предоставить самолет, учитывая международное медийное освещение, которое вас сопровождает. Вы не совсем та реклама, с которой они хотят ассоциироваться, — надеюсь, это понятно. И, кроме того, ни один экипаж не вызвался лететь добровольно: все боятся, что вы захотите спровоцировать крушение.

— Я не террорист! Зачем мне выкуп, если я собираюсь потом убить себя в самолете? Я не имею ничего общего с этими экстремистами!

— Я знаю, но согласитесь, что все перечисленное не слишком успокаивает.

— У Французской Республики есть самолеты, Шарли. Они что, забыли тебе об этом доложить?

На экране Кратос вскочил, и Поль отпрянул, напуганный его пистолетом, перемещавшимся то вправо, то влево.

— Вы хотите выиграть время, так? Значит, мне нужно убить заложника, чтобы…

— Нет! Вы никого не убьете, иначе сорвется

сделка. Позвольте мне закончить. Я же говорю: все складывается в вашу пользу. Деньги, разрешение политиков на выход, машины, эскорт и, значит…

Молодая женщина сделала новую паузу, постаравшись на этот раз привести аргументы в правильном порядке. Она произнесла уверенно и спокойно:

— Я, например, даже узнала о существовании выражения «КОТАМ ноль-ноль-один». Знаете, что это за аббревиатура? Командование военно-воздушного транспорта, а «КОТАМ ноль-ноль-один» — это позывной самолета президента Республики. Представьте себе, что «КОТАМ ноль-ноль-один» сейчас стоит на техобслуживании в Мериньяке, далеко отсюда, и что воздушный флот Республики базируется в Руасси и Виллакубле, а не в Орли. За тот срок, который вы назначили, ни один самолет не сможет собрать экипаж, подготовиться, заправиться и переместиться из одного аэропорта в другой, чтобы быть в вашем распоряжении в Орли. Не так быстро.

И здесь тоже Янис снабдил ее формулировками и деталями. Она не знала, что из этого правда, но вложила в свои слова всю силу убеждения.

— Знаешь, что произойдет, если у меня не будет

самолета в восемь часов по прибытии на место? Ты прекрасно знаешь, Шарли!

— И он у вас будет. Это ваше требование тоже удовлетворено. Амели де Кастельнак, генеральный директор «Медиаплекса», предоставит вам самолет компании. Довольны?

Тишина. Шарлен сознательно дала установиться этой тишине: она не хотела сразу перехватывать инициативу. Только что, успокаивая его, она перечислила по пунктам все, что он получил, — пусть осознает свои успехи, поймет, что дверь на выход распахнута и осталось совсем немного, чтобы ринуться туда.

Он должен сосредоточиться на том, что у него есть, а не на том, чего у него не будет.

И теперь ей предстояло выдвинуть свое условие. Шарлен ждала, пока он сделает первый шаг.

— Скоро мы увидим, правда ли все это.

— Все очень конкретно, Кратос. В семь часов вы спуститесь ко входу, машины будут вас ждать, вы сядете и поедете в сопровождении эскорта — по дороге вы проверите свой счет, убедитесь, что деньги действительно переведены. Вы будете богаты и на пути к свободе. Просто и эффективно.

— Не пытайтесь подстроить мне ловушку. Ты знаешь, что я прихвачу заложников, чтобы гаран-

тировать себе безопасность. Если вы обманете меня и прольется их кровь, отвечаете за это вы.

— Больше никаких жертв, Кратос. Это сделка.

— Все в ваших руках, а не в моих.

Вечно эта привычка обвинять других, когда он прибегает к насилию. Он никогда не бывает виноват — его действия всегда спровоцированы чужими ошибками. Янис настаивал на этом пункте.

— Я сделала все от меня зависящее, чтобы вы получили то, что хотели.

Оба замолчали.

— Спасибо, Шарли. Я знал, что могу на тебя положиться.

— Но есть одно но.

Кратос медленно покачал головой:

— Я выдвинул свои требования. Никакой торговли.

— Это не в нашей компетенции, условие чисто техническое. Самолет «Медиаплекса» припаркован не в Орли, а в Виллакубле. В любом случае этой ночью в Орли возникла непредвиденная ситуация — об этом пишут газеты, можете проверить в Интернете, у вас он наверняка есть, раз вы ловите прямой эфир на телефоне. Взгляните!

Кратос смотрел прямо в камеру, и Шарлен

почти физически ощущала злобный, гневный взгляд Чезаре Моретти.

— Я сказал: нет. Если хоть одно из моих условий не будет выполнено, я убью заложника. Я тебя предупредил.

— Вы…

— Нет. Орли или смерть.

72

Вся режиссерская застыла.

Не давая воли отчаянию, Шарлен немедленно возразила:

— В Орли горит самолет, вы слышите? Такое мы не могли выдумать! Хорошо, проверьте, если не верите мне!

Кратос не отвечал, а его серебряная маска поворачивалась от камеры к окружавшим его экранам и к Полю. Он отдавал себе отчет в том, что из-за чрезвычайной ситуации в Орли полоса 02/20, его полоса, занята и план рушится.

— Силы правопорядка способны на многое, я не спорю, но вряд ли они подожгут самолет стоимостью около двухсот миллионов евро, — отчеканила Шарлен. — Проще отпустить вас с пятьюдесятью миллионами и спасти заложников!

Кратос протянул свободную руку к рюкзаку, лежавшему у стола, порылся в нем, извлек мобильный телефон Поля и протянул ему:

— Включи и открой новости. Посмотри, горит ли самолет в Орли.

Поль поискал на мониторах инструкции, но, ничего не найдя, указал подбородком на один из трех экранов под стеклянной поверхностью стола.

— Вот сообщения агентства «Франс-пресс» в прямом эфире, — сказал он бесцветным голосом.

Кратос осмотрел площадку, чтобы убедиться, что это не ловушка для отвлечения его внимания, а затем взглянул на экран.

Шарлен поздравила себя с тем, что по ходу дела стирала свои указания Полю и все упоминания о начатом и прерванном сборе народных пожертвований. Ну а спецназ попросил «Франс-пресс» выпустить настоящий бюллетень в надлежащей форме, чтобы ложная информация выглядела максимально правдоподобной.

Кратос нашел новость среди десятков других, значительная часть которых касалась лично его.

— Посмотри в Интернете, но не вздумай отправлять сообщения — я за тобой слежу, — приказал он Полю, который, как сумел, выполнил приказ, нажимая кнопки одним большим пальцем.

В конце концов он протянул Кратосу телефон, и, несмотря на молниеносность жеста и расстояние, Шарлен узнала страницу новостей в *Yahoo*.

— Это то, что вы хотели? — спросил Поль.

Маска Кратоса склонилась над телефоном. Затем, все еще сомневаясь, он потребовал:

— Докажи мне, что это правда.

Поль побледнел еще больше, что минуту назад казалось невозможным.

— Но… если это сообщение «Франс-пресс», значит…

— Зайди в соцсети.

Шарлен в тревоге переглянулась с Янисом. И решила настаивать на своем:

— Кратос, я ничего не выдумываю, это чистая правда. Но какая разница, раз в вашем распоряжении есть самолет? С пилотом и полным баком! Это…

Шарлен перевернула страницу блокнота и прочла название:

— «Фалькон семь-Х», трехмоторный самолет с дальностью полета одиннадцать тысяч километров, способный перевезти около пятнадцати пассажиров. Видите? Вы же этого и хотели!

Поль показал страницу социальной сети Х с несколькими краткими сообщениями о горящем самолете в Орли. Все воспроизводили фотографию аэробуса «А330» в черном дыму.

— Это на всех новостных сайтах, — подтвердил

ведущий. — Пожар начался сегодня утром при открытии взлетных полос.

Кратос вырвал телефон у него из рук, затем швырнул в рюкзак.

Наступил нужный момент. Шарлен снова заговорила:

— Эскорт получил инструкцию сопроводить вас в Виллакубле. Там вас ждет самолет «Медиаплекса».

— Я не знаю такой аэропорт.

— Неудивительно, я тоже не знала. Мне пришлось навести справки — я предполагала, что вы скажете то же самое. Виллакубле не коммерческий аэропорт, поэтому он почти неизвестен. Частные самолеты обычно взлетают из Ле-Бурже. Там у них больше мобильности, чем в Орли или Руасси, которые в приоритете обслуживают основной поток крупных компаний. Но, как вы могли заметить, башня, где мы находимся, на юго-западе Парижа, почти на противоположном конце от Ле-Бурже. У Амели де Кастельнак огромные связи, и она добилась, чтобы ее самолет стоял в Виллакубле. Это совсем рядом с нами, ей так гораздо удобнее. Связи власть имущих, вам это знакомо?

Янис кивнул, давая понять, что она отлично

справляется с этой частью, которую из-за нехватки времени они едва успели отрепетировать.

Кратос не двигался; охватившее его напряжение казалось почти осязаемым.

— Это хорошая новость. Дороги туда — меньше четверти часа. Я говорю правду — это совсем недалеко. Самолет «Медиаплекса» не держали бы там, если бы аэропорт не был рядом.

Он по-прежнему не отвечал.

Дан и Родрик, явно сомневаясь, о чем-то перешептывались, а Остен и Натэ в очередной раз стояли наготове, чтобы начать штурм, если ситуация выйдет из-под контроля.

— Кратос, вы победили. Вы получили все, что хотели. Через… теперь уже сорок минут вы будете в пути. Еще до восьми утра вы сможете начать полет, забрав свои деньги.

— Ты вот спросила, думаю ли я, что ты собираешься меня предать? — сказал Кратос почти грустно, несмотря на синтезатор. Казалось, он смирился. — Так вот, я спрашиваю тебя. Ты могла бы меня предать, Шарли?

Вопрос застал ее врасплох.

— Э… нет, конечно нет.

— Даже чтобы спасти жизнь своих друзей?

Палец Яниса указал на одну из записей на стра-

нице блокнота. Нежелание Кратоса допустить, что он способен на насильственные действия. Это был пункт, на котором настаивал переговорщик. В личности Кратоса было крайне заметно отрицание ответственности. Каждый раз, когда он применял насилие, он перекладывал вину на власти, которые якобы его к этому вынуждали, и твердил, что это у них будут руки в крови. То же происходило и во время его первого крупного процесса, когда он настаивал, что при попытке ограбления жертва защищалась и именно из-за этого получила ножевые ранения. Кратос никогда не брал на себя ответственность за преступления. Это можно было интерпретировать по-разному, и Янис колебался между признаками холодного эгоцентризма без эмпатии и психологическим механизмом защиты — отрицанием собственного насилия для того, чтобы не смотреть себе в лицо, когда он заходит слишком далеко. Эмоциональность речи Кратоса наводила на мысль о втором варианте, и на этот случай у Шарлен был готов еще один козырь.

Она кивнула Янису. Догадалась, какой линии нужно придерживаться.

— Скажите, кто здесь сейчас вооружен? — спросила она.

— Флики и я.

— Это вы развязали здесь насилие, а не они. Вы — ключ ко всему, Кратос. Это от вас зависит, хотите ли вы применить это оружие и убить. Ни от кого, кроме вас. Никто вас не заставляет. Я не предам вас, если вы признаете, что насилие развязали именно вы. Перестаньте прятаться за других. Ответьте за свои поступки. Тогда я буду вам доверять.

Новое молчание, однако не пустое, а наполненное работой мысли, нервозностью, тяжелым напряжением.

— В другой жизни я хотел бы быть твоим другом.

— Вы уже знаете обо мне больше многих людей из моего близкого окружения. Это хорошее начало, так? Я уверена, что мы с вами во многом похожи. Я никому, кроме матери, не говорила, что хотела покончить с собой. Вы вытянули из меня это признание, даже не знаю как, но вам это тоже про меня известно, да? Вы это почувствовали, вы искали у меня подтверждения. Я думаю, когда идешь на такой крайний риск, как вы сейчас, — это сигнал, что человек дошел до самого края, что других решений не осталось. Это акт отчаяния.

Сквозь зеркальную маску Шарлен улавливала его взгляд, как он угадывал ее взгляд в объективе камеры. Больше никого не существовало. Ни в режиссерской, ни в производственной зоне, ни в башне, ни в мире.

— Смерть — наша спутница, и для тебя, и для меня.

Он тяжело выдохнул, словно полностью выпуская из себя весь воздух, последние остатки жизни, а Шарлен продолжала:

— Но посмотрите: вы же почти добились своего. Через несколько минут вы будете…

Она внезапно поняла, почему он так тяжело дышит, но он уже ее прервал:

— Нет, Шарли. Через несколько минут я умру. Потому что не собираюсь принимать твое предложение. Либо Орли, либо ничего. Значит, будет ничего.

В тот миг, когда «глок» медленно поднимался, Кратос поворачивался лицом к камере, а Остен включал рацию, чтобы отдать приказ о штурме, Шарлен крикнула в микрофон:

— Нет! Чезаре, не надо!

73

Кратос замер с поднятым пистолетом, целясь в трех заложников. Остен приостановил выполнение приказа.

— Что ты сказала? — недоверчиво спросил Кратос.

— Чезаре Моретти, пятьдесят пять лет, две дочери, у вас терминальная стадия рака. С женой и дочерью Поля находятся ваши сообщники Серж и Эмилио.

Кратос растерянно качал головой.

— Полиция знает о вас все. Они рассказали мне всю вашу жизнь, Чезаре. И я также знаю, почему вы решили прийти сюда, взять Поля в заложники. Мы все уже встречались.

Маска выпрямилась, внимательно слушая.

— Во «Флёри-Мерожи», два года назад. Репортаж для выпуска новостей. Я была там, в технической группе, рядом с Полем. Вы в тот день замечали только его, потому что он — Поль Даки-Ферран, звезда, которая затмевает всех, но я тоже там была. Я вас помню.

— Маленькая рыжая, — сказал Кратос.

Шарлен сглотнула, внезапно охваченная паникой, неспособная выдавить ни слова.

Кратос встал и уставился на Поля, который явно гадал, что происходит, — он понимал, что прямо сейчас в наушнике его похитителя разворачивается трагедия, но не мог уловить суть.

Кратос сделал два неловких шага, словно путаясь в своих эмоциях. Резко вернулся к столу, встал лицом к камере, рывком содрал с себя маску и поднял балаклаву.

В режиссерской все затаили дыхание.

— Маски сняты, — сказал Кратос своим настоящим голосом, менее агрессивным, но не менее мощным.

Его лицо было точно таким, как на фотографии: непропорционально удлиненное, грубое, слишком выпуклые надбровные дуги, круги под глазами, словно потекшая тушь, впалые щеки, опустошенные болезнью, толстые губы и массивный подбородок. Лоб покрыт испариной, глаза лихорадочно блестят.

— А ты снимешь свою? — спросил он.

При этих словах, при взгляде в его изможденное лицо к Шарлен вернулась власть над собой.

— У меня ее нет. Вы меня знаете, Кратос. Но послушайте, вы еще можете выбраться, вы…

— Спряталась в безопасной режиссерской, подальше, за своим микрофоном? Нет, я уже видел тебя этой ночью… Так что, придешь сюда, ко мне?

Янис отключил связь.

— Ни в коем случае, — заявил он. — Он теряет все, и на этот раз ты не попадешь ему в когти.

Шарлен снова нажала на кнопку.

— Вы сами знаете, что это невозможно, — ответила она.

Чезаре Моретти провел рукой в перчатке по лицу.

— Видишь, — сказал он с бесконечной усталостью, — в глубине души ты этого не хочешь.

— О чем вы?

— О смерти, Шарли. Той смерти, которую ты однажды призывала.

Он улыбнулся перед камерой. В его взгляде сквозили смирение, грусть и отчаянное прозрение.

— Я не предлагаю подарить ее тебе, успокойся. Просто констатирую.

Он глубоко вздохнул и добавил:

— По крайней мере, в этой истории ты сможешь обрести свою истину, моя дорогая Шарли. Ты хочешь жить.

Опасаясь суицида, Янис указал пальцем на слово «Дочери» в блокноте. Шарлен увидела и склонилась к пульту:

— Ваши дочери в Канаде предупреждены, Чезаре. Не делайте ничего поспешного, вы же не хотите, чтобы они стали свидетелями…

Чезаре вскинул глаза, пораженный этой мыслью.

На этот раз Янис указал на другое слово в блокноте: «Сдача». Это слово было написано самым последним, мелко, будто он, когда писал, уже и сам в это не верил, считал, что шанс давно упущен, но как хороший переговорщик не запрещал себе ошибаться и возвращаться назад, если такая возможность представлялась.

Шарлен облизала губы. Она знала, что безо всякой страховки ступает по канату, натянутому над пропастью.

— Чезаре, вас слушал весь мир, ваши слова останутся в архивах телевидения всех стран. То, что вы сделали, не было напрасным. Вы передали послание, ваши родители гордились бы таким сыном. Но оглядитесь. У Паолы тоже есть дети. Бакари, Режи, семья Поля. В маске вы были Кратосом, властью и насилием. Способен ли на это Чезаре Моретти? Хочет ли он этого? Взгляните на

ситуацию трезво. Власти знают о вас все. Бежать нереально, спецназ готов вмешаться.

— Они устроят кровавую баню, — холодно ответил Чезаре.

— Вам нужно только сложить оружие и уйти, испытывая удовлетворение оттого, что донесли свое послание.

Внезапно Чезаре нахмурился, снова посерьезнев.

— Капитулировать, когда я на грани выигрыша? — Внезапно он приставил оружие к виску Поля, и его лицо потемнело от гнева. — Ничего не изменилось, — сказал он сквозь стиснутые зубы. — Если вы сюда войдете, Серж и Эмилио убьют жену и дочь Поля, а его мозги на экране станут финальными титрами.

— Чезаре! Во что вы играете?

— Вы хотите, чтобы больше не было жертв? Тогда не геройствуйте.

— Нет никакого…

— Пожалуй, мы все-таки возьмем этот самолет в Виллакубле.

Шарлен откинулась в кресле, в досады сорвав с головы наушники.

Янис тут же ее успокоил:

— Ты смогла привести его туда, куда мы даже

не надеялись.

Она указала на крупный план Чезаре Моретти:

— Он был почти готов сдаться, я прямо чувствовала.

— Это он сумел внушить тебе. Поверь мне, он зашел слишком далеко. Когда он убил Луиджи, его душа перешла последнюю черту. Теперь он должен идти до конца — либо победа, либо смерть.

Шарлен вздохнула, и Янис одобрительно положил руку ей на плечо:

— Ты проделала невероятную работу. Теперь можешь выдохнуть. Для тебя все закончено.

Электронные часы в режиссерской показывали 06:42.

Приблизился Остен:

— Я подготовлю группы для сопровождения эвакуации. Машины готовы на первом подземном уровне. Антитеррористы обеспечат передвижение из Булони до Виллакубле.

— А на месте?

— Жислен, Клем и Марко уже уехали с командой четыре, которая займет позиции на высоте. Самолет передвинули, чтобы оптимизировать для нас углы для стрельбы.

Подошла Ирен:

— Капитан, у нас все согласовано, мои операто-

ры здесь и мотоциклы готовы.

— Вы разрешите ей снимать? — возмутилась Шарлен.

Ирен одарила ее своей акульей улыбкой.

— Амели обо всем договорилась, — ответила Белая Дама. — Неужели вы думали, что мы предоставим выкуп и самолет даром, без всякой компенсации? — И наклонилась к Марвану в первом ряду. — Вы остаетесь за пультом, продолжаете режиссуру, я пришлю людей для управления двойной трансляцией.

Шарлен не верила своим ушам.

Чезаре Моретти, он же Кратос, все еще угрожал Полю. Потом задумался и подтянул к себе один из двух микрофонов.

— И вот мое последнее условие, — сказал он. — Я согласен выйти, только если ты, Шарли, поедешь с нами.

74

Совещание высших офицеров, на котором присутствовал Янис, вынесло свой вердикт.

Поскольку это был лучший шанс вывести всех заложников, подвергая их минимальному риску, Шарлен добровольно вызвалась участвовать в операции, а представители национальной группы переговорщиков заявили, что существует высокая вероятность того, что Чезаре Моретти и его банда сдержат слово, пока будут верить, что выберутся на свободу на самолете, получив выкуп; девушке разрешили экипироваться и сопровождать Кратоса.

В оперативном центре высокий метис Натэ протянул ей бронежилет.

— Я еще не забыла, как его надевать, — усмехнулась она. — Кончится тем, что я вообще буду спать в этой штуковине.

— С нами такое случается.

— Не могу не восхищаться, — иронично бросила она.

Другой боец спецназа прицепил ей к поясу крошечный передатчик, подсоединенный к проводу,

который она протянула под свитером и закрепила между грудей.

— Я знаю, как это работает, — у нас на телевидении есть похожие, только крупнее. Так, включаю здесь, о'кей. Вижу.

Они смогут прослушать все, что будет сказано в пути. И при малейшем подозрении вмешаются, чтобы ее освободить.

— Но как звук будет проходить под жилетом? Ах да, вы сказали, что вытянете микрофон наверх. Черное на черном, будет незаметно.

Она отрезала большой кусок скотча и принялась закреплять провод под свитером.

— Полагаю, я не буду вооружена? Нет, конечно нет.

Остен и Янис внимательно смотрели на нее.

— Что? — спросила она. — Что-то не так?

— Ты слишком много говоришь, — констатировал Янис.

— Потому что мне ужасно страшно.

Он кивнул:

— Понимаю.

— Ты и вправду думаешь, что он на меня не нападет?

— Иначе я не стал бы рисковать своей карьерой.

Шарлен пристально посмотрела на него, не вынув руку из-под свитера:

— А я рискую своей жизнью, так что, честно говоря…

— Мы будем рядом, все услышим, снайперы будут держать Кратоса на линии огня во время всего перемещения.

— В машине? Серьезно? Вы умеете стрелять и попадать в цель, несмотря на то что машину трясет при движении?

— Это не лучший вариант, но если у нас не будет выбора…

Остен уточнил:

— Как только сядете в машину, постарайтесь не шевелиться. Не наклоняйтесь, не поднимайте руки и…

— Поняла. Чтобы линия огня была свободна и открыта в любой момент.

Он кивнул и прибавил:

— Еще кое-что. По прибытии мы заставим машины припарковаться в определенном месте, которое нас устраивает, другого доступа к самолету не будет. Постарайтесь встать за спинами захватчиков, между ними и самолетом. Но не между ними и ангарами. Понятно?

— Ваши снайперы будут на крыше?

— В том числе.

Янис уточнил:

— Это только ради предосторожности. Наша цель — не открывать огонь, если можно этого избежать.

— Как же вы собираетесь остановить их, не убивая?

— Это наша работа, а ты сосредоточься на своей задаче.

— Которая состоит в том, чтобы выжить.

— Чтобы быть нашими глазами и ушами среди противников. Если увидишь или услышишь что-то особенное, что они говорят или делают, и посчитаешь, что нам жизненно важно это знать, а мы не могли уловить через микрофон, повтори это вслух, как будто говоришь сама с собой.

— Типа: как это, неужели вы хотите убить заложника?

— Например.

Измученная, вся на нервах, Шарлен потерла глаза.

— Ну я и вляпалась… — выдохнула она.

Остен решил, что инструктаж закончен, и ушел. Янис усадил ее на стул, присел перед ней на корточки и взял за руки.

— Скоро ты станешь вспоминать эту историю и

спрашивать себя, как ты смогла совершить такое, и будешь собой гордиться. Я говорю абсолютно искренне. Этой ночью ты блестяще провела переговоры.

— Я не смогла освободить заложников, Луиджи мертв…

— Без тебя был бы отдан приказ штурмовать, и к этому часу уже несколько семей оплакивали бы своих близких. Думай не о том, чего ты не можешь изменить, а о том, чего ты добилась.

— Ты используешь против меня эти свои приемы, я их уже распознаю.

Он улыбнулся:

— Не *против* тебя, а для твоей поддержки.

Шарлен хмыкнула, имея в виду, что это одно и то же. Однако рук не высвободила.

— Ты талантливая, это правда, — сказал он с обворожительной улыбкой, которая должна была ее успокоить. — Я почти созрел взять тебя на стажировку. Обучить активному слушанию или синхронизации жестов и эмоций и приглашать, если выпадет сложное дело.

Он улыбнулся еще лучезарнее, но Шарлен не отреагировала на его шутку. Ее снедала тревога.

— Если у тебя есть еще какие-то трюки против Чезаре Моретти, самое время показать их мне,

не стесняйся.

— Ты и так достаточно подготовлена. Знаешь, что должна делать в машине и на летном поле. Оказавшись с ним рядом, постарайся свести общение к неизбежному минимуму. Объясни свое молчание тем, что немного нервничаешь.

— Ты боишься, что я ляпну глупость?

Его теплота сменилась серьезностью.

— Ты поняла, каким образом тебе удалось заставить его передумать, когда он категорически отказывался отойти от своего плана?

— Просто у него не было выбора.

— Это не так. Он мог остаться на площадке и настаивать на своем с оружием в руках. Мог выстрелить в заложника или покончить с собой. Но ты заставила его отклониться от плана и пойти за тобой.

— Он решил, что может получить то, чего хочет, пойдя лишь на небольшие уступки. Он быстро адаптировался к ситуации.

Янис покачал головой:

— Он был полон решимости сказать тебе нет, отказаться от любого компромисса. Если тебе это удалось, то только потому, что ты прошла с ним, сама того не осознавая, через все ступени изменения поведения. Своей эмпатией ты созда-

ла с ним доверительную связь, не осуждая его, сумела его выслушать, разумно отреагировать на его требования, не навязывая своих, показать важность того, что он говорит. Ты тонко использовала полученную информацию и благодаря всему этому смогла на него повлиять. Чтобы в конце он что-то дал тебе взамен. Ты прошла с ним все этапы переговоров.

Шарлен медленно покачала головой — она поняла его мысль.

— И если я буду говорить с ним в машине, я рискую разорвать одну из этих связей и спровоцировать новое изменение поведения, которое не только нам не поможет, но даже навредит.

— Вот именно. Ты привела его туда, куда мы хотели. Теперь нужно, чтобы он там и остался.

— Понятно. В любом случае я буду в таком стрессе, что мне не придется врать, будто я не в состоянии трепаться.

Вокруг них суетились военные. Час приближался.

Янис закусил губу.

— Ой, мне это не нравится, — сказала Шарлен. — Что ты еще хочешь сказать?

— Это на самый крайний случай, о'кей? Только в катастрофическом сценарии. Если вдруг ты

поймешь, что они собираются действовать, открыть огонь, тогда прижимаешь руки к животу и наклоняешься, как будто тебя сейчас вырвет. Это наиболее безопасная позиция, а для нас это будет сигналом.

Шарлен долго и прерывисто задышала. Губы у нее дрожали.

— Мне же не придется, правда?

— Ты теперь меня знаешь. Я готовлюсь, стараюсь предвидеть все возможные варианты.

Натэ снова вышел из производственной зоны.

— Пять минут! — крикнул он им.

— Давай надевай жилет, — велел Янис.

Коридор, ведущий на площадку, впервые за ночь был расчищен. Бойцы спецназа рассредоточились по стратегическим позициям, чтобы постоянно держать Кратоса в поле зрения, но в то же время не напугать его и не спровоцировать. И хотя Шарлен знала, что бойцы распределены по всему помещению, без массивного баллистического щита и штурмовой группы рядом она чувствовала себя беззащитной… Одинокой и уязвимой.

Вместо них за ее спиной стоял оператор — примета времени и безумия общества, частью которого она была, как бы этого ни отрицала.

Все магнитные замки дверей были отключены: она просто слегка приоткрыла ту, что вела в студию, и, следуя инструкции, отступила, чтобы не быть прямо на виду у Кратоса.

— Это я, Шарли! — крикнула она. — Семь часов.

Он не ответил.

— Чезаре? Машина ждет.

— Ты одна?

— У двери — да. Но военные повсюду, и я должна вас предупредить, что они обязаны оставаться на своих постах. Вы вооружены и опасны, поэтому они контролируют ситуацию. Если вы не совершите ничего необдуманного, они не сдвинутся с места и все пройдет хорошо.

— Если *они* не попытаются совершить ничего необдуманного, все пройдет хорошо! — рявкнул Чезаре, передразнивая ее.

Шарлен дрожала. Она едва держалась на ногах. Пора было заходить внутрь, и она метнулась вперед, боясь грохнуться в обморок от страха.

— Чезаре? Дайте слово, что вы не сделаете мне ничего плохого.

Янис просил ее произнести эту фразу и непременно заставить его повторить. Без этого условия ей не разрешили бы участвовать в операции.

Если он откажется, ей запретят находиться рядом с ним. Она посмеялась, несмотря на нервозность: чего стоит такое обещание из уст преступника? Но Янис настаивал. Чезаре Моретти должен дать обещание. Для этого человека слова имели значение. Клятвы тоже, Янис был в этом убежден.

— Считай, что ты его получила, — ответил Чезаре.

— Произнесите вслух.

— Клянусь своими дочерьми, что не причиню тебе вреда. Ты не заложница, ты моя связь с другими.

Шарлен полностью открыла дверь и показалась на пороге.

Чезаре поставил перед собой Паолу, Бакари, Режи и Поля, которому угрожал своим «глоком». Живой щит. Шарлен заметила, что трое техников примотаны скотчем друг к другу. Ни один не сможет рвануть вперед, не потащив за собой остальных, а скоординироваться невозможно: похититель все время рядом.

— Никто на вас не набросится, — попыталась она его успокоить.

— Я предпочитаю принять меры предосторожности.

Он приказал своему отряду идти вперед, и мно-

гоголовое и многоногое существо начало свой хаотичный марш к выходу. Каждый старался изо всех сил, воодушевленный надеждой, что кошмар подходит к концу.

Когда они достигли порога и оказались рядом с Шарлен, они с Чезаре обменялись долгим взглядом, словно повторяя друг другу все сказанное за ночь, только на сей раз без фильтров — без маски и камеры. Лицом к лицу.

— А ты? — спросил Чезаре тихо. — Ты мне обещаешь, что я увижу этот самолет?

Шарлен мягко кивнула:

— Это в ваших руках, Чезаре. И всегда было в ваших руках.

— Хорошо. Тогда вперед.

75

Кортеж выехал с парковки башни «Медиаплекса» под вспышками фотоаппаратов, в окружении полчища камер и толп зевак, которых сдерживал кордон полицейских.

Около полутора десятков автомобилей эскорта, и в центре — черный «мерседес-вито», который увозил Чезаре Моретти, его заложников и Шарлен. Их сопровождали три мотоцикла канала «МД1», с операторами на заднем сиденье — снимать весь проезд. Прямой эфир продолжался.

В пяти метрах за «мерседесом» следовал другой похожий минивэн, в котором ехали капитан Остен, а главное — снайпер спецназа на пассажирском сиденье: он держал на прицеле Чезаре Моретти или, по крайней мере, то, что мог разглядеть.

В следующем за ними «фольксвагене» Янис установил радиосвязь с партнерами.

— Визуальный контакт с целью? — спросил Натэ в головной машине.

— Никак нет, — доложил снайпер. — Он разместил заложников вокруг себя. Визуальный

контакт частичный и с перерывами.

— Расположение заложников?

— Водитель идентифицирован как Бакари. Рядом с ним, на переднем пассажирском сиденье, Паола. Прикрывает цель спереди. Второй ряд, спиной по ходу движения: Поль слева, цель в центре и Режи справа. Третий ряд, лицом ко второму, только Шарлен, на одной линии с целью.

Конечно, подумал Янис. *Чезаре Моретти не оставляет ничего на волю случая. Он окружил себя живым щитом, а Шарли, сама того не зная, сидит на линии огня*. Янис не хотел добавлять ей лишних переживаний, но путь был самым сложным, самым опасным этапом операции. Никакого контроля над салоном противника, тряска при движении мешает снайперу, но все же опасность, что все может выйти из-под контроля, минимальна. При малейшей угрозе весь кортеж резко затормозит, даже рискуя столкнуться с «мерседесом» Кратоса. После остановки прицельный выстрел станет выполнимым, и, главное, все штурмовики выскочат из машин и приступят к захвату цели.

Но этот слишком рискованный вариант никто не хотел приводить в исполнение.

К счастью, с мигалками, открывавшими кор-

теж, они доберутся до Виллакубле всего за пятнадцать минут. Четверть часа крайнего напряжения.

— А передатчик все еще при нем, у Поля на руке? — спросил Натэ по рации.

— Так точно. Во всяком случае, в машину Поль сел с ним, — ответил один из военных.

— Кратос его отключил, прежде чем они начали перемещаться?

— Неизвестно.

Дополнительное ограничение. Если передатчик чувствителен к резким ускорениям, оставлять его включенным немыслимо. Что еще замыслил Кратос с этой бомбой? Безопасно ли сейчас устройство или это очередная ловушка? Приведет ли оно в действие взрывчатку у жены или дочери Даки-Феррана?

— Булонь только что тронулась, — объявил Остен по рации. — Бригада антитеррора их сопровождает.

Янис успокоился. Еще один серьезный фактор риска, который он скрыл от Шарлен. Они боялись, что Демос и его сообщник откажутся следовать за Кратосом. Но тот явно был лидером их группы и отдавал приказы, поэтому они подчинились.

В наушнике под шлемом Янис мог следить за

разговором в машине противника. Микрофон Шарлен работал, хотя из-за сильного трения все голоса, кроме ее собственного, казались приглушенными. Говорили очень мало. Сперва Чезаре Моретти сосредоточился на перемещении по башне до подземной парковки и на рассадке заложников согласно плану, затем последовало несколько минут тишины. Теперь, когда он привык к новой обстановке, должно быть, узнавал знакомый пейзаж и успокаивался, констатируя, что они действительно направляются на юго-запад. Янис ожидал, что он заговорит, но Чезаре Моретти молчал.

Переговорщик был доволен, что они наконец покинули башню «Медиаплекса». Ему было не по себе в логове этой корпорации-спрута: не покидало ощущение, что за ним постоянно следят. Он вспомнил свои самые безумные гипотезы, предполагавшие соучастие канала, и с удивлением констатировал, что любые вероятные сценарии и теорию заговора разделяет всего один шаг.

В принципе, возможно, что телеканал мог придумать экстремистскую концепцию реалити-шоу — подлинного по всем параметрам, но устроенного сознательно. С колоссальной экономической выгодой, международным престижем и славой

первопроходца в придачу. Разве подобное не было конечной целью любого амбициозного телеканала? Чем рисковал «МД1», манипулируя ограниченным числом участников? Преследованиями со стороны государства, которые Амели де Кастельнак сумела бы смягчить? Возмущением спецназовцев и бойцов ПСВР? Ну а кроме этого?

Однако отрезанный палец и мертвец — это уже тянуло на настоящее уголовное дело. Здесь предположения обрывались. Могла ли Лорен Делакуа выступить добровольцем и потом подписать отказ от претензий, чтобы освободить канал от ответственности? Есть ли такие безумцы, готовые за деньги пожертвовать пальцем? Нет, нет и нет… Но вот Луиджи Карлотти мертв. Стоило ли искать какую-то связь между ним и Чезаре Моретти на том основании, что у них явно общие итальянские корни? И опять категорически нет, здесь Янис явно бредит.

А что, если Кратос на каком-то этапе перестал подчиняться каналу? Что, если он зашел слишком далеко? По плану не должно было произойти ни увечья, ни убийства, но «МД1» потерял над ним контроль.

Янис покачал головой. Чистый абсурд. Дедушка Али упрекнул бы его в том, что он слишком много

смотрит телевизор и недостаточно читает серьезную прессу. Он поддался нелепым фантазиям, вместо того чтобы основываться на фактах.

Город проносился мимо, рассвет озарил ноябрьское небо. Они приближались к завершению этой бесконечной ночи.

Внезапно у Яниса возникла еще одна безумная идея. Он хотел сразу же отмести ее под предлогом, что она слишком экстравагантна, но она не уходила, и тогда он спросил по рации:

— Тело Луиджи Карлотти не нашли?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Остен.

Янис поморщился. Кому было выгодно красть труп? Если только… Нет, это чересчур. Его заносит. Однако фантазии мешали думать логично, и он не мог перейти к другой теме. Тогда он позвонил Бертрану Элинору, врачу подразделения, который ехал позади них в кортеже. Едва тот ответил, Янис спросил:

— Ты осматривал тело Луиджи Карлотти, когда его эвакуировали?

— Да.

— Ты констатировал его смерть?

— Да, почему ты спрашиваешь?

— Как именно ты это установил? Стетоскопом?

— Янис, там был полный бардак, нужно было заниматься Шарлен, осмотреть ее, так что я пошел самым простым путем. Он получил пулю прямо в голову. Остановка дыхания, отсутствие пульса и реакции зрачков на свет. Это довольно ясная картина.

— А потом?

— Тело передали пожарным, кажется.

— А они провели более глубокие обследования, чтобы подтвердить смерть?

— Не знаю. Но он был мертв, у меня нет сомнений.

— А признаки смерти не могли быть сымитированы?

— Да взять само ранение. Разве что им занималась команда опытных гримеров… Нет, невероятно. А в остальном…

Врач спецназа глубоко вздохнул, размышляя над вопросом. Янис вспомнил о Сильви Таар, визажистке, долго прятавшейся в углу, причем никто не мог знать, дрожала ли она от страха или готовила муляж раны, достойный киноэффектов… Высказав очередную гипотезу, Янис повторил себе, что слишком увлекся и это уже становится смешным.

— Я не буду утверждать, что это абсолютно

невыполнимо, — продолжил врач. — Существуют продукты вроде тетродотоксина, которые могут имитировать клиническую смерть, это знаменитый токсин рыбы фугу. Но предполагать, что это наш случай, все-таки нет…

— Но в принципе это не невозможно.

Врач поколебался.

— По сути, да.

— Спасибо, Бертран.

Он отключился, голова гудела. Осматривали ли раненую руку Лорен Делакуа следователи жандармерии? Нет. Она была обмотана огромной повязкой. Никто не мог удостовериться, что у нее не хватает пальца, кроме медицинского персонала больницы, но вдруг они тоже в сговоре? А найденный в ее машине палец мог быть отрезан у трупа в морге медицинской школы. Только тесты ДНК способны подтвердить, что… Янис отбросил эту мысль.

На этот раз он действительно зашел далеко. Слишком далеко.

Однако, если мертвец не был мертв и не было увечья, только имитация, гипотеза о масштабном заговоре шоу-бизнеса, готового снести любые барьеры, обретала правдоподобие.

Нет, это у меня сносит крышу. Полная чушь.

Рассматривать все варианты было необходимо, а вот доводить их до абсурда — безответственно. Он перешел все границы. Явный перебор. Даже смешно.

— Сколько времени до прибытия? — спросил он водителя.

— В Булони движение плотное, но мы выбрались, еще десять-двенадцать минут.

За оставшееся время он должен выбросить из головы весь этот бред. Дела в мире идут, конечно, не блестяще, но и не настолько плохо, чтобы сочинять подобные сказки. Ни одна индустрия развлечений не может зайти так далеко. Нет.

Он покачал головой, чтобы убедить себя.

Нет, ни одна.

76

Впритык к фургону спецназа, который вез Чезаре Моретти и заложников в аэропорт Виллакубле, следовал другой фургон с тонированными стеклами.

В нем находились Ирен Хачатурян и Филипп Роже, представлявшие «Медиаплекс» и его службу безопасности, а также Родрик и Дан, которые сопровождали свою шефиню, чтобы вплотную следить за операцией. Для этих двоих было немыслимо бросить коллег сейчас, после бесконечной ночи. Белая Дама не возражала, и они ехали вчетвером, сидя лицом к лицу в салоне с кожаной обивкой и приглушенным освещением.

Фургон был оборудован телевизором, который опускался с потолка и транслировал прямой эфир канала «МД1». Операторы на мотоциклах снимали фургон «вито», в котором укрылся Кратос: его силуэт с трудом различался среди заложников — только контуры головы. Несколько минут назад камера запечатлела момент, когда Серж Бильдёр и Эмилио Дюпра-Перес выходили из виллы Даки-Ферранов, угрожая заложницам пистолетами.

Анисса и Миа выглядели измученными, но, казалось, оцепление перед домом напугало их даже больше, чем похитители, которые втолкнули их в автомобиль, ожидавший на гравии перед крыльцом. Двое мужчин тоже сняли свои уже бесполезные маски. Один худой, бородатый и лысый, другой плотный и косматый, оба с непроницаемыми лицами. Настоящие телевизионные злодеи. Подарок для журналистов.

Передвижная телестудия под нескончаемый комментарий экспертов поочередно следовала то за одним, то за другим конвоем, которые находились всего в трех километрах друг от друга.

Под ледяным взглядом Ирен Родрик выключил звук.

— Что дальше? — забеспокоился Дан; его татуировки на предплечьях в полумраке смахивали на каких-то зловещих монстров. — Они садятся в самолет, летят на Кубу, высаживают там троих похитителей и возвращаются с заложниками на борту?

— Никто не сядет в самолет, — предупредил Филипп Роже.

Отблески фар других машин освещали его лысину.

— Если я вынес какой-то урок из того, что мы

пережили, — продолжил Дан, — так это то, что никогда не знаешь, чем все обернется. Нам и так хватило сюрпризов. И я вам говорю: нельзя, чтобы Шарлен поднялась на борт. Нет гарантии, что это для нее безопасно. Мне не понравилось, как смотрел на нее Кратос, этот Чезаре Моретти, на пороге студии. Я уверен, что при малейшей возможности он ей отомстит.

— Не волнуйтесь, — сказала Ирен. — На борту даже нет пилота.

Дан потерял дар речи.

Ирен наклонилась к Филиппу Роже:

— Ваш хакер мониторит деньги?

— Глаз не спускает.

— Вы собираетесь отследить их и попытаться вернуть? — спросил Родрик.

Филипп Роже бросил взгляд на свою начальницу, которая знаком разрешила ему ответить.

— Счет, предоставленный Кратосом, — это криптобюро OTC, базирующееся на Каймановых островах.

— Ой, черная дыра для отслеживания…

— Только мы с ними уже поговорили, и они не хотят ссориться с Европой и ее банками. Прежде чем передать Чезаре Моретти криптовалюту, которую он собирается купить, бюро будет тянуть

время, чтобы остановить транзакцию в последний момент. Они не проведут операцию.

— Значит, спецназ должен вмешаться до того, как Кратос это поймет, — встревожился Родрик.

— Именно поэтому аэропорт Виллакубле был приоритетом, — пояснил глава службы безопасности «Медиаплекса». — Спецназ не только хорошо знает его, поскольку они сами летают оттуда, когда им нужны самолеты или вертолеты, но и тренируется там, и вдобавок это намного ближе. Мы быстро туда доберемся, Чезаре Моретти даже не успеет забеспокоиться о том, что у него еще нет доказательства перевода денег и покупки крипты.

На телефоне Дана одно за другим следовали сообщения, и он вытаращил глаза, читая:

— К хештегу #MeTooPaul присоединяются новые женщины. Их уже набралось девять. Девять за какие-то часы! Черт. Такими темпами сколько жертв появится? Пятьдесят? Сто? Господи боже…

Ирен смотрела в окно, словно ее это не касалось.

— Вы знали?

Не глядя на него, она ответила:

— Я поговорю с Полем, когда он будет сидеть передо мной.

— То есть знали.

На сей раз Белая Дама устремила на него свирепый взгляд:

— За кого вы меня принимаете? За параноика, сдвинутого на слежке за подчиненными? Так и есть. За женщину, которая закалила характер, чтобы преуспеть в мире мужчин, и теперь стала непреклонной? И это правда. За руководительницу, которой приходится постоянно лавировать в мире безжалостных акул и плести интриги, чтобы выжить и сохранить престиж своей редакции? И опять — вы правы. Я не ангел, Дан, но и не массовик-затейник, как вы называете меня за глаза. Я прислушиваюсь к комментариям и не отвергаю роль мегеры, которую мне стараются навязать, поскольку кто-то же должен тащить на себе этот воз, чтобы наши новости работали. Мой ответ — тысячу раз да. Но я остаюсь женщиной. Если вы хоть на секунду полагаете, что я бы потерпела, если бы Поль кого-то насиловал у меня перед носом, значит вы вообще ничего не понимаете. До меня доходили слухи, но я выбрала путь наименьшего сопротивления: решила, что его хотят оклеветать и что на подобное он не способен. Думаете, я смогу сегодня спокойно смотреть на себя в зеркало? — Она наклонилась к нему и

добавила: — В наше время, когда люди перестали молчать, я, при всем моем положении в медиа, ничего не заметила, потому что в глубине души мне так было удобнее… Вы знаете, что я о себе думаю? Я себя ненавижу. Я злюсь на себя, как злюсь на каждого из вас. Мы все были соучастниками, поскольку по-своему отказывались признать то, о чем догадывались. Но было легче отворачиваться и повторять себе, что это проблема меня не касается. Подобная трусость породила жертвы. Мы должны принести извинения каждой из этих женщин, и они будут вправе плюнуть нам в лицо, а нам будет не за что на них обижаться. Так что оставьте свое суждение при себе.

Филипп коснулся экрана своего телефона — этот жест показался Дану почти угрожающим.

— Пока не станет ясно, что это всего лишь шумиха в соцсетях — завистницы, вруньи и отвергнутые любовницы, — сказал начальник службы безопасности.

— Филипп! — Его имя в устах Ирен прозвучало как брань. — Сморозите еще одну подобную глупость, и вы уволены.

Раздосадованный Роже, который не ожидал такого поворота дискуссии, откинулся на спинку сиденья.

— Но французы обожают Поля, — прокомментировала Ирен, возвращаясь к созерцанию пейзажа за окном.

Впервые Дан увидел, что ее лицо выражает настоящие эмоции: на нем читалась глубокая грусть, словно разом вырвалась наружу скрытая тоска, копившаяся долгие тридцать лет.

— А телевидение создает богов и кумиров, — печально добавила она. — Многим будет трудно поверить словам этих женщин против слов Поля.

Дан невольно проникся ее чувствами — в ее взгляде было столько недосказанного… Она начала карьеру в самом конце 1980-х и, без сомнения, страдала от сексизма того времени. Но до какой степени?

— Мир скинулся на двадцать пять миллионов евро, чтобы его освободить, — язвительно произнес Родрик. — Платить за святого, который оказался дьяволом… Последствия могут быть суровыми.

— Копилку заблокировали, — напомнил Дан.

— Да, и с тех пор разразилась полемика, — ответил Родрик. — Между теми, кто утверждает, что, если это дает возможность освободить его, сохранив и другие жизни, не важно, какие обви-

нения пятнают его репутацию, и нужно срочно возобновить сбор, и теми, кто радуется, что сбор закрыт, потому что ни в коем случае нельзя помогать извращенцу.

Филипп Роже поделился с Белой Дамой последним полученным сообщением, и она покачала головой.

Дан же вернулся к теме выкупа:

— Я читал, что в любом случае Франция ничего не может сделать. Студент, который открыл сбор, хитрец, использовал один из самых сомнительных краудфандинговых сайтов на рынке, который размещен во Вьетнаме, где, как известно, скрываются самые крупные нелегальные сайты. Таким образом, он единственный может контролировать свой проект.

Родрик резко поднял голову:

— Парнишка хочет свалить с копилкой?

— Это будет нелегко, он сейчас в отделении судебной полиции, — заявил Филипп Роже. — Правительство не очень высокого мнения о его проекте, который расценивает как вмешательство в крупное уголовное дело. Накажут его в назидание другим.

— Зря они не оставили копилку, — сказал Родрик. — Чтобы знать, кто готов платить за

спасение жизни человека, обвиненного в сексуальных домогательствах, а кто требует вернуть свое пожертвование. Мне было бы любопытно посмотреть, в какую сторону подует ветер.

— Ты циник, — упрекнул его Дан.

Родрик пожал плечами:

— Я работаю в новостях.

— Если мы сами начнем превращаться в собственную карикатуру… — с досадой вздохнул Дан.

Замглавного редактора встретился взглядом с Ирен, и что-то изменилось — ледяная преграда между ними дала первую трещину.

Шарлен изредка и по чуть-чуть ему открывалась, и, хотя не вдавалась в подробности — в этом она была болезненно сдержанна, — он знал, что она пережила периоды жестокого разочарования в их профессии. И все же она держалась. А в этот момент, глядя на Белую Даму, Дан задумался, не случилось ли и с ней того же — быть может, некогда и она держалась, несмотря ни на что. Проложила свой путь, даже ценой потери искренности и женской мягкости, иронизируя над той, в которую превращалась, лишь бы преуспеть. Ему стало грустно, хотя он точно не знал, почему и кого именно он жалеет.

Дан прислонился лбом к окну. Мысли о Шарлен напомнили ему о том, что предстоит, и он прошептал:

— Все равно я боюсь за Шарли.

77

Атмосфера в салоне «мерседеса-вито» была напряженная, и молчание слишком затянулось.

Первой, несмотря на указание действовать как можно осторожнее, заговорила Шарлен.

— Вы проверяете, поступили ли деньги? — прошелестел ее голос в наушнике Яниса.

Она обращалась к Чезаре, это было очевидно, но одновременно информировала спецназ о том, что он делает.

Янис нажал кнопку рации.

— Есть подтверждение выплаты выкупа? — обеспокоенно спросил он.

— Да, — ответил Остен. — Подтверждено десять минут назад. Теперь они богаты.

Пока что все шло по плану.

В наушнике где-то далеко раздался голос Чезаре Моретти:

— Ты сдержала слово.

Янис вздрогнул. Ему не нравилось, что тот ставит Шарлен на одну доску с властями. До сих пор переговорщик был спокоен, поскольку Кратос неизменно проводил четкую грань между

Шарлен-посредницей и решениями военных или государства. На сей раз он посчитал ее напрямую ответственной за сдержанное слово. Янис надеялся, что именно ей он припишет эту заслугу и сохранит свою злобу для сил правопорядка. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он вдруг обвинил Шарлен во *лжи* и манипуляции: это поставит ее под угрозу.

— Я же говорила, — продолжила Шарлен. — Вы получили то, что хотели.

Все. Остановись на этом.

Но спустя некоторое время она добавила более вкрадчивым тоном:

— Поль, ты помнишь Сесиль Лидон?

Янису показалось, что он расслышал «нет», но он не был уверен.

— Она проходила у нас стажировку в прошлом году.

Поль не ответил или что-то произнес слишком тихо, не слышно.

— Ты с ней спал, — настаивала Шарлен.

Что ты затеяла?!

— Ты считаешь, сейчас подходящий момент? — раздался измученный голос Поля.

— А имя Карла Лебрей тебе что-нибудь говорит? Она восемь месяцев работала ассистенткой. Ты

не можешь ее не помнить.

— К чему ты клонишь?

— С ней ты тоже занимался сексом.

Поль не ответил.

— Поль, ты наверняка знаешь, что происходит за стенами студии.

Нет, только не сейчас, Шарли!

Ведущий что-то ответил, но так тихо, что Янис не расслышал.

— Тебя обвиняют несколько женщин, — сказала Шарлен.

Переговорщик закрыл глаза. Он должен был это предвидеть, предусмотреть. Он винил в основном себя, потому что заметил, как болезненно Шарлен откликнулась на известие о заявлениях против Поля, и вот теперь, впервые оказавшись с ним лицом к лицу, в закрытом пространстве, она не упустила возможности припереть его к стене. Янис серьезно ошибся в оценке ситуации.

Ты уже все сказала, хватит, стоп. Всему свое время.

— Установлен визуальный контакт с объектом? — поинтересовался переговорщик.

— Объект смотрит в телефон.

Отдает распоряжение конвертировать пятьдесят миллионов евро в крипту. Ну, лучше, чем

ничего.

— Тебе придется отвечать, — настаивала Шарлен.

— О чем ты говоришь? — произнес Поль, на сей раз достаточно громко.

— О том, что эта ночь стала переломным моментом. Весь мир увидел твое настоящее лицо, без прикрас, без грима. Лицо поверженного телевизионного кумира.

Жилет Шарлен задел микрофон и заглушил реплику Поля.

— Тихо! — приказал Чезаре. А после паузы прибавил: — Ты говоришь правду, Шарли?

— Спросите у него.

Что она затеяла? Янису не нравился этот поворот. Зачем она упорствует?

— Так ты нападал на девушек? — спросил Чезаре. — Отвечай!

Он снова занервничал.

Да, совсем плохо дело.

— Визуальный контакт с объектом? — снова спросил Янис по рации.

— Он угрожает Даки-Феррану оружием. Но у меня нет четкого и устойчивого угла для поражения цели.

— Ни на кого я не нападал! — с жаром защи-

щался Поль.

— Но ты с ними спал? — с раздражением спросил Кратос.

— Да! — выпалил испуганный и измученный Поль. — Да, вполне вероятно…

— Вероятно? — удивился Чезаре и добавил что-то еще, но микрофон Шарлен зашипел. — Ты что, даже не помнишь?

— Помню, помню.

— Потому что были и другие, — вмешалась Шарлен. — Так ведь? Много других. Вообще-то, «спать» — не самое подходящее слово, но это ты хотя бы признаёшь?

Янис откинулся назад. Он догадался, какой маневр пыталась провернуть Шарлен. Весь этот разговор записывается и будет служить доказательством в суде. Она хотела вынудить Поля признаться. Чтобы получить улики для только что сделанных заявлений.

Неглупо, Шарли. Хотя сейчас не время…

Внезапно в машине возникло какое-то движение, раздался резкий шорох, и рация Яниса затрещала.

— Движение! — вскрикнул стрелок. — Объект засунул оружие в рот Даки-Феррану. Жду приказа!

Янис услышал, как в свою очередь закричал Чезаре:

— Сколько их было, мерзавец? А?

Стрелок настаивал:

— Дорога ровная, он у меня на прицеле. Какая команда?

Он ждал лишь приказа капитана Остена, чтобы застрелить Чезаре Моретти.

78

Вся колонна спецназа была наготове и могла в любой момент остановиться.

Чезаре Моретти терял самообладание:

— Сколько всего девушек ты изнасиловал? Сколько?!

Микрофон Шарлен улавливал какие-то движения.

— Он вытащил оружие изо рта заложника, — доложил снайпер, — но теперь оно у виска. Команда?

— Ждать, — сообщил ему Остен. — Оставайся в режиме ожидания.

Поль ответил, и голос его дрожал. После ночи, проведенной в крайнем напряжении, он был абсолютно изможден, совершенно не владел собой — не то что накануне вечером, — и вдобавок перепугался.

— Я никого не насиловал.

— Ты ими манипулировал, — разозлилась Шарлен. — Ты злоупотреблял своим положением, своей властью, ты пользовался отработанным методом, чтобы застать их врасплох. Ты не спра-

шивал их мнения, ты их подавлял, не ждал от них согласия, ты прокладывал себе путь словами, психологическим давлением, своим телом…

— Это приступ ревности? — парировал ведущий.

Микрофон передал звук удара, который последовал за этими словами.

— Наблюдаю движение! — снова воскликнул стрелок.

Это Шарлен набросилась на Поля!

Черт! Что ты творишь, мать твою?!

Чезаре заорал:

— СТОП!!! Назад! Шарли, назад! Ты думаешь, я не осмелюсь всадить пулю тебе в колено? Хочешь попробовать?

— Теперь он угрожает Шарлен, — доложил снайпер по рации.

Ну возьми же себя в руки!

Микрофон трещал.

— Она села на место, — подтвердила рация.

— Подонок, — бросила Шарлен, без сомнения в адрес Поля.

Дорога уносилась из-под колес, а они не могли оторваться от того, что происходило в салоне «мерседеса».

— Вы все на взводе, — прокомментировал Чеза-

ре. — Не время все угробить. Через час я улечу из этой страны с кучей денег. Вы же не хотите меня этого лишить?

Новая пауза. Потом он добавил:

— Ну так сколько всего ты перетрахал девушек? Отвечай, или прострелю тебе яйца.

— Я их не насиловал, говорю же вам!

— Отвечай! — заорал Чезаре, который, похоже, и вправду готов был его пристрелить. — СКОЛЬКО?!

— Не знаю! — ответил Поль на грани истерики. — Несколько!

— Больше десяти?

— Я их не насиловал…

Янис прислушался — это что, Поль плачет? Трудно распознать эмоции только на слух. В салоне «мерседеса» царила неразбериха — в этом Янис был уверен.

— Двадцать? — настаивал Чезаре в крайнем напряжении.

— Я не считал, — бросил телеведущий, который больше не пытался сопротивляться.

Чезаре Моретти издал звук, похожий на смех:

— Может, однажды посмотрят наши записи и скажут, что монстром в итоге оказался не тот, на кого все думали.

Повисла пауза. Янис уже было понадеялся, что все кончено, что они сменят тему, но Чезаре заговорил снова:

— Знаешь, почему тебе выгодно, чтобы я выбрался отсюда? Потому что, если меня арестуют, ты тоже загремишь в тюрьму по заявлениям этих женщин, а я уверен, что за решеткой у нас найдутся общие друзья. Я провел в крытке годы, у меня приятели во всех тюрьмах Парижского региона, если что — я смогу связаться и с тобой, и с теми, кто вокруг. Знаешь, что делают с насильниками в тюрьме? — Чезаре злобно захихикал. — Дам тебе возможность узнать самому.

Янис различал в микрофоне прерывистое и взволнованное дыхание Шарлен.

— Но мир несправедлив, — сказал Чезаре со вздохом. — Ты выкрутишься, а меня в любом случае не арестуют. Я не вернусь в тюрьму. Никогда.

— И это все? — гневно спросила Шарлен.

Шарли, умоляю тебя, остановись, пока не дошло до худшего.

Янис понимал ее мотивы, особенно как женщины, которая прошла через столько испытаний, с трудом обретала вкус к жизни и теперь, когда у нее вдруг появилась возможность стать голосом этих жертв, не хотела упустить свой шанс восста-

новить для них справедливость. Но во-первых, она ставила под удар всех сидящих в машине, а во-вторых, эту аудиозапись все равно не признают в суде, поскольку Поль сделал признание под дулом пистолета.

Шарлен не унималась:

— Чезаре, знаете, что скажет Поль? Что он никогда никого не принуждал, что это были отношения по обоюдному согласию. Что эти женщины сейчас сговорились против него, потому что да, он их соблазнял, да, он переспал с ними, не связывая себя отношениями, и именно за это они ему мстят, потому что сегодня мужчин, которые пользуются успехом у женщин, заставляют за это платить. Это будет линия его защиты. И знаете, что произойдет, поскольку невозможно будет доказать, кто говорит правду? Вы уже сталкивались с правосудием — как вы думаете, на чью сторону оно встанет? На сторону обожаемого Францией могущественного ведущего, чья жена все ему прощает, потому что в глубине души он хороший человек, а она живет с ним двадцать с лишним лет и знает его лучше, чем эти девушки, или на сторону никому не известных девиц, чью репутацию адвокаты Поля будут подрывать по любому мало-мальскому поводу?

Янис наклонился к водителю:

— Сколько нам еще ехать?

— Добрых пять минут.

Слишком долго.

Шарлен задела Чезаре за живое, и он раздраженно объявил:

— Отлично! Хочешь судью — я буду судьей!

Его речь на мгновение стала неразборчивой, и Янис догадался, что Чезаре повернулся к Полю:

— Даю тебе последний шанс сказать мне правду, всего один. Покайся, признай свою вину перед этими свидетелями, и ты будешь жить. Соврешь, и я гарантирую тебе смерть.

Поль пролепетал что-то невнятное — слышно было плохо, — а затем произнес:

— …ничего не сделал. Все эти женщины были согласны.

Янис сжал кулаки. Звук все время прерывался, но аджюдан разбирал нервное дыхание и боялся, что в любой момент может произойти драма.

— Я его не вижу, — предупредил снайпер. — Повторяю, не вижу его, он наклонился к Даки-Феррану.

Шум мотора — это все, что они слышали в течение десяти секунд. Потом Чезаре снова заговорил:

— Твои глаза лгут.

— Нет! Клянусь вам! Я никогда не…

— Заткнись!

Новое невыносимое ожидание. Затем раздался далекий голос, и Янис не сразу сообразил, что это женщина и что это может быть только Паола:

— Он-то, скорее всего, выкрутится. Вероятно. Но если вы его убьете, вы лишите его жертв и судебного разбирательства, и шанса быть услышанными.

— Какой в этом смысл, если правосудие их все равно не услышит? — возразил Чезаре. — Я знаю, как оно работает. Поверьте слову человека, который прошел через суды.

Чезаре глухо застонал от разочарования и безвыходности.

— Ты веришь в судьбу, Шарли? — спросил он.

— Нет.

— Ну хотя бы чуть-чуть? И в карму тоже нет?

По последовавшему шипению Янис сделал вывод, что она покачала головой.

— Я тоже не верю, — признался Чезаре. — Хотя… Я слишком часто решал за других, навязывал им свою волю. И посмотри, к чему меня это привело.

— Вы будете богаты, — произнес чей-то тихий

голос в салоне — возможно, Бакари.

— Может быть. Или все плохо кончится, потому что ваши дружки все-таки не дадут мне выиграть. Кто знает? Но что касается этого мерзавца Поля, я думаю, надо предоставить его самой судьбе. И довериться ходу жизни. У нее всегда есть на нас планы.

Шарлен больше не настаивала. Она и сама чувствовала, что они перегнули палку. Больше ничего не добиться.

Паола робким, еле слышным голосом спросила:

— Вы освободите нас в аэропорту?

— Если будете слушаться — да. Как только получу деньги там, где они будут в безопасности, когда я окажусь на борту, вы все уйдете. Кроме одного человека, конечно. Мне нужно убедиться, что нам дадут взлететь. Это будет полет на десять или двенадцать часов, а потом заложник сможет вернуться.

— Кого вы возьмете с собой? — встревожилась Шарлен.

— Это решаю я.

Снова стало тихо. Шарлен чуть все не разрушила, но теперь больше никто не говорил. Янис откинулся на спинку сиденья.

Они выехали на национальную трассу 118; в час пик противоположная полоса в сторону Парижа застыла в пробках. К счастью, в их направлении движение было нормальным, и эскорт мчался вперед.

— В салоне все вернулось в норму, — доложил стрелок по рации.

Кризис миновал.

Финишная прямая. Если все будут вести себя смирно, скоро все закончится — по крайней мере, фаза перемещения.

— Подъезжаем! — предупредил водитель.

79

Были разработаны два маршрута.

При въезде на авиабазу Виллакубле колонна спецназа сразу разделилась на две части.

Первая — штурмовая группа и группа сопровождения Чезаре Моретти — двинулись по лабиринту, объезжая фургоны-грузовики и брошенные где попало поддоны, петляя между ангарами, а затем лавируя между самолетами и вертолетами. Цель состояла в том, чтобы их замедлить, дав возможность второму конвою рвануть по короткому пути, а бойцам выскочить из машин и занять позиции до прибытия Чезаре с заложниками.

Несколько групп уже давно прибыли на место, чтобы подготовить территорию, обезопасить ее и организовать операцию.

Янис выпрыгнул из машины и направился к импровизированному оперативному штабу посреди трех бронированных «тойот-лендкрузеров-сентигон», прибывших прямо с базы Сатори. Машины выстроились перевернутой буквой П. В двухстах метрах, возле взлетных полос, похити-

телей ожидал бизнес-джет «Фалькон» компании «Медиаплекс».

К оперативникам присоединился майор Натэ, а капитан Остен сопровождал Чезаре с заложниками.

— Развертывание завершено, — доложил Черно, командир тактической группы.

— Снайперы?

— На ангарах, там и там. Всего шестеро. По двое на цель.

Затем Черно указал на автоцистерну, которая заканчивала заправку джета возле крыла:

— Цистерна пустая, внутри восемь бойцов, готовых действовать по сигналу. Они в масках для защиты от испарений, времени на нормальную подготовку не хватило.

— А самолет? — спросил Натэ.

— Там тоже восемь человек. Мы только что закончили демонтировать сиденья, чтобы освободить им место. Как только они поднимутся на борт, группа «Джет» обездвиживает первого противника, пока тройка будет прикрывать заложников, если те войдут первыми. Это будет сигналом для группы из цистерны. Снайперы остаются на прикрытии.

Янису стало легче. Операция сложная, но рас-

считана на эффект внезапности, чтобы застать Чезаре и его сообщников врасплох. Да и расстановка сил подходящая.

В рации прозвучал голос Остена:

— Выезд на летное поле.

В штабе также находился подполковник Люка Фризбур, командир группы захвата, осуществлявший общую координацию. Он сообщил по рации:

— Цели на месте, приготовиться.

Возле диспетчерской вышки появилась вторая колонна из двенадцати машин — она медленно приближалась в сопровождении мотоциклов с телеоператорами.

Командир группы захвата отдал приказ:

— Изолируем цель.

При этих словах двое военных в хаки, ожидавшие конвой, подали знак мотоциклам и некоторым машинам остановиться сбоку за несколькими барьерами и оранжевыми дорожными конусами, но пропустили «мерседес-вито», указав ему на припаркованный впереди самолет.

«Мерседес» теперь двигался к своей цели один. Два буксировщика стояли в пятидесяти метрах от самолета, перегораживая дорогу, вынуждая

«мерседес» остановиться, а его пассажиров — закончить путь пешком.

За рулем Бакари ждал указаний Чезаре, а тот осматривался, чтобы понять дислокацию. Потом велел подъехать как можно ближе к самолету.

«Мерседес» остановился, как и планировалось, но двери оставались закрыты.

— Что он делает? Почему они не выходят? — встревожился Черно.

— Ждут остальных, — догадался Янис.

Действительно, из микрофона Шарлен послышался голос Чезаре, который приказал заложникам не двигаться.

Натэ спросил по рации, где группа из Булони, и получил ответ: «Две минуты».

Ожидание составляло суть операций спецназа. Ждать и оставаться сосредоточенными. И так часами, если потребуется.

В салоне Янис узнал голос Поля:

— Я могу сейчас это снять?

— Нет.

— Но моя жена и дочь…

— Я сказал нет.

Они говорили о передатчике под банданой, примотанном скотчем к руке Поля, понял Янис.

На сей раз, движимый энергией отчаяния, Поль

отказался уступить:

— Они достаточно настрадались, мы ведь уже здесь!

Янис услышал лязг металла и предположил, что Чезаре угрожает Полю своим «глоком».

— Вы хотите заставить меня заплатить за эту историю с женщинами? — произнес Поль, и голос его дрожал от страха и гнева. — Но мои дочь и жена тут ни при чем. Вы играете их жизнями, чтобы…

— Поль, заткнись. У тебя был шанс высказаться. Теперь поздно.

— Но моя дочь не имеет никакого отношения к…

Он резко замолчал, — вероятно, оружие направили ему в лоб.

— Ты сказал правду? Всю правду, Поль?

Янису не понравился почти насмешливый тон Чезаре.

— Да… Да, — произнес ведущий не слишком уверенно.

— Хорошо. О'кей. Раз ты на том стоишь. Тогда и я скажу тебе свою правду. — Чезаре фыркнул, почти гордясь собой. — То, что у тебя в руке, — это блеф. Оно ни к чему не подключено. Твоя семья никогда бы не взорвалась.

Янис с необходимыми предосторожностями тут же передал информацию товарищам, а Чезаре между тем издевательски продолжал:

— Ты мог бы упасть, дернуться, сорвать его — ничего бы не произошло.

Янис дорого бы дал, чтобы увидеть выражение лица Поля в наступившем ошеломленном молчании.

— Но если ты попытаешься его снять до того, как я разрешу, я тебя пристрелю. Или нет, лучше поупражняюсь на колене твоей жены. Я хочу, чтобы флики продолжали в это верить. Это очень важно.

— Верить, что бандана — фикция? — переспросила Шарлен, чтобы Янис точно расслышал.

— А вот и кавалерия, — произнес Чезаре.

Конвой бригады антитеррора подъезжал к диспетчерской вышке. По той же схеме «мерседес» Демоса и его сообщника отделился от сопровождения и медленно приблизился к машине Кратоса.

Янис наставил на эту сцену бинокль.

Две машины были припаркованы параллельно, задние боковые окна опустились.

— Господа, я обещал вам Эльдорадо, оно нас ждет, — сказал Чезаре.

— Вашу мать, мы справились. Вы оба гении! — воскликнул кто-то вдалеке — вероятно, Эмилио Дюпра-Перес.

— Не торопись, — мрачно умерил его пыл третий — надо думать, Серж Бильдёр. — Деньги на месте?

— На счету. Поручение на перевод для покупки криптовалюты передано.

— И подтверждено?

— Еще нет, офис предупредил, что это займет…

Шипение оборвало фразу, потом звук вернулся.

Шарли, замри.

— …проверим в самолете.

— Я не улечу, пока не подтвердится! — предупредил тот, кого Янис счел Бильдёром.

— Парни, — обратился к ним Чезаре. — Осталось пятьдесят метров. Вы готовы? Это будут самые долгие и самые важные пятьдесят метров в вашей жизни.

80

Минивэн с Ирен Хачатурян, начальником службы безопасности, Родриком и Даном стоял вместе с другими машинами. Боковая дверь была распахнута, чтобы они своими глазами видели то, что снимали камеры и транслировали на телевизор в салоне.

— Что с деньгами? — осведомилась Белая Дама.

Филипп Роже успокоил ее, не отрываясь от телефона:

— Заблокированы между счетом похитителей и поручением на покупку крипты. Можно тянуть еще несколько минут.

Дан наклонился к ней:

— Вы бы все равно заплатили, даже понимая, что не сможете получить эти деньги назад?

— Не знаю, спросите у акционеров.

— Разве не Амели де Кастельнак принимает решения?

— Она делает все необходимое, чтобы были довольны дамы и господа, которые поставили ее во главе группы. У вас есть сбережения, Дан?

— Э… немного.

— В чьих портфелях акций?

— Понятия не имею, — признался он. — Моими управляет банк, я этим не интересуюсь.

Ирен кивнула, глядя на стоящие вдали машины с заложниками.

— Как и большинство наших сограждан, которые перепоручают это профессионалам, — сказала она. — Так что не исключено, что в вашем портфеле акций есть и акции «Медиаплекса». Радуйтесь, сегодня ночью вы хорошо заработали.

— Я… Меня не очень радует эта мысль, Ирен.

— И все, что делала и будет делать Амели, — это удовлетворять требования акционеров, чтобы они ее не уволили, потому что люди хотят, чтобы акции «Медиаплекса» поднимались как можно выше. Эти люди — совет директоров, который для того и существует, и все акционеры, крупные и мелкие, как вы.

— Только я никогда не просил, чтобы…

— Да-да, вы ничего не делали, поскольку принимать за вас решения позволяете другим. В этом проблема нашего мира. Никто ни за что не отвечает. Чтобы удовлетворить вас как клиента, ваш банк должен получать конкретные результаты, поэтому он покупает только прибыльные

ценные бумаги, что логично. Чтобы заручиться поддержкой инвесторов, компании должны стараться обеспечить рост показателей. Вы теперь понимаете причинно-следственную связь?

— У меня вложено всего несколько сотен евро.

— Как и у миллионов людей, которые составляют основу нашей экономики. — Ирен развернулась к нему и посмотрела в глаза, чтобы прояснить свою мысль. — В этой истории нет злодеев. Это не та карикатура, которую рисуют политики-конъюнктурщики на тему «злобные богатые корпорации против бедных эксплуатируемых тружеников», хотя такое иногда имеет место. Нет, Дан, суть нашего общества — это такие люди, как вы, с небольшими сбережениями на счету, доверенными банку. Эти люди пускают все на самотек, не интересуясь последствиями. Они просто хотят в итоге больше заработать, не важно как и не важно, что́ это повлечет за собой.

Дан удивленно поднял брови. Он понимал суть мысли, но находил ее несколько утрированной. Ирен снимала вину с махинаторов и возлагала ее на простых смертных.

— Вы от этого не становитесь хуже, да и никто не становится, — заключила Ирен. — Даже Амели де Кастельнак.

Она снова перевела взгляд на два «мерседеса», затем на экран телевизора в своем минивэне.

— У меня впечатление, что задержка трансляции не превышает тридцати секунд, — с недоумением констатировала она. — Я же просила у Марвана минуту. Родрик, позвоните ему, пусть увеличит до минуты, это не так сложно!

— Разве «МД1» сейчас не в прямом эфире? — удивился Дан.

— Нет, уже нет.

— Но… почему?

— Вы действительно принимаете меня за монстра? Этой ночью у меня не было выбора, так требовал сам Кратос, и я оптимизировала то, что мне навязали. Теперь руковожу я. Ситуация экстремальная, и я не буду транслировать гибель людей в прямом эфире на моем канале.

Первый заместитель главреда был ошеломлен.

— Другие не стали бы себя ограничивать, — заметил он.

— Это их этика.

— Я рад, что у нас она есть.

— Дан, умерьте свой сарказм. Мы откликаемся на запросы публики, но отвечаем за то, что ей предлагаем, и вправе не слушать тех, кто хочет, чтобы мы удовлетворяли их самые низменные

инстинкты.

— Даже если они представляют ту самую массу, которая нас кормит?

Ирен не ответила. Дан пристально смотрел на Белую Даму, не веря своим ушам. Она почувствовала его настойчивость и спросила:

— Я, наверное, говорю неприятные вещи? — Потом вздохнула, изобразив усмешку. — Телевидение — это безжалостный мир конкуренции, настоящие джунгли, — сказала она. — Нас заставляют рисковать, подставляться, иногда проявлять дерзость, наглость, определенную жестокость, но таков удел всех сфер, где на кону миллиарды, — мы должны удовлетворить акционеров, да? С той только разницей, что мы, в медиа, находимся под постоянными взглядами публики, потому что заходим прямо к ним домой. Мы можем влиять на них, даже если сами в первую очередь зависим от их пульта, переключающего каналы. Так что да, мы отнюдь не мягкие и покладистые, иначе нас бы сожрали живьем наши соперники, а их немало. Однако это не означает, что мы лишены профессиональной совести.

Дан вздохнул и признался почти шутливым тоном:

— Браво. Сегодня ночью я не раз в этом усомнил-

ся, но сейчас вы снова заставили меня полюбить мою профессию.

— Мне за это платят. И за то, чтобы вы делали свою работу хорошо.

Филипп Роже повесил трубку и тут же бросился к начальнице:

— Мои агенты нашли тело Луиджи. Оно было спрятано в техническом помещении парковки.

— Что он там забыл?

— Папарацци забрался в подвал и перенес тело туда, чтобы сделать фотографии.

— Трупа? — возмутился Дан. — Черт, ненавижу этих крыс!

— Чтобы продать их тому, кто заплатит. Нельзя сказать, чтобы желтая или скандальная пресса этим брезговали, — цинично хихикнул Роже.

— Вы его арестовали? — спросила Ирен.

— Да, он прятался, пытался попасть на площадку после нашего ухода.

— Прежде чем передать его полиции, выкупите у него фотографии.

— Я думал их уничтожить…

— В двадцать первом веке? — рассмеялась Белая Дама. — Он сохранил копию где-нибудь в облаке и, как только освободится, воспользуется снимками. Нет, выкупите их у него, пока они не

появились.

Филипп Роже ушел выполнять поручение.

— Честное слово, — сказал Дан, — вы удивительная. Вы сейчас совершенно правильно поступили. Чтобы защитить семью Луиджи.

Поскольку она не реагировала, Дан продолжал:

— Ведь вы для этого их выкупили, правда? А не для того, чтобы передать одной из газет «Медиаплекса»?

Вместо ответа она мотнула головой в сторону припаркованных вдали «мерседесов»:

— Они выходят.

81

Двери минивэнов распахнулись в прохладу ноябрьского утра.

Было 07:40, еще темно, и в ожидании рассвета авиабаза в Виллакубле освещалась прожекторами.

Чезаре и его сообщники проинструктировали заложников, чтобы каждый точно знал, что ему делать, и пригрозили, что, если они ослушаются, их посадят в самолет и заберут с собой. Но если заложники будут следовать приказам, все скоро закончится. И тут Янис снова осознал, до чего блестяще действует Чезаре — он выбрал идеальный способ обеспечить себе полное и безоговорочное сотрудничество жертв.

Десять силуэтов выстроились между двумя машинами. Поль попросил разрешения подойти к жене и дочери, и Чезаре позволил. Все трое обнялись и заплакали. Затем в бинокль Янис увидел, как Чезаре направил оружие прямо в лоб Мие, которую трясло от страха. Этой девушке еще не было и двадцати…

Микрофон Шарлен передал слова Чезаре, обра-

щенные к Полю:

— Я разрешил тебе пообщаться с ними, потому что *я* не монстр. Теперь отступи и иди вперед. Я сделал свой выбор. С нами полетишь ты.

— Нет, я…

— Но если будешь упираться, я прихвачу и твою дочь.

Поль поднял руки — одна по-прежнему была перевязана платком — и подчинился.

По рации оперативников голос командира группы вмешательства сообщил:

— Они начали движение. Пятьдесят метров до самолета. Приготовиться.

От минивэнов по летному полю потянулась цепочка людей. Бакари и Режи впереди, за ними Эмилио, державший их на прицеле. Поль двигался сзади, в трех метрах от них, под дулом пистолета Чезаре, шедшего у него за спиной, а по бокам от Поля — Анисса и Миа Даки-Ферран. Шарлен заняла позицию рядом с Чезаре, чтобы поддерживать звуковой контакт. Паола и Серж Бильдёр замыкали шествие.

Заложников развязали, и Янис предположил, что это специально — показать им, что они вот-вот будут свободны, но побудить их полностью повиноваться. В любом случае трое похитителей

вооружены, а быстрее пули никто не бегает.

— Сорок метров, — сообщил командир группы вмешательства по рации.

С тех пор как они начали двигаться, аудиотрансляция барахлила, и Шарлен, должно быть, чувствовала, что жилет трется о микрофон или что тот плохо закреплен: она то и дело поправляла его пальцами, вызывая помехи и шорохи и частично заглушая звук.

Она пристроилась слева от Чезаре, но, естественно, со стороны самолета, а не ангара. *Молодец, Шарли*. Теперь линия огня была свободной.

— Стрелки, захват целей, — скомандовал командир группы.

Шесть снайперов, размещенных на крышах ангаров, получили четкие указания распределить противников между собой. По два стрелка на цель.

— На них бронежилеты, — доложил координатор огня. — Выстрел в плечо исключен.

Люка Фризбур, командир группы вмешательства, поморщился. Ему предстояло принять трудное решение.

— Целиться в голову, — произнес он твердо.

Он не хотел рисковать. Смертельный выстрел.

Начался отсчет, знакомый всем бойцам спец-

наза:

— Первый, готов.

— Второй, готов.

— Третий… готов.

Каждый действовал в своем темпе, одни выжидали несколько секунд перед подтверждением, другие отвечали сразу же, словно опасались, что иначе ситуация станет хуже.

— Четвертый, не готов. Девушка на траектории.

Третий и четвертый следили за Чезаре.

Командир группы вмешательства спросил:

— Третий, видишь?

— Да, пока что. Но если девушка немного ускорится, она попадет и на мою траекторию.

Люка Фризбур недовольно что-то пробурчал.

— Пятый и шестой? — запросил он.

— Пятый, готов.

— Шестой, готов.

Эмилио Дюпра-Перес и Серж Бильдёр находились под прицелом и могли быть поражены в любой момент. Но не Чезаре Моретти.

Янис снова взял бинокль, чтобы детально рассмотреть цепочку людей.

Среди микрофонных помех донесся голос Чезаре, который шел совсем рядом с Шарлен:

— А ты знаешь, что я хотел взять с собой в самолет тебя?

Шарлен не ответила, или ее слова заглушил треск.

— Но то, что ты сказала о Поле, заставило меня передумать.

— Это и есть ваше видение кармы?

Чезаре издал сухой смешок:

— Он сам сделал выбор, когда посмотрел мне в глаза и солгал.

— Вы собираетесь… его убить?

Чезаре не ответил, и Шарлен продолжила:

— А голоса жертв, которые так и не будут услышаны, если он умрет?

— Ты знаешь мою жизнь, Шарли. Тебе известно, что я думаю о правосудии и о могущественных людях. Вот как Поль. Его смерть не заставит голоса умолкнуть, — наоборот, она их освободит. Жертвы заговорят. По телевизору, в суде…

— Но это лишит их возможности очной ставки.

— Зачем она им? Он все равно никогда не признается. Будет только издеваться — они все так делают. Они выйдут сломленными. Нет, единственное, что дала бы им встреча лицом к лицу, — возможность убедиться, как низко он

пал. Но это мы им и так сегодня показали. Посмотри на это ничтожество…

Продолжение заглушила статика, а затем вернулся голос Чезаре:

— Пока он жив, он будет с ними судиться и заставит их выплатить ему компенсацию за клевету. Представляешь, каково будет этим женщинам? Их принудят по закону, который якобы их защищает, заплатить своему палачу. Такие мерзавцы всегда выходят сухими из воды, а что остается их жертвам? Сплошные муки оттого, что их так и не услышали. Отмахнулись. Что никто не принимает всерьез их страдания.

Судя по выражениям, прикинул Янис, судя по тому, какой холодный гнев его переполнял, Кратос думал о том, что пережил сам — или даже не он, а его мать-революционерка, жена или дочери.

— Я не уверена, что подобная месть облегчит их страдания, — заметила Шарлен.

— Это моя собственная справедливость, человеческая, а значит, несовершенная. Но она хотя бы существует.

— В машине вы сказали, что не убьете его.

— Мы оба блефовали, Шарли. Он хотел выиграть, а нарвался на более сильного игрока.

С начала разговора Шарлен придерживала микрофон у края жилета, и это могло выглядеть подозрительно. Она сообразила, что так продолжать нельзя, отпустила микрофон, и диалог продолжился в хаосе шорохов.

Янис включил рацию и проинформировал остальных:

— Цель Чезаре Моретти — посадить в самолет Поля, а не других заложников.

Командир группы вмешательства кивнул и ответил всем:

— Как только Поль окажется в самолете с одним из сообщников, действуем.

Шарлен вновь заговорила, но опять неслышно. В бинокль Янис увидел, как она обогнула Чезаре и приблизилась к Мие, находившейся справа от них. Обняла ее за плечи, чтобы успокоить, и сказала:

— Не отходи от мамы.

На этот раз она говорила громко, не столько для микрофона, сколько для Чезаре, чтобы тот не волновался из-за смены позиции, и Янис понял ее маневр. Шарлен незаметно перемещала девушку влево от Чезаре, чтобы снайперы могли выстрелить.

Умница.

Тут же затрещала рация:

— Третий, готов.

— Четвертый, готов.

Все трое захватчиков в случае паники могут быть нейтрализованы.

Старший снайпер запустил новый отсчет для своих шестерых бойцов, чтобы убедиться, что линии обзора по-прежнему свободны, и подтвердил разрешение открыть огонь.

— Двадцать метров, — доложил он по рации.

Сердце Яниса забилось быстрее. Они почти у цели.

В бинокль он видел, как Чезаре говорит с Шарлен, но теперь в наушнике слышался только треск. Она пыталась убедить его не убивать Поля, передать его правосудию, хотя теперь это бесполезно: все захватчики будут задержаны через…

— Пятнадцать метров, — предупредил командир группы.

Несколько слов с трудом долетели до Яниса через наушник. Это был голос Чезаре:

— …больше не боюсь. Я приготовился. Я знаю, что она идет за мной по пятам. И я пообещал себе, что рак меня не получит. Я его опережу.

— Вы… не… язаны… так поступать.

Янис встревожился. Ему не нравился этот тон.

Чезаре говорил о том, что покончит с собой до того, как его заберет болезнь, или же собирался действовать прямо здесь и сейчас?

Нет, это не имело бы никакого смысла. Теперь у него деньги, самолет… Разве что он больше в это не верит. Или понял, что за этим последует.

Янис включил рацию.

— Противник может совершить что-то непредсказуемое, — сообщил он.

— Десять метров! — проинформировал командир группы. — Команды готовы к началу действий менее чем через минуту.

Микрофон Шарлен шуршал: Чезаре возбужденно задвигался.

Внезапно он что-то выкрикнул, направил оружие на самолет, и его тут же поддержал Серж Бильдёр — он приблизился к Паоле, чтобы прикрыться ею, как щитом, если кто-нибудь выскочит из самолета, не понимая, что теперь вся спина и правый бок стали досягаемыми для снайперов на ангарах. Шедший впереди Эмилио Дюпра-Перес уже направил ствол на Бакари.

Шарлен обеими руками схватилась за живот и согнулась, точно от сильного спазма.

Все опознали аварийный сигнал.

— Они откроют огонь! — закричал чей-то голос

на командном пункте.

Командир группы вмешательства тут же отдал роковой приказ:

— Огонь. Повторяю: огонь!

Раздался всего один выстрел, прозвучавший в воздухе над летным полем, — один-единственный звук, доступный человеческому уху.

82

Шесть пуль одновременно поразили трех преступников, сраженных синхронно. Сталь, раскаленная порохом, трением о ствол и скоростью полета, пробила кожу, кости и мозг, сжигая все на своем пути. Сопровождавшая ее ударная волна разорвала ткани и черепные коробки.

Голова Чезаре Моретти мгновенно разлетелась на кусочки, забрызгав кровью стоявшую позади Шарлен.

Трое мужчин одновременно покачнулись, словно подчиняясь зловещей хореографии, поставленной самой смертью.

Глухой стук их тел о землю привел заложников в движение.

Бакари и Режи бросились на землю, даже не поняв, что происходит. Анисса кинулась к дочери. Паола застыла, не в силах двинуться, а Поль шарахнулся и упал ничком.

Все произошло так быстро, так жестоко, что мыслей ни у кого не осталось — все просто отреагировали, повинуясь самым первобытным своим инстинктам.

Уже по трапу сбегали тяжеловооруженные спецназовцы, а к ним приближались другие бойцы — они выскакивали из цистерны бензовоза, заранее распиленной так, чтобы от «мерседесов» было не видно. К заложникам устремились десятки спецназовцев.

Шарлен застыла в ужасе, согнувшись пополам, изумленно открыв рот. Ее лицо забрызгали частицы того, кто пять секунд назад еще был живым Чезаре Моретти.

В безмолвном крике, который так и не смог из нее вырваться, она смотрела на свои окровавленные руки.

Затем снова раздался грохот.

Взрыв плоти и крови.

83

Едва услышав то, что сперва принял за раскат грома, и увидев, как затылок идущего перед ним Эмилио Дюпра-Переса разлетелся алым облаком, Поль подчинился внутреннему голосу, который кричал ему, что надо укрыться, и бросился на землю.

Он перекатился, пытаясь отползти как можно дальше. От себя и от смерти.

Он ужасно ее боялся. Всю ночь он чувствовал ее присутствие у виска, рядом, эта черная тень смотрела на него свысока, удерживала, ждала подходящего момента, чтобы нанести удар, чтобы забрать его. Порой она склонялась над ним, и в ее ледяном лице он видел самого себя. Собственные черты. Свою красоту, увядавшую час за часом, свой лоск, стекавший вместе с гримом и обнажавший все худшее, что в нем таилось.

И чем чаще маска смерти обращалась к Полю, тем больше то, что он в ней видел, приводило его в смятение.

У него было время на раздумья в этот бесконечный вечер. Сначала о себе. О своем имидже.

Только не расклеиться. Следить за внешним видом, контролировать выражение лица. Он цеплялся за эти тщеславные мелочи, чтобы не сломаться, — в таких жестоких драмах каждый хватается, за что может, и эти мелочи стали его спасательным кругом, чтобы паника и ужас не заставили его сделать или сказать что-то лишнее.

Потом он привык к напряжению. Потрясающе устроен человеческий разум, после первого потрясения он приспосабливается, и Поль понемногу пришел в себя. Он пытался сам, обращаясь к Кратосу, разрешить проблему с захватом заложников, но потом Шарли велела ему это прекратить. Ну и пусть. Хотя они ошибались — Поль был уверен, что смог бы переломить ситуацию.

Но еще были Миа и Анисса, и их удерживали другие ангелы смерти. А с этим Поль не мог смириться, поэтому подчинился, как мальчишка.

Пока тянулись часы, он свыкся с ожиданием, с тем, что приходится терпеть. И каждый раз, когда смерть склонялась над ним и он видел свое отражение в ее лице, он невольно всматривался в себя самого.

Что это было — неизбежность смерти? Та самая пресловутая «вся его жизнь», которая проносится перед глазами?

Поль прокрутил свою. И если ему казалось немыслимым умереть здесь, на своей съемочной площадке, таким молодым, таким популярным, то он мог по крайней мере вспомнить свои триумфы, испытать гордость за удавшуюся жизнь. Его известность была тому доказательством. Пусть он не стал великим пианистом, о чем мечтал в детстве, но точно — первым журналистом и ведущим вечерних новостей в сердцах французов. Разве это не достаточно громкий титул, чтобы удовлетворить тщеславие мальчишки?

Конечно, неизменные тени женщин не давали ему полностью раскрыться — все эти девицы, которые доставали его, непременно жаждали поговорить с ним о том, что он с ними переспал, но чего они, в конце концов, ждали? Он женат! И им это прекрасно известно!

Некоторые ополчились против него, утверждая, будто он ими воспользовался…

Нет, Поль никем не пользовался. Да ему это было и не нужно. А вот они только этого и ждали. Ох, да ну их к черту. В конце концов, не его же вина, что они сами часами тянули канитель, прежде чем лечь под него? Да, бывало, он настаивал, да, ставил их перед свершившимся фактом, но только ради экономии времени. Это было

поведение настоящего самца — женщины обожают парней, которые знают, чего хотят, и идут напролом, женщинам нравится, когда время от времени их берут напором. Вот за этим они и приходили к нему — за тем, чего не получали от своих слабаков-мужей.

Полю не в чем себя упрекнуть.

Это он повторял годами.

Да, у него был собственный метод: он оставался с девицами наедине, засыпал комплиментами, потом подчеркивал их недостатки и предлагал помочь от них избавиться. Такая вот форма ухаживания. Однажды он прочел статью о психологическом давлении и в некоторых примерах узнал себя, но это было не то же самое, ведь он-то желал исключительно добра.

Во всяком случае, добра себе. Его уже бесил этот вокизм[44] — попытки все разобрать по косточкам, судить, кодифицировать… Они все взрослые, и пусть это бесит политкорректных интеллектуалов-леваков, но не все люди равны — есть те, кто выше других. Поль оказался на самой вершине пирамиды, и это было очевидно, хоть он и изоб-

[44] Сноски: 44

Вокизм (от *англ.* woke — пробужденный) — здесь: пренебрежительное обозначение прогрессивных взглядов на гендерное равенство, права меньшинств и осуждение сексуального насилия.

ражал скромность. Достаточно открыть глаза: французы его обожали! Он приходил к ним домой каждый вечер, чтобы нести культуру и свет. А то, что эти убогие дурочки жаловались, что он удостоил чести их трахнуть, — ну, это чистое зазеркалье. Поль думал обо всем этом в долгие часы, проведенные бок о бок со смертью.

Усталость разрушила одни ментальные барьеры, тревога — другие. И в первые часы утра он уже допускал, что, возможно, с некоторыми он зашел слишком далеко. Возможно. Иногда. Но он же никого не убил, в конце концов, — это было всего лишь плотское удовольствие, и если им не удалось получить свое, что ж, тем хуже, пусть забудут и переходят к следующему. Это всего лишь секс между совершеннолетними, не более того.

Но в одном Поль был категоричен: он никогда не признает обвинения в каком бы то ни было домогательстве, в том, что с этими девицами вел себя как-то некорректно. Для его карьеры это немыслимо.

Короче говоря, выставляя себе общую оценку, он остался доволен. Даже более чем доволен. Поэтому он не мог умереть. В этом он тоже был категоричен.

Вот почему, когда прозвучали выстрелы, он

бросился на землю. Не было смысла строить из себя героя — в реальной жизни герои заканчивают на кладбище.

Теперь, когда он лежал на земле и видел, как бежит к ним спецназ, как Анисса защищает дочь, прикрывая ее своим телом, — он всегда знал, что может положиться на жену, — ему захотелось встать. Террористы, без сомнения, мертвы, теперь надо показать себя в лучшем свете. И пойти успокоить своих женщин.

Он оперся на руку, но мешал детонатор под банданой. Яростным движением Поль зубами содрал скотч и наконец-то смог разжать пальцы, отбросить передатчик — поддельный, как признался ему Кратос в машине.

Потертая металлическая коробочка темно-зеленого цвета, собранная кустарно, с рычажком сбоку, который все это время был прижат его ладонью, зафиксированной скотчем и скрытой банданой.

Но вопреки тому, что утверждал Чезаре Моретти, внутри коробочки была не только пустота.

Поль посмотрел в глаза Кратосу и отказался признать, кто он есть на самом деле.

После стольких часов наедине с собой он не пожелал увидеть свое настоящее лицо.

И Поль солгал Кратосу.

Но и Кратос солгал.

Ложь за ложь.

Корпус передатчика был ловушкой для лжеца. Внутри лежала граната, и она взорвалась через секунду после того, как Поль разжал пальцы.

И теперь он лежал на боку, в едком запахе сгоревшего пороха и теплого железа, в ушах звенело, оторванная рука отлетела на два метра, обломки металла вонзились в челюсть и в шею, кровь растекалась, застилая глаза, и он задыхался, скуля, пока на смену боли медленно не пришел холод и он не увидел, что его внутренности вывалились перед ним на летное поле. Он подумал, что так не может закончиться, только не с ним, не с его жизнью, и на краткий миг ему вдруг стало предельно ясно, кем он был *на самом деле*, и то, что он мельком это осознал, причинило ему почти столько же боли, сколько его раны. С этой мыслью он попытался в последний раз вдохнуть воздух, и его скосила смерть.

Чезаре Моретти утверждал, что у жизни всегда свои планы, но все же позаботился о том, чтобы вмешаться в план, составленный для Поля Даки-Феррана.

Судьбу и карму Кратос оставлял тем, кто

предпочитал верить, а не действовать. В конце концов, слово «Кратос» означает власть. А слова обладают силой.

84

Шарлен не видела ничего, кроме крови у себя на руках. Она чувствовала, что ее окружают люди, с ней говорят, куда-то ведут, но все было далеким, приглушенным, и она спряталась далеко-далеко — глубоко внутри себя.

С нее стерли фрагменты плоти Чезаре Моретти, ополоснули ей лицо холодной водой, и понемногу она стала приходить в себя.

Встревоженный Янис сидел перед ней на корточках.

Шарлен, сама не понимая почему, встала, он тоже поднялся, и она прижалась к нему, а он крепко сжал ее в объятиях. Она расплакалась и плакала бесконечно, не в силах остановиться, и все это время он, как мог, ее охранял.

И когда Шарлен выплакалась, совершенно обессиленная, она тихо произнесла:

— Прости меня.

Он мягко покачал головой: ей не за что извиняться. Это была сложная операция, трое вооруженных мужчин увидели спецназ в последний момент или, во всяком случае, поняли, что

их ждет. Чезаре ведь сам сказал, что никогда не вернется в тюрьму. У него был выбор, а у Шарлен и у шести снайперов — нет.

Один из бойцов, которого Янис даже не заметил, укутал их в одеяло, и они стояли так долго-долго.

День уже занялся.

— Мое вчерашнее утро началось примерно в это время, — сказала Шарлен дрожащим, каким-то детским голосом.

— Пора идти спать, ты это заслужила.

— Я думаю, у меня не получится. Больше никогда.

Янис обнял ее еще крепче.

— Знаешь, что сказал бы мне мой напарник-переговорщик, будь он здесь? — спросил он.

— Нет.

— Что я слишком эмоционально вовлечен.

Ему удалось вызвать у нее подобие улыбки.

Это уже было начало.

Начало — это всегда рождение чего-то нового.

Эпилог

Море вечно одинаковое — и вечно иное.

Оно неутомимо наступало и отступало, приносило с собой свои перепады настроения и свои волнения, отражая небо и всех, кто в него смотрится.

Шарлен стояла босиком на песке, пока вода ласкала ее, но не хотела видеть свое отражение.

Теплое солнце согревало спину, а морской бриз надувал слишком просторную рубашку. Шарлен держала в руках хромированную таблетницу, доставшуюся от отца. Каждый день она носила ее с собой, чтобы испытать себя. Она до сих пор не приняла ни одной таблетки ксанакса, ни единой. Она отказалась от химической защиты, оставшись наедине со своим разумом, со своими эмоциями.

Начиналась ее третья неделя в Мексике, на маленькой вилле, стоящей на краю безлюдного полуострова. Она опустошила свой банковский счет, чтобы позволить себе эту поездку, но это не имело никакого значения. Она была здесь одна и проводила дни, всматриваясь в пейзаж, гуляя,

плавая, размышляя.

Мать раз двадцать пыталась с ней связаться, но Шарлен не хотела ее слышать. В их отношениях было слишком много токсичного, она еще не готова. Здесь на нее никто не смотрел, не судил, она была незнакомкой, чужой и хотела бы навсегда спрятаться за своей безымянностью.

Она уехала далеко от всего и от всех. Но не от самой себя.

Несколько дней после штурма были особенно тяжелыми. Она прокручивала каждое мгновение этих почти двенадцати часов. Она запретила себе звонить Янису и была рада, что он поступает так же. Все, что они пережили той напряженной ночью, не могло ни к чему привести. И не должно было ни к чему привести. Вот и все.

Шарлен дождалась похорон Луиджи. Она держалась в стороне от всех; испытывая жгучий стыд, положила розу на его гроб, затем собрала вещи и улетела. Ее должны были вызвать на допрос в полицию, как и всех участников этого дела, но Шарлен было все равно. Она больше не могла включать радио, телевизор или Интернет и натыкаться на заголовки о захвате заложников и смерти Поля Даки-Феррана.

С тех пор более сорока пяти женщин выступи-

ли со свидетельствами против него. Все меньше его сторонников осмеливались заявлять, что это оскверняет память покойного. Постепенно становилось очевидно: за образом любимого телеведущего французов скрывался эгоцентричный хищник, который, конечно же, никогда не признал бы ничьих обвинений. Дошло до того, что некоторые уверяли, будто он прекрасно видел, что держит в руке, и просто решил покончить с собой. Однако первые же отчеты следствия не подтвердили этих домыслов.

Его жена хранила молчание и пряталась от журналистов, не желая отвечать на вопросы, знала ли она, каким *на самом деле* был ее муж и действительно ли она закрывала глаза на его похождения, как утверждали слухи?

Шарлен покинула Францию и свой канал. Кого-то из коллег ей будет сильно не хватать, кого-то меньше. Официально она была в отпуске, чтобы прийти в себя. Но заявление об уходе уже отправлено. Она прощалась не только с каналом, но и со своей профессией.

Она не создана для такой работы, да и никогда не была. Она только разрушала себя, теряла свое «я».

На нее упала чья-то тень: кто-то стоял за спи-

ной, и она нахмурилась. Она обернулась; сердце едва не выпрыгнуло из груди от изумления, почти от страха, и она выронила таблетницу, которая погрузилась в песок.

— Янис?

В ярком солнечном свете перед ней стоял мужчина в джинсах, кроссовках и льняной рубашке.

— Но… как?..

— Тебя не так уж сложно вычислить, — сказал он.

— Что ты?..

Они смотрели друг на друга, слегка смущаясь.

Шарлен не верила своим глазам. Первый вопрос возник сам собой:

— Передо мной представитель спецназа?

— Нет, Янис Амар, — ответил он, приподнимая рубашку, чтобы показать, что не вооружен. — Но признаюсь, это спецназовец использовал свои каналы, чтобы тебя найти.

Они сели рядом на песок.

— Я понимаю, почему ты приехала сюда, это здорово, — произнес он задумчиво. — Ты надолго здесь?

— Пока не решила, — пробормотала она, все еще потрясенная его появлением.

Оба не знали, что сказать. Наконец она собра-

лась с духом:

— Зачем ты приехал?

— Ты исчезла, как призрак, в одночасье. Я думал… Не знаю, хотя бы эсэмэску послала бы.

Солнце слепило. Она поморщилась и кивнула:

— Я просто была не в состоянии.

Словно два неловких подростка, они никак не могли начать разговор. Шарлен наконец произнесла:

— Следователь еще должен меня допросить, но я не вернусь, Янис.

— Я знаю.

Шум моря заполнил еще одну пустоту между ними, еще одну паузу, а затем Шарлен продолжила:

— Вы на какой стадии?

— Топчемся на месте, заполняем пробелы. А теперь еще добавился скандал со сбором средств. Правда, он касается не нас, а правосудия. Деньги исчезли. В ту ночь после свидетельств против Поля сбор сразу же был остановлен по требованию его инициатора, а деньги превращены в единственную совершенно неотслеживаемую криптовалюту Монеро и переведены на счет за границей. Эти двадцать пять миллионов евро буквально растворились в воздухе.

— Парня арестовали?

— Да, его зовут Рафаэль Эмес. Но он подставной. У него никогда не было прямой связи с краудфандингом, — объяснил Янис. — Его завербовали на форуме университета. Настоящий организатор сбора якобы не решался показаться, уверял, что совершенно не умеет общаться с людьми, очень застенчив и кто-то другой должен воплотить в реальность эту невероятную миссию, спасти жизни, кто-то должен выйти вперед, чтобы успокоить и все объяснить. И этот идиот Эмес настолько жаждал славы, что согласился взять на себя весь дискурс, подготовленный кем-то другим. Безумно гордился тем, что выступает в роли великого героя-оратора. На самом деле он никогда не встречался с вдохновителем краудфандинга и даже не знает, кто он такой. Эмес оказался жертвой собственного тщеславия. Хотел стать звездой в соцсетях.

Теплый восточный ветер приласкал их на мгновение и улетел вглубь острова.

— А знаешь, кто общался с Рафаэлем Эмесом той ночью? — спросил Янис.

— Скажи.

Янис загадочно присвистнул, выдержал паузу.

— Ты не задавала себе вопрос, почему в Булони

было двое захватчиков, хотя несложно контролировать всего двух заложниц, зато на канале «МД1» этим занимался один Кратос, хотя он захватил пятерых?

— Нет, я не додумалась, — призналась Шарлен.

— У Кратоса и Демоса были свои роли перед камерами. А вот третий сидел за компьютером. В Булони один охранял заложниц, а другой общался на форуме, посылал личные сообщения Эмесу, манипулировал им, а позднее, когда разразился скандал с Полем Даки-Ферраном, закрыл сбор средств, прежде чем потребовали вернуть народу деньги. И вся сумма благополучно утекла за границу. Дело сделано. Вишенка на торте — он сидел за компьютером Даки-Ферранов, потому что, когда все закончилось, фликам вряд ли пришло бы в голову порыться в предусмотрительно вычищенной памяти компьютера жертв… Почти нереально. Разве что вмешался бы дотошный Сеньон…

Янис следил за бликами на гребнях волн, похожими на переливающиеся драгоценные камни.

— Знаешь, в чем кроется секрет фокусов? — спросил он. — Иллюзионист привлекает внимание публики к одной руке, а в это время другой проделывает главный трюк, которого зритель не

замечает. Выкуп, выплаченный «Медиаплексом», был видимой рукой, а краудфандинг оставался в тени.

— «Медиаплекс» получил свой выкуп назад, но кому достались деньги от пожертвований зрителей? Это и есть твой вопрос?

Он кивнул, потом спросил:

— Кратос так много знал и о спецназе, и об антитеррористах, знал, как нас обойти, как не дать вмешаться… Я сначала думал, что заодно с ним действует какой-то бывший полицейский. Но на самом деле достаточно тщательно изучить вопрос. Ему не требовалась секретная информация, достаточно было покопаться в Интернете и проявить изобретательность.

Шарлен смотрела на Яниса, гадая, к чему он клонит.

— Зато о канале, об организации выпуска новостей он знал абсолютно все. Знал, как пройти на съемочную площадку, знал о существовании зеркального полотна, за которым можно спрятаться, знал, что надо войти во время репортажа, чтобы трансляцию не прервали немедленно, даже знал, в каком ухе у Поля наушник, сим-карту какого оператора нужно вставить в мобильник, чтобы смотреть в студии прямой эфир, потому что там

ловится только одна сеть. Он должен был иметь сообщника внутри канала. Иначе никак.

— Сообщника, который дал ему полную информацию о Поле Даки-Ферране. Такого, который хорошо его знал, — продолжила Шарлен.

— Да. И уже встречался с мозговым центром операции, с Чезаре Моретти. И имел свои причины так ненавидеть Поля, чтобы, не колеблясь, отдать его на растерзание преступникам. И хотел заставить эту индустрию заплатить за собственное отчаяние.

Молчание. То самое драгоценное молчание, которое так много значит.

Шарлен погрузила руки в теплый песок.

— Ты давно *знаешь*? — спросила она.

Он пожал плечами. Вид у него был задумчивый.

— Честно говоря, я до последнего надеялся, что ты будешь все отрицать, успокоишь меня и скажешь, что я опять все выдумал.

— Я достаточно лгала, Янис. Больше не могу. Не тебе.

Лицо спецназовца исказилось — то ли от слишком яркого света, то ли от досады и разочарования.

— Зачем? — властно спросил он. — Зачем ты

это сделала?

— Потому что мне пришла в голову эта идея, — ответила она с отсутствующим видом, уйдя в свои мысли, воспоминания и обуреваемая чувством вины. — После того как я хотела покончить с собой, мне уже ничто не приносило радости. Нужно было за что-то ухватиться… за что угодно, за какой-то амбициозный проект, бросить кому-то вызов, но только чтобы это имело для меня смысл. Я пришла на «МД1», пыталась успокоиться, притворялась, будто все еще верю в журналистику, в свои идеалы, но каждая следующая неделя доказывала мне, что я ошибаюсь. Это происходило постепенно. Но толчком ко всему стала злость, потому что мне нужно было убедить себя, что я не оставлю Поля безнаказанным.

Она сделала паузу, вспоминая подробнее.

— Поль был хищником. Я долго не могла поверить, но чем больше я с ним общалась, тем очевиднее это становилось. Он пытался поиметь и меня, и… Я никогда не забуду тот вечер, когда меня спас лишь инстинкт, одно мгновение. Он настолько *поднаторел*, что это уже смахивало на методику, своего рода отработанный ритуал, с помощью которого он превращал женщину в бездушную вещь. Я сумела от него ускользнуть,

но я видела девушек, на которых он положил глаз, а на следующий день увольнял их или они сами уходили. Видела и тех, кто оставался, но при этом сильно менялся. Хищник, защищенный собственной славой, и никто не осмеливался сказать ему и слова поперек. И Поль был слишком хитер — открыто он не нападал. Он действовал подло, исподтишка, но результат был чудовищным. Акула под толщей вод, которая охотится на жертву, даже не высунув плавника. Кричи не кричи, тебе все равно никто не поверит. Поэтому я тоже поступила как все — просто заткнулась. Но воспоминания и женская солидарность не давали мне покоя. Я хотела что-то сделать, остановить его. Защитить этих девушек, заступиться за тех, кто уже пострадал…

Янис наблюдал за ней:

— Ты не нашла ничего менее… радикального и зрелищного?

— Иначе Поля было не сокрушить. Его слишком надежно защищал звездный статус. Благодаря встрече с Чезаре эти мечты обрели реальные очертания. Все стало возможным и конкретным. Я уже просто сходила с ума от своих навязчивых идей, фантазий и транквилизаторов — не могла вырваться из замкнутого круга. Чем более осуще-

ствимым все становилось, тем чаще я повторяла себе, что смогу в любой момент все прекратить, что это не дойдет до конца, что я делаю это, чтобы выжить и доказать себе, что мне это под силу, что я уже не беззащитная девушка, лишенная страстей и неспособная ничего изменить в этом несправедливом мире. И чем ближе мы подходили к осуществлению плана, тем меньше мне хотелось останавливаться. Я наконец обрела власть и могла действовать. Это было как сон. Или как кошмар. Поэтому я это сделала.

— Месть женщины… — пробормотал он.

— Нет, месть *многих* женщин. Я хотела, чтобы Поль заплатил, был унижен, а при той всемирной известности, которую должна была принести ему роль заложника, в глубине души я надеялась, что это вызовет коллективную реакцию со стороны его жертв. По крайней мере, в этом я не ошиблась.

Она шмыгнула носом, пытаясь сдержать подступавшие слезы, и, воодушевленная потоком своих признаний, продолжила:

— Трансляция в прямом эфире заодно давала возможность разоблачить циничный оппортунизм СМИ и заставить общество убедиться в его собственном вуайеризме. Но на этом все должно

было закончиться. Речь никогда не шла о смерти. Никогда. Это я придумала взять Поля в заложники прямо во время выпуска новостей и предложила Чезаре, а все остальное он организовал втайне от меня, но… Все произошло совершенно не так, как я планировала.

Рука Шарлен, погруженная в песок, коснулась руки Яниса, но он тут же отдернул свою, отчего ей стало невыносимо больно. Но она не могла его винить. Она знала, что не имеет права. Он искал ответы, ему нужно было понять.

— Чезаре знал, что Поль сексуальный хищник? — спросил он, вспоминая разговор в «мерседесе».

— Нет. Я сказала ему, что он самоуверенный подлец, которому не мешало бы преподать урок смирения, и что его жена тоже не святая — я ведь знала, что она покрывает его шашни. Вот и все. У Чезаре были свои мотивы, он хотел получить деньги, а я подсказала ему, кого для этого нужно взять в заложники. Мои собственные мотивы его не касались. Так это и началось.

Шарлен задержала дыхание, потому что не могла выдавить из себя признание, которое лежало грузом у нее на душе, потом произнесла:

— Я даже представить себе не могла, что он

возьмет в заложники Аниссу и что все зайдет так далеко. А Мию вообще не планировалось втягивать, она ведь учится, кажется, в Лилле, но не повезло: в тот день она как раз приехала к родителям.

Шарлен обхватила руками колени. Она подумала, что, возможно, сейчас в последний раз созерцает этот великолепный пейзаж, рифы залива, лес пальм на невысокой белой скале и море, которое манило ее как обещание полного освобождения.

— Ты приехал меня арестовать?

Янис глубоко вдохнул. Не дожидаясь, пока он соберется ответить, Шарлен призналась:

— Мне все равно, мне нужно выговориться. Сказать тебе правду. Она гложет меня с тех пор, как я здесь. Мне плевать на последствия.

Она посмотрела на него, а он устремил взгляд на горизонт.

— Я ужасно себя чувствовала, когда лгала тебе. Просто хочу, чтобы ты это знал.

— Когда я вспоминаю твои реакции… — пробормотал он с горечью. — Ты… Я тебе верил. На каждом этапе я был с тобой, я втянулся в твою игру, ничего не замечал. Ты заслуживаешь премию… за актерское мастерство или за жестокость,

не знаю.

Его слова причинили Шарлен адскую боль, и стало еще больнее, когда она заметила, что у него на глазах блестят слезы. Она хотела прижать его к себе, но не могла: она больше не имела права. Она ненавидела себя.

— Мои эмоции были в основном искренними, — поспешно добавила она, словно это могло снять с нее часть вины. — Я, как и все, была поражена. Мы с Чезаре договорились: я даю ему информацию, а он не посвящает меня в свой план. Я совершенно не была в курсе, когда, каким образом он собирается войти в башню или выйти оттуда и что именно случится. Это должно было стать для меня неожиданностью, чтобы я реагировала так же естественно, как и остальные. Главное — взять Поля в заложники, и точка. Меня интересовало только это.

— Это и бабло…

— Деньги не были приоритетом. Вначале мы с Чезаре просто так шутили между собой. Идея была моя: я хотела загнать соцсети в их собственную ловушку. Думала, что это станет провалом, дополнительным унижением для Поля, когда он узнает, как недорого он ценится, а потом… Я не могла предположить, что соберут так много. Мы

с Чезаре договорились: он проворачивает дело и забирает выкуп, а мне отдает краудфандинг. Я сказала ему, что мне этого хватит. Повторяю, деньги не были для меня главным мотивом.

— Луиджи убили, Лорен отрезали палец, Поля разорвало на куски в прямом эфире, и это транслировали на всех информационных каналах. А хотели просто унизить мерзавца, которого не смогло бы наказать правосудие.

— Я понимаю. Поверь мне, теперь я понимаю.

Она не могла спать по ночам. Ее преследовало воспоминание о неподъемном теле Луиджи, которое она тащила с площадки, о крови, вытекавшей из его раны, о травмах, которые случились по ее вине. Она запрещала себе принимать таблетки и смотрела, как проходят часы, заново переживая захват заложников, словно каждый раз это позволяло ей повернуть время вспять.

Да, она понимала, что совершила.

Она поняла той ночью, когда увидела себя в зеркале туалета монтажной зоны, после того как разразился скандал с Полем Даки-Ферраном. Она ощутила это каждой клеточкой своего тела и тогда, и в Виллакубле, когда увидела кровь Чезаре Моретти на своих руках.

— Поль был лишен угрызений совести, — про-

изнесла она очень тихо. — Я думаю, что все мерзавцы, негодяи и манипуляторы, преступники и опасные оппортунисты никогда не считают себя виноватыми. Они всегда находят себе оправдание. И я поступила так же. Я хотела покончить с собой, с медиа, с Полем… Я была в депрессии, на лечении, почва ушла из-под ног. Но, дойдя до крайней черты, я отказывалась взять на себя ответственность за последствия. Мне было удобно ничего не знать о плане Чезаре — это позволяло закрывать глаза, цепляться за разные предлоги, притворяться, будто верю, что все пройдет идеально и будет иметь смысл. Я обманывала саму себя. Потому что я тоже не желала посмотреть себе в лицо и осознать, на что иду. Чудовища никогда не считают себя чудовищами, Янис.

Шарлен исповедовалась — не только потому, что Янис имел право знать, но и потому, что признание приносило ей облегчение, точно слова были раковой опухолью, которая разрастется и убьет, если не исторгнуть ее из себя. Шарлен все равно не научится спать ночами, но, возможно, хотя бы перестанет бояться кошмаров.

— Я поняла, что все выходит из-под контроля, когда Чезаре произнес свою речь. Он не предупреждал. Ему очень импонировала возможность

обрести трибуну. Когда он пригрозил выстрелить в Паолу, потом убил Луиджи, я… мне казалось, я не выдержу и во всем признаюсь. Но было слишком поздно.

— О чем ты думала, связываясь с преступниками?

Она пожала плечами:

— Не знаю… о том, что расплата будет чисто символической. С его сообщниками я до Виллакубле не встречалась. Чезаре сам все организовал, я же говорю. Я предпочитала ничего не знать, а он не хотел меня посвящать.

— Но ты же иногда помогала нам, — отметил Янис, все еще в замешательстве.

— Да, когда считала уместным и не подвергалась опасности или когда это могло помочь заложникам. Да, конечно. Как только я поняла, что Чезаре заходит слишком далеко, я пыталась его образумить, и… Думаю, его это забавляло. Не знаю, делал ли он это, просто чтобы скоротать время, или так увлекся, что потерял контроль…

Она машинально шмыгнула носом, стараясь вспомнить другие подробности.

— Как только вы установили личность Чезаре, вы рано или поздно вышли бы на тюремный репортаж Поля, поэтому разумнее было самой

навести вас на него, чтобы снять с себя подозрения. В тот день, когда я познакомилась с Чезаре, я сразу поняла, что у этого странного человека, провокатора, противника системы, есть своя особая история, которую он мне расскажет. Позже я связалась с ним. Не знаю, что я искала в тот момент. Может, замену отцу, которого мне не хватало. Или я уже тогда что-то замышляла.

Янис вздохнул, совершенно подавленный:

— Ты нами манипулировала.

Шарлен не ответила. Какие слова могли бы ее оправдать?

— А сообщение от Лорен в то утро? — спросил Янис.

— Это был условный сигнал: мне должна была прийти эсэмэска от кого-то из коллег, что он заболел, но я не знала, кто это будет. Сообщение означало, что все началось. Мне бы и в страшном сне не приснилось, что он дойдет до того, что отрежет ей палец…

Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что у нее нет ни единого оправдания. Ею руководила не наивность, а сознательное желание умыть руки. Чезаре не хотел посвящать ее в свой план, лишь требовал, чтобы она отвечала на его вопросы. А она даже ни разу не попыталась расспросить.

Чезаре мгновенно просчитал ее слабость и понял, что так сможет добиться от нее чего угодно. Он-то был достаточно вынослив, готов взять на себя груз своих преступлений, а вот Шарлен только и умела, что опускать голову и делать вид, будто верит, что эта история не зайдет слишком далеко. Она связалась с опасным человеком, указала ему цель — и зажмурилась, не желая смотреть правде в глаза. В Чезаре она упорно видела лишь сломленного, смертельно больного человека, решившегося на последний шаг ради своих дочерей. Очередная ложь, чтобы снять с себя вину.

Шарлен заслужила холодность Яниса.

— Ну а когда ты выкрикнула Кратосу его настоящее имя? — спросил он.

— Чистая импровизация. Я действительно боялась, что он убьет кого-нибудь еще, все уже летело в тартарары. Думаю, он был ошарашен и поэтому заговорил о снятых масках, спросил, сниму ли я свою. Я запаниковала, испугалась, что он выдаст наш замысел, стала уверять, что все еще можно исправить, что он получит свои деньги. После этого он больше не упоминал меня отдельно. Так было условлено: в случае очной ставки изображать удивление, не выдавать себя. Но он сжег все мосты. Я произнесла его имя, надеялась,

что это станет для него шоком и остановит его.

Высокая волна разбилась у их ног, забрызгала пеной.

— Пожалуй, до меня дошло, что я натворила, только когда все стало реальностью, — прибавила Шарлен. — Увидев Кратоса в студии, я поняла, что обратного пути нет, что преодолена точка невозврата. Я увязла в собственных страданиях.

Над морем пролетел величавый пеликан. Шарлен взглянула на Яниса, ожидая его реакции, но он смотрел на горизонт, избегая встречаться с ней глазами.

— Это история женщины, которая пережила нервный срыв, — произнесла она после паузы, — и обратила свою депрессию в месть ради дела, показавшегося ей благородным, потому что больше не верила в общество. В итоге она оказалась втянута в водоворот событий, придуманных ею самой, но у нее не хватило ясности и честности увидеть, что произойдет дальше. Это не лучшая защита в суде, согласна. Перед смертью Чезаре сказал мне, что его справедливость — человеческая, а значит, несовершенная. Такова и моя правда.

Янис кивнул:

— На взлетной полосе ты сообщила Чезаре,

что вас слушают. Ты нарочно создала помехи в микрофоне, чтобы я не расслышал, правда?

Шарлен опустила глаза.

— В ту ночь ты был так близок к истине, — прошептала она. — А я — так близко к тому, чтобы во всем тебе признаться.

Слезы подступали к глазам.

— Мексика… — произнес Янис. — Не имеет договора с Францией об экстрадиции. Ты ее выбрала не случайно. Тогда зачем ты спросила, приехал ли я тебя арестовать? Ты ведь знаешь, что я не могу.

Теперь она посмотрела ему прямо в лицо.

— Потому что, если бы ты потребовал, я бы уехала с тобой, — искренне сказала она.

Он нервно усмехнулся:

— У нас нет доказательств. Пока. — Он задержал на ней взгляд. — Но у следователей есть твоя ДНК — ты оставила ее на наушнике, помнишь? Если ее обнаружат где-то рядом с ДНК Чезаре Моретти, тебе будет трудно выкрутиться. Советую несколько лет не возвращаться на родину.

Шарлен было все равно. Он наконец смотрел на нее, и в его глазах забрезжило что-то человеческое. Это было единственное, что ее окрыляло, чего ей еще хотелось: жизни. Может быть, потому, что ей самой жизни не хватало и теперь

она пыталась найти силы в жизненной энергии молодого спецназовца.

— Деньги с краудфандинга, двадцать пять миллионов, — их забрала ты, — заключил Янис. — В ту ночь Демос перевел их в неотслеживаемую криптовалюту и направил на счет, который ты открыла заранее, поскольку это была твоя идея. Пока они разыгрывали публичную операцию на глазах у всего мира, ты проводила свою, тайную, но этого никто не мог заподозрить.

— Я думала, если втянуть соцсети в их же игру, это станет хорошим уроком, — ответила она. — А собранная сумма, мне казалось, будет вообще смехотворной — просто лишним способом уязвить эго Поля. Я просчиталась.

Янис саркастически хмыкнул:

— Просчиталась на двадцать пять миллионов. Да неужто? Знаешь, я теперь и сам не понимаю, кто ты на самом деле: хрупкая женщина, потерявшая контроль над ситуацией, или расчетливая манипуляторша, сумевшая убедить саму себя, что все это чистая случайность. — Он сжал зубы. — Что ты собираешься с ними делать?

Шарлен пожала плечами:

— Может быть, создам анонимный фонд помощи жертвам. Себе не возьму, если ты об этом.

— Таинственная мстительница, несмотря ни на что, — пробормотал он. — Теперь это и будет смыслом твоей жизни?

Волна вновь дотянулась прямо до их ног, а когда откатилась, на песке, тщетно пытаясь вернуться в море, бился крошечный морской конек.

Шарлен смотрела, как он задыхается, а сама словно оцепенела, не в силах вмешаться, спасти крошечную рыбку, будто не имела на это права, будто ее судьба — выброситься здесь на берег и умереть, после того как она слишком долго играла чужими судьбами.

Или Янис прав? И на самом деле она холодна, как социопат, а наблюдение за агонией живого существа просто не вызывает в ней никаких эмоций, разве что, может, злорадство где-то в глубине души: Шарлен-то сама жива, а эта крошка умирает, Шарлен способна ее спасти и отказывается, потому что наделена абсолютной властью.

Без малейшего колебания Янис поднял морского конька и бросил в воду. Теперь он стоял перед Шарлен по щиколотку в пене.

— Зачем ты приехал, если не собираешься меня арестовывать? — спросила она, тоже поднимаясь на ноги.

— Из гордости. Я хотел знать. Почему меня об-

вели вокруг пальца, почему я ничего не заметил.

— Ты догадался?

Он повернулся к ней. Окинул ее внимательным взглядом с головы до ног и кивнул.

То, что она поняла, причинило ей смертельную боль. Она предала самое прекрасное из того, что он ей предлагал.

— Я была неподходящей для тебя парой, — сказала она. — Иногда я смотрю на закат над лесом и думаю, что, если бы я встретила тебя на полгода раньше, моя жизнь могла бы стать совсем другой.

Янис смотрел на нее, кусая губы.

— У тебя каждую секунду был выбор. Ты могла дать задний ход, отступить, — напомнил он. — Теперь-то легко утверждать, что ты не могла остановиться, раз уж ввязалась, что тебя якобы втянул и подхватил головокружительный вихрь насилия.

Янис впился в нее своими темными глазами. Шарли увидела в них столько человечности, что ей захотелось раствориться в этом взгляде.

— И последний вопрос, который не дает мне покоя с тех пор, как у меня появились сомнения на твой счет… — Он оглядел пейзаж, словно искал силы быть откровенным, и наконец решился: — О

чем вы говорили с Чезаре прямо перед концом?

Шарлен и Янис стояли совсем близко друг от друга — она даже чувствовала запах его кожи, который доносил бриз с моря. У него перехватило горло, и он с трудом сглатывал, словно боялся продолжить.

— Есть две возможные версии того, что произошло на летном поле тем утром, — начал он. — Первая: Чезаре заметил движение в самолете и понял, что мы готовы действовать, что самолет никогда не взлетит. Умирать в тюрьме он не собирался, поэтому поднял оружие, а ты дала сигнал.

— А вторая?

— Что с самого начала это был фокус. Нам показывают одно, чтобы отвлечь внимание и обмануть, скрывая другое, то, что прячут за спиной. — Волнуясь все больше, он глубоко вздохнул и продолжил: — Вторая версия: ты знала, что единственная связь между всем происшедшим и тобой — это Чезаре с сообщниками. Ведь вы действовали на редкость умно и не общались по телефону, поэтому нет никаких доказательств. Только Чезаре мог дать показания против тебя. Поэтому на летном поле, опасаясь, что они сдадутся, ты предупредила их о том, что их ждет, и

тем самым спровоцировала штурм, чтобы устранить единственного, кто мог тебя разоблачить.

Шарлен и Янис буквально испепеляли друг друга взглядами. Она молчала.

Он закусил губу и оторвался от ее гипнотических глаз.

Приближался финал. Их последний миг вместе. Янисом владели гнев и злость, и в каждом его прощальном слове сквозила горечь:

— Я знаю правду, однако ничего не могу доказать. Справедливость не восторжествует, но я все равно не перестану верить в *мои* идеалы.

Он подчеркнул местоимение, чтобы сделать ей больнее.

Затем положил руку ей на плечо, и на миг по телу Шарлен разлилось блаженное тепло.

— Надеюсь, эта затея того стоила, — сказал он печально, перед тем как уйти навсегда.

— Янис! — крикнула она ему вслед.

Он обернулся и вгляделся в нее. Шарлен тяжело дышала, в горле застрял комок. Затем наконец вырвались слова:

— Прости меня.

Он посмотрел на нее, затем неуверенно кивнул, словно эта мысль начала прокладывать путь к его сердцу. И ушел.

Шарлен осталась стоять по щиколотку в мокром песке, провожая взглядом его силуэт, тающий за огромными фикусами. Яниса больше не было рядом. Затем волна хлестнула ее по ногам и унесла таблетницу отца, оставшуюся на песке.

Тогда Шарлен увидела, что волна снова выбросила на берег маленького морского конька.

Значит, есть на свете такие существа, которых жизнь упорно отталкивает, пока они не сдадутся и не смирятся со своей судьбой?

Чезаре выбрал смерть. Он также сам решил за Поля. За Луиджи.

Шарлен наклонилась, взяла рыбку и вошла в воду.

Она шла медленно, решительно. Шорты и рубашка прилипли к телу, но ей было все равно. Она шла к горизонту. Она знала, что должна сделать. Она поняла.

Это был прекрасный, теплый и солнечный день.

Она была спокойна.

Когда вода дошла ей до пояса, Шарлен закрыла глаза и запрокинула голову, чтобы вдохнуть полной грудью. Затем легла на спину и поплыла, слушая, как бьется сердце. Тяжело и ровно. Одиноко.

Она разжала кулак, чтобы отпустить морского конька подальше от течений, которые хотели его уничтожить, и его спинной плавник пощекотал ей ладонь.

Кратос был прав. Иногда нужно взять судьбу в свои руки и навязать ей свою волю, чтобы противостоять несправедливости жизни. Потому что жизни глубоко плевать на справедливость, мораль или ценности.

Жизнь идет вперед любой ценой.

Шарлен не знала, с какими еще демонами ей придется иметь дело, но она хотела жить.

Благодарности

Эта книга стала возможной только благодаря щедрости людей, которые открыли передо мной двери и позволили наблюдать за ними, попытаться понять их мир.

В первую очередь это, конечно, спецназ, или группа вмешательства национальной жандармерии.

Я восхищаюсь этой организацией и хочу поблагодарить сотрудников, которые согласились принять меня, рассказать, показать и ответить на все мои вопросы, порой странные. Они уделили мне крупицу драгоценного времени, чтобы поделиться своей страстью, и я надеюсь, что этот роман их не разочарует. Я старался описывать их работу максимально близко к реальности, но, если все же допустил ошибки или неточности, касающиеся их методов, это целиком моя вина. Мысли и поступки персонажей этой книги — плод писательского воображения.

Спасибо подразделениям спецназа, начиная с генерала Жислена Рети, командующего группой, за открытость, за его умное сердце и за верность

в дружбе. Жислен, только с тобой я готов быть мишенью на учениях с боевыми патронами!

Я знаю, чем обязан Бенуа за его скрупулезную вычитку текста! Глубокая ему благодарность.

Спасибо также Элинор, всегда готовой прийти на помощь, особенно относительно деталей! Твоя точность была ужасно полезной.

И спасибо Бертрану, настоящему чемпиону триатлона, который помог мне понять основы работы переговорщиков.

Увы, я не смог рассказать о спецназе и четверти всего, что хотел, так что, возможно, когда-нибудь появится еще одна история с этими героями, потому что мне есть о чем рассказать!

Я также хочу поблагодарить редакции вечерних новостных программ, которые меня приняли и постарались объяснить мне свой безумный мир, который я, в свою очередь, постарался описать как можно точнее. Это тоже увлеченные люди, профессионалы, работающие в очень напряженном темпе, с высокой ответственностью, и я пытался воздать им должное. Надеюсь, мне это удалось.

Спасибо Орели, которая, сама того не зная, всего за несколько часов подарила жизнь Шарлен, пока я колебался, раздумывая, какой профессией

наделить свою героиню. Так и рождаются романы — из встреч, взглядов, обмена словами, и пазл в голове автора складывается.

Спасибо друзьям — они всегда рядом, готовы меня поддержать, а иногда ответить на мои вопросы. Грег, я сделал все возможное, чтобы понять твой урок о криптовалюте. Если я что-то напутал, это не потому, что ты плохой учитель, просто я плохой ученик. Спасибо тебе за помощь.

Если создание романа — работа в одиночестве, то чтобы сделать его лучше и конкретнее, нужна целая команда. Я хочу поблагодарить моего редактора Каролин за ее всегда тонкие замечания. Мне очень повезло встретить тебя; сотрудничать с тобой — одно удовольствие. Понять автора и его роман — искусство, и у тебя это блестяще получается.

Спасибо Элен и Орели, от взгляда которых ничто не ускользает! Вот бы мне ваши глаза и ваш мозг! Да, знаю, это звучит пугающе, но уверяю вас, это комплимент и свидетельство моего восхищения…

Именно мастерство и позитивная энергия, которые привносит в мои романы издательство *Albin Michel*, позволяют книге дойти до читателя. Спасибо всем. В частности, Франсису, Жилю и

Анне за доверие.

Ришар, я с особой теплотой думаю о тебе.

Я могу писать, потому что окружен хорошими людьми. С самого начала моя мать, сестра и брат, каждый по-своему, обогатили меня своим присутствием, идеями и любовью. Всем на земле я желаю иметь подобное трио. Это три добрых волшебника страны Оз.

Обнимаю своих детей, Эбби и Питера, которые выросли, охотясь на гоблинов в лесу. Это цена, которую приходится платить, если ваш отец живет в воображаемом мире. Дети, без вас мои истории не имели бы никакого смысла. Вы — их душа.

Наконец, я посвящаю эту книгу моей жене Фаустине, потому что без нее книги бы не существовало.

Я часто думал, что, если бы она не работала в мире медиа, я написал бы роман об этом телевизионном мире очень давно, но, поскольку она сама телевизионщица, мне потребовались годы, чтобы осмелиться, выбрать правильную тему, нужный ракурс для создания вымысла, найти точку равновесия между реальностью, моим собственным восприятием и литературой. Я опасался, что за мои слова судить будут ее.

Однако все было здесь, перед глазами. Остава-

лось просто собрать эту историю по кусочкам.

Мне выпала честь жить рядом с уникальной, замечательной женщиной исключительного ума. Она питает мое вдохновение и сердце.

Любовь моя, спасибо, что согласна принимать меня вместе со всем, что копошится у меня в голове, и с моей потребностью изложить это на бумаге.

Если можно сказать, что мои романы складываются из всего, чем я дышу, тогда эта книга — наша общая. Я люблю тебя.

Максим Шаттам Эджкомб, 10 сентября 2024 года